
тень
• ИЗГОИ •
суперспособности
будущее
подростки
O'ROY
джинн
джинн
опасность
супертехнологии
будущее
дотянуться_до_звезд
джинн
черная_королева
призрак
избранные
джинн
ОДНАЖДЫ МЫ ПРИДЕМ ЗА ТОБОЙ

Однажды мы придем за тобой

Олег Юрьевич Рой

Аннотация
Олег Рой. Однажды мы придем за тобой
Часть 1. Генерация персонажей
Поль МакДи: Джинн из бутылки
Рания Асуад ат Тен: Леди Лёд
Микеле Солариано Росси: погоня за Призраком
Летиция Лафлер: Ангел, поговори со мной
Элиаху Гольдблюм: Небо, которое смотрит на нас
Фридрих Вайсманн: раз, два, твой ангел заберет тебя
Адрастея Филиппусис: побег из Эдема
Еджайд Банну Ботсу: Джокер и Королева
Часть 2. Разброс статов
Джинн и Призрак: like brothers
Тень и Дария: игра теней и отражений
Глядящий в небо: первая кровь...
Леди Лёд: тихий голос диссонанса
Призрак и Джинн: маленький бунт
Дария и другие: клуб любителей кошек, больших и маленьких
Фредди, Призрак, Джинн: нас ждут из темно-

тыФредди
Черная Королева: новая жизнь
Бракиэль: you are one in a million…
Седьмая цепочка: игла прошла по нашим душам…Бракиэль
Седьмая цепочка: Вальпургиева ночьТень
Седьмая цепочка: операция АвгустПризрак
Эпилог: разорванная цепь. Леди Лёд

Аннотация

Чего можно достичь в том возрасте, когда ты чувствуешь себя взрослым, а к тебе относятся как к подростку? Поль МакДи, талантливый компьютерщик, вынужден подрабатывать, развозя товары. Микеле Сольяно прирожденный изобретатель, но взламывает автомобильные системы и угоняет дорогие тачки. Красавица-модель Летиция Лафлер участвует в самых громких показах, но мечтает стать невидимкой. Фридрих Вайсманн обладает огромной внутренней силой, но с детства парализован и прозябает в монастыре, построенном кармелитами. Что объединяет этих, казалось бы, разных подростков, живущих далеко друг от друга? Все они — люди нового поколения, и у каждого есть своя необычайная способность. На них объявлена охота, но знает ли охотник, какую угрозу для него представляет жертва? Кто отомстит за тех, кому вы не дали любви?

Олег Рой
Однажды мы придем за тобой

Благодарность

Автор выражает благодарность редактору Битанову Алексею Евгеньевичу (АКА Алекс Вурхисс) за помощь в работе над миром серии романов.

Часть 1
Генерация персонажей

Поль МакДи: Джинн из бутылки

Твоя погода — дождь,
Твоя дорога — лужи,
Такой, какой ты есть,
Системе ты не нужен.
Ты можешь стать лучше,
Ты можешь быть хуже,
Такой, какой ты есть,
Системе ты не нужен...[1]

Есть вечные вещи, от которых люди никогда не избавятся. Не, не так. От которых человеку не придет в голову избавляться. И опять не то... не знаю, как сказать. Например, хип-хоп. Говорят, это недавнее изобретение. Вроде бы придумали его всего сто лет назад. Но мне как-то не верится. Странно даже представить, что когда-то в мире не было хип-хопа. Может, он просто по-другому назывался, кто знает... я в истории не силен.

С другой стороны, компьютеров, например, тоже когда-то не было... Даже страшно поду-

---

[1] Примечания: 1
Здесь и далее стихи Алекса Вурхисса.

мать! Как скучно жили человеки… ни компа, ни хип-хопа. А это единственные вещи, которые я по-настоящему люблю.

Погода, как назло, прямо как в песне, которая сейчас у меня в наушниках. Поздняя осень у нас в штате не очень приятное время. Дожди как с октября зарядили, так и фигачат напропалую. На такой дождь приятно смотреть из окон собственной гостиной, сидя перед камином и потягивая грог. Так говорит ма'бэби[2]. Ну ей ли не знать, у нее коттедж есть и даже камин в гостиной. У меня ни фига подобного, не назовешь же коттеджем похожее на дровяной сарай одноэтажное бунгало, которое родители получили в подарок от штата в связи с рождением Поля МакДи-младшего, то бишь меня. Камина в доме нет, в нем нет даже отдельной кухни, зато есть спальня, детская и две ванны. Часть дома отдана под гараж для отцовского драндулета. В детской живу я с моими сестрами — Элен и Жюстин (моя ма — франкофонная канадка, поэтому у нас такие имена).

По меркам нашего городка Джинна (это я о своей ма'бэби, если что) довольно богата — у ее отца есть собственная заправка, совмещенная с

---

[2] Примечания: 2

Ма'бэби — моя девушка, гёрлфренд; молодежный сленг США.

мойкой, автосервисом и даже франчайзинговой кафешкой. На самом деле старина Фиц такой же реднек, как и мой па, но только забрался чуть повыше, трепыхаясь всеми конечностями.

По местным меркам нашу семью не назовешь нищебродами: па имеет постоянную работу, ма на вэлфоре по инвалидности — у нее нет руки, и я, по правде, не знаю, как ма ее потеряла. Отец говорит, что на лесопилке, но в подробности не вдается, остальные вообще молчат, только косятся странно. А сосед, Хокинг, противный старикашка, коп на пенсии, как-то назвал моего па «сраным дауншифтером», поскольку тот когда-то имел свой бизнес в Фениксе, но почему-то бросил. Когда я попытался его об этом расспросить (па, а не вонючку Хокинга, понятно), отец опять ничего объяснять не стал, да еще и разозлился на меня. А за что, спрашивается?!

Что плохого в том, что я интересуюсь… тем, что со мной связано? С моим рождением, с моей семьей? Эй, ‘айфолкс[3], не слишком ли много вы от нас скрываете? И как доверять вам, если вы нам не доверяете?

У меня есть серьезные опасения, что я замешан

[3] Примечания: 3

‘Айфолкс — старшее поколение, предки, старики. Происходит от hi folks. Молодежный сленг США.

в чем-то паршивом и кровавом в отношении собственной ма. Кроме шуток, есть основания подозревать, что руку она потеряла из-за меня. Может, я, когда мелкий был совсем, полез куда-то не туда (я и сейчас лажу не туда, но последнее время в основном в виртуале), а ма из-за этого осталась однорукой, как древний автомат по разводу на бабло. Что, так трудно сказать об этом? Хотя бы в воспитательных целях, чтобы я думал своим Jack o'lantern[4], куда лезу и что не я один могу пострадать.

А они молчат. Когда надо. А когда не надо, наоборот, говорят чересчур много. Не думайте, я люблю своих родителей, хотя с появлением на свет Элен, а потом и Жюстин они на меня положили и внимания мне уделяют примерно столько же, сколько Бараку, черному приблудному барбосу. Даже странно, что этого блохоносца мне разрешили оставить.

Раньше Барак везде за мной бегал, провожал до школы и встречал из нее, а когда я стал подрабатывать почтальоном, носился за моим велосипедом, куда б я ни поехал. Теперь он ста-

---

[4] Примечания: 4

Jack o'lantern — хэллоуинская тыква, украшение на праздник Хэллоуин, празднуемый на Западе. Тыква с вырезанной на ней устрашающей маской. В переносном смысле — пустая голова, тыква.

рый, большую часть времени дрыхнет в конуре. Ма его жалеет, даже варит ему кашу с мясом, размалывая блендером в пюре, поскольку с зубами у Барака совсем печально, а на баночном питании разориться можно. Иногда я ему покупаю баночку, за что ма меня ругает: она думает, что в эти банки кладут какую-то химию, чтобы собаки становились типа наркоманами. А по моим прикидкам, Бараку абсолютно по фигу, что точить — баночку или мамкино пюре. Ему с детства было абы пожрать.

Да, я работаю почтальоном, уже два года, чтобы собрать бабло на колледж. Родители сказали, что у них столько нет, сколько нужно, но они докинут, если я соберу тысяч двадцать. Поступать мне в следующем году, так что успею. Хочу пойти на что-то связанное с сетями, не с рыболовными, ясен перец, а с компьютерными, ведь я, как уже было сказано, от компов фанатею. Причем прикол в том, что у меня самого только древний, как жопа динозавра, яблочный моноблок — отстой полнейший в наше время, когда планшет может то, что двадцать лет назад не осилил бы вычислительный центр пятиугольного здания с дыркой

посредине[5]. Но планшета у меня нет, и, может, к лучшему. Говорят, что раньше в школах боевых искусств Востока учеников во время тренировки часто связывали или нагружали чем-то — типа, посмотрим, как ты ухитришься не огрести в табло со связанными руками и гирей, привязанной к ноге. Зато потом, когда их развязывали, получались те еще бойцы.

Я понимаю, почему гуру программирования — либо из Восточной Европы, либо индусы. У них, говорят, нищета похлеще нашей, на бигмак неделю надо вкалывать, если не по удаленке, потому работают они на таком железе и таком софте, по сравнению с которыми даже мой моноблок выглядит как спейс-шаттл на фоне дельтаплана. Так что неудивительно, что меня в Сети даже ’айфолкс считают крутым, как Айрон Мэн, ну, в плане всяких хакерских бяк. Поработали бы они на этом убогом эппле…

Есть у меня приятель, в смысле, в Сети, не в реале. Живет хрен знает где, по ту сторону Атлантики, в каком-то диком захолустье, вроде того, где

---

[5] Примечания: 5

Имеется в виду Пентагон. Тонкая ирония Поля заключается в том, что под дыркой может пониматься как внутренний дворик, так и пролом, получившийся в результате атаки 9/11.

шифровался Волдеморт от магических акабов[6]; к тому же он старше меня на шестнадцать лет. Нет, не в смысле бойфренда, даже не думайте, я не из этих. Мы корешим по интересам, он меня всяким полезным фичам учит, но не как факн'тича[7], а как нормальный па или старший брат, которого у меня никогда не было. Но реально, Петр (его так зовут, именно Петр, а не Питер, говорю ж, он откуда-то из Восточной Европы) мне ближе, чем па и ма.

Я могу показаться чересчур болтливым, но по жизни я как раз больше молчун. Открою маленький секрет: такие, как я, ничем не отличаются от других, кроме одного — мы нашли возможность говорить с самими собой. Чем я и занимаюсь, пока кручу педали. Работы у меня много. Раньше, говорят, почтальоны возили письма, газеты, теперь вместо этого — телевидение и Интернет. Письмо я видел только один раз за два года работы, я отвозил его в Оак Лейн, местный дом престарелых у кладбища Оак Лоун. Напечатан-

[6] Примечания: 6

Акаб — то же, что и коп, но с более негативной окраской. Происходит от аббревиатуры ACAB — all cops are bastards. Молодежный сленг США.

[7] Примечания: 7

Факн'тича — иронично-уничижительное наименование школьных учителей и лиц с подобным же стилем преподавания (близкий аналог — российское слово «училка»). Молодежный сленг США.

ные газеты появляются только перед выборами и, по сути, представляют собой спам на плохой бумаге.

Почта теперь доставляет товары. Мы работаем с основными службами доставки от DCL до вездесущего Алиэкспресса. Последний, кстати, на семьдесят процентов нас и загружает. Не знаю, как в больших городах, но у нас многие заказывают именно так — и немудрено, зачем ехать на шопинг в Милуоки, Сент-Пол или Дулут, находящиеся от нас примерно на одинаковом расстоянии и одинаково далеко, если можно заказать товары с доставкой? Раньше у мистера Брауна (это мой босс) была тачила, на которой он все и развозил, но бензин подорожал после аварии в Тексасе. Говорили, это ненадолго, мол, справятся с последствиями аварии и цена опять вниз пойдет, а фиг там. С аварией до сих пор не разобрались (шутка ли — целый городок вроде нашего вместе со всем населением ушел под землю!), да еще и у правительства пошел крутой замес с «зелеными», отчего на гидроразрыв конгресс наложил безвременное вето. Как итог — две трети нефти у нас привозные, бензин дорог, и машины в нашей глубинке тихо ржавеют в гаражах. А я кручу педали и, в общем, даже доволен.

Поскольку к весне у меня будет достаточно денег, чтобы оплатить свою учебу… вот черт!

Нет, ну и откуда такие фраера берутся?! Пока я ехал, задумавшись, меня обогнал какой-то козел. Помните, я говорил о дорогом бензине? Так вот, этот факн'щит рассекает на хреновом «Роллс-Ройсе» размером с полфуры, движок в пятьсот киловатт при семи тысячах кубиков, двадцать один литр сраного высокооктанового бензина на сотню километров! И все бы ничего, мне на его машину класть от души, но эта зараза влетела в лужу, да так, что меня прям с ног до головы обдало грязью. Я едва успел отвернуться, чтобы посылку не заляпало, чуть не грохнулся с велика и, само собой, перепугался, как если бы живого Крюггера увидел. Фак, фак, фак… на мне, конечно, дождевик поверх парки, но все равно промок я изрядно, чтоб водиле этому в лесовоз на полном ходу въехать. Лес у нас возят киберфуры, управляемые компом, и такие вот фраера регулярно в них влетают. Поскольку комп — он умный, и действия идиота за рулем могут его нехило озадачить на время, достаточное для того, чтобы идиот вынес себе мозг о бревно в кузове.

Я свернул на обочину, остановился возле пожарного гидранта. Положил на него посылку,

снял дождевик. И понял, что я в грязи, как Новый Орлеан после цунами. В таком виде доставлять клиенту посылку не катит даже в нашем медвежьем углу. Давай сориентируемся…

Так… мы находимся между Маклахлен-стрит и Прайвет-драйв. Кстати, в нашем городишке есть даже улица имени меня… Шучу, конечно, это другой МакДи, нам даже не родственник. И зовут его, кстати, не Поль, а Пол, но сэлфи под вывеской я сделал, его можно видеть у меня на аватаре. Улица Поля МакДи, зачетно? Там, кстати, живут крутые ребята, есть офис какого-то подразделения «Паккард Белл», за цвет и форму называемый в народе «Сияющий вигвам». Я их сервер ломанул от нечего делать; короч, они занимаются безопасностью банковских вкладов (а свой сервер защитили кое-как, дурики). Если карта ляжет, глядишь, я еще и поработаю в «вигваме». На улице имени себя.

И еще контора Д8, тех самых экологов. Правильные ребята, респект им и уважуха. Борются за чистоту в мире, но не лозунгами, как почивший в бозе Гринпис, а реальными делами. Чистая вода, чистый воздух, чистые продукты без химии… Как раз то, что нужно. Мне б чистый дождевик сейчас…

Мечты, мечты… Когда жизнь серая, как сегодняшняя погода, только и остается, что мечтать. А вот и «Старбакс» неподалеку, отправлюсь-ка туда. Дождевик почищу и просохну немного.

В «Старбаксе» народу почти не было: какая-то парочка сидела за столиком у окна, и только. Тем лучше, никто меня грязным не увидит. Я зашел в туалет, почистился, оттер кроссовки от глины и грязи, руки вымыл… Терпеть не могу эти кафики, в них всегда так вкусно пахнет, а у меня кэш на минимум выкручен, не могу лишний раз сэндвич купить… Когда я вышел, парочка уже исчезла и в зале никого не осталось. Проходя к стойке, я в окно увидел старого знакомца — «Роллс-Ройс», обдавший меня дорожной грязью. Долбаная тарантайка выползала со стоянки, увозя парочку.

Черт его знает почему, но я решил сесть туда, где до того сидели они. Подкорка сработала, не иначе. Еще подходя, я заметил нечто необычное. Ну, как необычное… короче, на диванчике лежала черная картонная коробка без надписей. Бомба? В нашем «Старбаксе»? С таким же успехом можно проводить теракт на пустыре за школой. Там даже эффективнее будет, на пустыре постоянно какие-то пацаны ошиваются, а в нашем «Старбаксе» никогда больше двух-трех посети-

телей зараз не видели. Кто-то решил грохнуть старушку Мэгги? Ха-ха-ха, она и в молодости не особо кому была нужна.

Любопытство губит кошку… Я на ходу откусил круассан, запил кофе, присел рядом с коробкой, покосился на нее. Сбоку она была скреплена пластиковым фиксатором — похоже на фабричную упаковку, только вот никаких надписей ни сверху, ни сбоку… Интересно, а снизу? Конечно, брать чужие вещи нельзя, да и опасно, так что лучше ну ее, эту коробку…

Нет, снизу тоже никаких надписей. Коробка довольно тяжелая, размеры — примерно пятнадцать на двенадцать…[8] Вот чего точно нельзя делать, так это вскрывать находку. Ни в коем случае. Лучше отдать ее Мэгги или снести к шерифу. Только дурак станет вскрывать случайно найденную коробку!

Внутри оказался… У меня мягко сжалось сердце. Я о таком только слышал, ну, рекламу видел еще, в Сети. У нас такое даже не рекламируют. Потому что дорого для местных реднеков. Вот представьте себе, что вы нашли на улице пачку сотенных… нет, не так: расшаренную кредитку на

---

[8] Примечания: 8
Дюймов (примерно сорок на тридцать сантиметров).

предъявителя. Почувствовали? Дух захватывает, правда? Вот и у меня захватило.

Мне захотелось включить находку прямо здесь, в «Старбаксе», я еле сдержался. Голопланшет. Эта коробейка содержала в своем пластиковом нутре мощнейший компьютер, спутниковый модем и голографический монитор — в общем, все мои надежды и мечты. Стоила она примерно столько, сколько наш семейный коттедж с землей под ним.

Я и сам не заметил, как засунул планшет во внутренний карман парки. Они же могут за этой штуковиной вернуться! Больше всего мне не хотелось расставаться с находкой. Просто слов нет, как не хотелось!

Я быстро допил уже едва теплый кофе и, на ходу доедая круассан, выбежал из кафе. Спрятать его, что ли? Не круассан, конечно, планшет. Идите на фиг, что упало, то пропало! Если вы можете позволить себе заправляться на месячную зарплату той же Мэгги, купите себе новый планшет, с вас не убудет.

До адресата своей посылки я добрался быстро — за мной словно черти гнались или тот мужик на «Роллс-Ройсе». Получателем был Джеймс Харрисон, хороший мужик, наш местный юрист.

Ему за шестьдесят, и передвигается он на коляске — после инсульта ноги отказали. Казалось бы, вот инсульт — он в голову бьет, но голова у мистера Хариссона по-прежнему варит дай боже каждому, а ноги не ходят.

— Какой-то ты сегодня напряженный, — сказал мистер Харрисон, когда я отдал ему посылку. — Что-то не так в школе или с родителями?

— Да нет, все как всегда, — пожал плечами я. Вот еще, не хватало свои отношения с родителями с посторонним обсуждать! Да и не это меня сейчас заботило…

— Не серчай, — сказал мистер Харрисон, доброжелательно (и, кажется, вполне искренне) улыбаясь. — Просто мне кажется, у тебя проблема и тебе нужен совет. Я юрист, у меня глаз на такие вещи наметан.

«Угу, и кошелек, видимо, тоже», — подумал я. Знаю, сколько юристы за свои услуги берут… Был бы я умный, сам пошел бы на юриста или на врача. Болеют и ссорятся люди всегда, с самого начала истории.

— Кстати, — словно прочитав мои унылые мысли, добавил мистер Харрисон, — консультации у меня платные и дорогие, но советы я даю даром. Особенно смышленым юношам, которые,

возможно, когда-нибудь станут моими клиентами. Например, если захотят заключить брачный контракт. — И заговорщически подмигнул. И я решился:

— Мистер Харисон, скажите, а вот если я нашел деньги — считается ли, что я их украл?

— Нет, конечно, — пожал плечами мистер Хариссон. — Даже если эти деньги были переписаны и учтены, сам факт их наличия у тебя не доказывает то, что ты их похитил. Более того, их у тебя даже изъять не смогут. Если, конечно, ты их действительно нашел, а не украл.

— А если это не деньги, а вещь? — уточнил я.

Мистер Хариссон поморщился:

— Смотря что за вещь. Если она уникальна, если существует запись о том, что она принадлежит мистеру N, у тебя ее изымут и передадут ему, но других последствий не будет. А если это ширпотреб, то и изъять не смогут. — И, подмигнув, добавил: — Нашел что-то? Ну, колись уже, я могила.

— Ага, — покраснел я. Не возьмут меня в шпионы, не умею тайн хранить. — Штука дорогая, — электроника…

— С этого бы и начинал, — разулыбался мистер Харрисон. — Не боись, парень, есть три тайны:

тайна исповеди, врачебная тайна и юридическая. Разгласить их — значит поставить жирный крест на репутации, а я хоть и прикован к этой железяке, но репутацией дорожу.

— Мистер Хариссон, — сочувственно сказал я, — вы же обеспеченный человек. Купили бы себе вместо этой дребедени экзоскелет, вам это по карману. А то и вообще имплантировали себе его — не то что ходить, прыгать можно…

Юрист запустил руку в карман на боку коляски и достал пачку сигарет, украшенную традиционной картинкой с выкидышем.

— Знаешь, Поль… не доверяю я этой машинерии. Я из того поколения, которое в детстве смотрело «Терминатор». А ну как оно взбесится и потащит меня на крышу какого-нибудь небоскреба, а оттуда пешком вниз через парапет? Согласись, жуть: идешь и знаешь, что сейчас сбросишься с крыши. И сделать с этим ничего не можешь…

Я поежился. И правда, страшно, если так подумать. Вслух же сказал:

— У вас прекрасная фантазия. Книг не пишете?

— Не-а, — пожал плечами мистер Харрис. — Так, иногда сценарий для HBO подгоню, на стакан виски по субботам хватает…

— Че, правда? — У меня даже глаза на лоб полезли.

— В новом сезоне их «Холмса на Манхэттене» мои серии — четвертая, пятая и седьмая, — ответил он. — Хочешь, расскажу, что в седьмой, она еще не вышла. Проверишь.

— Нет, спасибо, — отказался я. — Не люблю спойлеров, и… я вам и так верю. С чего вам лгать?

— Для лжи, дружок, иногда причины не нужны, — ответил мистер Харрисон. — Но я тебе не вру. Так вот, о твоем деле. Говорят, ты хорошо в компьютерах разбираешься?

— В наше время в компьютерах каждый второй хорошо разбирается, — пожал плечами я.

— Вот и посмотри в Сети, на кого имей твоей находки зарегистрирован. Сейчас технику подругому не купишь — платишь-то по карточке, это тебе не «Вулмарт» или «Старбакс». А как карту система акцептирует, сразу и записывает на это имя имей купленного оборудования. Сайт с базами сам найдешь, ты в этом лучше шаришь, чем я. Вообще, — мистер Харрис подмигнул, — слыхал я, что эту информацию можно переписать, как говорит мой внук из Майами, — ламмер справится левой пяткой. Фил, он вроде тебя, тоже, дай ему

волю, жил бы в Сети…

— Вы толкаете меня на преступление? — спросил я, подняв бровь. — Я ничем таким не занимаюсь!

И, подмигнув, добавил:

— Спасибо за совет, мистер Харрисон. Я ваш должник.

— Никогда не говори этих слов юристу. — Мистер Харрисон улыбнулся во все свои тридцать два прекрасных зуба. — И вообще, следи за языком. В наше время его пробег дороже поездки на «Роллс-Ройсе».

— Учту, — сказал я, пожимая протянутую руку. — Мистер Харрисон, вы для меня делаете больше, чем родители.

— Ты это брось, — посмурнел юрист. — Ничего ты о своих предках не знаешь. Поверь, они достойны любви и уважения.

— Откуда ж мне о них знать, если они ничего не рассказывают! — ответил я. — Может, вы…

— Нет, — отрезал мистер Харрис. — Родители правильно делают, что молчат. Не сейчас. Ты еще растешь, у тебя личность не устаканилась. Черт его знает…

Он замер, подперев челюсть двумя пальцами, и сказал:

— Заболтался я с тобой. Пойду, у меня дел еще на сегодня немерено. Помни, что я сказал, а нужна будет консультация — приходи. Если платить бабки — лучше уж тому, кого хорошо знаешь.

И, развернув коляску, покатил по дорожке к дому.

Слова мистера Харриса озадачили меня так, что я даже про планшет ненадолго забыл. В них была какая-то тайна, интригующая и опасная, и связана она с моим рождением. Что же скрывают родители, да еще такое, за что я их должен любить и уважать? Может, у матери были трудные роды… в ходе которых она потеряла руку? Я нервно хохотнул. Как можно потерять руку при родах? Бред.

Тем не менее…

Я заехал на почту, отчитался, взял бабки (шеф мой по старинке платил чистоганом, хоть у меня имелась кредитка; я, правда, с собой ее не носил, дома лежала в ящике стола, чтобы не было искушения потратить накопленное на учебу, — когда в кармане пара баксов, много не спустишь) и попер домой. Мне не терпелось опробовать свою новинку… и проверить, на кого же она все-таки зарегистрирована. Что греха таить, я уже думал, где взять прогу, чтобы эту запись поправить. Эх,

был бы Петр на месте… у него любым софтом можно разжиться, Восточная Европа же…

Дома тем не менее я не сразу бросился в свою комнату, сначала зашел на кухню, сточил приготовленный матушкой бургер с яйцом, запил соком и лишь потом отправился к себе. Но даже тогда планшет включил не сразу, решил, пусть сначала сестры заснут. А пока залез в Сеть по своему старенькому эпплу, чтобы раздобыть софтину и узнать, кто ж мне такой щедрый подарок удружил.

Тут меня ждал приятный сюрприз — Петр был на месте. Этот чудак почему-то не пользовался скайпом, предпочитая старый текстовый коммуникатор.

«Привет! Давненько тебя не слышно было, где пропадал?» — поинтересовался я.

«Привет! Проблемы, брат», — ответил он.

«Чет серьезное? Помощь нужна?» — уточнил я.

«Пока нет. — Он прислал пожимающий плечами смайлик. — Слушай, ты не в курсе, у вас последнее время никаких странных случаев не было?»

«Где, в городке?» — удивился я.

«В штате. И в целом по стране», — ответил он.

Я задумался: странных?

«В каком смысле странных?»

«Ок, спрошу прямо: у вас молодежь твоего возраста не пропадает?»

Я неопределенно фыркнул. Пропадает, конечно. Лет пять назад я даже какую-то передачу краем уха слышал о том, что ежегодно тысяч пятьдесят детей пропадают и половину так и не находят. Передача, правда, шла по любимому матушкой специфическому каналу, на котором всякие конспирологи рассказывают про страшных русских хакеров, подключенных спинным мозгом к Сети, и прочую ахинею.

«Пропадает, причем регулярно. По пятьдесят тысяч в год», — озвучил я конспирологические выкладки.

«Я не в том смысле, — ответил Петр. — Последнее время и именно твоего возраста. Не слышал ничего такого?»

«Не-а», — ответил я.

«А к тебе никто не подкатывал? — уточнил он. — По Сети там или в реале?»

«Ничего такого. — Я ответил ему его же смайликом. — Сегодня только на дороге машина грязью облила, других происшествий не было. А что?»

«У меня племяшка пропала, — объяснил Петр. — Как раз твоего возраста. Я начал шуршать

и нарыл такое, что волосы дыбом. По всему миру исчезают подростки, родившиеся в сорок втором — сорок третьем».

«Как я… — сказал я. — Я как раз зимой сорок третьего родился».

«Знаю, у тебя в профайле написано, — ответил Петр. — Короче, ты там будь осторожнее, ок? Особенно в реале».

«Почему? В смысле, почему в реале?» — спросил я.

«Не у всех похищенных был доступ в Сеть, — ответил Петр. — Некоторые жили в захолустье, как…»

«Как у меня?» — уточнил я, добавив пару лыбящихся смайликов.

«Без обид, но ты живешь не на Манхэттене, — ответил Петр. — Я, правда, тоже не в Москве и даже не в Любляне».

«Ок, спасибо за предупреждение. — Меня больше другое интересовало. — Слушай, можно у тебя помощь попросить? Не совсем в рамках закона».

«Хочешь банк ломануть? — спросил тот, кинув шутливые смайлики. — Я в твоем возрасте хотел. Только сейчас это не прокатит, особенно у вас в Штатах, так что…»

«Ну, ты что, я ж не крыса, — ответил я, хотя

на миг — совсем короткий — представил, что действительно ломанул, «Чейз Манхэттен» например… Классно, наверно, вышло бы! Вилла в Майами, каждой сестре по отдельной комнате с отдельной ванной, мне — «Линкольн» вместо велосипеда… а главное — компьютеры, голографический проектор, 3D-принтер промышленного класса со сканером…

«Сказал Поль — и замечтался… — подколол меня Петр. — Так че там у тебя за дело-то, бандитско-воровское?»

«У тебя нет проги, чтобы переписать имей?» — спросил я, чувствуя, что смущаюсь.

«В смысле? — уточнил он. — На устройстве или…»

«Или». — Мне было стыдно. Очень стыдно. Целых пять секунд.

«М'бадди[9], ты хоть сечешь, что просишь? — ответил Петр. — Хорошо, что ты ко мне обратился, иначе не отвертелся бы от акабов. Там дело не в одной записи, по всей цепочке идти надо — переписать магазинный чек, электронный чек в банке, где оплатили покупку, запрос в банк, платежку. Прикинь, какой гемор?»

---

[9] Примечания: 9

М'бадди — дружище, приятель. Молодежный сленг США.

«То есть без вариантов?» — посмурнел я.

«Без вариантов только рак на последней стадии, даже пуля в голову имеет варианты, — ответил он. — Принимай файл, только работать он у тебя будет всю ночь. До этого свой девайс не включай, а еще лучше — отсоедини от него питание от греха подальше».

Эх, а я только хотел планшет на зарядку поставить! Да, каюсь, я уже попытался его включить, но агрегат показал стопроцентную разрядку. Факн'щит!

Я принял переданный файл, а потом Петр сказал, что должен бежать. Мол, надо ему еще с кем-то встретиться. На ночь глядя? А, ну да, у него там раннее утро как раз. Я его поблагодарил, а он еще раз потребовал, чтобы я был осторожен.

Факн'щит… Эй, 'айфолкс, своим поведением вы учите нас не доверять вам, пропускать ваши слова мимо ушей, и это мы подсознательно распространяем на всех вашего поколения, даже на самых лучших. Мы на автомате не слушаем то, что идентифицируем как «нравоучения», и влезаем туда, куда нельзя, именно потому, что вы запрещаете нам это, не объясняя причин. Мы не такие дураки, как вам кажется, и если вы честно расскажете нам об опасностях, ожидающих нас,

мы для разнообразия не сделаем какую-нибудь глупость, нам тоже жизнь и здоровье дороги…

Если честно, на предупреждения Петра я тогда мало обратил внимания. А зря.

Прога Петра была у меня наготове, инструкция, прилагавшаяся к ней, оказалась, что называется, для чайников, разобрались бы даже Жюстин, которая еще в куклы играет, и Элен, у которой, кроме мальчиков и шмоток, на уме ничего нет. Вот только воспользоваться программой мне так и не довелось.

Я протер глаза. Потом еще раз. Ущипнул себя. Потом взял со стола невесть как оказавшуюся там брошку Элен и уколол подушечку пальца. Айкнул, пососал палец, чувствуя вкус крови… глаза могут обманывать, тактильные и вкусовые ощущения тоже, но не все же разом!!!

В графе с указанием имея моего трофея зеленым по черному значилось: «Поль МакДи, паспорт такой-то, кредитная карточка такая-то». Номер паспорта совпадал. Я достал из стола карточку и проверил — тоже совпадает.

Это что же выходит? Я в кафе нашел свой собственный планшет, на оплату которого мне не хватило бы всех денег, что я собрал на колледж?

Я проверил свой банковский счет… не, ну а

вдруг я лунатик, взял и ночью заказал планшет… способ доставки, конечно, смущает, но… у меня просто голова пухла не то от обилия догадок, не то от их абсурдности.

Но все собранные мною деньги оставались на моем счету. А значит…

Любопытство… Не знаю, как там с кошками, а люди от него, наверно, пачками дохнут. По-хорошему отнести бы находку шерифу. Или оставить в кафе у Мэгги. Или выбросить с моста в речку, протекавшую за околицей моего городка. Эх, если бы мы все вчера были такими умными, как сегодня…

Я включил планшет. Над плоской поверхностью поднялся столб света, слишком яркого для моей темной комнаты, даже Жюстин завороча-лась (Элен же было по фиг, она, наверно, могла бы спать и на рок-концерте под колонками). Я крутанул пиктограмму настройки и, опустив ногтем бегунок яркости, приглушил голографический поток. Планшет тем временем нашел Сеть и без лишних проволочек подсоединился к ней.

В световом столбе, кроме настройки и корзины, плавала лишь одна иконка — маленькая сова, умильно поворачивавшая ко мне голову. Такой проги я не знал, и по-хорошему эту сову требо-

валось придушить, пока маленькая. Мало ли, может, вирус какой?

Я протянул мизинец (это был как раз тот палец, который я уколол), и сова тут же перебралась на него. После чего исчезла, а вместо нее на мгновение появилась большая сияющая буква «А». Однако литера почти тут же погасла, сменившись грустным лицом темноволосой девушки лет на пять-десять старше меня.

Раньше я 3D-чат видел, как говорится, редко и издалека, но сразу понял, что передо мной не бот, а живая девушка. Понятия не имею, где у моего планшета камера, но она, вероятно, есть, потому что девушка меня увидела и даже узнала.

— Привет, Поль, — сказала она, глядя мне в глаза. — Прости, что заляпали тебе дождевик, но надо же было как-то передать тебе подарок.

— Кто вы? — спросил я. В этот момент все предупреждения Петра вылетели у меня из головы, во-первых, потому, что девушка была красива — таких красавиц даже на тиви нет, все на головидение перебрались, во-вторых, потому, что она удостоверила меня в том, что планшет мой.

— Мы друзья, — ответила девушка. — У каждого из нас есть друзья, о которых мы не знаем, Поль. Тебе кажется, что ты никому не нужен, никому не

интересен, но это не так. Однажды все меняется. Для тебя эта минута наступила сегодня.

— Я не понимаю, — сказал я. — Почему? Что вам от меня надо?

Девушка усмехнулась… У нее была очень приятная, чувственная улыбка.

— Бедный Поль… ты так привык, что всем что-то от тебя надо — родителям, сестрам. Ты даже и представить не можешь, что кто-то может любить тебя просто за то, что ты есть.

У меня в горле пересохло.

— Вы меня любите? — спросил я удивленно.

Девушка подмигнула:

— Не так, как ты себе представил, маленький негодник. Да, я тебя люблю, более того, восхищаюсь тобой. Давай познакомимся. Тебя зовут Поль МакДи, а меня — Надин фон Конт.

— Вы немка? — удивился я.

— Такая же, как ты шотландец, — улыбнулась Надин. — Во мне намешано много кровей и немецкая в том числе. Так вот, ты спрашивал, что нам от тебя надо. А я хочу спросить: что тебе надо от нас?

Я ляпнул первое, что пришло в голову:

— Планшет себе можно оставить?

Надин рассмеялась:

— Ты уже знаешь, на кого зарегистрирован его имей, правда?

Я кивнул.

Она продолжила:

— Знаешь, на что это похоже? На джинна из бутылки. Сейчас я — твой джинн, исполнитель желаний. Ты можешь загадать все, что хочешь, например… — Она на миг наморщила лоб. — Скажем, вживить комп прямо в мозг, как кардиостимулятор вживляют в сердце. Круто, правда?

Я почувствовал, как по позвоночнику пополз холодок. Она что, мысли читает? Но я даже не думал об этом… сейчас.

— Это похоже на телепатию, — сказала она и напела: — It's a kind of magik… Смотри!

После чего повернулась ко мне в профиль, и я увидел у нее за ухом восьмиугольное… восьмиугольную… в общем, черт его знает, что это было, похоже на мембрану какую-то или на арт из компьютерной бродилки. Надин нажала на мембранку и достала продолговатый цилиндр без стенок. Внутри него было… такое я только на футуристических сайтах видел, гиперкуб из многослойных микропроцессоров и слоты голографической памяти в виде шестигранных

кристалликов, придающих цилиндру сходство с маленьким полуобгрызенным початком кукурузы.

Надин прикрыла глаза.

— Представь себе все компьютеры пятиугольного здания с дыркой, — сказала девушка, заставив меня вздрогнуть. Она читала мысли! Это было мое личное выражение! Факн'щит, м'ззаф'ка! — Эта штука мощнее примерно вдвое. Смотри, — она провела мизинцем по ряду транспьютеров, пощелкивая ногтем на стыках, — ВВС, ВМС, Морпехи, отдел тактики, отдел МТО, отдел спутниковых систем…

От ее голоса в совокупности с тем, что она говорила, простите за грубость, можно было кончить. В буквальном смысле слова. Я хотел эту штуку, хотел примерно так же, как саму Надин!

— Хочешь? — спросила меня она так, как обычно спрашивают девочки с секс-чатов, только натуральнее, естественнее, чувственнее. — Это только небольшая часть того, что ты можешь получить…

— Кому продать душу? — в шутку спросил я. — У меня палец проколот, так что могу подписать кровью…

Она поморщила носик:

— Хорошего же ты мнения обо мне и моих прекрасных ножках, если считаешь, что они оканчиваются копытами! Душу можешь оставить себе, нас она не интересует. И мы не покупатели. Мы организаторы.

— Организаторы чего? — уточнил я.

— Команды, — ответила она. — Специальной команды. Хочешь к нам? У тебя будет и навороченная техника, и многое другое, а главное — те, кому ты по-настоящему нужен.

— Мне нужно подумать, — тихо сказал я.

Она своевольно тряхнула головой:

— А вот думать некогда. Сегодня, сейчас, вот прямо через пять минут эта дверца рождественского календаря закроется и ты останешься со своим планшетом, так и не узнав, что такое носить в голове вычислительную мощь Пентагона.

Мне стало страшно. С одной стороны, как я понял, мне придется покинуть родных, бросить все, чем я раньше занимался. С другой — потерять такое… да я потом повешусь от тоски, ей-богу!

И я сделал выбор. Нетрудно догадаться какой. Любопытство… ну, я уже говорил. Наверно, во мне есть что-то кошачье…

Рания Асуад ат Тен: Леди Лёд

Мне снится зима.

Хлопья снега, падающие на землю и покрывающие ее густым белым саваном. Голубой лед под ногами. И мне почему-то совсем не страшно. Хотя, наверно, должно бы — ведь я никогда не видела столько снега и льда. А может, видела? В прошлой жизни например?

Не то чтобы я верю в реинкарнацию, хотя всем говорю, что верю, но лишь для того, чтобы позлить своих приемных родителей. Они правоверные мусульмане и, конечно, хотели бы и меня вырастить такой. У них, кажется, все мое будущее рассчитано с того момента, как они меня удочерили. Вот только я на этом их плане поставила жирный крест. Не позволю никому за меня что-то решать. По какому праву? Потому что меня удочерили? А у меня разрешения спрашивали? Нет. Ну, объективно говоря, в то время, когда меня оформили как Ранию Асуад ат Тен, я лежала в пеленках и даже не агукала.

Приемные родители никогда не скрывали, что я им не родная. Вообще какая-то темная история с моим рождением — по их словам, мой отец погиб

в результате несчастного случая, а мать умерла чуть позже от полученных в том же несчастном случае травм, успев, однако, произвести на свет меня. Я, блондинка с молочно-белой кожей и ясно-голубыми глазами, ничуть не похожу на смуглых, черноглазых и темноволосых выходцев из далекого Пенджаба.

Мои приемные родители довольно богаты, хотя и относятся к среднему классу. Отец, специалист по челюстно-лицевой хирургии, в основном занимается косметическими операциями. Мать по профессии ортопед, но работает представителем крупной медико-фармацевтической корпорации. И да, они британские граждане во втором поколении — отец моего приемного папочки прибыл в эту страну с парой фунтов в кармане и, как с придыханием говорит матушка, «сделал себя сам». То есть сделал бизнес. Он тоже был специалистом по челюстно-лицевой хирургии и имел огромную практику на какой-то давней войне.

У матушки, чьи предки прибыли примерно в то же время, похожая картина. Отец моей маман быстро добился признания как фармацевт. Думаю, не погрешу против истины, отметив, что на родине у него, возможно, тоже была обширная практика, но, скажем так, относящаяся к меди-

цине весьма косвенно. Впрочем, в девятнадцатом веке кокаин и опий считались лекарственными средствами. Потому у меня такое стойкое предубеждение к наркоте и прочему дурману — ненавижу все, что хоть как-то связано с моей приемной семьей.

Многие (и родители в первую очередь) считают меня неблагодарной сучкой. Наверно, так оно и есть. Порой меня это удивляет, но я не знаю, что с собой поделать. Это не юношеский максимализм, не пубертатный период — сколько себя помню, я всегда была такой. Моей ненависти нет рационального объяснения, как нет рационального объяснения пищевых предпочтений. Иногда люди активно не любят какой-то продукт потому, что его плохо усваивает организм, а иногда просто так. Наверно, у этого «просто так» тоже есть объяснение, как и у моих приходящих из ниоткуда снов.

В Лондоне, где мы живем, зима не более чем календарное время. Тут и снег-то на моей памяти шел всего пару раз. Грязный, клочковатый, он меня только раздражал. Это не снег, а издевательство. Я мечтаю о настоящем снеге, в который проваливаешься по колено, о гладком синем льде, о морозе, от которого горит лицо, и о белых

узорах на окне. Странные мечты, правда? Лед, настоящий снег и ледяные узоры на стеклах я видела только по телевизору, а про то, как обжигает на морозе кожу, разве что слышала, и то не помню, где и когда…

У меня нет друзей, кроме виртуальных. Мы живем в замкнутом мире диаспоры, где я в буквальном смысле белая ворона. И в переносном тоже — мне неинтересны ни юноши, строящие из себя Джахангиров и Салах-ад-динов на фоне небоскребов Сити, ни девочки — покрытые мусульманки, похожие на тропических птиц, яркие, щебетливые и, на мой взгляд, недалекие. Мне скучны темы, на которые они общаются: шмотки, золото и украшения, пластика, мальчики, замужество…

Я мечтаю путешествовать, но не так, как мои родители. Каждый отпуск они отправляются в тропики: то на Мальдивы, то в Бруней или Малайзию. Я хочу на север, к холоду и снегу. Хочу увидеть заснеженные горы, похожие на покрытые белым налетом клыки дьявола. Тьфу, ну и аналогии…

Только мне это не светит. Впереди — медицинский колледж, хотя к врачеванию у меня душа вообще никаким боком не лежит. А к чему лежит,

не знаю. У меня нет времени на то, чтобы решить это для себя. Я точно знаю, кем не хочу быть: врачом. Стоматологом, хирургом, фармацевтом. Я чувствую, что начинаю ненавидеть людей уже за то, что эти сволочи имеют наглость болеть.

Порой я становлюсь очень злой, мне даже самой страшно, правда. Я ведь не всегда такая. Помню, как-то в парке я увидела котенка, припадающего на переднюю лапку. Маленький, только от сиськи оторвался небось и охотиться толком еще не умеет… я подумала, пусть и жестоко, что с такой лапкой и не научится. Или с голоду помрет, или кто-то более крупный им перекусит — собаки или вороны…

Жалко мне его стало, до слез. Кое-как поймала, хотя он, дурашка, все сбежать хотел. Осмотрела лапку — пустяки, слава богу, не перелом, вывих. Вправила, он орал и всю руку мне исцарапал, даже укусил (после такого, конечно, следовало к врачу обратиться, сыворотку вколоть, однако я не стала; я вообще фаталистка — столбняк так столбняк, бешенство — тем лучше, сама откинусь, но прежде родственничков перекусаю… здесь должен быть ехидный смайлик). Потом успокоила его, котенок даже замурчал, и, пока он терся об мою руку (кажется, даже понял, что

я ему помогла), вырвала у него из шерсти пару клещей и отпустила. Это было года три назад, а прошлым летом я со своим бойфрендом сидела в том парке на лавочке, как вдруг подходит к нам здоровенный кот и давай мурчать, об ноги мне тереться. Тот или не тот — не знаю, но окрас похожий. Скормила ему свой хот-дог, все равно я их не люблю, ем только потому, что там свинина есть, если производитель не врет.

Меня все считают злюкой и оторвой… я и сама часто думаю так же. Иногда я и себя ненавижу, да еще побольше, чем окружающих. Но я такая, как есть, и не прошу любить меня. Просто оставьте меня в покое, о'кей?

Есть персонаж в одной игре, мой бойфренд, уже бывший, потому что дурак, все ею увлекался. Там куча солдатиков, танчиков, и стоят они до фига — чтобы целую армию собрать, надо уйму бабла потратить. Бойфренд мой, ясное дело, был не из моего круга, поляк какой-то, его папашка держит крохотный паб с пивом и сосисками. Пиво я не пью, потому что алкоголь, а вот сосиски, как уже сказано, ем, потому что свинина (еще один ехидный смайлик, мой фирменный). Ну, я не из-за сосисок с ним сошлась, конечно, а по другим причинам. Главным образом потому, что он был

католиком и раздумывал порой, не стать ли ему ксёндзом. Моих от него колбасило, но что поделаешь — толерантность. По-моему, толерантность — это когда всем одинаково плохо. Одной мне хорошо, потому что мне чихать на всех в равной мере. Как говорил другой мой бывший бойфренд, я не расист, я всех ненавижу одинаково. Кстати, не думайте, парней у меня было не так уж много: кроме этих двух еще один, скинхед, но тот совсем безбашенный. Причем из хорошего рода, чуть ли не лорд. Родаки в конце концов его в кадетское училище отправили, куда-то в Шотландию. И хорошо, он мне порядком надоел, а послать духу не хватало — не ровен час придется к своему приемному папочке в пациенты записываться.

Так вот, о персонаже. Он в этой игре считается божеством и лично не появляется, но зато у него масса симпатичных сторонников. Этот дедушка, как его именуют упоротые игроки, характерен тем, что насылает на людей разные болячки и мутации, не со злобы, так, по приколу. Вот им я бы с удовольствием стала! Тогда бы меня сторонились и не ездили по ушам, мозгам и так далее. Люди, ну на хрен я вам нужна, зачем каждый, буквально каждый пытается меня исправить?! Даже, блин, скинхед, который трезв бывал по большим

праздникам (в смысле, когда трезвый, тогда и праздник), и тот туда же. «Мы ведь для твоего же блага…» Откуда вы знаете, какое оно, мое благо? Если я скажу, что мое благо — вывалявшись в снегу, забраться в натопленную микроскопическую избу, вы поверите?

Нет, вы будете навязывать мне свое благо. А вы спросили, чего я хочу? Чего добиваюсь? Да я и сама этого не знаю, вы не дали мне возможности это понять.

Можете вы просто оставить меня в покое?

…Есть у меня такое неафишируемое развлечение. Кто-то занимается самоудовлетворением в сексуальном смысле (меня это никогда не привлекало, как и сам секс), а у меня собственный психологический онанизм. Сначала, когда я была поменьше, я представляла, как с моими врагами происходит несчастный случай — машина там сбивает… в лучшем случае. Со временем я стала изобретательнее. А потом появился Горацио (тот взрослый обормот, который играет в солдатиков) и показал мне армию Чумных десантников, рассказав попутно об их божестве. Няяяя-ам, я почувствовала тогда нечто сродни оргазму, правда. Кровь прилила к лицу, я была как пьяная.

Это же просто мечта!

С тех пор я представляла, как подхожу и нежно касаюсь чьего-то плеча. Прикосновение смерти — оно ласковое. Смерти незачем быть жестокой. Может, она даже и сострадательная, ведь никто не видит столько боли и мерзости, как этот персонаж…

Я касаюсь легонько, кончиками пальцев, — и чувствую, как по венам жертвы пробегают первые арьергардные отряды моих армий (военной терминологии я у того же Горацио нахваталась), как они сталкиваются с рядами фагоцитов, клеток-киллеров. Безнадежное сопротивление! Мои орды сильнее, мои армии неисчислимы и непобедимы.

Лишь несколько часов спустя жертва начинает что-то ощущать — температуру, сухость во рту, позывы ко рвоте, с этого времени болезнь быстро прогрессирует, она, словно неделями голодавший тигр, дорвавшийся до мяса, пожирает здоровье жертвы. Тело несчастного покрывается отвратительной коричневой сыпью, или фурункулами, или даже чумными бубонами; изо рта течет слюна или слизь, глаза слезятся, жертве становится все хуже, хуже…

О, я чертовски изобретательна в описании симптомов болячек и самого процесса умирания!

Я даже обзавелась каталогами инфекционных болезней, чем, к сожалению, дико обрадовала своих приемных родаков — они подумали, что я «взялась за ум», и завалили меня подарками. От голографического планшета «Вертю» со стразами (мерзость такая, я имею в виду стразы, а не планшет) до тяжелых и аляповатых иранских золотых браслетов. Интересно, никакой восточный ювелир еще не додумался до золотых кандалов? Стильно, прикольно и очень в тему.

Не буду врать, предательская мыслишка капитулировать засела у меня в голове очень плотно. Болячки оказались удивительно интересной темой; конечно, в любом случае я была на стороне инфекции. Человеческое тело так уязвимо — от кожных покровов до костного мозга… Постепенно у меня появились и новые любимцы: злокачественные и перерождающиеся опухоли, токсины, паразиты… Муррр… Читая про какого-нибудь, прости, милостивый, глиста, я испытывала такое же волнение, как прыщавый подросток от просмотра «Глубокой глотки».

С одной стороны, учеба в меде сулила мне более близкое знакомство с моими дорогими пиявочками, инфекциями, кишечными полипами, тетродотоксинами и меланомами, но с

другой — мне ж потом придется, наступив на горло собственной песне, со всем этим бороться. И даже если я не стану сама никого лечить, ограничившись исследованиями, кому пойдут эти исследования? Конечно, тем, кто будет со всем этим бороться.

Я чувствовала себя предателем. Не рода человеческого, нет. Предатель — это тот, кто злом воздает за добро, но человеческий род не сделал мне ничего такого, что я считала бы добром. Чудовищная неблагодарность, правда? Так вот, мне плевать, как вы это расцениваете! Я слыхала японскую сказку о принце и лягушке. Принц решил спасти лягушку из болота и едва ее не угробил. Дорогие мои, пытаясь делать кому-то добро, подумайте, нужно ли ему это, ведь его понимание добра может кардинально отличаться от вашего…

Не могу сказать, что моя точка зрения была для меня догмой, не подвергаемой сомнению. Не верю, что есть люди, настолько убежденные в своей правоте, что вообще никогда не сомневаются. Сомневалась и я. Вдруг я ненормальная? Ни один безумец не скажет, что он ненормален. И потом… если со мной все хорошо, почему мне так плохо? Плохо без видимых причин. Я не голодаю,

не нуждаюсь, не больна и не увечна. Внешность у меня — дай бог каждой. Фигурка, ножки, волосы… мордаха, может, немного глуповата, но в хорошем смысле этого слова, мужикам такие нравятся. Тем более при таком наивном выражении мармызы и телячьем взгляде анимешно больших и стереотипно голубых глаз никто не ожидает от меня западло… тьфу, ну вот, опять…

Говорят, Вселенная всегда дает ответ на вопросы, которые тебя тревожат, надо только жить с широко открытыми глазами и внимательно наблюдать за тем, что происходит вокруг. Считается, что это — идеалистическая фигня, но, как мне кажется, дыма без огня не бывает — если люди ходят за водой к колодцу, значит, вода в нем есть. До тренажерки я иду пешком, потому что брать машину и ехать растрясать телеса могут только полные утырки. Так вот, по дороге я столкнулась с интересным персонажем. Персонаж был словно специально создан для запугивания невинных девочек-подростков — здоровенный накачанный афробританец, черный, как задница дьявола, и лысый, как бильярдный шар. Отсутствие волос на башке этот ньюбиан компенсировал вьющейся бородой, довольно густой для чернома… в смысле, представителя африканской расы. К тому же

один глаз этого типуса был прикрыт повязкой, черной, а потому сливавшейся с кожей, а белок второго так явственно с этой чернотой контрастировал, что мужчина казался мифическим циклопом, только скособоченным. Одет он был в пальто мерзкого коричневого цвета. При виде меня мужчина широко улыбнулся (зубы у него были хорошие, либо свои, либо дорогие имплантаты) и полез за пазуху.

Я шагнула назад и, должно быть, попала ногой в ливневик — лодыжку пронзила острая боль, но я, стиснув зубы, удержала равновесие. Мужчина, не меняясь в лице, метнулся ко мне… нет, не метнулся, он двигался плавно, как хищник, как черная пантера, хотя пантера грациозна, а этот скорее походил на оживший шкаф Викторианской эпохи. Он схватил меня за плечо своей лапищей — удивительно, его хватка была сильной, но не причиняла боли, и сказал с почти незаметным акцентом:

— Мисс, вам не стоит так пугаться. Я вижу, вы очень напряжены. Если это визвано моим внешним видом, прошу прощиения, но если у вас какие-то проблемии, возможно, я подскажу хорошее решение…

И всучил мне флаерок, после чего отпустил. К

тому моменту я справилась с испугом.

— С-спасибо, — сказала я, машинально пряча флаерок в карман сумки.

Он еще раз улыбнулся:

— Ние вибрасывайте этот флаер, пожалуйста, по крайней миере сразу; ознакомьтесь, примите риешение, хорошо?

Я также машинально кивнула и припустила прочь. Блин, флаера он раздает… да ему в порту суда разгружать надо или долги вышибать из нерадивых заемщиков. Хотя… кто знает? Может, его сюда агентство по трудоустройству поставило, а по вечерам он проституток развозит клиентам или еще чем-нибудь достойным занимается.

Мне редко нравятся мужчины, но этот ниггер определенно вызывал симпатию. Сила в сочетании с мягкостью, какая-то странная властность в голосе, словно он… даже не знаю, словно я была для него раскрытой книгой. Нет-нет, его флаерок я точно не выброшу…

* * *

Я валялась в кровати, страдая от действия молочной кислоты, в простонародье именуемой крепатурой, — в тот день на фитнесе я выложилась так, словно решила стать мисс Олимпией

до открытия пляжного сезона, — и смотрела на голограмму над планшетом. Рядом с последним, на одеяле, лежал флаерок, врученный мне одноглазым афробританцем. Флаер был лаконичен, что мне очень нравилось. На его лицевой стороне на черном, как кожа этого самого афробританца, фоне белыми, как моя кожа, буквами было выведено:

«У вас психологический дискомфорт? Вам кажется, что окружающие вас не понимают? Вы одиноки? Вы вините себя в чем-то? Вам плохо и вы не знаете почему?»

И все. Если бы у флаера не было оборотной стороны, за такую лаконичность следовало бы хорошенько врезать. Да, и что? У вас есть какие-то предложения?

Предложения были на обороте:

«Мисс Нинель, психотерапевт, лингвопрограммист», затем адрес сайта. И больше ничего.

Я запустила руку в сияние голограммы, вытащив клавиатуру, и быстро набрала указанный на флаерке адрес.

На экране появилось красивое женское лицо. Черты мне показались несколько мелкими, зато хорошо выраженными и приятными, более того — в них было что-то из совершенно незнакомого

мне мира.

Приемные родители не читали мне сказок, и мое знакомство с миром волшебства началось довольно поздно, когда мой ядовитый характер уже сложился или, по крайней мере, приближался к этому. По крайней мере, цинизм укоренился во мне довольно основательно. Наверно, если бы родители читали мне сказки, я стала бы другой. Детям нужны сказки, без них они вырастают в чудовищ вроде меня. В волшебство можно не верить, но понятие о нем должно быть, чтобы смягчить ядовито-горькое послевкусие от знакомства с реальностью.

Большая часть фэнтези казалась мне унылой, но нашлись произведения, цеплявшие даже меня. Тот же Толкиен (нолдоры такие душки!) или, например, серия одной американской писательницы, на полном серьезе считающей себя ведьмой. Ее фэнтези отличается от других тем, что рисует волшебный мир реалистичными тонами. И эльфы, живущие в этом мире, — циничные сукины дети, прекрасные, подлючие и ядовитые. Такие эльфы мне по душе.

И такой была моя новая знакомая.

— Добрый день, — подмигнула она. — Что, проблемы достали?

— Типа того, — кивнула я. — Я — Рания.

— Убиться об дверь, — заявила мисс Нинель. — Детка, если ты Рания, то я — китайская провидица Пин Гвин.

Наверно, другой бы на моем месте психанул — что она себе позволяет?! Но мне такое общение неожиданно понравилось. Когда тебе хамят с порога, можно не стрематься и хамить самой.

— Вы тоже на психотерапевта похожи, как кукушка на палату лордов.

— Хреновое сравнение, — парировала мисс Нинель. — У палаты лордов с кукушкой есть как минимум одно несомненное сходство. Кукушка считается глупой птицей, хотя на самом деле она просто подлюка. К тому же бесполезная. Похоже на нашу верхнюю палату, не находишь?

Я улыбнулась — ух ты! А она не промах!

— А ты не промах, — сказала она. — Сдается мне, между твоих симпатичных ягодиц скрывается то еще жало. Я люблю таких. Хочешь, кое-что расскажу про тебя, а?

— Да что вы про меня знаете? — удивилась и, пожалуй, слегка испугалась я. — Вы ж меня в первый раз видите…

Но мне уже было интересно — так интересно, как никогда ранее.

— Больше, чем ты думаешь, детка, — подмигнула Нинель. — Твои родители — богатые муслимы, врачи, скорее всего, но ты их терпеть не можешь, хотя вроде и не за что — материально они тебя обеспечивают и даже, по их мнению, искренне любят.

Я навострила уши: мне ее слова понравились.

— Ты не задаешь вопросов, как я догадалась, — продолжила Нинель, — а потому заслуживаешь ответов. Рания — суннитское имя, а запрос с твоего планшета идет из квартала, заселенного выходцами из Индостана — индусами, пакистанцами, афганцами. Афганцы в люди редко выбиваются, чего не скажешь об индусах. Значит, либо Пакистан, либо спорные территории — Джамму, Кашмир, Пенджаб. Выходцы из этих земель чаще всего связывают свою профессиональную деятельность с медициной. У тебя свеженький голографический планшет, переделка «Востока» от «Вертю»…

Она наморщила лоб, став от этого еще привлекательнее. Вообще у Нинель была очень приятная, живая мимика. Такие люди не столько красивы, сколько притягательны, очаровательны, сексуальны…

— Предположу, что твой отец либо пластиче-

ский хирург, либо фармацевт.

— Отец пластический хирург, — кивнула я. — Мать фармацевт.

— Не сомневалась в том, что я умна и проницательна, — мило улыбнулась Нинель. — Я знаю твою самую главную тайну. Продолжать?

— Да, конечно! — быстро закивала я.

— Наверно, ты видишь странные сны, — сказала она, и я вновь кивнула. — В них почти не бывает кошмаров, но когда они приходят — это тягучее, засасывающее ощущение хтонического ужаса, не имеющее материального облика. Ни вида, ни вкуса, ни запаха…

Действительно, она опять попала в точку: пару раз у меня были именно такие кошмары! Без какой бы то ни было картинки — просто ощущение всепоглощающей безнадежности, густо замешанной на дьявольской ненависти.

— Откуда вы знаете? — спросила я. — Кто я?

— Вот спорим, что этого вопроса ты еще не задавала никому, даже себе? — Казалось, Нинель эта ситуация забавляет. — Ты спрашивала себя: почему я такая? Откуда во мне столько ненависти, жестокости, причем беспричинной, разрушительной, смертельной? Но никогда не спрашивала, кто ты…

Она улыбнулась и спросила:

— Можно я закурю?

— Иншалла, — ответила я. — Я даже дыма вашего не почувствую, я передачу запахов блокировала. Могли бы и не спрашивать…

Нинель достала откуда-то тонкий длинный мундштук с такой же тонкой черной сигаретой. Вспыхнул огонек, кончик сигареты затлел. Я удивилась — на фрика Нинель не походила, а кто сейчас курит обычные сигареты, не электронку? Фрики и нищеброды…

— Так вот, о тайнах, — продолжила Нинель, выпуская почти прозрачный дым. — Дети, даже новорожденные, обладают прекрасными способностями к запоминанию. Их память похожа на только что отформатированный диск. Это факт общеизвестный, но есть еще один. Как ты знаешь, можно восстановить информацию даже с отформатированного диска. Дело в том, что при форматировании удаляются только заголовки, позволяющие извлекать информацию, но не сама информация. Диск лишь кажется чистым — на деле он полностью заполнен. Суть в том, что с детским мозгом то же самое. Я скажу тебе, что скрывают современные нейробиологи: реинкарнация с научной точки зрения практически

доказана, но не обоснована теоретически. Она никак не встраивается в картину мира, созданную предыдущими поколениями ученых. И эти данные просто замалчивают.

— Мне иногда снится снег, — сказала я. — Но я никогда не видела снег… такой снег. Только по телевизору, но…

— Ты чувствуешь, как он проваливается у тебя под ногами, как снежинки опускаются на губы, как пощипывает щеки морозец и коченеют пальцы, да?

Откуда она знает?!

— Это твоя память о прошлых жизнях, — убежденно сказала Нинель. — С этой памятью ты пришла в наш мир и с этой памятью, еще не умея ни говорить, ни ходить, стала свидетелем преступления.

— Преступления? — Я была не просто удивлена, а сбита с толку. — Какого преступления?

— Они думали, что ты ничего не понимаешь. — Взгляд Нинель стал отстраненным, словно она смотрела куда-то в край невидимого. — Они убили твоего отца. Мать, скорее всего, убили не сразу. Она была молода и красива, так что над ней сначала поглумились — на твоих глазах, ведь ты же, по их мнению, ничего не понимала.

Потом, конечно, ее тоже убили. И это ты видела тоже… Файлы на твоем отформатированном диске «всплыли», зацепившись за новые воспоминания, которые со временем тоже сгладились. Детская память нестойка. Остаются не сцены, а ощущения… чувства…

— Ненависть? — тихо сказала я.

Нинель кивнула.

— Это сделали мои приемные родители? Не верю, они бы не смогли, у них кишка тонка на такое…

— Не они. — Нинель отрицательно покачала головой. — Они наняли специальных людей, бандитов. У них не было детей и имелись проблемы с официальным усыновлением. Ты оказалась единственным вариантом. Они не знали, что ты все понимаешь и даже делаешь выводы.

В моей душе поднимался горячий, всесжигающий гнев. И я еще укоряла себя за свою ненависть? Я считала, что без причины гневаюсь на людей, от которых видела только хорошее… Оказывается, не только.

— Они могли не знать? — спросила я, чувствуя, как вместе с гневом приходит радость. Радость от того, что я оказалась права. Нет, я не сука, не мразь, не шайтан — я…

Но все это опять могло быть перечеркнуто одним ответом Нинель. Если люди, удочерившие меня, не знали, с кем имеют дело, значит, я зря их осуждала. Если…

— Они знали. — Нинель даже подалась вперед, словно хотела вынырнуть из голографического монитора и шепнуть мне это на ухо. — Те люди, что промышляли таким бизнесом, ничего от них не скрывали.

— Откуда вы знаете? — Последняя слабая надежда на невиновность моих удочерителей, надежда, которую я с удовольствием отрину во имя ненависти. — Откуда вы все это знаете?

— Я видела таких, как ты, множество, — ответила Нинель. — Существует даже центр реабилитации жертв похищений. Я сама была там… и не так давно. — На ее губах промелькнула быстрая улыбка.

— Вы… Вас… — Я не знала, как сказать, и отводила взгляд, но Нинель тоже на меня не смотрела.

— Нет. Меня похитили в более старшем возрасте, и моих родителей не убивали. Но это не мешает мне понимать и сочувствовать.

Внезапно я поняла, что именно понимание и сочувствие, которых я чуждалась всю сознательную жизнь, — это то, что мне необходимо. Я

почувствовала удивительную, всепоглощающую близость с этой едва знакомой мне женщиной. Казалось, она вообще единственный близкий мне человек во всей Вселенной.

— И как мне жить дальше? — спросила я. — Вот с этим… Как смотреть им в глаза, как брать у них деньги? Как называть мамой и папой?

Нинель улыбнулась:

— А тебе так хочется с ними жить?

— Нет, — ответила я. — Но какой у меня выбор?

— Выбор есть всегда, — ответила Нинель. — Ты можешь забыть все это. Заставить себя забыть. Ты получишь лишь еще один невроз, зато сохранишь все остальное.

— Что остальное? — спросила я. — Что у меня есть, моя жизнь и так сплошной невроз…

— Не буду тебя разубеждать, — понимающе кивнула Нинель. — Тебе виднее. Но есть еще один вариант.

— Какой? — Я ухватилась за ее слова, как падающий с небоскреба хватается за края перил. В этих словах была вся моя жизнь.

— Ты можешь присоединиться к нам, — улыбнулась Нинель. Она предупредила мой следующий вопрос, сразу ответив на него: — Та банда

не простых детей воровала. Мы все индиго, очередная ступень эволюции человека. Мы — латентные носители сверхспособностей.

У меня глаза на лоб полезли:

— Сверхспособностей? Каких?

Нинель озорно подмигнула:

— Разных. Например, кому-то дано касанием руки исцелять сложные травмы… или, наоборот, заражать смертельной болезнью.

— Я о таком только мечтала, — тихо сказала я.

— Наши мечты отличаются от бесплотных мечтаний других, — ответила Нинель. — Мы мечтаем о том, чем можем овладеть. Эта способность скрыта в тебе, ее лишь надо раскрыть, и мы поможем в этом. Хочешь?

Наверно, по моему лицу все было ясно. Нинель кивнула:

— У тебя десять минут, чтобы собраться. Много с собой не бери, у нас все есть для новичков, все, и даже больше. Скоро ты увидишь горы и снег… много снега.

— Стой! А как ты… — удивилась я.

— У тебя планшет с геопривязкой, — пожала плечами Нинель. — За тобой заедет Харма. Вы уже знакомы. Он тебя хвалил, говорил, что ты бесстрашная, обычно его до усрачки пугаются.

— Я не о том… — сказала я, хотя сначала действительно хотела спросить именно об этом. Но теперь в голову мне пришел другой вопрос: — Нинель, а какая сверхспособность у тебя?

Она улыбнулась:

— А ты сама не догадалась? Ну, ведь догадалась же!

Я действительно не знала… или знала?

— Находить таких, как ты, — улыбнулась Нинель. — Индиго.

Выходит, знала…

Микеле Солариано Росси: погоня за Призраком

Как говорит мой дядя Родриго (которого я люблю примерно как собака блох, но другого у меня нет), если руки растут из нужного места, можно и из дерьма пулю слепить. Производством пуль из дерьма я не занимаюсь, мне вполне хватает стандартных девятимиллиметровых патронов, но в целом дядя прав, рассо di merde![10]

То, что стоит передо мной, выглядит как старенький, но крепко тюнингованный «Piaggio Tiphoon»[11], оно им и было, пока не попало в мои руки. С тех пор от старичка «Тайфуна» мало что осталось — сидушка, например, потертая местами до поролона, родная. А вот рама нет — она специальная, усиленная. Рессоры тоже новые, с перевитыми пружинами от тормозной системы беспилотника. И колеса мои, с гусматиком вместо ската, ни пропороть, ни прострелить, разве что

---

[10] Примечания: 10

Рассо di merde — экспрессивное итальянское выражение; буквально: «кусок дерьма»; используется очень широко.

[11] Примечания: 11

«Piaggio Tiphoon» — семейство итальянских мотороллеров.

из гранатомета возьмешь. Двигатель «Пьяжио» я убрал, вместо него засунул в колесо стодвадцатипятисильную звездочку стирлинга — нехило для мопеда? В спинке сиденья — гофрированная плита из титанового сплава, ветроотбойник, наоборот, из эластопласта. За счет своей гибкости он непробиваем даже пистолетной пулей, просто отпружинит ее, хотя, конечно, если саданут чем-то серьезным, не выдержит. Но я ж не на войну собрался, у полиции, слава богу, ничего серьезнее дробовиков и девятимиллиметровых «беретт» не водится.

Но это так, на крайний случай. Главное богатство находится справа и слева в «топливных баках» (настоящий топливный бак один и располагается под сидушкой; он взрывобезопасный, сверху у него не воздух, а расширяющаяся полиуретановая пена; там же аккумулятор, еще и место для тайника осталось). А ложные баки, которые, как и вся обшивка, сделаны из армированного кевларового сэндвича, легкого и не боящегося пистолетных пуль, содержат электронику. Дорогую, cazarolla[12], как «Мерседес», но оно того стоит, Madre de Dio! Справа — «стира-

[12] Примечания: 12

Cazarolla — экспрессивное итальянское выражение, примерный перевод: «черт возьми», «пропади оно пропадом».

тель», глушилка для радаров, лидаров и прочей излучающей техники. Здесь же схема, перехватывающая контроль над камерой (автоматически, прошу заметить, без моего малейшего участия), и компьютер, который всей электроникой управляет. А вот слева — аппаратура посерьезнее: глушилка связи (бьет даже спутниковую связь, я проверял; работает тридцать секунд, но при этом валит связь целого квартала, на полной мощности — рации, мобилки, навигаторы, даже рассо di merde, радионяни) и гордость моей коллекции — штукенция, похожая на полицейский лидар, но ничего общего с ним не имеющая. С помощью этой фигни я могу заглушить зажигание любого движка, стоит только взять его на прицел. Единственный недостаток — надо наводить, потому на ходу стрелять неудобно.

А те две трубы, что можно принять за глушаки, которые мне не нужны вовсе — стирлинг при работе только тихонько пыхтит и фыркает, как рыжий Риенци, кот моего дядьки, va fa'n'culo[13], — это… вы сейчас упадете, это, cazzabuene, пусковые установки. Если все совсем уж печально складывается с фараонами — до-

[13] Примечания: 13

Va fa'n'culo — экспрессивное итальянское выражение, примерный перевод: «шел бы он куда подальше».

статочно выдрать тросик из-под руля, и в воздух взлетит такой, cazzarolla, фейерверк — спаси и сохрани, Пресвятая Дева! Главное, самому зажмуриться и уши, если получится, заткнуть, а потом уруливать куда подальше, пока полицаи не оправились. Хотя che cazza?[14] Даже если они и отойдут, все равно не догонят и не перехватят — вся электроника будет вынесена в половине Палермо. Кроме моей, которая экранирована.

Нормальное оружие у меня тоже есть — пара нестареющих пятнадцатизарядных «беретт» и нож-тычок на случай, если придется с кем-то поговорить чисто как мужчина с мужчиной. Но главное мое оружие, cazzarolla, — это внешность. Ничем не примечательная, ни у меня, ни у мопеда. Таких, как я с Цезарем (как известно, всякая приличная машинерия должна иметь имя), в Палермо до фига и больше. Поди найди иголку в груде иголок…

Что до меня, то я в поездках заматываю шнобешник арафаткой: не то чтобы он у меня такой уж примечательный, но тетя Софи говорит, что мой отец с севера, венецианец, и я весь в него. Тетя считает меня красавчиком; отрадно, что

---

[14] Примечания: 14

Che cazza — экспрессивное итальянское выражение, примерный перевод: «какого хрена?»

некоторые девочки из нашего квартала, похоже, разделяют ее точку зрения, поскольку дают даже тогда, когда у меня в кармане пусто, как в заднице у повешенного.

* * *

— О девочках небось замечтался? — спросил дядька, спускаясь в гараж, где я как раз полировал Цезаря, поскольку, как известно, оружие любит ласку, чистку и смазку, а все остальное фигня. Цезарь — мое оружие и должен блестеть, как задница херувима. Che cazza! Этот figlio di putana[15] ходит бесшумно, как его сраный кот, и даже двери открывает бесшумно, paco di merde!

Честно говоря, дядьку я не перевариваю, хоть и живу у него с раннего детства. В принципе, заботились они с тетей Софи обо мне не хуже, чем о родных детях: кормили из того же котла, отвешивали подзатыльники не чаще (но и не реже), чем Джузеппе, Мануэлю, Джованни и Пьетро, своим сыновьям, а уж что до шмотья, то у нас с братьями никогда не было такого понятия, как «моя футболка» или «мои штаны», — если

[15] Примечания: 15

Figlio di putana — экспрессивное итальянское выражение, примерный перевод: «сукин сын».

джинсов, в которых я пришел вчера ночью домой, нет на месте, значит, они на заднице кого-то из этой четверки. И все-таки Родриго я не люблю. Хотя бы потому, что он частенько грозился сдать меня в колонию для трудных подростков, пока не понял, что мои способности могут принести семье кучу кэша, не облагаемого налогом. После этого я стал жить как принц, но лишь потому, что начал, если можно так выразиться, работать на дядю. Причем, cazzarolla, в буквальном смысле. Сам дядюшка промышлял тем, что перебивал серийные номера на угнанной другими технике или потрошил оную, если сбагрить не было вариантов. Джузеппе ему в этом помогал, а умник Мануэль подчищал записи о машинах в Сети, пока не сел за попытку взлома банка. Дурачок, куда он полез?! Хорошо, что нас всех тогда не замели. Теперь в Сети работает Джованни.

В этот бизнес я вошел, как заточка в бочину фраера, когда на спор приделал ноги прокурорскому BMW, который потом швырнул с обрыва в Мессинский пролив, за что огреб от дядюшки, поскольку, «если бы мы этот драндулет разобрали на запчасти, всю зиму могли бы кормиться». На следующий день я притарабанил в гараж дядьки новенькое «Бугатти» — ну на, разбирай. Дядя

слегонца припух: из систем безопасности здесь разве что архангела с огненным мечом не было. Также в наличии имелась живая кобра, которую я заманил в кувшин с молоком, а потом отпустил на волю за городом. Зачем животину мучить?

Так я получил свой первый кэш, на который, кстати, и купил Цезаря, тогда еще полностью аутентичного. Потому что не фиг ходить по городу и рвать кроссовки, которые на мне так и горят. Блин, мы, говорят, Марс колонизируем, а одежда с обувью — рассо di merde, причем что дорогая, что дешевая, uno cazza[16].

Вот так я и стал звездой цирка имени дяди Родриго, раз в месяц привозя ему на растерзание навороченную тачку. Чем и занимаюсь до сих пор. За что я не люблю дядю? Во-первых, он меня цинично эксплуатирует и ничуть этого не стесняется. Во-вторых, несмотря на то, что бизнес семьи завязан на мне, он все равно относится ко мне как к убогому рассо di merde. Никаких сантиментов — если бы я не был так полезен, дядька давно бы вышвырнул меня на подножные хлеба. Это тетушка Софи испытывает ко мне какие-то родственные чувства, с дядькой у нас нет ни капли

[16] Примечания: 16

Бемцалки — собирательное название активных и пассивных устройств (*жаргон*).

общей крови. Вот и посудите. Думаю, он ко мне относится так же, как я к нему, но мы усердно делаем вид, что все в шоколаде, и это лицемерие бесит меня еще больше, даже не столько его, сколько мое собственное. Послать его подальше я не могу, он меня тоже. Мы нужны друг другу, и баста.

— А о чем же мне думать? — пожал плечами я, убирая масленку и вытирая руки ветошью. — Или ты в свободное время мечтаешь о мальчиках? Тогда я буду держаться от тебя подальше.

— Va fa'n'culo, figlio mio, — ответил он. — Есть работенка.

— Охренеть, — воодушевился я. — И что на этот раз?

Дядька достал из кармана недешевый мобильник (хрен бы он себе такой купил, если бы не мои подвиги) и включил голограмму. Между ним и мной на полу появился кусок улицы, расположенной в двух кварталах от нас. Там, возле супермаркета, среди «Фиатов» и «Ауди» стоял черный, похожий на катафалк, «Роллс-Ройс».

— И где мне искать этот рыдван? — уточнил я.

— Разуй гляделки, — посоветовал дядька. — Он на той стоянке третий день ошивается. На нем парочка приехала из Германии, девка молодая и

черномазый. — Дядька плюнул на пол, выражая свое несогласие с расовой толерантностью, благодаря которой симпатичные девочки якшаются с неграми и прочими цветными. — Они сняли виллу к югу от города, наверно, трахаются день и ночь, как сраные кролики, а тачилу кинули на стоянке, будто здесь Берлин, а не Палермо.

— Вообще безбашенные, — согласился я. — Кто-то уже ломался сделать ей колеса?

— Джованни Канели хотел, да полиция повязала, — кивнул дядя. — У тачилы там все по-взрослому, бемцалок полный багажник.

— Джованни лох, — ответил я. — Ежу понятно, что там бемцалки, и не только на виду. Слыш, это ж вроде супермаркет под Пабло?

Родриго кивнул.

— Чего он сам не берется? — спросил я. — Говорил с ним?

— Само собой, — кивнул Родриго. — У него кишка тонка такую тачилу нарисовать. Тут, пожалуй, кроме тебя, никто и не справится.

Я удовлетворенно кивнул: приятно, когда тебя оценивают по достоинству.

— Ясно. Вечером съезжу, порисую, если там не нужно будет готовить что-то, может, сразу и возьму. Куда ее гнать?

— На сортировочную. — Родриго ощерился в тридцать два своих имплантата. Кстати, зубы он вставил тоже на мои деньги. Не банальные протезы, а выращенные из собственного ДНК, cazarolla, так что каждый клык его пасти стоил примерно как Цезарь до того, как я с ним поработал. — Я приводной маячок поставлю, загоним в рефрижераторный вагон и разделаем как бог черепаху…

— Экранировщик прихвати, — сказал я. Экранировщик — еще один мой прибамбас, с его помощью любое помещение можно выдать за пустое, в смысле, для всякой электроники — инфракрасной там, лазерной… Конечно, военный самолет РЭБ так не обманешь, а вот вертолет карабинеров запросто, я проверял. У этой байды один недостаток — размером она с дорожный чемодан, а весит лишь чуть меньше меня. Хотя дядька, надо отдать ему должное, с матами и пыхтением носит ее один. — Надеюсь, ты со сбытом телиться не будешь, чет у меня предчувствие дерьмовое, cazza de diablo.

— Не ссы, есть у меня клиент, — обнадежил Родриго. — С утра еще нарисовался, сам и наводку дал на тачило…

— Знаешь, дядя, — сказал я, — это дело puzza il

caccare cano[17].

— Так что, — дядька остановился у ступенек, он уже начал линять, да не успел, — не берешься?

— Рехнулся? — ответил я. — Берусь, конечно. Вот еще…

* * *

Дядька говорит, что Италия, а особенно наша Сицилия, всегда считалась бедной и преступной. Не знаю… пятьдесят лет назад было не так. Родись я в те времена, глядишь, получил бы высшее образование — стал бы инженером-автомобилестроителем, работал бы на «Фиате» или ОТО. Проектировал машины, а не воровал…

В принципе, выучиться можно и сейчас, но парню из глубинки это в напряг. Можно было бы автомехаником устроиться, но это не так доходно — автомехаников как блох на барбоске, и своих, и приезжих. Остается одно…

Черт, а ведь мне бы хотелось… придумывать машины, узлы, оборудование. Взять того же Цезаря — и его самого, и его начинку я на глаз слепил из того, что удалось достать, стибрить

---

[17] Примечания: 17

Puzza il caccare cano — экспрессивное итальянское выражение, примерный перевод: «воняет, как помоечная собака».

или выцыганить. А если бы у меня были знания да оборудование всякое… Я пытался разбираться с программами проектирования, но то ли я такой тупой, то ли с ними в одиночку не разобраться — ни хрена у меня не вышло.

Не вышло — и не надо; Цезаря я без всяких чертежей сварганил, все в голове держал. Стирлинга сам напечатал на 3D-принтере, как, кстати, и обе свои «беретты». Цезарь едет, «беретты» стреляют, из них даже можно попасть, если натренироваться. Вот патроны приходится тырить — теоретически можно напечатать патрон прямо сразу с порохом и капсюлем, а практически — где для этого взять порох, cazzarolla? В гипермаркетах он, в отличие от порошкового пластика и acciaio dei poveri[18], не продается.

В общем, угоны — это так, постольку-поскольку. Мне действительно несложно (и, честно сказать, интересно) снять защиту с машины, взломать ее. Но я по этому не фанатею, с удовольствием занялся бы чем-то полезным, но так капусты не нарубишь.

Родриго дает мне сейчас десять процентов. Пока хватает, но лишь пока. А если мне приспичит

[18] Примечания: 18

Acciaio dei poveri — «сталь для бедных», обиходное название порошкового металла для 3D-печати.

жениться? Маловероятно, но, говорят, от сумы, тюрьмы и свадьбы зарекаться никому не стоит…

Братьям моим наш бизнес нравится. Нравится такая жизнь, легально-нелегальная, нравится нарезать понты и кадрить девочек, типа, мы крутые, как Валланцаска, угу. А мне все это кажется убогим. Да, я смотрел классические исторические фильмы, того же «Валланцаску», но во-первых, кино это кино, а во-вторых, теперь — это не тогда. Например, в те времена мафия действительно соответствовала своему названию «Cosa Nostra» — «Наше дело» (наше — то есть общее). И все были братьями, а сейчас даже родные братья каждый за себя, а случись что, пройдут мимо и не чихнут в твою сторону.

Вообще-то я не пессимист и не так много думаю о смысле жизни. Не до того, всегда есть дело поважнее. Люблю, например, девочек, и наших, и особенно туристочек с севера. Клюют они на мою симпатишную мордаху и непринужденность в общении. Но вот конкретно в тот день на меня чет накатило, как будто летела туча мимо, летела, летела да на голову села. Будто я что-то предчувствовал. Будто ждал чего-то плохого.

К стоянке я подъехал в одиннадцать вечера. Раньше было западло, на дворе лето, темнеет

поздно.

Да уж, бемцалок в этом «Ройсе» оказалось больше, чем репейников на Риенци после того, как Федерико из соседнего квартала зашвырнул его в заросли на пустыре (за что я ему, в смысле, Федерико, а не коту, вынес три-четыре зуба и сломал предплечье в двух местах, ибо не фиг: твой кот, что ли? Заведи своего и пинай!) Но это все такие пустяки в сравнении со смертью и любовью… Вытащив свой главный прибамбас, чемоданчик с логотипом непотопляемой студии «Приват» на крышке, я разложил его, включил аппаратуру и стал колдовать.

Ух, вот это, я вам скажу, работа! Такой шарады я еще не видел — отключить всю машинерию можно было только в определенном порядке, и следил за этим бортовой страж — компьютер последней модели. Из тех, что умеют имитировать человеческий интеллект, и довольно убедительно. То есть вычислительная мощность там была — mamma mia!

Но я справился. Да по-другому и быть не могло. Если один человек что-то придумал, значит, другой может понять, что, где и как, — и взломать. Банальная логика…

Когда я закончил со взломом, было часа три.

Летом ночи короткие, надо спешить, чтобы успеть до шести, когда людей на улицах становится слишком много и риск быть замеченным возрастает в разы. Но я все-таки несколько раз перепроверил все, что можно, и даже запустил двигатель на холостых. Нет, все отлично. Вся «паразитная электроника» находилась в глубоком нокауте.

Но все-таки я волновался, пряча в багажник Цезаря и садясь за руль. Что меня беспокоило? Все было правильно, имелась, che cazza, трудная задача, которую я решил. Все чисто, pacco di merde, я победил, машинка моя — де-факто!

Я завел «Роллс-Ройс» и направился к железнодорожной станции, где в специально оборудованном рефрижераторном вагоне красавца разберут на запчасти. Меня стало клонить в сон, этого только не хватало, pacco di merde! Я достал мобильник и включил музыку. Мы ехали через припортовую промзону; фонари горели плохо, на бетонных стенах вокруг дороги слабо фосфорецировали граффити. В телефоне пела Марион, симпатичная девочка из Падуи. «Она небось не знает, что такое настоящая нищета», — с неожиданной злостью мелькнуло в голове.

Думаете, мне так хочется тырить чужие маши-

ны? Особенно под разделку? Мне было чертовски жалко этого красавца, которого вот-вот каннибализируют, жалко его хозяйку и даже хозяина, хоть тот и черномазый. К африканцам в Палермо особое отношение — слишком много выходцев из Африки осело в наших краях. Они даже пытались запугать и перековать местных жителей, что им почти удалось в Германии, но не учли, что имеют дело с народом, давшим миру Аль Капоне…

Cazarolla!!! Пока я размышлял, едва не въехал в столб на развилке. Ну да, паркотник-то я выключил, да и фары притушил, прячусь. Стоп, а откуда тут вообще взялся столб? Я эту дорогу знал как свои пять пальцев — никакого столба…

Che cazza?! Куда я вообще еду? Что происходит? Я дал по тормозам, но «Роллс-Ройс» продолжал катиться куда-то, насмешливо игнорируя мои усилия. Машина мне не подчинялась, она только старательно делала вид, а сама везла меня… куда?

В тот момент я не думал, что потеряю Цезаря, я просто решил бежать. Cazzarolla, какой там мопед, когда такая фигня происходит? Но моя попытка улизнуть была тщетна. Двери оказались

заблокированы. Bucco di culo![19] Я в ловушке!

Извернувшись, я попытался высадить боковушку ногой. Ага, ten'cazzo![20] С таким же успехом можно было пинать сбирячий «Чентауро»[21]. Зато я заметил, что машинка начала плавно сбрасывать ход. Не успел я принять нормальную позу в кресле, как автомобиль остановился и…

Все произошло моментально — двери открылись и рядом со мной плюхнулся здоровяк негр, один глаз которого был прикрыт повязкой, а на заднее сиденье с грацией балерины впорхнула юная особа. Особо полюбоваться ею мне сначала не удалось — черномазый ткнул меня в бок стволом чего-то куда более крутого, чем мои оставшиеся в багаже Цезаря «беретты», и, ощерившись, сказал с легким акцентом:

— Попробуй подними жиопу, и я тебе ие прострелю!

Я только плечами пожал, внутренне при этом обмякнув. Ну все, bucco di culo, приехали, cazza

---

[19] Примечания: 19

Bucco di culo — экспрессивное итальянское выражение, примерный перевод: «Вот задница!»

[20] Примечания: 20

Ten'cazzo — экспрессивное итальянское выражение, примерный перевод: «фигушки».

[21] Примечания: 21

«Чентауро» — боевой бронеавтомобиль итальянских карабинеров.

de diablo!

— Ах, какой красивый мальчик! — прощебетала девица сзади. — Прямо словно сошедший с картин Сандро Боттичелли, но, надеюсь, кхм… а, ладно.

— Кто вы? — спросил я, поразившись тому, как хрипло звучит мой голос. — Вы из полиции?

— Фу, мы что, похожи на сраных фараонов? — воскликнула она. Mamma mia, а я и не думал, что ругаться можно так… сексуально.

— Откуда мне знать, — пожал плечами я. — Ваш напарник похож, простите, на вышибалу в борделе, а вас я даже не разглядел.

Как ни странно, негр на мое замечание не обиделся, наоборот, расплылся в плотоядной улыбочке и сказал:

— Замиеть, милая, он уже второй, кто миеня отправляет работать со шлюхами… я дажие подумываю, ние пойти ли и впрямь трудиться в публичный дом?

Он легонько ткнул меня в пузо своей пукалкой и добавил:

— Смиелый мальчик, но глупый.

— Может быть, — ответил я, понимая, что нарываюсь, — и что, che cazza, на моем месте сделал бы умный человек? Со всем соглашался? Молил о

пощаде? Так вот, neanche cazza!

Девушка рассмеялась — ее смех звучал так, будто кто-то бросил на мраморные ступеньки горсть серебряных монет.

— Наш человек, а, Баррака? Ну, мальчик, обернись и скажи, похожа ли я на полицейского?

Я обернулся. М-да… видал я девочек красивых. И очень красивых видал, даже красивее ее. А может, и нет. В этой было что-то, отличавшее ее от остальных. Что-то даже не во внешности, что-то внутри.

— В полиции, конечно, есть симпатичные девочки, — сказал я. — Но такой, как вы, нет, да они и не заслуживают. Вы больше похожи на звезду 3D-видения. И если вы обиделись из-за того, что я угнал вашу машину…

Тут она вновь рассмеялась, еще больше монет поскакало вниз по воображаемой мраморной лестнице. Я говорил, что, возможно, встречал девочек красивее ее? Я врал, как il caccare cano, никого прекраснее я не видел, cazzarolla! Когда она смеялась, хотелось даже зажмуриться, это было невыносимо прекрасно.

— А ты ее угнал? — сказала она, отсмеявшись. — Тебе не кажется, figlio mio, что это мы с Барракой тебя угнали?

Я не знал, что ответить. Che cazza, ну да, я попался, как последний лох.

Она протянула руку и коснулась моей щеки:

— Ладно, не переживай. Когда два гроссмейстера играют в шахматы, один из них проигрывает, но из этого не следует, что он дурак. Его соперник всего лишь оказался немного лучше. Мы тебя переиграли. Знаешь почему?

— Почему? — машинально спросил я.

— Честно говоря, мы не должны были тебя переиграть, Микеле, — серьезно сказала она. Я вздрогнул. Ей известно, как меня зовут? Но ведь это значит… — Потому что мы играли на твоем поле. Я не открою тебе секрет, если скажу, что нет такого механизма, с которым ты бы не справился. Я даже не понимаю, почему только машины? Почему не банки, не музеи, не картинные галереи? Ты бы не сфейлил, как Мануэль, у тебя бы получилось…

— Почему? — Она и про Мануэля знает! Che cazza, да кто она такая?

— Потому что ты в этом деле бог. Ты знаешь, что такое индиго?

— Окраска кузова? — удивился я.

Баррака фыркнул. Девушка зыркнула на него строго.

— Н-да… ладно, так вот, просто запомни: мы не должны были тебя переиграть. Ты мог бы вычислить, как мы сумели спрятать иголку в груде иголок.

Che cazza!!! Это было только мое выражение! Я даже не говорил его никому… Она что, телепат?

— Мог бы, — продолжала незнакомка. — Но тебя некому научить. Было некому. Но все меняется.

— В каком смысле было? — спросил я. — И, che caz… мммм, простите, как вас зовут?

Она улыбнулась:

— А, да, извини, не представилась. Николь ди Контариди.

— Опа, — сказал я. — Вы что, родственница мэра Флоренции?

— Очень дальняя, — продолжала улыбаться она. Удивительно, когда эта девушка улыбалась, появлялось странное ощущение, что все хорошо и плохо не будет уже никогда. — А ты наблюдательный и эрудированный. Микеле, у меня к тебе есть деловое предложение. Тебе не надоело работать на дядю?

— Надоело, ad profondita di culo, — сказал я и покраснел. — Простите…

— Che cazza, я так похожа на ангела, что в моем

присутствии нельзя упомянуть задницу? — спросила она весело. — Матерись сколько хочешь, я сама не прочь порой приложить, спроси у Барраки.

Негр коротко кивнул. Внезапно он даже показался мне симпатичным — не в том смысле, не подумайте. Как человек. Ну и что, что глаза нет?

— Так вот, — продолжила Николь, — предлагаю тебе послать своего дядюшку va fan culo и работать дальше только на себя… на нас.

— На нас? — переспросил я.

— На тебя, на меня, на Барраку, на других таких же, как ты…

— А есть другие? — удивился я. — Не слышал, чтобы кто-то угонял дорогие машины в товарных количествах. Нет, работали какие-то шныри на севере, но…

— Твои таланты угоном не ограничиваются, — ласково сказала Николь. — Разве ты никогда не мечтал проектировать машины, а не угонять их? Разве ты не хотел бы сделать Цезарю братьев и сестер?

Откуда она знала имя моего мопеда?! Я немного суеверен, потому никому его не говорил. Che cazza, это глупо, но я боялся, что если кто-то посторонний узнает имя Цезаря, его у меня угонят…

— Хотел, — ответил я. — Откуда вы знаете… что он Цезарь?

— Quod in multa sapientia multa sit indignatio[22], — задумчиво проговорила Николь. — Прости. Я много чего знаю. Например, почему у твоей тетушки нет фотографий твоей матушки. Ты ведь ни разу не видел ни ее, ни отца, правда?

Я кивнул.

— Я знаю это. И тебе доступно очень многое. У тебя есть два пути: можешь выйти из машины и вернуться к дяде и тете. Без трофея, конечно. Если ты это сделаешь, то ничего не узнаешь… и меня больше никогда не увидишь.

Я сглотнул и сказал:

— Кажется, второй вариант мне нравится больше.

— Даже не зная, в чем он заключается? — Она немного переместилась, вытянув ноги так, что они попали в поле моего зрения. Я не особо там какой-то Казанова, но, cazza nuova, эта пара ног стоила того, чтобы на них посмотреть и потерять глаз (я некстати вспомнил о Барраке и улыбнулся, он-то эти ноги видит постоянно…).

— Да.

---

[22] Примечания: 22

Умножающий мудрость умножает печали (Экклезиаст 4:6).

— Тогда отвези нас в порт, яхтенный терминал С66… Нам предстоит морская прогулка. Ты любишь морские прогулки?

Летиция Лафлер: Ангел, поговори со мной

Я чувствовала себя такой счастливой! Даже несмотря на то, что находилась там, где вовсе не желала. О'кей, для меня находиться там, где не хочется, — привычное занятие. Более того — многие хотели бы поменяться со мной местами. И если бы это было возможно, я бы с удовольствием пошла на такой обмен.

Это было мое «рабочее место». Да-да, мне едва исполнилось шестнадцать, но я постоянно работаю уже четыре года, а до того работала эпизодически. Несмотря на все законы о защите детства. Просто большинство считают, что детей в первую очередь надо защищать от жестокого обращения, сексуальной эксплуатации, нищеты…

Наверно, это правильно, да что там — точно правильно. И конечно, на фоне судьбы маленькой девочки из Эфиопии, вынужденной обслуживать клиентов в тайском борделе, мне жаловаться на жизнь не комильфо. Это я слышала от всех, кому по простоте душевной пыталась рассказать о своих проблемах — от бэбиситтера до психолога.

Кто-то говорил мягко, кто-то грубо, но смысл был всегда один. Зажралась. И пусть это слово не звучало напрямую, оно буквально висело в воздухе. Может, я чересчур… как это сказать? Может, у меня излишне развито воображение, но иногда мне кажется, что я умею читать по глазам. Это увлекательно, даже тогда, когда оставляет горькое послевкусие. Думаю, мало кому хотелось бы знать, что действительно о нем думают. А я знаю. Или мне кажется, что знаю. Несколько раз мои догадки находили подтверждение, так что…

Честно говоря, мне не понятно, как можно смешивать в своей душе восхищение и зависть, вожделеть и ненавидеть одновременно. Для меня это слишком взрослые слова, мне шестнадцать, а в душе я по-прежнему ребенок — может, потому, что слишком давно живу взрослой жизнью, так давно, что даже не помню, когда со мной общались как с ребенком.

Ненависть вообще плохое чувство, но одно дело, когда тебя ненавидят за твои проступки, и совсем другое — когда ненавидят за то, что ты существуешь. Когда тебе говорят комплименты, улыбаются — и мечтают плеснуть в лицо кислотой или изрезать скальпелем — не лазерным, не оставляющим следов на коже, а старым, метал-

лическим, которые только в музеях и встретишь. Когда я иду по подиуму, когда стою перед зеленым экраном в окружении работающих камер — я читаю это в глазах окружающих. Восхищение и ненависть, зависть и желание. Иногда мне кажется, что эти чувства вообще неразделимы.

Я не сделала никому ничего плохого, но могу понять людей. У меня есть то, чего нет и не будет у них. Одни завидуют моей внешности, поскольку она совершенна. Не совсем от природы — моя дорогая маман с раннего детства занималась ее совершенствованием. Она говорила (и я даже помню это, где-то на подсознательном уровне, наверно), что первые два года моей жизни прошли в специализированной клинике пластической хирургии. Меня буквально перекраивали, сшивая заново, но с использованием средств столь совершенных, что никаких, даже малейших следов операций на моем теле не найдешь. И вот результат — я само совершенство. Говорю это не из хвастовства, о нет! Мое совершенство — это мое проклятие, я бы охотно отдала его в обмен… не на уродство, конечно, но на внешность вполне заурядную, простую. Вот только никто такого не предлагает.

Другие завидуют моему материальному поло-

жению. Конечно, маман старается оградить меня от внешнего мира, по крайней мере, за пределами нашего коттеджного городка, но это, к ее сожалению и моей радости, невозможно. Хотя бы потому, что она обожает хвастаться мной, причем ее хвастовство, как и все, что имеет отношение к моей маман, принимает эпические масштабы. Вы меня наверняка видели, просто не могли не видеть — в рекламе, в голофильмах, в кадрах светской хроники. Я модель, актриса, даже записала совершенно провальный музыкальный альбом (что, в общем-то, для моей маман не характерно, обычно все ее начинания имеют если не оглушительный триумф, то по крайней мере успех).

Причем все это не ради денег. Их у моей маман и без меня немерено: она вдова самого Райаниса Лафлера… Ах да, вы вряд ли знаете, кто это, поскольку, во-первых, он помер незадолго до моего рождения, то есть пятнадцать с лишком лет назад, а во-вторых, подобные люди вообще редко бывают на виду.

Чем занимался мой отец, наверно, даже моя маман не знала. Я пыталась выяснить это, искала в Интернете, серфила закрытые фтп-сети…

Вы слыхали, что все модели дурочки? Так вот, я блондинка, и я сама овладела несколькими

полезными навыками, в том числе программированием и 3D-моделированием. При этом да, я фотомодель. Можете штопать порванный шаблон.

…так вот, искала-искала и не нашла ничего. Кроме одного упоминания — еще в самом начале века некто Райанис Лафлер подозревался в организации сети по доставке нелегальных мигрантов из Африки в Европу. Мог это быть мой отец? Вполне, поскольку на момент моего зачатия ему, судя по дате, выбитой на надгробии, перевалило за восемьдесят. В наше время, конечно, этим никого не удивишь, вон Рианне уже за девяносто, а выглядит так, что в нее до сих пор влюбляются подростки. Ну, мой отец — не Рианна, конечно, однако…

Так вот, как меня ни ограждай от реальности, я живу с открытыми глазами и розовых очков не ношу. Я видела семьи, проводящие жалкую жизнь в трейлерах, людей, ютящихся в брошенных авто или сортирующих мусор. Видела их детей. Я знаю, что в мире есть те, кто мечтает хотя бы о четырех стенах и хлипкой крыше над головой, а отдельная комната им кажется раем.

У меня в распоряжении целое двухэтажное крыло нашего с маман дома. Моя ванная комната

больше некоторых квартир в Клиши или Клиньякуре. А терраса больше участков, на которых стоят дома довольно обеспеченных граждан, относящих себя к среднему классу.

Если бы кто знал, какой одинокой я ощущаю себя в этом доме!

Часто я засыпаю в слезах, думая о своем одиночестве, но иногда случается чудо. Во сне ко мне приходит ангел, невидимый ангел, от которого приятно пахнет классическим ароматом «Midnight Poison Dior» в смеси с табаком, крепким и слегка сладковатым… и тогда я вижу приятные сны. В этих снах на меня никто не смотрит. Наверно, именно ангел делает меня невидимой.

К сожалению, во сне нельзя остаться навсегда. Я встаю по расписанию, меня нежно будит имплантированный в правую руку прибор, возбуждающий мою эндокринную систему. Последующий выброс коктейля из адреналина с небольшой примесью эндорфинов поднимает меня на ноги бодрой, свежей и в целом довольной жизнью. Прибор уникальный, потому дорогой. Он работает с небольшим собственным компьютером, имплантированным мне за лобовую кость, и вся эта система регулирует мой обмен веществ таким образом, что мне довольно просто

поддерживать хорошую физическую форму — достаточно двадцатиминутной зарядки утром и вечером. После зарядки я принимаю душ, завтракаю и отправляюсь к приходящим специалистам — визажисту и стилисту, ожидающим меня в моем собственном «кабинете красоты». Наведение лоска длится около двух часов. Пока специалисты колдуют над моим внешним видом, я успеваю почитать или посмотреть небольшой фильм (не голографический, чтобы не отвлекать стилиста с визажистом, а через ВР-очки). После этого начинается «рабочий день»: сначала съемки, потом — посещение различных мероприятий.

В тот день я должна была украшать собой званый ужин в Елисейском дворце. А до этого у меня были съемки в новой бутиковой галерее в одном из тех невероятных небоскребов, которые последние двадцать лет окружают старый Париж все более плотным кольцом. Признаться, я их боюсь — мне совершенно непонятно, как эти устремленные ввысь стрелы не падают под собственным весом. Наверно, у меня страх высоты — мои немногочисленные кошмары, спасибо психологам и электронным антидепрессантам, без которых я не засыпаю, всегда связаны с высотой. Однажды во сне я бежала куда-то, а вокруг,

словно гигантские сосульки, валились эти страшные конструкции… Бр-р-р, вспомнить страшно!

И вот представьте, съемку назначили на самой верхотуре. Какой-то умник додумался построить ресторан в виде дворцового сада с прудом на крыше шестьсотметровой иголки, пронзающей низкие облака, плывущие со стороны Лондона. Сад находился выше облаков, и я даже порадовалась, что в тот день оказалось довольно пасмурно, — с места, где производилась съемка, можно было видеть только слой этих самых облаков, напоминающих не то вату, не то серые снежные сугробы. Из всех парижских небоскребов лишь высотка, принадлежащая Д8, компании, довольно успешно борющейся за экологию (знаю их хорошо, поскольку пару раз снималась в их роликах, и эта работа пришлась мне по душе — в Д8 работают искренние и по-настоящему верящие в свое дело люди), достигала того же уровня, так что казалось, что я нахожусь на вершине одного из двух островов в пенном море облаков.

Это зрелище показалось мне даже уютным, хотя я все равно не понимала, на фига в наше время делать натуральные съемки? С таким же успехом я могла отсняться в «зеленой комнате», а компьютер дорисовал бы все остальное. В наше время

отличить компьютерную графику от реальности невозможно; например, у меня есть ооооочень дорогое, как говорят, инновационное платье. Оно похоже на серый мешок, но если нажать пальцами на тактильную клавиатуру внутри лифа, встроенный в платье компьютер превращает его в… ну, там несколько вариантов, мне больше всего нравится легкое шелковое платье, какое носили в Италии в начале Возрождения.

Я бы и не упоминала об этой съемке, если бы не одно «но» — в какой-то момент мне показалось, что ангел из моих снов возник наяву. Внезапно я уловила знакомые ароматы и почувствовала ни с чем не сравнимое спокойствие. Но, оглядевшись, испытала разочарование: ангелов поблизости не наблюдалось. Запах табака, вероятно, исходил от хрупкой девочки в комбинезоне, стоявшей поодаль, у самого ограждения, спиной ко мне, — наверно, техник или инженер, подумала я. Что до духов, вероятно, ими пользовалась одна из дам, присутствовавших на съемке: официально ресторан еще не был открыт, но, возможно, уже обслуживал кого-то из живущих или работающих в здании…

Я почувствовала себя обманутой, словно ребенок, попытавшийся откусить кусочек от реклам-

ной голограммы мороженого. Но потом взяла себя в руки — вот еще, расстраиваться из-за таких пустяков! Нельзя терять над собой контроль, в конце концов, у меня будет тяжелый вечер…

Если бы я знала, что за вечер мне предстоит!

* * *

Все было как всегда — на меня по-прежнему пялились. Да, к несчастью, я родилась для того, чтобы стать красивой открыткой, вызывать вожделение и зависть. Женщины меня ненавидят — и желают быть на меня похожими. Мужчины желают меня — и тоже ненавидят, потому что я недоступна. Они покупают своим женам, любовницам, дочерям то, что я ненавязчиво демонстрирую в рекламе и голофильмах, наивно надеясь, что те станут хоть немного на меня похожими…

Суть в том, что мне необходимо было проторчать на виду какое-то время. Казалось бы, тоже мне, работа — делай что хочешь, только находись на виду. Но как же утомляют такие взгляды! Чувствуешь себя голой и распятой. Просто кошмар. Была б моя воля — я бы с удовольствием ампутировала себе воображение, вот только как это сделать технически, современная наука еще не

допёрла. А потому я торчала под перекрестным обстрелом чужих глаз, время от времени отвечала заученными фразами на чьи-то приветствия и ничего не значащие вопросы, терпела, когда меня панибратски подхватывали под локоток, обнимали и пошлепывали, хотя подобные вольности все-таки позволялись немногим. За этим бдительно следили секьюрити, о чем присутствующие знали и излишними попытками коснуться тела не изводили, зато уж глазами пожирали, едва ли не чавкая при этом…

При первой же возможности смыться я и смылась — мы были в Пассаже «Ришелье», и сбежала я в колоннаду второго этажа. Стемнело, и стало заметно прохладнее, но меня это не сильно беспокоило. Куда больше волновало то, что в десятке метров от меня находятся все эти…

— …те, которых весь мир был недостоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли, — услышала я за спиной, одновременно почувствов знакомый коктейль ароматов. Мое сердечко затрепетало, как у девочки, услыхавшей в коридоре шаги любимого. Конечно, первыми словами ангела могла быть только цитата из Библии…

— Ничего, если я закурю? — спросил ангел,

подойдя ближе и опершись на перила по левую руку от меня. — Курить хочется просто адски. Этот скучный прием даже Angus Dei может довести до белого каления…

— Вообще-то на территории дворца это запрещено, — пожала плечами я. То, что ангелы курят, меня, признаться, совсем не шокировало. Я позволила себе посмотреть на него или, если быть точной, на нее — ангелом оказалась девушка, невысокая, хрупкая, смутно знакомая. Конечно знакомая — не могла же я не узнать своего ангела! Даже не видя ее раньше, лишь чувствуя этот невероятно приятный, исходящий от нее аромат…

— Знаешь, Лесси, — так называла меня одна из моих нянечек, филиппинка, потому я не удивилась. Признаться, это имя нравилось мне больше официального, которым всегда величала меня маман, — мне нет дела до того, что разрешено и что запрещено кем-то. Запреты не для таких, как мы с тобой. Я лишь хотела узнать, как ты отнесешься к тому, что я добавлю немного смол и углекислоты в и так не особо чистый воздух Парижа. Я знаю, что ты не куришь…

— Да кто бы мне продал, — вырвалось у меня. — Табак продают с двадцати одного, а мне…

— Почти шестнадцать, — кивнула девушка-ангел. — И ты определенно не из тех, кто нарушает правила.

Она сделала паузу для того, чтобы прикурить. Как именно — я так и не поняла; зажигалки у ангела не было, огонек просто затлел на кончике старомодной тонюсенькой сигареты с хорошо знакомым сладко-горьким запахом…

— Сказать по правде, эти два часа дались мне тяжко, — призналась знакомая незнакомка. — Не привыкла я к такому скоплению народа. Утомительно, правда?

— Не то слово! — кивнула я.

— Душно, — продолжила она, прикрыв глаза. Ее ресницы были густыми, с чуть рыжеватым отливом. Впервые в жизни я смотрела на другого человека с таким интересом, с которым обычно смотрят на меня, — причем дело совсем не в кондиционерах, их хватает, работают они исправно. Душно от этих взглядов, наполненных…

Она замолчала, словно приглашая продолжить фразу.

— Грязью, — сказала я. — Похотью, злобой и…

— …завистью, — закончила за меня она и улыбнулась так мягко, так сочувственно. — О, если бы они знали, с чем имеют дело… нет, ничего бы

не изменилось. Однажды к ним приходил Бог. Он был похож на тебя — такой же прекрасный и необыкновенный. И добрый — он мечтал подарить им вечность. А они его убили. Прибили к дереву гвоздями и смотрели, как он умирает, медленно, мучительно. Не от боли — от пустоты их сердец, от грязи их душ.

Я вздрогнула. А она продолжила:

— Тебе ведь хочется убежать от них? Скрыться, исчезнуть?

— Да, — ответила я.

В ее словах вроде бы не было ничего необычного, но звучали они как-то по-особенному, так, что становилось понятно — это не обычные вопросы скучающей мадемуазель.

— Стать невидимой для них? — спросила она.

У меня даже дух перехватило.

— Да! — ответила я, как девушки в фильмах категории 21+ (видите, я не столь законопослушна, как считает мой ангел) отвечают на самые непристойные предложения.

— Давай попробуем? — Внезапно ее лицо оживилось, в глазах промелькнула озорная искорка.

— В каком смысле? — не поняла я.

— В самом прямом, — ответила моя знакомая незнакомка. — Просто представь, что они тебя не

видят. Тебя вижу только я.

— И какой в этом смысл? — Ее слова казались безумными, но почему-то я отказывалась верить, что это безумие. — Что толку, если я…

— Просто поверь, — попросила она. — Поверь, как поверила в то, что ночами к тебе приходит ангел… и что однажды ты встретишь его наяву.

И когда она сказала это, я вдруг поняла: я действительно верила в то, что такая встреча возможна, хотя прятала свое чувство от всех, прежде всего от самой себя. И вот мой ангел стоит рядом, выпуская в вечернее небо Парижа серебристо-белое облако табачного дыма.

— А если у меня не получится? — спросила я.

Она наклонилась ближе, едва не коснувшись щекой моей щеки:

— Обязательно получится, Лесси. Я верю в тебя. Разве веры твоего ангела-хранителя мало?

— Нет, — решилась я. — Если ты пойдешь со мной.

— Конечно, — улыбнулась она. — Идем!

* * *

Все было как во сне. Как в моем прекрасном сне. Даже запах, окутывавший меня.

— Они нас не видят! — произнесла я хриплым

шепотом, проходя мимо еще одной группы гостей. Гости были заняты неспешной беседой, их взгляды лениво скользили вокруг, время от времени останавливаясь на ком-то из присутствующих, но ни один не коснулся меня.

— И не слышат. — Голос ангела был совершенно спокоен. — Можешь не шептать.

— Что, неужели совсем? — спросила я. — Не видят, не слышат…

Мимо пронесся официант. Я едва отстранилась, чудом избежав столкновения.

— Хочешь проверить? — улыбнулась моя новая подруга. — Смотри.

Она взяла меня за локоть, заставляя остановиться. Мы находились прямо посреди зала. Вокруг ходили группки приглашенных, сновали официанты…

— Горе тебе, Хоразин! — сказала она так громко, что эхо ее голоса отразилось от сводов зала и вернулось к нам: «азин… азин…». — Горе тебе, Вифсаида! Ибо, если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они, сидя во вретище и пепле, покаялись. Но и Тиру, и Сидону отраднее будет на Суде, нежели вам. И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься!

— …можете даже не сомневаться, — не обращая внимания на мрачное пророчество моего ангела, вещал тучный мужчина буквально в паре шагов от нас. — Или нам удастся уговорить египтян уступить часть акций Суэцкого хаба, или мы построим новый, в Хайфе. Напряженность снижается, и…

— Но зачем? — отвечал его собеседник. — После третьего Омского протокола наращивать мощности по переработке газа нет смысла.

— Наращивать? — возмутился мужчина. — Нам бы свои загрузить! Заводы в Бюховене работают на тридцать процентов, и эта цифра снижается…

На слова моей спутницы никто не обратил внимания. Никто. Причем ее не проигнорировали — сказанное просто никто не услышал.

Моя новая подруга рассмеялась. Ее смех был таким мелодичным, таким восхитительным!

— Пир во время чумы, — заметила она, беря меня под локоть и увлекая за собой. — Чурбаны бесчувственные…

— Как ты это сделала? — спросила я изумленно.

Теперь я верила, что нас не видят и не слышат. Я стала невидимой, я стала тенью, неуловимой, неосязаемой!

— Я? — улыбнулся мой ангел. — Ну что ты, Лесси, это не я сделала…

Она остановилась возле двери в коридор, ведущий на улицу.

— Слушай, я вот что подумала. — Она наморщила лоб, не теряя при этом ни грамма очарования. — Это «Лесси»… мило, конечно, но, прости за откровенность, звучит как собачья кличка. Можно я буду тебя называть… мммм, скажем, Тень?

— Конечно, — с энтузиазмом ответила я. — А как мне называть тебя?

— Нинель, — ответила она. — Нинель Ле Малин. Конечно, ты можешь продолжать считать меня ангелом, но тебе не кажется, что моя фамилия для этого немного неподходящая?

И тут прямо на нас выскочил здоровенный мужик, возможно, кто-то из обслуги, вряд ли это был официант, скорее охранник. Он несся прямо на Нинель, но та грациозно подалась в сторону, при этом отставив ногу так, что торопыга споткнулся и упал. Мы некоторое время наблюдали, как незадачливого громилу поднимают подоспевшие служащие, при этом один из них, вероятно начальник, отчитывает бедолагу за нерасторопность, а тот оправдывается, что очень спешил и, наверно, поскользнулся.

— Фамилию не выбирают, — пожала плечами я. — Меня вполне устроит Нинель, mon Ange Le Malin[23]. Так ты говоришь, что это сделала я? — Я указала рукой на красного от стыда громилу, смущенно стряхивающего несуществующую пыль с фирменных брюк.

— Именно, — подтвердила Нинель. — Не то чтобы я была неспособна на такое, но мне бы для этого пришлось поднапрячься, а у тебя все само собой получается…

— Но почему? — удивилась я. — И главное, как?

— А как ты читаешь мысли по взглядам? — поинтересовалась она в ответ. — Или ты, как и твоя так называемая маман, думаешь, что это лишь фантазии?

— Почему «так называемая»? — удивилась я.

— Потому что она тебе не родная, — объяснила Нинель. — Но это долгая история. Знаю, что вы похожи, знаю, почему похожи… я вообще много о тебе знаю.

— Потому что ты такая же, как я? — У меня в голове появилась безумная, но очень приятная догадка. — Ты — моя старшая сестра?

---

[23] Примечания: 23

Оксюморон — в переводе с французского — «ангел зла», бессмысленное выражение вроде «живого мертвеца» или «круглого квадрата».

— Можно и так сказать, — кивнула Нинель. — Определенно, в наших генах много общего. Впрочем, у тебя, милая, большая семья.

— В смысле? — не поняла я. — Я знаю только матушку. Отец умер, другие родственники…

— Твой отец еще меньше тебе родственник, чем маман, и уж куда меньше, чем я или другие дети R.

— Дети R? — не поняла я. — Кто это?

— Твои братья и сестры, — ответила Нинель. — И мои. Знаешь, наверно, пора поговорить о главном, о том, зачем я здесь.

— Зачем? — Я почувствовала разочарование. Я уже успела присвоить Нинель, сделать ее своей, и искренне верила, что она — мой ангел-хранитель.

— Не стану спрашивать, довольна ли ты своей жизнью, — сказала девушка. — Я знаю, как ты ею тяготишься. К сожалению, никто не воспринимает твои проблемы всерьез, но, мон ами, от того, что проблемы считают несерьезными, менее болезненными они не становятся, правда?

Я кивнула.

— Ты мечтаешь о побеге. — Она подошла ближе, словно хотела меня обнять, однако замерла в нерешительности. — Но не знаешь, куда бежать.

Даже рай бывает адом, и ты не делаешь последний шаг только потому, что думаешь: вдруг за пределами твоего комфортного ада будет еще хуже, да?

Я снова кивнула.

— Я пришла к тебе с благой вестью, — продолжала Нинель. — Есть место, где тебя ждут, есть люди, которые тебя любят. Конечно, ты к такой жизни не привыкла; тебе придется работать над собой, развивая свой дар, становясь все сильнее. Зато никто не будет видеть в тебе ни куколку-в-постели, ни дорогой предмет обстановки…

Я молчала. Не потому, что сомневалась в словах Нинель. Не потому, что боялась. Точнее, нет. Я боялась. Боялась, что это лишь злая шутка, розыгрыш, что приоткрывшаяся дверь клетки вот-вот захлопнется…

— …но если тебя не устраивает мое предложение, можешь вернуться домой, — продолжила Нинель. — Между прочим, у тебя послезавтра важное мероприятие, о котором тебе еще не говорили: маман хочет познакомить тебя с твоим будущим мужем. Хороший мальчик, недавно закончил Национальную школу администрации, а сейчас уже исполнительный директор БНП.

У меня в душе все похолодело… не то чтобы

это стало для меня сюрпризом, наоборот: маман никогда не скрывала своих планов в этом отношении. Она прямо говорила, что подберет мне лучшего мужа во Франции.

Выходит, подобрала.

Я бросилась к Нинель, буквально схватив ее в охапку и, кажется, даже немного удивив.

— Не покидай меня, diabolique est mon ange! — воскликнула я с жаром. — С тобой я пойду куда угодно, хоть на край света, хоть к иным мирам. И не боюсь я никаких трудностей. Если ты пришла из ада, возьми меня туда, но не бросай в моем кромешном раю…

Нинель отстранилась, лукаво посмотрела на меня и неожиданно щелкнула по кончику носа.

— Люблю начитанных, у них речь богаче, — сказала она. — Ну чего ты такая пугливая? Я больше не сон, я с тобой и никуда не денусь. Я возьму тебя с собой в мой мир, и это не ад, несмотря на мою фамилию. В аду не бывает так холодно…

Элиаху Гольдблюм: Небо, которое смотрит на нас

После вечерней игры, когда я уходил с поля, тренер остановил меня и велел зайти к кабану. Кабан — это сокращение от «кацин бриют нефеш», офицер душевного здоровья, или, попросту говоря, штатный психолог. Поскольку мой интернат организационно включен в структуру ГАДНА[24], преподаватели у нас сплошь военные, хотя все уже отставники. Вообще-то меня бы с руками оторвал любой футбольный клуб, вплоть до «Макаби», но я пошел сюда. Это было компромиссом между мной и отцом, поскольку в любом другом месте я получил бы освобождение от призыва. А мне хотелось служить в армии столь же сильно, как мой отец этого не хотел.

Отца можно понять — он кадровый военный, участник боевых действий… то есть, конечно, не боевых действий, а контртеррористических операций. В последнюю войну за территории (которой как бы не было, поскольку мы потерпе-

---

[24] Примечания: 24

ГАДНА — добровольческая молодежная организация в Израиле, готовящая подростков от 13 до 18 лет к службе в Армии Израиля.

ли поражение… которого тоже как бы не было, ну, в общем, это политика, а мне политика до лампочки) его катер утопили два штурмовика соседей. Сам отец проболтался в море двое суток, пока его не подобрал турецкий сухогруз, после чего лежал с пневмонией и осложнениями в госпитале. Потом комиссия сочла его негодным для прохождения дальнейшей службы и списала на берег, с почестями и солидной пенсией. С тех пор отец ненавидит все, что летает выше десяти метров от земли, — от чаек до спутников.

При чем тут я? А при том, что отец втемяшил себе в голову, что на военной службе я непременно погибну. У него целая теория на сей счет — дескать, генералы разжирели, разучились воевать и любые реальные боевые действия закончатся для ЦАХАЛ[25] катастрофой вроде Курской дуги или Дебальцевского котла. Типичная боевая психологическая травма, как сказал все тот же кабан: после того как два штурмовика издевательски изрешетили из тридцатимиллиметровых пушек отцовский «пибер»[26], вырывая

[25] Примечания: 25

ЦАХАЛ — Вооруженные силы Израиля.

[26] Примечания: 26

Пибер — от аббревиатуры PBR, патрульный катер, жаргонное название небольших быстроходных катеров ВМС Израиля.

куски его пластикового корпуса, а экипаж ничем не мог ответить, немудрено разувериться в самой возможности победы.

По правде, я вовсе не такой воинственный, как может показаться, и, вероятно, люблю войну не больше, чем отец. В конце концов, именно война отняла у меня мать. (Конечно, это был теракт, а не боевые действия, но то, что творилось в нашей стране в тридцатых-сороковых, являлось продолжением той проигранной невойны.) Однако мой пока не богатый жизненный опыт подсказывает, что от проблем ни в коем случае нельзя бежать. Потому что убежать от них так же реально, как пытаться скрыться от своей тени. Надо идти навстречу проблемам, а если предстоит драка — драться.

В душе я сентиментален, как девчонка, но никто не посмеет сказать мне это в лицо. Когда я был маленьким, меня били в школе, и от безысходности я научился давать сдачи. Выяснилось, что это неплохо помогает. Я совсем не хотел становиться крутым Уокером, очередной ремейк которого как раз крутили по головидению, но если для того, чтобы остаться собой, надо сделаться жестоким, придется платить эту цену. Мне нравится моя сентиментальность, потому я готов отстаивать

ее в драке.

В общем, уклоняться от военной службы я не желал, а отец не хотел, чтобы я служил, и компромисс был найден — в виде спортивного интерната ГАДНА с уклоном в футбол и регби. Здесь мы проходили тиронут[27], а параллельно тренировались. И если первое мне было по душе, то второе совершенно не нравилось.

Нет, я вовсе не какой-то задохлик, наоборот, физически, пожалуй, крепче сверстников, а уж моей реакции можно только позавидовать. Я действительно мог бы стать кем-то вроде Пеле, Роналду или Нихамутдинова — легендарным форвардом-бомбардиром, вот только футбол не задевает в душе ни одной струночки. Мне он неинтересен. Тренер пытался найти ко мне подход, но махнул рукой и передал меня кабану. Удивительное дело, я заметил, что взрослые охотно спихивают все неразрешимые проблемы в общении психологам, словно те волшебники. Мой современник верит в силу психологии так же сильно и безосновательно, как доисторический человек в магию и колдовство.

Вот только на меня эта магия не действует.

---

[27] Примечания: 27

Тиронут — общеобязательный курс начальной военной подготовки в ЦАХАЛ.

* * *

У кабана я частый гость, именно из-за своего сложного характера. Вот блин. Я абсолютно неконфликтный человек: когда меня не трогают, я тоже никого не задеваю. Честно признаться, где-то там, в глубине души, я боюсь. Боюсь даже тогда, когда дерусь, даже когда побеждаю. Хотя последний раз дрался я, по-моему, года два назад, как только в интернат попал. Типа процедура приема новичка, ну, вы понимаете. Я тогда хорошенько врезал местному здоровиле, Шломо, а если совсем точно, то не ему, а им об стену. В драке надо двигаться быстро, на одну силу полагаться глупо. Я оказался быстрее — перехватил его за шкирятник, когда он пригнулся, пропуская мой прямой в челюсть, и шваркнул головой о ближайшую стенку. Потом спросил, не надо ли добавки. После этой драки меня какое-то время считали нормальным и ученики, и учителя, но это быстро прошло, а потом я впервые очутился на приеме у психолога с красноречивым диагнозом «мишигене»[28]. Это слово я часто слышал от отца, от сверстников, так что не привыкать. Даже

[28] Примечания: 28
Мишигене (*иврит*) — чудак, странный (*жаргон*).

уже не обижаюсь на это, почти. Кабан сначала мне посочувствовал и сказал, чтобы я не обращал внимания, но, пообщавшись со мной, понял, что получил на свою голову еще ту болячку.

Все очень просто — я не влезаю в привычные шаблоны. О чем должен думать парень вроде меня? О девочках, о кэше, о том, чтобы быть круче, ну и все такое. Меня все вышеупомянутое интересовало постольку-поскольку. Будь я забитым мальчиком-интеллигентом со скрипочкой, кабан бы такому не удивился, но видеть перед собой крепкого парня, которому, кажется, на роду написано забивать голы на чемпионате мира и пачками укладывать девочек в койку и которому это не то чтобы совсем неинтересно, но, скажем, не принципиально, — это ни в какие ворота. И что тогда я забыл в спортклубе ГАДНА? Одно дело на гражданке, там ты хоть на голове ходить можешь, но армия — совсем иное. В общем, кабан принялся лечить меня от моей головы, хотя и без особых успехов. На сегодняшний день между нами ничья — он не смог превратить меня в нормального, вроде всех остальных, а я не смог убедить его от меня отцепиться.

Кабан говорит, что дурость делает меня одиноким, потому что странный — это всегда опасный

и непонятно, что у меня на уме. Я отвечаю, что ничего у меня на уме нет, и это почти правда. Всю жизнь я мечтал стать летчиком. Самолеты кажутся мне верхом совершенства, они прекрасны, как Тэмми Гала[29]. Но как сказать об этом отцу? Для него эти прекрасные существа — ангелы смерти, и я знаю, что ему часто снятся те два «Су», которые превратили его суденышко в ошметки. Самое странное, что пару раз я сам видел этот сон, хотя на борту папиного катера не был по понятным причинам — на момент его затопления до моего рождения оставалось чуть больше двух лет. То еще зрелище, доложу я вам, — страшное, но и красивое, хотя папа эту красоту вряд ли оценил, и я его понимаю — это ж был его катер, а не абстрактное углепластиковое корыто. Я потом аккуратно расспросил отца и понял — мне действительно снился бой, которого я не видел да и не мог видеть. Чудеса!

Так что дорога в небо была для меня закрыта, но небо оказалось единственным, что меня манило. Я мог, без преувеличения, часами глядеть на звезды. Я знал их имена, знал орбиты, параметры

---

[29] Примечания: 29

Гала, Тэмми — израильская певица, актриса и скрипачка конца XXI века. Известна своими красочными гала-шоу и откровенными фотосессиями (3D-модель обнаженной Тэмми имеется в свободной продаже).

движения и характеристики всех спутников, орбитальных станций и космических кораблей, пролетавших над Вади-Аравой, посреди которой располагался рукотворный оазис моего интерната. Наверно, я должен был удивиться, когда понял, что могу довольно точно определить параметры почти любого летательного аппарата, но меня это не удивляло, как не удивляло, например, то, что я угадывал движения мяча и соперников на поле. Мне не надо было бегать, ведь я мог вполне спокойно оказаться в нужном месте, не тратя особых усилий. Тренер же критиковал меня и все мои голы и голевые передачи считал чистой удачей, на которую нельзя полагаться. Чтобы хорошо играть, я должен был научиться играть в команде. А я не хотел. Мне и одному хорошо.

Мне хорошо одному, но это не значит, что мне совсем никто не нужен. Я был бы рад, если бы нашел человека, с которым мне интересно. И совсем не обязательно, чтобы его так же, как меня, увлекало небо, — достаточно и того, чтобы с ним просто не было скучно. А пока мне скучно со всеми, и в первую очередь — с кабаном.

* * *

Я ожидал новую порцию душеспасительно-мозговправительных бесед. Ждал очередного пережевывания все той же жвачки. «Элияху, у тебя стресс, и ты сам в этом виноват! По всем раскладам никакого стрессу у тебя не должно быть. Ты сам себе проблема, спотыкаешься об самого себя. Попробуй жить как все и увидишь, что тебе самому от этого будет лучше». Блин.

А вам никогда не приходило в голову, что если бы такие мишигене, как я, умели жить как все, вы бы никогда не узнали, что они хоть чем-то от вас отличаются? Или думаете, нам хочется быть странными, не похожими на других, вызывая этим недоверие и раздражение? Я пытался дружить с ребятами, но от этих попыток и я, и они чувствовали себя не в своей тарелке. Я встречался с девочками, но у меня никогда не заходило дальше поцелуев под звездным небом, и это несмотря на то, что — я знаю, поверьте, — меня хотят многие. Когда одной, правда, уже далеко не девочке, удалось меня совратить на то, чем безосновательно хвастаются другие ребята, я не испытал особого «упоения». Пожалуй, единственным плюсом стало то, что я теперь мог понять,

когда мои сверстники врут о своих победах, а врут они почти всегда. Секс мне понравился так, как нравится, например, крем-брюле — вкусно, но из-за его отсутствия особо не страдаешь. Честно говоря, меня вообще мало что в жизни способно расстроить. И я действительно не понимаю, о каком стрессе талдычит психолог, — конечно, иногда я испытываю душевную пустоту, одиночество, какую-то тянущую тоску, но ничего ужасного.

Порой я чувствую себя совсем одиноким, как одна планета, которая часто является мне в моих фантазиях. Эта странная планета, которую я, скорее всего, выдумал, улетает от солнца так далеко, что и представить трудно, куда-то за пояс Койпера, где темно, как в гробу, и холодно, как… даже не знаю, с чем сравнить. Мне кажется, когда-то на этой планете жили люди, но потом почему-то бросили ее, и теперь она, покинутая, несется в чужих холодных глубинах космоса как символ абсолютного, ни с чем не сравнимого одиночества…

Короче, я шел к кабану «отбывать номер». Первое, чему учит армия, — даже если ты мозгами понимаешь, что отданные тебе приказы бесполезны, тихо промолчи и сделай. С тебя корона не

упадет, а проблем меньше.

В конце концов, я ж не прынц Голконды, могу послушать с невинным видом наставления стареющего полковника, от меня не убудет. Я ж ему не деньги одалживаю… тьфу. Я успокаиваю себя подобными мыслями, но без особого успеха. Не люблю визиты к психологу, не люблю футбол, не люблю интернат. Я…

* * *

Однако в тот день меня ждал сюрприз. Кабан был не один.

Нет, не так. Даже не знаю, как сказать, потому объясню, как сумею.

Сначала я увидел ее.

В нашей армии девушки не редкость, так уж повелось. Призыв обязателен для всех, и отсрочкой пользуются немногие. Даже среди слабого пола.

Видал я девочек симпатичных, но все они в армейском шмотье выглядят как-то не так. Что ни говори, а военная форма женщинам не к лицу, определенно. Выскажи я эти мысли вслух, к списку моих странностей добавилось бы клеймо сексиста, потому свои выводы я держу при себе. И вот, словно в насмешку над моими мыслями, в кабинете кабана возникла она. На ней была серая

(почти как нацистское фельдграу) униформа ВВС, при этом незнакомка без лишнего стеснения села так, что юбка поднялась выше колен, обнажая стройные загорелые ноги. Лучше ног я не видал с рождения и даже, простите за откровенность, в голофильмах для взрослых. Хотя голофильмы, по-моему, в эстетическом смысле проигрывают даже старенькому 3D — все недостатки фигуры как на ладони… порой и в буквальном смысле, если у вас есть голографический планшет. Первая моя мысль после того, как мозг запечатлел образ гостьи кабана, была о том, что если она, судя по трем золотым шпалам на погонах, капитан ВВС, киноиндустрия понесла тяжелую утрату. Фигура девушки оказалась настолько безукоризненна, что даже униформа, пошитая явно не на таких афродит, ничуть не портила впечатления, а пожалуй, даже наоборот.

Я встретился с ней взглядом, и мне пришел конец. Раньше я и представить себе не мог, что может быть что-то прекраснее, чем полунощная россыпь звезд над Вади-Аравой, но в сравнении с ее глазами все эти звезды казались лишь тусклыми пятнышками на унылом небосклоне.

Девушка приветливо улыбнулась и кивнула мне.

— Вот он, гэврэт-кцина[30], — сказал кабан, — принимайте с рук на руки, не пойму лишь, зачем он вам. Но мне, по крайней мере, одной головной болью будет меньше.

Я еще раз бросил взгляд на погоны девушки. Все правильно, сэранэт — капитан, тогда как кабан — сган-алуф, на два звания старше. Но такое впечатление, что она тут командует, а он подчиняется.

Тем временем девушка кашлянула:

— Можно не так официально, кацин-якар?[31] Мне было бы комфортнее, если бы вы называли меня просто по имени.

— Как скажете, гэврэт Нааме, — покорно склонил голову кабан, а девушка-капитан подмигнула мне:

— Подходите, Элиаху. Садитесь. Я решила пообщаться с вами здесь, чтобы вы заранее не тревожились. Как сказал кацин бриют нефеш, я очень заинтересована в дальнейшем нашем со-

---

[30] Примечания: 30

Гэврэт-кцина — госпожа офицер. Обращение к старшей по званию женщине-офицеру.

[31] Примечания: 31

Кацин-якар — дословно — «дорогой офицер». Неофициальный паллиатив выражения «товарищ офицер», применяемый между незнакомыми людьми, равными по званию, в неофициальной обстановке (или начальником по отношению к подчиненному). Широко употребляется с 50-х годов XXI века.

трудничестве и не хочу, чтобы вы воспринимали его с опаской.

Она изящно облокотилась о край стола, чуть склонила голову и посмотрела на кабана, старательно отводившего взгляд.

— Скажите, уважаемый сган-алуф, с чего вы решили, что ваш подопечный будет мне неинтересен? Неужели потому, что впервые за свою практику не сумели найти подход к юноше?

Кабан вздрогнул, словно под холодный дождь попал. На гэврэт Нааме он старался не смотреть.

— Видите ли, гэврэт, — ответил он глухо, — я действительно не знаю, чем вашему ведомству может пригодиться Элияху. Разве что вы собираете футбольную команду, но в этом случае придется как-то замотивировать его забивать голы — он это умеет, но не хочет.

Откровенно говоря, гэврэт Нааме достаточно было просто попросить меня — и я с готовностью согласился бы даже в одиночку забивать сборной саудовских или китайских легионеров. Я тоже старался не смотреть на очаровательного капитана — нельзя глазеть на солнце без риска ослепнуть, а на такую женщину — без риска влюбиться… хотя, кажется, мне лично уже поздно было пить минералку и притворяться, будто я

не видел эти черты, столь совершенные, словно Господь изваял их не из глины, а как минимум из белого золота…

Нааме тем временем очаровательно улыбнулась кабану:

— Вот как… Простите, кацин, сколько лет вы уже на пенсии?

— Какое это имеет значение? — удивился кабан.

— Наше государство дает всем военнослужащим право работать после достижения пенсионного возраста, — мягким, воркующим голосом пояснила девушка. — Но вы должны хорошо знать, что право — вещь относительная: вы можете служить, пока на все сто выполняете свои обязанности, но если вы… — Нааме прищурилась, — как говорится, потеряли нюх, возможно, лучше отправиться на заслуженный отдых. Армия содержит в своем штате котов, охраняющих продуктовые склады от грызунов, но зачем ей кот, который не ловит мышей? Зачем армии кабан, не способный понять, с каким сокровищем имеет дело?

Кабан опять вздрогнул — определенно Нааме он боялся.

— Что вы такое говорите, гэврэт-кцина? Думае-

те, я не понимаю, насколько Элиаху превосходит своих товарищей? Но, говоря вашим языком, какой смысл в совершенном оружии, которое не стреляет? Элиаху не имеет никаких целей, ни к чему не стремится, он обладает талантами — и никак не желает…

— …или не может пожелать, — перебила его Нааме. — А не может потому, что вы не дали ему раскрыться. Кацин, вы должны стать для новобранца тем, чем солнце и роса являются для цветка, но вашего тусклого света не хватило на то, чтобы этот цветок раскрылся.

Нааме поднялась с кресла — двигалась она плавно и быстро, как кобра, но не невзрачная, вроде тех, что встречаются на Синае и в Египте, а индийская, которую, по-моему, называют королевской. Завораживающе-быстрая и, внезапно подумалось мне, не менее опасная — то-то кабан струхнул…

— Вы говорите, у него нет цели? Но, может, все дело в том, что вы не интересовались его целями? Вы сразу постарались подогнать его под свои, заставить следовать по указанному пути. Не понимая, что такие, как он, не двигаются в чужой колее — они прокладывают свою!

Я кашлянул, привлекая внимание, и, не глядя

на гостью, сказал:

— Простите, гэврэт-кцина, мне, конечно, очень… лестно, что вы так обо мне отзываетесь, но боюсь, кабан… простите, кацин бриют нефеш, к сожалению, прав: я действительно не знаю, к какой цели мне стремиться…

Кабан посмотрел на меня, могу поклясться, с благодарностью, Нааме — с нескрываемым интересом.

— Эли, — сказала она, присев на подлокотник кресла, — можно я буду звать так, по-простому? И ты зови меня по имени, идет?

Я кивнул, хоть и не был уверен, что смогу обратиться к этой женщине, больше похожей на ангела, по-простому, без приставки «гэврэт». Рядом с ней я чувствовал себя каким-то недоделанным.

— Ты говоришь, у тебя нет цели? — спросила она, приближаясь. От нее пахло духами с табачной ноткой; этот запах резко контрастировал с ее эфирным обликом, но при этом составлял с ним потрясающе гармоничный ансамбль. — А мечты? Ведь у тебя есть мечты. — Она не спрашивала, она утверждала и, видя, что я готов не согласиться, добавила: — Просто ты сам себе запретил мечтать. Разве нет?

Я молчал, потому она продолжила:

— Любовь к небу, восхищение звездным пологом, желание взмыть выше облаков — тебе это не знакомо? По глазам вижу, что знакомо, они вспыхнули, стоило мне заговорить об этом. Но на пути к твоей мечте стоит, как тебе кажется, непреодолимое препятствие — чувства твоего отца.

— И что толку в таких мечтах? — произнес я с досадой, по-прежнему не глядя на Нааме. — С таким же успехом я могу захотеть стать Машиахом. Если сказать горе — подымись и ввергнись в море, гора не сдвинется ни на миллиметр, как бы сильно ты ни верил…

Краем глаза я заметил, что Нааме смотрит на меня с интересом. Сейчас она стояла так близко, что я видел, как поднимается и опускается под блузкой ее грудь.

— А тебе хотелось бы сдвигать горы? — тихо осведомилась она. — Или силой мысли останавливать многотонные кометы? Это твоя магия, которой ты грезил в детстве, когда другие читали крамольные для всякого израильтянина фэнтези про эльфов и магов, да?

Я опять непроизвольно кивнул, чувствуя легкую панику, — если это интуиция, то она у Нааме

сверхъестественная. В детстве, наслушавшись от отца историй о кометах и болидах, я нафантазировал себе такое… мне казалось, я знаю пути, по которым бродят вечные скитальцы небес, казалось, что могу одной только силой воображения менять эти траектории.

Чушь, конечно.

— Знаешь, Эли, очень многое из того, что кажется нам невероятным, вполне возможно. — Нааме повернулась к окну, выходящему на восток, откуда на интернат надвигалась ночная тьма в саване, сотканном из теней Эдомских гор. — Когда-то в далекой стране один отец сказал, что если бы Всевышний хотел, чтобы люди летали, он сделал бы их крылатыми. А через несколько лет его сыновья смастерили первый в мире летающий аэроплан…

Она обернулась ко мне так быстро, что я вынужден был взглянуть ей в глаза. Они были голубые и напоминали светлый сапфир.

— Эли, Эли, — сказала она. — У некоторых вроде бы сложных задач бывают очень простые решения. Да, я не представилась: сэранэт Нааме Олимта, Зроа ве-ха'Халаль.

Ни фига себе! Каждый ребенок знает, как называется ВВС Израиля — «Хель ха'Авир» но в составе

ВВС уже давно, почти семьдесят лет, числится «ве-ха'Халаль» — космическая группировка. Официально она включает несколько десятков спутников различного назначения, неофициально…

Когда ООН вынудила Израиль (вместе с пятью другими странами — новичками ядерного клуба) ликвидировать свои ядерные заряды, мы сделали ставку на высокоточные системы. Поговаривают, в их числе есть и орбитальные бомбардировщики. Конечно, все это тайна, запечатанная печатью царя Шломо, но что-то время от времени просачивается по неофициальным и полуофициальным каналам. Так, стало известно, что незадолго до моего рождения ВКС и ВВС разделили и в ВКС назначили собственного командующего в ранге тааль[32]. Ведь не ради десятка спутников, правда?

— Удивительное дело, кацин-якар, — обратилась Нааме к кабану, — вот Эли и таких, как он, можно по пальцам пересчитать не только в Израиле, но и во всем мире. И он среди них — один из лучших, если не лучший. Камень, отвергнутый строителями вроде вас, будет поставлен во главу

---

[32] Примечания: 32

Тааль — бригадный генерал; примерно соответствует генерал-майору.

угла. Когда-нибудь его имя прославится, можете не сомневаться. И им будет гордиться весь народ, как Иланом Рамон, даже больше. Есть вероятность, что его нога первой коснется поверхности иной планеты, не нашей «домашней» Луны и даже не уже хорошо освоенного Марса… Нас ждут другие миры — и первыми их могут увидеть глаза вот этого «бесполезного» мальчика, запрещающего себе мечтать о небе!

— Мы что, опять начинаем космическую гонку? — удивился кабан. — Но ведь это дорого, даже США, Россия и Китай…

— Мышь легко проскочит в город, безуспешно осаждаемый сильной армией, — улыбнулась Нааме.

Я подумал, что она говорит о моем будущем так, словно я уже согласился на предложение, которое еще даже не высказали. А еще я понял, что да, больше того: предложи она мне живым сойти в геенну, я бы согласился. Ради сапфиров ее глаз я бы и до шеола дошел…[33]

— Эли, Эли, — вновь обратилась ко мне Нааме, — твой отец не хотел, чтобы ты стал летчиком,

---

[33] Примечания: 33

Шеол — самый последний уровень ада в иудаизме (геенна, соответственно, самый мелкий); пламя шеола в пятьдесят миллиардов раз сильнее земного и в миллиард раз сильнее того, что в геене.

но ты и не будешь им. Тебе предстоит отправиться к звездам. Мечтал ли ты о таком? Думал ли соединить воедино две свои страсти?

«Три», — подумал я, отрицательно качая головой. Передо мной открывается небо, полное звезд, и открывает его самая прекрасная, самая желанная женщина на Земле.

Хотя, может, она тоже неземная? Уж не ангел ли спустился с хрустальных небес к одинокому юноше? Конечно, ангелы приходят не без боли, не без крови, и для общения с ними всегда приходится чем-то жертвовать. Но я готов на любую плату.

* * *

— Когда мы летим? — спросил я, когда все формальности, на сей раз уже с командиром части, были улажены.

— Летим? — спросила она, улыбаясь. — Хотя ты прав, до вашего интерната можно только по воздуху добраться. Давай вылетим прямо сейчас, ты не против? Или тебе нужно собраться?

— Да что мне собирать? — пожал плечами я. Вещей у меня было немного. — Минут за пять управлюсь. Просто ведь ночь…

— Ночь — это самое прекрасное время, — ответила Нааме. — Я люблю ночь намного больше,

чем суетливый день.

Мы шли к комплексу общежитий. Наверно, если бы кого-то другого вызвали к мелиханам[34] так надолго, братва волновалась бы, но на Элиаху всем чихать. Меня никто не ждал. И покидать это место мне было ничуть не жаль. Особенно ради такой цели и в такой компании!

— Но вы точно не устали? — спросил я.

Она рассмеялась:

— Элиаху, а ты еще не понял? Такой умный, такой недогадливый…

Она наклонилась к моему уху, и у меня голова закружилась от запаха ее парфюма и тепла щеки:

— Я такая же, как ты, и все мы особенные. Открою секрет — тебя ждет звездное будущее, но не в Зроа ве-ха'Халаль.

— Как?! — Я даже не понял, что чувствовал, может, обиду, но сердцем понимал, что Нааме меня не обманет — в главном, конечно.

— Все, что я сказала о твоем будущем, правда, — тихо произнесла она. — Ты действительно ступишь на другую планету. Это случится, и будет даже больше того, я пока не могу рассказать обо

---

[34] Примечания: 34

Мелиха — начальство, мелихан — начальник (*жаргон*).

всем. Но не ради «Зроа ве-ха'Халаль» — у Израиля действительно нет ресурсов для космической программы. Ни у одной страны мира их нет. Человечество замуровано между Марсом и Венерой, но маленькая мышка проскочит внутрь осажденного города. Элиаху, люди, с которыми ты жил все это время, чужие тебе, но я приглашаю тебя в твою семью. Твою и мою. К таким, как мы, к тем, кто говорит с нами на одном языке. И вместе мы отправимся к звездам, согласен?

— Да, — ни минуты не колеблясь, выпалил я. Я не питал особой привязанности ни к чему на Земле. У меня не было ничего такого, о чем бы я пожалел.

— Кстати, я не узнала о тебе только одно — у тебя есть прозвище?

Я отрицательно покачал головой:

— Нет. И не было никогда.

— Так не годится, — нахмурилась Нааме. — У всех должно быть новое имя. Хочешь, я сама его тебе придумаю?

— Конечно! — с энтузиазмом ответил я, чувствуя неведомое мне ранее, разливающееся внутри счастье. Она приподнялась на цыпочки и провела пальцами по моим щекам, словно выполняя какой-то ритуал.

— Я буду звать тебя Бракиэль, — тихо проговорила Нааме. — Тот, кто глядит в небо.

Фридрих Вайсманн: раз, два, твой ангел заберет тебя

Даже

для здорового, полного сил человека лестницы нашей миссии — сущее наказание. Говорят, этот монастырь построили босые кармелиты, один из самых суровых монашеских орденов. Они сами носили тяжелые камни, поднимали их на леса и укладывали, радуясь труду, и архитектура их миссии была выбрана таким образом, чтобы те братья, которые придут в уже построенное здание, несли не меньшие тяготы. Отсюда крутые и узкие ступеньки, тесные коридоры, низкие потолки и притолоки, которые с недавних пор стали моей головной болью в буквальном смысле этого слова. Я о них постоянно бьюсь лбом. Не привык еще…

А уж добраться до миссии из города, лежащего под нами, — сущее мучение. Местами приходится карабкаться, как обезьяна. Поэтому я всю жизнь провел в этих стенах, а город видел только через узкие, похожие на бойницы окна.

Сейчас, однако, монастырь принадлежит бра-

тьям-камиллианцам, и что бы они ни говорили, я знаю, в душе они проклинают своих ревностных предшественников за такую неуемную жажду укрощения плоти. Не могу с ними в этом не согласиться: для меня в тягость даже правила нашей обители. Надо додуматься — отдать столь непригодное здание ордену, чья основная функция — забота о больных, немощных и увечных! При миссии живет несколько десятков пациентов-послушников, в основном дети-инвалиды, среди которых до недавних пор был и я, и небольшое число стариков и калек. Помню, когда мне было лет шесть, в миссию приезжала чиновница из столицы (после ее визита у нас появились дизель-генератор и Интернет). Когда она прошла по кельям послушников, ее замутило. Когда увидела Пабло — ей срочно пришлось искать уборную. Пабло — обрубок: у него нет рук, ног и глаз. Говорят, и не только этого, но я не знаю. Пабло пострадал в каких-то «разборках» внизу. Иногда он слезно просит окружающих подарить ему смерть. Я его понимаю — лучше вовсе не жить, чем так. Я читал в Интернете, что уже лет двадцать существуют киберпротезы, способные заменить руку, ногу и даже глаз. Но у общины нет таких денег, их нет даже на допотопный механопротез, которые

время от времени продают на вторичном рынке. Вот поэтому бедный Пабло не живет, а мучается. Я к нему иногда захожу, читаю вслух. Со мной он хотя бы не плачет, даже забывается, а один раз рассмеялся беззубым ртом.

Наверно, они действительно страшные: Пабло, бывший пожарник Миру, у которого лицо сгорело до кости, безбородый Нанду, питающийся через трубочку в горле, — это старшие. Младшие им под стать. У Лео ДЦП, он похож на искореженное дерево, а его лицо напоминает морду горгульи. Энрике родился без рук, вместо них две культяпки. Самый маленький, Хорхе, — гидроцефал. Когда ему было два года, туловище и голова у него оказались одинаковы по размеру. А Деу похож на маленького старичка — у него прогерия, он за год стареет на пять лет. Его мать была больна СПИДом, отсюда и болезнь…

Если вы увидите меня сейчас, то, наверно, не поймете, что я делаю в этом скорбном месте. Но это только потому, что вы не знаете, каким я был раньше. Никто этого не знает, кроме монахов и их подопечных. Ни те ни другие, по понятным причинам, никому не расскажут. Именно потому меня и удивило то, что случилось со мной в тот день. Даже больше, чем то, что произошло без

малого месяц назад, когда случилось чудо. Вот только к этому чуду я был готов, а события того дня застали меня врасплох.

Я поднимался по крутой лестнице, и каждый шаг был для меня мукой и радостью. Мукой — потому что ноги словно свинцом налились, и для того, чтобы сделать шаг, приходилось прилагать немалые усилия. Мне и стоять-то сложно, но я стою, хожу и вот даже по лестнице карабкаюсь, а в будущем, наверно, смогу спуститься в город. А радостью — потому что я сам этого добился.

Мне давным-давно был объявлен приговор — полный паралич нижних конечностей. Это то, что я знаю, а почему и как со мной это произошло — тайна, бдительно охраняемая братией миссии. Сколько себя помню, я не чувствовал ног. Почти не чувствовал — иногда какой-то дискомфорт, боль, покалывание достигали моего мозга, но в целом ноги являлись балластом.

Во снах я ходил, бегал, прыгал, как все обычные дети, но только во сне. Наяву я даже не представлял себе, как можно поднять ногу. Я видел ее, но по ощущениям ее не было. Мои ощущения заканчивались на уровне паха.

Наверно, живи я с обычными детьми, посещай обычную школу, я оказался бы намного

несчастнее. Когда не знаешь, что ты потерял, потеря ощущается не так остро. Я много читал — у монастыря прекрасная библиотека, а потом и Интернет появился, — но все то, что касалось движения, оставляло меня до поры до времени равнодушным. Я с головой окунулся в учебу, которая давалась мне легко благодаря одной моей особенности — я с фотографической точностью запоминаю однажды увиденное и прочитанное и мне не составляет труда вспомнить все это даже через десять лет. Один из монахов обучил меня математике, а физику и химию я освоил сам. Равно как и программирование, насколько позволяли допотопные монастырские компьютеры и очень урезанная сетка. Мы даже в Интернет выходили по какому-то радиоканалу, что в наше время дикость с учетом дешевизны оптоволокна и обилия спутниковых каналов передачи данных.

В один из пасмурных майских дней все изменилось — потому что я увидел сон. В то время мне исполнилось четырнадцать. За все эти годы женщин вживую я видел несколько раз, да и в Интернете нечасто — у нас все-таки очень ограниченный доступ к Сети, у сервера, если это чудовище из двадцатых годов можно так назвать,

выставлен белый список адресов, по которым можно заходить. Но если то, как выглядит женщина, я себе еще представлял, то ее запах или то, какая она на ощупь, — совершенно нет.

В тот день в миссию приезжал какой-то каноник чуть ли не из Рима — с частным визитом, цели которого я не знаю. Каноника я хорошо запомнил, потому что он мало походил на братию монастыря. Высокий, мускулистый, черный, как вакса, он был без одного глаза и прикрывал глазницу черной кожаной повязкой. Если бы не этот недостаток, он казался бы идеалом мужской красоты. Хотя я в этом не разбираюсь, конечно.

Я был во внутреннем дворике — брат Симон вывез меня на коляске подышать свежим воздухом. Он ушел куда-то, а я спрятался под колоннаду — время от времени начинал капать неприятный дождь. Мимо проходил отец-настоятель со своим гостем. Аббат благодарил каноника за щедрые пожертвования, тот скромно отнекивался — дескать, за это следует благодарить Господа, Его Пресвятую Мать и их наместника на Земле. Он-де лишь смиренный служащий и выполняет высшую волю.

Увидев меня, каноник остановился так внезапно, что отец-настоятель не сразу понял, что

произошло, и сделал пару шагов, прежде чем тоже встать.

— Этот юноша — один из ваших послушников-пациентов? — спросил каноник.

Аббат ответил утвердительно.

Каноник вздохнул:

— Вдвойне отрадно видеть, что те скромные средства, кои мы вам передали, пойдут на помощь таким несчастным. Посмотрите на этот благородный лик! Видя его, сразу вспоминаешь, что человек создан по образу и подобию…

— Амен, — откликнулся аббат, глядя на меня так, словно видел впервые.

Каноник подошел ближе.

— Дитя мое, — сказал он. — Мне жаль видеть тебя столь немощным. Я хотел бы сесть в эту коляску вместо тебя, лишь бы ты мог пересечь своими ногами хотя бы этот дворик!

— Вы ее развалите, — буркнул я невпопад; иногда я такое ляпну, не подумав, за что потом стыдно. — Коляску, в смысле.

Сказал — и перепугался: а что, если каноник рассердится? Я по глазам… по глазу этого человека видел, что его сочувствие не наигранное. Не совсем наигранное. Он действительно мне сочувствовал — но кроме того, был чем-то удивлен и

заинтересован, и это что-то касалось меня. А я ему нагрубил…

— Как хорошо, что ты не теряешь присутствия духа, — вместо того чтобы рассердиться, улыбнулся мужчина. — Сам Господь любил пошутить. Достаточно вспомнить случай со святым Павлом на пути в Дамаск… — Он вздохнул: — Дитя мое, когда Христос велел Лазарю восстать, Он говорил, зная, что несчастный восстанет. И я верю, что ты сможешь подняться со своего одра, взять его и отнести в келью. Не сегодня и не завтра, а тогда, когда сам в это поверишь.

— Это потому, что вы не читали моей медицинской карточки, — ответил я. — Там черным по белому написано — атрофия нервных окончаний нижних конечностей. Братия учит меня со смирением относиться к этому — не могу я ходить, но Бог дал мне другие таланты, а мои желания…

— Не стоит недооценивать свои желания, — сказал каноник. — Если в них нет греховного, то, возможно, Бог так дает тебе понять, что ты можешь чего-то добиться? Если бы нищий слепец не бежал за Христом, то никогда не прозрел бы. Если бы женщина не прошла сквозь толпу, чтобы ухватить края ризы Христа, — она бы умерла от своей болезни. Но самое худшее — тогда не

случилось бы чуда…

— А вы верите в чудеса? — спросил я, уставившись ему точно в переносицу. Когда смотришь на переносицу, собеседник думает, что ты заглядываешь ему прямо в глаза.

— Увы, — сказал он, улыбаясь. — Я не могу верить в чудеса. Вера предполагает незнание, а я знаю. Я видел Плоть и Кровь в Ланчиано, я был в Лурде и сам касался плащаницы.

— Монсеньор, — сказал аббат с благоговением, — я не знал. Позвольте мне в свою очередь прикоснуться к краю вашей мантии, чтобы хоть немного святости, которую…

— Я не апостол Петр, чтобы исцелять тенью, — ответил темнокожий каноник. — Я всего лишь скромный служащий Конгрегации и чаще подвергаю чудеса сомнению, чем их удостоверяю. Но тех, что я видел, хватило с лихвой.

— А сколько всего вы видели? — спросил я опять невпопад.

— Триста шестьдесят четыре, — сказал он, и я подумал, что у него странный акцент, тягучий, словно он наслаждался каждым произнесенным словом. — На одно меньше, чем дней в году. — Внезапно он подмигнул мне: — И я очень надеюсь, что когда-нибудь засвидетельствую

триста шестьдесят пятое. Например, мальчика, исцелившегося от атрофии нервных окончаний.

Он наклонился ниже и сказал:

— Inpossibilia sunt apud homines possibilia sunt apud Deum. Не так страшно потерять глаз, как надежду, помни это.

И еще раз подмигнул, а потом благословил меня.

* * *

В ту ночь мне приснился сон, который многое изменил в моей жизни и которому суждено было стать для меня вещим. Я часто вижу яркие и красивые сны, ведь сон — это убежище для тех, чья жизнь окрашена в мрачные тона. Когда ты заперт в унылом каменном мешке для умерщвления и без того не особо живой плоти, а большой мир видишь только сквозь узкие окна-бойницы и столь же узкий канал Интернета с небольшим числом дозволенных переходов, сон — единственное место, куда можно убежать. Но в тот день я не хотел прятаться. Визит каноника меня странно взволновал. Этот человек казался мне посланником из какого-то другого мира, куда более приветливого, чем тот, в котором прозябал я сам.

Перед сном, перебравшись на узкую койку, я

много думал и над словами каноника, и над тем, как я его воспринимал. Посланник — по-гречески будет «ангел». Черный одноглазый ангел, его вид должен был меня напугать, но я обрадовался ему, как обрадовался бы настоящему ангелу. Я заснул, думая о том, какими бывают ангелы, и сам не заметил, как оказался в другом месте, еще более мрачном, чем то, в котором я жил.

Вероятно, это было какое-то подземелье — но столь обширное, что походило на древний пещерный город. Вот только стены этих пещер оказались железобетонными, а вместо наскальных рисунков их покрывало то, что, как я потом узнал, называлось граффити.

Я видел (снизу вверх) толпу бритоголовых людей в серых комбинезонах. Среди них нашлись женщины. Кстати, несколько женщин были увечны — у них не хватало руки или ноги, иногда и двух конечностей сразу. В числе мужчин калек почему-то не наблюдалось.

Эти люди были страшно неухоженными, от них несло вонью давно немытых тел. Лица их искажали гримасы боли и ненависти, и ненависть эта была направлена на меня.

— Вот он! — орали они. — Сын дьявола!

Мне хотелось возразить, сказать, что я не имею

никакого отношения к дьяволу, наоборот — я честный католик и, скорее всего, стану монахом, но язык отчего-то не повиновался.

— Все они антихристы! — кричала противным каркающим голосом безрукая женщина (вместо одной руки у нее был примитивный киберпротез, известный как «рука пупса» — таких, уродливых и малофункциональных, больше не выпускают). — Дьявол хотел создать армию из наших детей, а мы жертвовали ему свою плоть! Мы вкладывали свои силы в то, чтобы создать этих «суперлюдей». Нам следует остановить их, уничтожить! Дьогу, чего же ты медлишь?

Из толпы вышел огромный мужик; лицо его было совершенно безумно, к тому же он зачем-то расцарапал щеки, и те покрывали незаживающие раны. В ручищах мужчина держал длинный шест, на концах которого потрескивали искры.

— Прими благословение Вышнего, — пророкотал он. — Благословляю ноги твои, да не ступят они на стезю зла. — С этими словами он ткнул шестом в мою левую ногу, и ее — от пятки до паха — пронзила невероятная боль. Я упоминал, что не чувствую ногу? В тот момент я почувствовал ее всю, каждый ее нерв, каждый сосудик… Во сне я, наверно, упал, потому что теперь страшный

мужчина нависал надо мной, как гора. Не обращая внимания на мои крики, он ткнул палкой в другую ногу…

— Благословлю руки твои, — рычал он, пока я корчился от боли, — да не сотворят они зла…

— Остановитесь! — Голос был звонкий, молодой, но властный настолько, что бесновавшиеся фанатики моментально замерли. — Что вы делаете? Кто сказал вам, будто своим злом вы искупите чужое?

Я приоткрыл глаза. Дотоле пребывающее в полумгле, подземелье было освещено так ярко, словно здесь взошло солнце. Фигура женщины была, кажется, соткана из света. Ангел, внезапно понял я.

— Это сын сатаны, — заверещала какая-то старуха. — Исчадие ада!

— Не вам решать! — парировал ангел. — Не вам, женщинам, которые добровольно отдавали свою плоть, и не вам, мужчинам, заставлявшим своих жен себя калечить. Вы вымещаете злобу на несчастном ребенке? Идите лучше замаливайте свои грехи!

И тут же мрачные фигуры попятились от меня, словно тени от источника мощного света. А ангел приблизился. Теперь я мог рассмотреть его, вер-

нее, ее — ангел оказался прекрасной женщиной.

— М-да, — проговорила девушка-ангел, склоняясь надо мной. — Апистия, посмотри, что эти сволочи успели натворить, хорошо?

— Будто сама не видишь, — раздался другой, глуховатый голос. — Вонь горелого мяса даже я чувствую. Аутодафе космической эры, блин…

Откуда-то появился еще один ангел, тоже женского пола. Его окутывало мягкое, неяркое сияние, а лицо было печально. Ангел повернулся ко мне спиной и наклонился к моим ногам, ощупывая их. Время от времени мне было так больно, что я вскрикивал.

— Все, капец, — не оборачиваясь, заявил ангел. — И дело даже не в том, что они сожгли ногу до кости, с этим-то я справлюсь. Проблема в другом: они добились того, чего хотели, — нервные окончания выжжены до середины бедер. А ведь он только родился. Шесть девять месяцев, понимаешь…

Другой ангел произнес с сочувствием и страхом:

— Что, совсем-совсем ничего нельзя сделать? Ведь он же, — тут мне показалось, что ангел упомянул какой-то белок из структуры ДНК, но я не понял к чему. — И потом… такой симпатичный

мальчик…

— Психология, — объяснил ангел по имени Апистия. — Этот ребенок не будет знать, что может ходить.

— Посмотрим, — с неожиданной решимостью ответила ее собеседница, глядя мне в глаза. — Думаю, он справится. Смотри, лежит, молчит, смотрит с интересом… сразу видно, наш.

— Справится, ага, когда его ползунки пойдут на исповедь, — фыркнула Апистия, но другая девушка-ангел приблизилась и опустилась на колени рядом со мной, ее рука, от которой исходило теплое сияние, коснулась моей щеки.

— Запомни, малыш, — сказала девушка-ангел. — Тебе будут говорить, что ты никогда не сможешь ходить. Видишь ли, люди сплошь и рядом называют себя верующими, но боятся верить по-настоящему. Если бы мы были горячими или хотя бы обжигающе-холодными! Но мы едва теплые и не способны совершать чудеса.

Она наклонилась ниже; я чувствовал тепло ее кожи, ее острый, но приятный запах, совсем не подходящий для ангела.

— Малыш, в тебя никто не поверит, даже самые близкие люди, хотя, похоже, с этим у тебя тоже непросто. Но запомни — я верю в тебя, верю, что

ты сможешь однажды встать и пойти. Ты ведь меня не подведешь, да?

— Он тебе не ответит, — заметила вторая женщина-ангел. — Он еще толком и не агукает. М-да… хреново, если малыш склеит ласты. Вколю-ка я ему снотворное, что ли…

В ее руке появился шприц-инъектор, похожий я видел лишь пару раз, когда к нам в приют приезжали прививать послушников. Жидкость внутри шприца была кобальтового цвета и переливалась. Укола я не почувствовал, зато ощутил прикосновение к щеке мягких, теплых губ и услышал столь же мягкий, слегка низковатый, воркующий голос:

— Я не оставлю тебя! Придет время — и мы встретимся, но лишь тогда, когда ты встанешь на ноги. Запомни, меня зовут Ника.

Последнее, что я услышал, был короткий и невеселый смешок Апистии.

* * *

Проснувшись, я перебрался в коляску, раздумывая над тем, что увидел во сне. Если ангельская природа Ники не вызывала у меня сомнения, то поведение ее дерзкой на язык спутницы как-то слабо вязалось с тем, что я знал об ангелах. В

умывальной комнате никого больше не было, и, воспользовавшись этим, я подъехал к цементному корыту, где те, кто мог, мыли ноги. Закатав рясу и подрясные брюки, я внимательно осмотрел свои ноги.

Тогда они выглядели намного хуже, чем сейчас, — худые, тоньше рук, они казались костями, обтянутыми неприятной смуглой кожей. Следов ожогов я, конечно, не нашел. Могло ли это свидетельствовать о том, что виденное во сне — всего лишь моя причудливая фантазия?

Да, могло. Но мне очень не хотелось в это верить.

Я попытался распросить, при каких обстоятельствах угодил в обитель, но братия словно поголовно приняла обет молчания. Складывалось впечатление, что в один прекрасный день я просто материализовался в приюте из ниоткуда. Медицинскую карту мне дали с большой неохотой, но и она ничего не прояснила — об ожогах в ней не упоминалось, говорилось только об атрофии мышц нижних конечностей, связанной с дегенерацией нервных окончаний неизвестной этиологии. Оказывается, по моему поводу собирался консилиум, может, и не самых великих светил, но уж, как говорится, по мо-

щам и миро. Во всяком случае, эти ребята были специалистами в… разных областях. По их заключению, вероятнее всего, я получил сильнейшую электротравму, но, во-первых, от разряда такой мощности я скорее протянул бы ноги, чем потерял их иннервацию, а во-вторых, специально было отмечено как раз отсутствие ожогов. В общем, не придя ни к какому выводу, мое состояние списали на ненормальное развитие, вызванное неизвестными генетическими проблемами, и на том успокоились. Они, но не я.

На самом деле, прочитав отчет, я понял нечто важное — все то время, что я пытался узнать о своем прошлом, я занимался фактически тем же, чем пророк Иона: пытался убежать от того, что мне предстояло сделать.

Каноник сказал, что ждет чуда, а ангел из сна возвестил, что верит в меня и я смогу встать с инвалидного кресла. Я же малодушно пытался скрыть от себя это, проигнорировать то, что кто-то возлагает на меня надежды, кто-то в меня верит и чего-то ждет от меня. Никто никогда в меня не верил. Братия монастыря, будем откровенны, видела во мне только обузу. Да, они несли бремя (в виде меня) с радостью, но, как мне кажется, вовсе не потому, что любили меня, а лишь

для того, чтобы стяжать себе благодать, я был лишь средством для достижения этой цели.

«А может, именно потому я до сих пор и не встал на ноги?» — внезапно подумалось мне. Может быть, все дело в этом? Я не мог пошевелить ногами, поскольку не чувствовал их, их для меня не существовало. И надежды на то, что когда-нибудь это изменится, тоже. До вчерашнего дня, а точнее, ночи.

Знаете, я думаю, что чужая вера делает нас крылатыми. По крайней мере, меня так точно. Но я не сразу решился на то, что хотел сделать. Иногда мне казалось, будто я ощущаю покалывание в ногах, чаще всего я думал, что это не больше чем иллюзия. Соотнеся это чувство с тем, что прочитал в своей карточке, я решил действовать и, улучив момент, выбрался за пределы миссии. Ее окрестности были неприглядны — все мало-мальски ровные места заросли всякими сорняками вроде молочая и ядовитого плюща. Последний-то мне и требовался. Я заехал туда, где меня никто не мог видеть и где плюща было больше всего, снял брюки и обильно натер ноги этим крайне неприятным растением.

Кстати, ядовитый плющ вовсе не содержит яда, но его сок и пыльца — сильнейший аллерген.

То, что у меня аллергия на это растение, я знал с детства — когда эта дрянь цветет, вся миссия чихает и сморкается. Оставалось ждать.

В тот вечер я едва не отдал Богу душу: у меня подскочила температура, грудь сдавило, каждый вздох казался глотком кипятка, но я добился своего — почувствовал пламя, охватившее покрывшиеся алыми пятнами ноги. Я поверил, что они существуют, а значит — можно заставить их повиноваться.

Ходить я начал через месяц. А еще через месяц я поднимался к настоятелю миссии, прекрасно зная, зачем иду. Но даже тогда, когда мы вроде бы готовы к чему угодно, судьба все равно преподносит сюрпризы.

* * *

Каноник вернулся. Я ждал этого, надеялся, верил, что так случится, ведь я… я ходил, и это было чудо.

Чудо, о котором братия не спешила, однако, никому сообщать по причинам, мне не понятным. На прямой вопрос мне ответили, что это чудо может быть искушением. В науке есть такое понятие, как ремиссия, когда заболевание вроде бы отступает, чтобы вернуться с удвоенной си-

лой. Братия миссии считала мой случай чем-то подобным.

Я чувствовал горькую обиду. Как это? Почему не чудо? Ведь я столько усилий приложил, чтобы оно произошло! Да, я не бил сотни поклонов, не проводил ночи в оссуарии миссии среди святых мощей и простых останков, не носил вериг и власяницы — моими веригами были собственные непослушные ноги. Даже сейчас каждый шаг являлся результатом усилий с моей стороны, я не мог, как другие, идти, не обращая внимания на ноги. Я представлял себе, как они двигаются, я как будто крутил перед внутренним взором виденный на одном из сайтов познавательный ролик, называвшийся «Маленький шаг человека», — там подробно рассказывалось о том, как человек идет. Каждый шаг давался мне с огромным трудом, но трудились не столько мышцы, сколько голова.

Вторая половина правды заключалась в том, что признание моего исцеления давало мне надежду на возвращение каноника. Но даже больше него я надеялся увидеть девушку-ангела. Увы, я так вырабатывался за день, просто ходя на своих двоих, что засыпал, простите за каламбур, без задних ног и никаких снов не видел.

Поднявшись на этаж, я остановился. Кабинет-келья настоятеля находился в конце коридора, но узкие проходы со сводчатыми потолками создавали удивительные звуковые каналы.

— Это не вам решать! — Голос каноника я узнал сразу, хотя сегодня он был не ласков, а строг. — Вы много берете на себя, брат, указывая Церкви, что является чудом, а что нет!

— Но разве мы не должны с сомнением относиться ко всему сверхъестественному? — А вот отец настоятель, похоже, был испуган. — Ведь в булле папы Пия…

— Я лучше вашего знаю, что сказано в этой булле. — Голос каноника смягчился, но лишь слегка. — Вы видели мои рекомендательные письма: я выполнял функции адвоката дьявола так часто, что сбился со счету. Тем не менее или даже благодаря этому я настаиваю, что ваши доводы ничтожны. Ну и что, что чудо нельзя соотнести с каким-то святым или с образом Пресвятой Девы? Вам не кажется, отче, что порой мы за святыми реликвиями и образами теряем Того, Кто является Подателем всех чудес Святой матери-церкви? К какому образу обращался пророк Илия, воскресив мертвого юношу? Какому святому молились трое отроков, вошедших в

вавилонскую печь?

Слушая это, я немного отдохнул и решил продолжить путь. Я старался не шуметь, но внезапно понял, что мне это не особо удается — диалог в кабинете директора затих и не возобновился до того, как я открыл дверь.

— Могли, кстати, попросить кого-то пособить юноше, — проворчал сидящий за столом каноник. — Ваши ступени и для здорового испытание, а уж парень-то еле ходит…

— Вот это меня и смущает, — с жаром сказал настоятель. — Разве Бог не исцеляет сразу, моментально?

Каноник тяжко вздохнул.

— Плохо же вы знаете Писание, — сказал он, глядя на меня, а я стоял, привалившись к косяку двери. Ноги болели, словно я вновь окунулся в «плющевую ванну». — Вспомните того слепца, что видел проходящих людей, как деревья… Да дайте же парню табурет, олух, он ведь сейчас упадет! — неожиданно рявкнул гость.

— Не упаду, — упрямо возразил я, но на спешно поданную табуретку все-таки сел, точнее, рухнул. Ехидно отметив про себя, что настоятель при этом остался стоять — стула у него было два и он отдал мне свой, а каноник ему уступать, похоже,

не собирался.

Кстати, в кабинете появилось нечто новое. Сначала в полутьме я принял этот предмет за статую, но меня смутило отсутствие головы. Затем я разглядел, что это что-то вроде комплекта из рук и ног, соединенных металлическим каркасом.

— Подарок твоему другу Пабло, — пояснил каноник, вероятно, проследив за направлением моего взгляда. — У меня есть знакомый врач-ортопед, он работает на компанию Д8 и, как благочестивый католик, консультирует Конгрегацию. По твоему поводу я тоже с ним советовался. Заодно рассказал о Пабло, и он предложил мне вот этот экзоскелет. Старая модель, конечно, но лучше не очень хорошие руки-ноги, чем вообще никаких, правда? Там еще и глаз есть, в коробке, один, правда. Ну, так у меня не больше, и ничего, слава Богу и Пресвятой Богородице, хватает.

У меня даже закружилась голова и появилось какое-то странное предчувствие. Конечно, подарки привезли не мне, а Паблито, но отчего-то мне от этого было не менее приятно. Удивительно: трудно найти человека, столь не похожего внешне на Папа Ноэля[35], как чернокожий ка-

[35] Примечания: 35
Папа Ноэль — имя Санта-Клауса в Бразилии.

ноник, и одновременно столь напоминающего его поведением. Я чувствовал себя как ребенок, нашедший подарок в носке у камина, хотя ни разу не получал подарки таким образом…

— Вот что, Фриц, — сказал каноник (он знал мое имя, а вот я понятия не имел, как его зовут), — Конгрегация Сан-Паулу и Ресифри заинтересовалась чудом, которое милосердный Бог сотворил в отношении тебя. — Слово «чудо» он подчеркнул, бросив быстрый взгляд на аббата, переминавшегося с ноги на ногу. — Я назначен дознавателем[36] в этом деле. Мои полномочия подтверждены бумагами, которые я уже передал вашему настоятелю.

Аббат неохотно кивнул.

— Как дознаватель я принял решение перевести тебя в научно-исследовательский центр «Фишер ГмбХ», занимающийся исследованием ортопедии и протезирования. Там ты пройдешь самое полное обследование. Если даже окажется, что произошедшее с тобой — не сверхъестественное явление, специалисты центра смогут

---

[36] Примечания: 36

Дознаватель (exequtor) — должностное лицо Конгрегации, осуществляющее исследование события, в отношении которого есть основания считать, что оно было чудом. Дознаватель имеет широкие полномочия, он может от имени курии нанимать профильных специалистов, обращаться за консультациями в научные и лечебные организации и т. д.

установить причины и механизмы этого процесса и тем самым помочь тебе выздороветь полностью. А если это действительно чудо…

Он замолчал. Молчал и я. Я не мог сказать ему, что чувствую, — только не в присутствии аббата. Но, кажется, каноник это понимал.

— Ты согласен поехать со мной? — спросил он. — В Центре тебя уже ждут. Честно говоря, я рад, что у меня есть возможность показать им тебя: я говорил о тебе после первого посещения обители, и они заинтересовались твоим случаем, но просто так забрать тебя отсюда я не мог… по многим причинам. Однако Сам Бог распорядился за нас: как я уже говорил, inpossibilia sunt apud homines possibilia sunt apud Deum. Теперь у меня есть возможность показать тебя специалистам. Может быть, именно для этого Бог не исцелил тебя полностью, кто знает? Но если ты не согласен поехать…

— Согласен! — выпалил я так, словно ожидал, что каноник вдруг растворится в воздухе. — Когда надо выезжать?

— Если ты не сильно устал, то хоть сейчас. — В тоне каноника чувствовалось облегчение. — Сколько тебе нужно, чтобы собраться?

— Нисколько, — ответил я. — У меня нет ниче-

го, что я хотел бы взять с собой, разве что смену белья.

— Ты так легко покидаешь нас, — выдавил из себя аббат. — Я распоряжусь дать тебе в дорогу все необходимое.

Каноник тем временем встал.

— Я пока вызову машину, — сказал он. — А вы можете попрощаться.

Признаться, я почувствовал себя немного не в своей тарелке. Ничего не могу сказать плохого о братьях миссии. Они заботились обо мне всю мою жизнь и искренне радовались, когда я встал на ноги. Но при этом так и остались для меня чужими людьми.

— Отец, — обратился я к аббату, — но ведь апостол говорил, что тот, кто может получить лучшую долю, должен стремиться к этому, разве нет? Я могу избавиться от своего недуга, что тут плохого?

— Ничего, — ответил аббат, не глядя на меня. — Я буду молиться, чтобы твои надежды сбылись, чадо. А пока благословляю тебя. In nomine Domini Patris et Filii et Spiritus Sancti…

— Amen, — закончил я. — И спасибо вам. Вы так много для меня сделали…

* * *

В том самом дворике, где некогда я впервые увидел каноника, у самой колоннады стояло… нечто. Эта штука походила на ската-манту или приплюснутую подводную лодку, при этом на «голове» и «спине» ската виднелась выпуклость наподобие обтекателя кабины, только совершенно непрозрачного снаружи. Обтекатель оказался довольно большой, размером с грузовик-трейлеровоз, а сама штуковина еще больше, она занимала всю свободную часть двора, едва не утыкаясь в давным-давно не работающую чашу фонтана. На «крыльях» машины были нарисованы ключи под тиарой — знак Папского престола. Выходит, слова о курии в устах каноника — не пустое бахвальство?

Пока я разглядывал необычный транспорт, каноник вышел на крыло и помог подняться мне. Нам навстречу уже гостеприимно распахнулся темный дверной проем. Не дожидаясь меня, каноник прошел внутрь, а я, конечно же, последовал за ним, бросив последний взгляд на старые здания миссии. Внезапно я с особой остротой понял — больше сюда я не вернусь. Эта страница жизни перевернута.

Внутри машины, как я и ожидал, оказалась кабина, но какая! В передней ее части было два широких панорамных окна с великолепным обзором, а под ними проходила подковообразная панель управления, над которой мерцали в воздухе голограммы, информировавшие о состоянии машины. Перед панелью управления стояло два кресла; в одно из них уселся каноник, а другое…

Стоило мне войти, как это кресло развернулось ко мне и из него легко, словно сотканная из света голограмма, выпорхнула хрупкая фигурка в белом. От нее, казалось, исходит сияние, и…

…я не мог ее не узнать. Сердце замерло в груди — передо мной стоял мой ангел, который, понял я внезапно, снился мне не один, а много раз, еще в детстве. Мне, правда, казалось, что девушка выше…

— Ого, какой здоровый вымахал! — улыбнулся ангел. — Тебя только по генетическому портрету узнать можно. Присядь уже, тяжело стоять-то?

Я упрямо тряхнул головой:

— Ничуть не тяжело.

Она рассмеялась:

— Все равно садись, мы скоро взлетаем… Фредди, я так рада тебя видеть! Особенно рада, что ты поднялся на ноги. Я верила, что ты сможешь…

— Вы — ангел? — спросил я, присаживаясь на скамейку напротив двери.

Аппарат чуть заметно вздрогнул.

Она вновь рассмеялась:

— Пока нет и, надеюсь, не скоро стану. Зови меня Ника, хорошо? — И она протянула мне руку.

Я же, вспомнив что-то из прочитанного в Сети, наклонился и, внутренне замирая, коснулся губами хрупких пальцев, словно окутанных мягким, невидимым обычному взгляду сиянием.

— Ух ты, какой галантный. — Голос Ники стал чуть ниже, в нем появились воркующие нотки, похожие на кошачье мурлыканье. — Ты уже совсем взрослый, Фредди. Взрослый, красивый, одаренный — нельзя, чтобы такой цветок зачах в столь бесплодном месте. Хочешь взглянуть? — Она жестом указала на панорамные окна, которые были спереди и сзади. Мы уже взлетели; здания миссии отдалялись, но каноник, управлявший аппаратом, заложил вираж, чтобы я мог посмотреть на место, так долго бывшее моим домом.

Какой крохотной и ветхой казалась наша миссия с высоты птичьего полета! Она прилепилась к отвесной скале, как гнездо ласточки к старой стене. Я разглядел даже заросли плюща, окружав-

шие миссию, того самого плюща, что мне помог.

— И что ты чувствуешь? — спросила Ника.

Она сидела рядом со мной, так близко, что ее волосы касались моей шеи. Я чувствовал странное волнение и догадывался, что это из-за нее. Я впервые находился в компании женщины, и не просто женщины — ангела во плоти.

— Ничего, — сказал я, стараясь не смотреть в ее сторону. — Это место не было моим домом.

— Ты прав, — ответила Ника. — Но ты бы хотел, чтобы у тебя появился дом? Хотел бы оказаться среди людей, которым не безразличен?

— У меня не было близких, — ответил я. — Но, конечно, хотелось бы почувствовать, что это такое. Вы однажды мне приснились…

Я ждал, что Ника удивится, но она только кивнула.

— You had a dream, which was not all a dream[37], — сказала она своим чарующим, мурлыкающим голосом. — Не сон, Фредди. Воспоминание.

— Почему вы зовете меня Фредди? — спросил я. — В обители меня называли Фриц, у меня немецкое имя и фамилия…

— Твои родители были немцами, это правда,

---

[37] Примечания: 37

«Я видел сон, не все в нем было сном» — цитата из стихотворения Байрона «Тьма».

но они не успели дать тебе имя, — объяснила она. — То, что ты видел, действительно случилось с тобой, Фредди. Ты искал на себе ожоги, но от них не осталось следов. Ты ведь помнишь Апистию?

Я кивнул. Ругающегося ангела сложно не запомнить.

— Ее дар — исцеление. Она может сделать больше, чем любая из современных клиник. Но с тем, что они сделали с тобой, даже она не сумела совладать, а ты смог. Почему?

— Потому что вы в меня верили, — ответил я.

— А еще потому, Фредди, что ты — один из нас, — улыбнулась Ника, легонько касаясь пальцами моей щеки. — Не отворачивайся, пожалуйста, смотри на меня, тебе ведь этого хочется?

Я кивнул, нерешительно, как-то судорожно. Она осторожно повернула мое лицо так, чтобы я мог ее видеть.

— Что значит один из вас? — спросил я. — Я тоже ангел?

— Ангелы суть служебные духи, — улыбнулась Ника. — Но я не дух, в чем легко убедиться, просто прикоснувшись ко мне. Мы не ангелы, но и не совсем люди, Фредди. Мы — новая раса, супермены, и каждый из нас наделен чем-то, что считается у простых людей сверхъестественным. Потому

тебя хотели убить, хотя ты ничего плохого не сделал. Ты еще был младенцем, но они уже тебя ненавидели.

— Они говорили, что я сын дьявола. — Я уже не сомневался в реальности того, что видел во сне. И как можно сомневаться, если Ника оказалась рядом, ее можно было увидеть, коснуться…

— Люди часто валят на дьявола собственные грехи, — печально проговорила Ника. — Твердят, что борются со злом, и в этой борьбе творят зло намного большее, чем то, с которым борются. Ты не сын дьявола, это ложь, и ее им подсказала простая зависть. Но именно потому тебе опасно быть среди этих людей.

— Почему? — спросил я.

— Потому, что ты ходишь, — ответила она. — И рано или поздно кто-то, та же Конгрегация, заинтересуется почему. Ты когда-нибудь слышал о таких, как ты?

— Нет, — покачал головой я.

— Не потому, что их нет, — сказала Ника. — Вскоре ты увидишь, как много у тебя сестер и братьев. Но не всех мы успели спасти. От многих люди потихоньку избавились, руководствуясь опасением, как бы чего не вышло. Они уничтожали великие открытия, шедевры искусства и

науки только потому, что не понимали и боялись, а тех, кто в чем-то их превосходит, загоняли в угол… или тоже уничтожали.

Она наклонилась ко мне так близко, что я почувствовал на щеке ее теплое дыхание.

— А я не хочу, чтобы тебя уничтожили, — сказала она. — Не для того я шестнадцать лет назад спасла тебя из огня. Тебя зовут Фредди, потому что ты напомнил мне одного легендарного героя, тоже прошедшего через огонь и муки. Но хватит, свою чашу горя ты уже выпил. Пора попробовать сладкую чашу.

Ника откинулась на спинку сиденья и заговорщически подмигнула:

— Хочешь вина? Наверно, ты пробовал вино только за Причастием? Или… — она чуть склонила голову, — может, ты хочешь меня поцеловать?

Я почувствовал, что краснею. Очень сильно, мне даже стало жарко от прилившей к лицу крови.

— А можно?

Она вновь подалась вперед и шепнула на ухо:

— Можно, Фредди. Теперь все можно.

А потом прикоснулась мягкими губами к моим губам.

Адрастея Филиппусис: побег из Эдема

Порой мне снятся кошмары, но необычные. В них никто не гоняется за мной с окровавленным тесаком, не сжимаются вокруг меня стены, я не проваливаюсь в бездонные колодцы и меня не хоронят заживо.

Мне снится, что я овощ. Не человек, находящийся в коме, а самый настоящий овощ — помидор, кабачок или картошка. Причем я именно ощущаю себя помидором или кабачком, хотя это и трудно объяснить. Я ничего не делаю, ничего не чувствую, ничего не вижу — лежу в полной темноте и знаю, что я, скажем, вилок салата, который когда-нибудь срежут, покрошат на кусочки и положат в вегетарианский суп. Я даже этого хочу, но в моих кошмарах такого не происходит, и я остаюсь овощем до тех пор, пока в ужасе не просыпаюсь.

В темноте (а ночи у нас темные) я ощупываю себя, убеждаясь, что у меня есть руки, ноги, грудь, что я человек, а не патиссон. Потом вздыхаю с облегчением, выпиваю стакан минералки и отправляюсь гулять по темным коридорам той части отеля, куда не заходят постояльцы, где

живем мы с матушкой, а также расположены различные административно-хозяйственные и складские помещения. Моя прогулка заканчивается, как правило, в маленьком изолированном дворике с небольшим бассейном-джакузи, в который я погружаюсь, чтобы доспать уже без сновидений, а поутру выслушать от матери очередную лекцию о вреде гипергидрации.

Матушка говорит, что это место когда-то было монастырем, и, конечно, врет. Я точно знаю, что наш SPA-отель построили в конце нулевых турки именно как отель. Тогда был популярен «тематический» отдых — сейчас это направление переживает ренессанс, люди опять интересуются возможностями отдохнуть необычно, а на самом деле — попросту дешево и сердито.

Наш отель не из дешевых — не имея именной VIP-кредитки, нет смысла даже заходить к нам на сайт. Впрочем, на сайт к нам заходят редко, поскольку за годы существования «Олимпус» превратился в наполовину закрытый клуб, где отдыхают одни и те же м… морды. Боже, как они мне надоели! Глаза бы мои их не видели!

Так вот, наш отель новодел, но проектировавший его архитектор подошел к работе с душой и интересом, потому легко поверить, что когда-то

здесь действительно молились и постились… хотя постятся тут и сейчас, в некотором роде, зато не молятся — это точно. Выражение «ревностный атеист» может показаться оксюмороном тому, кто не знаком с моей матушкой. Жаль, что ее родители не озаботились выбором ее имени столь же творчески, как она выбором моего! Имя Горгона или Мегера подошло бы ей куда больше, чем банальное Ирина, которое она носит.

Если вас удивляет мое отношение к матери, поясню: во-первых, она мне не родная. Она ревностно хранит этот секрет, но я от рождения любопытная, а любопытным людям, дабы не последовать примеру кошки из известной поговорки, приходится воспитывать в себе такие качества, как пронырливость, скрытность и смекалка. К счастью, существует Интернет, который напоминает море. Говорят, что в морской воде золота растворено в сотни раз больше, чем человечество добыло за всю историю, но извлечь его оттуда трудно. В Интернете есть любая информация, но ее надо уметь добывать. Я научилась. А научившись, узнала, что у Ирины Филиппусис — редкое заболевание щитовидки, благодаря которому она медленнее стареет, но при этом не может иметь детей; узнала я и о том, что мой

отец (приемный, конечно) был каким-то темным дельцом, но за руку его так никто и не поймал. А еще я выяснила, что появилась на свет в Год Кометы, когда многие бездетные пары обзавелись детьми и, вероятно, сделали это не совсем законным путем.

Хотя если всего этого не знать, меня вполне можно принять за дочь моей матери — у нас похожие черты лица, сходный тип фигуры, даже голоса похожи, и за это я себя еще больше не люблю. Быть похожим на того, кого ненавидишь, — настоящая пытка. По крайней мере, для меня.

Поводом для ненависти является, конечно, вовсе не то, что меня удочерили. С чего бы? Я наследница довольно солидного состояния, включающего кроме нашего супер-пупер-курорта еще целую сеть SPA-салонов, фабрики по производству различной гомеопатической и фитолекарственной дряни, патенты, торговые марки, авторские права и так далее и тому подобное. Впрочем, что я рассказываю? Если даже вы сами вполне нормальный человек, все равно наверняка сталкивались с навязчивой рекламой наших БАДов и экологически чистой, здоровой еды. Резвый песик, похожий на маламута, но

уплетающий из миски морковку с таким видом, словно это говяжья вырезка, — это «Филиппусис Фуд энд Кэмикал Индастри». Песик, кстати, уже третий снимается, два предыдущих благополучно преставились — у одного был катар желудка, у второго что-то с печенью.

Иногда я им даже завидую. Мои внутренние органы крепче, чем у бедных песиков, я живу и даже выгляжу свежей, цветущей, благоухающей. Если бы внешность передавала внутреннее состояние, я бы была зеленой, как авокадо.

Вы не подумайте, я вовсе не против экологии… то есть борьбы за экологию. Но ведь можно же делать это без самоистязаний и издевательств над ближними! Я знаю, что на севере, в России, есть корпорация, кажется, Д8 — они тоже занимаются системами очистки воды, воздуха, здоровой пищей — но совсем не так, как моя матушка! И у них получается намного лучше, судя по всему. Почему?

А потому, что они выбрали правильную политику. Насильно в рай не загоняют. Если ты хочешь сделать жизнь человека и человечества лучше, то этого нельзя добиться, издеваясь над людьми. Почему-то в компании Д8 это понимают, а вот моя матушка — увы, нет.

Как я уже сказала, я наследница всего состояния имени моего приемного отца. Теоретически у меня денег куры не клюют. Я могу покупать себе любые вещи, украшения, гаджеты. У меня есть собственная яхта и, конечно, машина… Это я специально сказала сначала о плюсах — потому что плюсы есть, иначе я бы столько не вытерпела. Но кроме них имеются и минусы. И ого-го какие!

* * *

С недавних пор у меня появилось увлечение, о котором я не говорю никому, потому как неизвестно, чем мои откровения закончатся. Хорошо еще, что мать не палит, куда я в Сети захожу… Честно говоря, сомневаюсь, что у нее на это хватит соображения, все-таки Сеть, как и море, доступна не всем. Кто-то плещется у берега, кто-то плавает на мелководье, другие заплывают за буйки, а некоторые ныряют с аквалангом. А есть те, кто и на приморском курорте дальше бассейна в отеле не путешествует. Так же и в Сети. Читала я, что писали о нас в начале века. Боже, какие наивные!.. Они искренне думали, что человечество станет частью Всемирной паутины и у каждого из нас с рождения будет аккаунт в Сети!

Конечно, сейчас с компьютером и Интернетом

знакомы в самом дальнем захолустье, но даже в продвинутых мегаполисах много тех, кто так и не освоил, например, термен-клавиатуру и по старинке пользуется плоской виртуалкой. Я не из таких. С Сетью мы на «ты». Неудивительно, ведь Интернет заменил мне все — родственников, подруг, друзей, путешествия, развлечения, впечатления, наслаждения…

Есть тюрьмы, в которые сажают по приговору. Последнее время от них стали отказываться — преступнику проще пересадить в спинной мозг «хэдкраба», маленький жучок, вызывающий церебральный паралич в случае, если компьютер фиксирует нарушения поведения подопечного. Но я не об этом, а о том, что свободу преступников ограничивают за преступление. Моя же вина заключается только в том, что я появилась на свет и попала в поле зрения миссис Филиппусис.

Когда государство решает за преступника, чем ему питаться, во что одеваться, где и как жить, — это понятно. Преступник потому и преступник, что преступил законы общества. Сам виноват.

Когда родители решают все за ребенка — это тоже понятно, но лишь в том случае, если они руководствуются любовью к нему. Оговорюсь: для меня любовь немыслима без ответствен-

ности. Я не могу назвать любовью то странное чувство, которое испытывает ко мне Ирина Филиппусис. И теряюсь в догадках, кем являюсь для нее — игрушкой? статусной вещью? галочкой в перечне жизненных достижений? Но она искренне считает, что меня любит. Любит — и делает несчастной?

Чтобы не быть голословной, поясню. Во-первых, мне нельзя перемещаться так, как я хочу. Через ГЛОНАССовский браслет все мои передвижения отслеживаются, правда, только за пределами нашего пансиона. Меня также сопровождает дрон-охранник. У этой летучей пакости две функции — охранять меня от различного рода люмпенов, все еще доставляющих массу головняка полиции и честным гражданам, а кроме того, не пускать в «красные зоны». К последним относятся места массовых развлечений, торговые центры, рестораны. Часть из этих заведений я могу посещать только вместе с матушкой. Некоторые мне недоступны совсем.

Теоретически я вообще никак не ограничена в своих тратах. На практике, имея некислую сумму на карманные расходы, не могу позволить себе почти ничего. Кто-то некогда сказал: «Все то, что мне нравится, незаконно, аморально или вред-

но для фигуры». Это как раз мой случай. Целые перечни товаров залочены на моей карточке, равно как и сама возможность снять кэш в одном из немногих уцелевших на сегодняшний день банкоматов. Не знаю, зачем они вообще нужны — большинство магазинов давным-давно перешли на электронные платежи и кэш попросту не принимают. Но даже если бы и принимали — где мне его взять?

Читала я как-то про какого-то Тантала. Этот тип ухитрился так прогневать древних богов Эллады, что те устроили ему знатный троллинг — в общем, вокруг него была масса всего съедобного и жаждоутоляющего, но стоило бедняге попытаться перекусить или попить водички, как все оказывалось доступно только в режиме просмотра. Иногда я чувствую себя таким Танталом — всего вокруг море, но на это можно только смотреть. Виной тому убеждения моих родителей, или, если точнее, матушки, поскольку отец умер, когда мне было четыре года. С тех пор мои мучения и начались.

Приемная матушка сочетает в себе несколько, казалось бы, несоединимых крайностей. С одной стороны, она убежденная веганка. Не вегетарианка, а чистый веган — ничего из того, что хоть

каким-то боком можно отнести к животному миру, к нам на стол не попадает. Причем какая-то сволочь внушила матери мысль, что грибы тоже живые и чуть ли не разумные, так что их мы тоже не едим. Меха, кожа, шерсть — под запретом. О лекарствах скажу чуть ниже, там вообще мрак.

С другой стороны, матушка крайне подозрительно относится ко всему синтетическому. Состав всего, что попадает ей под руку, она скрупулезно читает, едва ли не под лупой, и выбраковывает половину. Буква «Е» в составе пищи вводит ее в состояние кататонического ступора, даже если это безобидная лимонная кислота. Шампуни, кремы, мыла, маски, даже зубная паста для нее — сплошные парафины, парабены, эсэлэс и тому подобное. А то, где нет химии, содержит животные масла и прочее, находящееся под строжайшим табу.

То же самое с лекарствами, но это умножается на следующий пунктик матушки — народную медицину. Сразу оговорюсь — часа три-четыре я, во избежание скандала, посвящаю йоге, дыхательной гимнастике, раскрытию чакр и подключению к космосу (в том смысле, в котором это понимает матушка). Жуть, мракобесие, хорошо, мне удалось купить себе старенькие

ВР-очки, которые я выдаю за депривационную повязку. Кстати, о депривации… мало того, что питаюсь я черт-те чем, так еще и скудно: честное слово, наверно, даже в албанской тюрьме лучше кормят. Количество жидкости — не больше двух с половиной литров в сутки. Водные процедуры не приветствуются, чтобы избежать излишнего поглощения жидкости кожными порами, но тут уж я изворачиваюсь, как могу — без хотя бы получасовой ванны и душа дважды в сутки я чувствую себя… короче, намного хуже, чем обычно, при условии, что жизнь у меня не сахар и не мед.

Так вот, лекарства традиционные, те, что в аптеках продаются, табу, зато всякая гомеопатическая отрава принимается на «ура», в том числе и в виде профилактики. Слава богу, я не особо болезненная, иначе с такими жизненными принципами матушки уже давно бы загнулась.

Самое веселое, что продукции той же Д8 моя матушка демонстративно избегает, считая ее «нечестной». Нечестность, видимо, заключается в том, что этим ребятам действительно удается сделать жизнь человека чище и лучше, не загоняя его при этом в прокрустово ложе из своих «принципов» и суеверий.

Впрочем, вы наверняка заметите, что это

небольшая проблема. К чему лекарства, к чему средства гигиены, если наша семья столь богата, что мы можем позволить себе почти все? Терапевтические и гигиенические наноботы уже не редкость, хоть их порция стоит пока как шикарный лимузин. В том-то и дело, что этого матушка тоже допустить не может — с ее точки зрения не только наноботы («неизвестно как влияющие на физическую и энергетическую структуру нашего тела»), но и самая простая, даже декоративная аугменция — категорически неприемлема!

«Ты не понимаешь», — любимое выражение моей матери, кстати; послушать ее, так я вообще ничего не понимаю, прямо как Джон Сноу из классического фэнтези Мартина. «Наш организм — совершенная саморегулирующаяся система, состоящая из множества планов: энергетического, информационного, твердого, жидкого, газообразного. Внедряя в него чуждые элементы, мы нарушаем эту целостность и совершенство. Нет ничего такого, что может дать человеку имплантат и не может предоставить его собственное тело. Лучше позаботься о чистоте своих энергетических связок, и вскоре ты сможешь все то же, что эти полукиборги, оставаясь самой собой».

…оставаясь самой собой… А кто вам сказал,

что я хочу оставаться собой? Что я себе такой нравлюсь? Все говорят, что я — само совершенство, даже мать, но я им не верю, и в особенности Ирине Филиппусис. Мне слишком часто врали взрослые, чтобы у меня осталось хоть какое-то к ним доверие. И потом, какой толк быть совершенством, если это совершенство тебе самой не нравится? Мое совершенство — как модельные туфли на каблуке: красиво, но очень, очень некомфортно…

* * *

Наш отель, повторюсь, конечно, новодел, но архитектор был тем еще затейником. Исследуя от нечего делать дом, я вскоре обнаружила, что внутри здание намного меньше, чем снаружи. Более скрупулезное изучение показало наличие многочисленных переходов, коридоров и комнат, не отмеченных в плане. Будь это действительно старинный монастырь — сколько всего интересного я нашла бы, проникнув в эти потайные комнаты, но увы. Единственной моей находкой оказался старый деревянный стол, пластиковое кресло допотопного вида и архаичный, примитивный компьютер. Последний был в рабочем состоянии, но его вычислительная мощность, по

нашим временам, являлась просто смехотворной. Тем не менее я довела его до ума и после недолгих манипуляций сумела даже подконнектиться к какому-то российскому спутнику, в буквальном смысле брошенному на орбите еще до Года Кометы, но исправно функционировавшему до сих пор. Еще немного манипуляций — и у меня появился независимый выход в Интернет, не контролируемый мамочкой. Ура!

Ну ура, и что? Много времени проводить в своей крипте я не могла — матушка хоть и была большую часть времени занята гостями, тем не менее практически не спускала с меня глаз, а я вовсе не хотела вновь оказаться изолированной от большого мира. Но тут весьма кстати я наткнулась на один олдфажный сайтик и обрела новое, неожиданное увлечение, захватившее меня с головой…

…я вошла в свою потайную комнату и закрылась изнутри на щеколду — еще один допотопный, с позволения сказать, «механизм». Дверь в комнату была подогнана очень плотно и в закрытом состоянии полностью, без шва, сливалась со стеной, так что я исчезла для мира моей матери и погрузилась в свой мир, пахнувший теплым воском и неизвестным мне ароматом, похожим

на упорно презираемый матушкой спиртосодержащий парфюм.

С момента моего первого появления здесь комната преобразилась. Пол теперь покрывал спертый со склада отеля огромный ардебильский ковер, по которому приятно ходить босиком; столов стало два, второй занимали швейная машинка и гончарный круг. Еще был платяной шкаф, в котором я хранила ткани, пуговицы и прочее необходимое. Над обоими столами появились две полки, на которых стояли, сидели и лежали мои дети — восковые куклы.

Конечно, я не смогла бы долго хранить в тайне свое новое увлечение, поскольку мне требовались материалы — прежде всего воск, много воска. Но, к моему удивлению, Ирина Филиппусис это занятие внезапно одобрила. По ее мнению, рукоделие и скульптура развивали мелкую моторику, являясь чем-то вроде особого вида медитации. Так что теперь у меня появилась возможность «отмазываться» от периодически возникавшего у матери назойливого желания пообщаться дежурной фразой: «Я ваяю/шью, не отвлекай, пожалуйста, меня от созерцания превращения хаоса в гармонию». Матушка велась на это, к тому же я не врала — увлекшись созданием

фигурок из воска, я даже стала меньше времени проводить в Интернете.

Более того — когда я ваяла, то впадала в какое-то медитативное состояние, отрешаясь от мира и сосредотачиваясь только на том, чего касались мои руки. Иногда мне казалось, что я схожу с ума — под пальцами ощущался не воск, но живая плоть, мне даже казалось, что я улавливаю сердцебиение маленьких фигурок.

Может быть, потому, что изначально я хотела создать нечто вроде куклы вуду — естественно, моей матери. Что бы я с ней делала, не знаю, вряд ли колола бы иголками. Когда я стала лепить, меня словно вело нечто, как будто не я, а кто-то иной творил, взяв меня в руки, как инструмент. Первой я вылепила собственную фигуру, которую вовсе не задумывала. Обрадовавшись тому, насколько похоже получилось, я бросилась созидать.

Я изваяла восемь фигур, включая собственную, но ни одна из них не была Ириной. Девятым стал почему-то младенец — пупс, месяцев шести от роду. В моих куклах никогда не было «упрощения» — я очень подробно вырезала все анатомические подробности, вплоть до родинок. Правда, у меня были проблемы с материалом для изготовления волос, так что все фигуры вышли лысыми, что,

впрочем, не делало их менее привлекательными. Окончательно запутавшись, я полезла в Интернет, чтобы понять, почему я могу лепить прекрасные фигурки неизвестных мне людей, а хорошо известную мать — не могу.

На одном из ресурсов нашлась интересная информация. Оказалось, настоящие куклы для черной мессы отличаются от кукол вуду, в частности, тем, что они значительно больше, в рост того, кого изображают. Может, именно в этом все дело, решила я и принялась ваять вновь.

Воска у меня нашлось много, чего не скажешь о материалах для одежды, но я наловчилась: например, кукле, которую я назвала Байкер, я сшила кожанку из дерюги, покрытой несколькими слоями черного лака, и даже сработала мотоцикл из баночек из-под соевой пасты и прочего хлама. Но теперь мне предстояло изготовить одежду на куклу с меня ростом, и это было проблемой.

Решив отложить проблему на потом, я увлеченно принялась за работу. Мой старый гончарный круг для этого был не совсем пригоден, и мне приходилось ваять фигуру по частям, соединяя их на сбитом мной самой каркасе. Вскоре еще безликая, но уже обладающая приятными формами скульптура стояла посреди комнаты, а я

поняла, что опять просчиталась — новая работа напоминала Ирину, как гвоздь панихиду.

И все-таки я не могла ни бросить работать, ни даже изменить что-то. Сила, превышающая мою собственную, тащила меня, как гидроцикл кайтера. И я продолжила ваять, убирая и добавляя, добавляя и убирая…

Осталось совсем немного — сделать зрачки, доработать ноздри, может, губы. Вскоре незнакомая мне молодая и очень привлекательная женщина должна ожить, потому что все мои работы, обретая глаза, оживали. Я даже не беспокоилась об этом, а уже думала над тем, из чего сделать одежду. Потребуется чертовски много материала.

Зайдя в комнату, я закончила работу, исправила некоторые огрехи и в который раз пожалела, что мне неоткуда взять даже самого паршивого парика — без волос Немезис было плохо. Окинув свое творение пристальным взглядом, я обратила внимание на то, что наметила, но не закончила венку на щиколотке девушки. Опустившись на колени, я осторожно провела пальцами в нужном месте. Раньше я подогревала воск с помощью старой плойки, но потом поняла, что этого не нужно, достаточно тепла моих рук.

Закончив с венкой, я проверила другую щи-

колотку, а потом посмотрела на свое творение сверху вниз.

— Хотела бы я, чтобы ты ожила, — сказала я Немезис. — Как в том мифе о Галатее. Жаль, что у меня нет знакомой Афродиты под боком…

Внезапно мне стало чертовски грустно. Какая там Афродита! У меня даже не было того, кому бы я могла показать Немезис. Конечно, я выложу ее фото на БЖД-ресурсах…

…или не выложу. Я слишком часто наблюдала, как там начинали поливать грязью чьи-то работы, вполне, кстати, достойные, — может, из зависти или природного сволочизма и подлючести — не знаю да и не желаю знать.

Не им смотреть на мою прекрасную Немезис. Не им ее критиковать. Я показала бы ее кому-то близкому, дорогому, но у меня просто не было таких людей. Никого…

— …мне так одиноко, — произнесла я, разглядывая ее ноги. Воск приобрел приятный бледно-телесный оттенок. Казалось, от него исходит тепло. — Хорошо, что ты есть у меня. Пусть даже такая. С тобой мне, наверно, не будет одиноко…

Я говорила, поднимаясь взглядом вверх, по бедру, по талии, к груди — как я все-таки хорошо ее сделала! Даже кажется, что грудь подрагивает в

такт дыханию… шея немного напряжена, голова чуть повернута, на щеках легкий румянец — или это так тень от волос падает…

Стоп! От каких волос?!

У меня даже глаза на лоб полезли. Я что, еще не проснулась? Ухватив пальцами кожу на запястье, я резко ущипнула себя и айкнула — боль я могу переносить, но не люблю.

Я не спала. Сна не было ни в одном глазу… Но по плечам Немезис струились роскошные черные локоны. И грудь действительно вздымалась.

— Кажется, я знаю, как тебе помочь, — сказала Немезис, опускаясь на ковер рядом со мной.

* * *

— Ну и чего ты на меня так таращишься? — В голосе Немезис слышались веселые нотки.

— Я что, умом тронулась? — спросила я растерянно. — Вы реальны?

— Хочешь, потрогай меня, — пожала плечами она. — Еще я могу тебя поцеловать. Или укусить. Только для того, чтобы ты убедилась в том, что я не глюк. Глюки не целуются, тем более — не кусаются.

Она протянула руку и легонько щелкнула меня по носу.

— Хотя, конечно, методика моего появления здесь кого угодно сбила бы с толку, — признала наконец она. — Стоит статуя в лучах заката…

— Это магия? — спросила я.

— Это поэзия, — ответила Немезис. — Хреновая, конечно, но… А-а, ты про то, как я здесь оказалась?

Я кивнула.

— Магия — это то, что человек использует, не понимая, как оно работает, — сказала Немезис. — Посади неандертальца на гироскутер — он будет ехать и думать, что его везет магия. Видишь ли, девочка, ты умеешь делать то, чего не понимаешь. Мы называем это сверхспособностями…

— Мы? — перебила я. — Кто это — мы?

Немезис встала (кажется, нагота ничуть ее не смущала) и подошла к полке с моими работами.

— Можно? — спросила она.

Я кивнула. Она очень осторожно взяла с полки Байкера.

— Например, Микеле Солариано Росси. Предпочитает, чтобы его звали Призрак. — Она поставила фигурку на место и взяла другую, девочку с серьезным, даже немного сердитым лицом. Мне кажется, природную блондинку, но возможности сделать ей волосы у меня не было. — А эта блон-

динка по странному стечению обстоятельств зовется Рания, хотя мусульманка из нее, как из гвоздя панихида. Если ты будешь звать ее Леди Лед, она не обидится; если вы подружитесь, она позволит звать себя просто Льдинкой.

— И у нее тоже есть… сверхспособности? — рассеянно спросила я. Немезис кивнула. — И какие же?

— О, — сказала Немезис, — когда ты приболеешь, неважно чем, нашей Льдинке достаточно коснуться тебя, чтобы все прошло. Но не стоит с ней ссориться: рискуешь подхватить целый букет болячек на ровном месте — фантазия у Леди очень некислая.

Я была заворожена, хотя ничего не понимала. Моя ожившая Немезис дает имена моим другим детям, и, чтоб мне всю жизнь провести с матушкой в этом аду, они им чертовски подходят. Микеле…

— А этот? — спросила я, показывая на своего любимчика — задумчивого юношу, сидящего за компьютером, сделанным мной из старинного спиннера, сенсорного экрана от не менее старой мобилы и прочего хлама.

Немезис улыбнулась:

— Вторая твоя работа, да? Это Поль МакДи, он

же Джинн, человек-компьютер. Хороший парень, впрочем, все они хорошие. При виде их хочется бросить все и найти ближайшую спальню или хотя бы просто уединенное место… и да, сверхспособности у него есть, как и у каждого из нас.

— А у тебя? — спросила я на автомате.

— И у меня, — подтвердила она. — Например, я знаю, как появляться там, где тебя ждут, минуя двери и окна, стены и преграды. Ты позвала меня, изваяв из воска, — я пришла. А еще…

Она подошла ко мне и наклонилась — я по-прежнему сидела на полу:

— А еще я могу вывести того, кто этого хочет, минуя окна, двери, стены и преграды. Могу привести его… ее туда, где ее ждут. Где она сможет увидеть всех их — Поля и Микеле, Ранию и Летицию, Фреда и Элиаху, Олгу и Еджайд. Туда, где никто не станет указывать, чем питаться, чем заниматься, каким быть, туда, где научат пользоваться тем, что уже раскрылось, и раскроют те таланты, которые пока еще дремлют.

— То есть умение создавать таких кукол… — начала я.

— …одна из твоих сверхспособностей, одна, но не единственная, — проговорила Немезис. — Ну что, пойдешь со мной? Только должна сразу пре-

дупредить — кое-чем придется пожертвовать.

— Чем же? — Я напряглась, но старалась этого не показывать.

— Тебе придется расстаться с мамой и навсегда покинуть этот уютный дом, — совершенно серьезно произнесла Немезис. Более того, она еще несколько секунд оставалась серьезной, пока я сама не выдержала и не расхохоталась.

— Кстати, — сказала она. — Тебя зовут Адрастея, но ты не любишь свое имя, потому я хочу узнать, как тебя называть.

— Дария, — ответила я быстро, назвав свой неофициальный никнейм.

— Хороший выбор, — похвалила Немезис. — Тогда…

— А как вас зовут? — спросила я.

— А разве имя Немезис тебе не нравится? — удивилась она. — Это одно из множества моих имен. Другие женщины меняют наряды, макияж или аугменцию, а я меняю лица и имена. К тебе я пришла как Немезис. Неужели тебе это не нравится?

— Наоборот, — ответила я, — очень нравится. Но вы… я не знаю, как сказать…

— Говори как есть, — фыркнула Немезис. — Я красивая, нежная и добрая и не ассоциируюсь у

тебя с божеством мщения, да?

Я пораженно кивнула: она словно читала мои мысли. Немезис подошла ко мне и вновь села рядом, скрестив ноги по-турецки.

— Но кто тебе сказал, что Немезис не может быть доброй, нежной, тем более прекрасной? Никогда не понимала, почему люди такие странные — считают справедливость благом, но лишь тогда, когда дело касается других, для себя же желают только милосердия. Немезис — значит справедливая, и я отношусь к тебе, к каждому из вас так, как вы этого заслуживаете. Я никогда не даю авансов и не прощаю ничьих проступков, но если человек стоит того, я могу отдать ему всю себя. А ты стоишь, Дария.

— Почему? — спросила я. — Я ведь ничего не сделала, чтобы получить высокую оценку.

— Потому что ты талантлива, невероятно талантлива, — ответила Немезис, — а еще чертовски хороша собой. Поль должен благодарить все Силы Небесные за то, что я — не мужчина. Понимаешь?

Я покраснела. Ее намек был понятен. Очень часто я разглядывала того, кого называла Мерлином или просто Программистом, а оказывается, его зовут Поль… или Джинн. Я еще не привыкла

к тому, что мои любимые куклы живые, но уже очень хотела увидеть каждого из них.

— Вот что, — сказала Немезис. — Насколько я понимаю, ты уже приняла решение?

Я кивнула.

— Тогда собирай кукол, и двигаем отсюда побыстрей, — предложила она.

Я посмотрела на тех, кого уже давно считала своими единственными друзьями. Я хотела забрать их, но что-то внутри останавливало меня. Мне почему-то казалось, если я заберу этих кукол, то совершу нечто опасное для себя самой.

— Пусть остаются здесь, — произнесла я. — Уйду налегке. Пусть у матери подольше не будет уверенности, что я сбежала. Я даже одежду здесь оставлю — это собьет ее с толку.

— Дельная мысль, — усмехнулась Немезис, глядя, как я быстро раздеваюсь. — Все равно на Базе тебе выдадут все необходимое, а перейдем мы в женский блок. Но, должна сказать, ты смелая девочка — появляться в незнакомом месте в чем мать родила…

— У меня есть с кого брать пример, — фыркнула я и последний раз оглядела своих кукол.

На миг мне показалось, что они печальны, но, конечно же, это было не так.

Еджайд Банну Ботсу: Джокер и Королева

Если вам интересно, как выглядит ваш самый надежный союзник, — загляните в зеркало. Если хотите увидеть самого страшного своего врага — загляните туда же.

В казино нет окон. Вместо них огромные, от пола до потолка, зеркала, так что кажется, будто ряды игровых автоматов уходят в бесконечность. Только если приглядеться, вдали можно увидеть подиум, где идет самая серьезная игра. Там карты, там рулетка, там игорные столы. Бильярд чуть в стороне. Как странно: половина игр этого зала — разного рода виртуальные симуляторы, сложные, как история смены власти в моей стране, но самые большие деньги выигрывают с вещами простыми, материальными — кубиками, картами, маленьким костяным шариком рулетки и большими блестящими шарами бильярда, ради производства которых в свое время почти перебили слонов в моей стране.

Людям кажется, что на удачу нельзя влиять… Смешные! Я могу часами рассказывать о хитрых

механизмах, позволяющих затормозить рулетку там, где это нужно крупье, о том, как по рисунку карты определить, какая пришла масть, и многое другое. Парадоксально, мне самой это вовсе ни к чему. К сожалению, это больше не моя тайна.

Мне нет хода на дальний подиум. Там я сразу привлеку внимание. Я даже удивляюсь, почему меня не взяли на входе. Не взяли, но засаду на выходе тоже нельзя исключать, а потому придется импровизировать. Никогда не обдумываю план действий заранее. Всегда импровизирую.

Есть игроки, тратящие годы на поиски какой-то системы или выигрышной стратегии. Наивные! Когда я выиграла свой первый ноутбук (смешно вспомнить этот древний, как идолы на Замбези, драндулет, похожий на пластиковый чемоданчик), я полезла в Интернет специально, чтобы проверить свои догадки. До того я Интернет, кхм, скажем так, видела — через плечо кого-то из братьев или сестер. Я в семье самая старшая, а всего у моего отца двадцать детей от четырех жен. И хотя, по меркам родного Зимбабве, отец богат — его годовой доход исчисляется суммой с пятью-шестью нулями, — даже его денег не хватает на всю нашу ораву. Хорошо еще в обносках не ходим

и питаемся как жемены[38], и образование есть даже у девочек.

Он хоть и не мусульманин, но всех дочерей, вплоть до девятилетней Аиши, уже продал, то есть, кхм, посватал. Потому что за невест дают калым, который папа получил и профукал, то бишь инвестировал. Папа начинал зарабатывать деньги с нигерийских писем, сейчас играет на бирже, но разводами на доверии продолжает баловаться. Я ему помогаю с нынешнего возраста Аиши и вижу эту кухню, что называется, изнутри. Картина выходит неприятная. Вообще-то папаша пару раз клялся оставить аферы — не потому, что совесть заела, а потому, что боится попасться. Но собственные зароки нарушаются даже легче, чем обещания, данные кому-то еще. Когда у папы нет денег, он создает пирамиду.

Когда денег нет у меня — я иду в казино.

Раньше я иногда играла на подиуме — не в рулетку, поскольку обыграть ее нереально, в карты — и только с жеменами. Однако сейчас для меня это не вариант. Остаются автоматы. Их я не люблю, но что поделать? Общаемся же мы

[38] Примечания: 38

Жемен — искаженное «джентльмен». Раннее название белого населения Родезии, в современном (конец XXI века) Зимбабве — иностранцы из стран золотого миллиарда.

с людьми, которые нам неприятны? А автомат даже и не человек.

Хотя есть в них что-то живое. У каждого свой характер, свое отношение к тому, кто играет. У них есть чувства — странные, машинные чувства, впрочем, мне иногда кажется, что чувства есть у всех, даже самых простых механизмов. Наверно, это вера, доставшаяся мне от языческих предков, считавших, что мир наполнен бестелесными духами, что каждый камень и каждое дерево имеет душу. Насчет камней и деревьев не знаю, в Хараре, где я прожила всю сознательную жизнь, их не так много, а вот насчет рукотворных вещей могу сказать определенно — какая-то душа в них есть, и я ее ощущаю.

В этом заключается один из моих маленьких секретов, которым я как раз собираюсь воспользоваться. Медленно приближаясь к рядам электронно-механических игрушек, я ищу ту, в которой чувствуется наибольшая усталость. По-моему, деньги воспринимаются автоматами как бремя, от которого нужно избавиться.

Меня не интересуют самые привлекательные, самые современные автоматы, те, в которых присутствует виртуальная реальность. Эти игрушки не для меня, они не устают. Они имеют дело с без-

наличными деньгами и выигрыш выдают (если выдают) на карточку. Те, кто «залипает» на них, приходят сюда не ради денег, но ради ощущений. Не интересуют меня и кабины типа «Потерянный рай» — это вообще не игровые автоматы, а стимуляторы близких отношений. Мои сестры хоть и строят из себя правоверных мусульманок, поскольку отец выдал их за местных тузов (которые поголовно исповедуют религию Моххамада, мир ему, а сами занимаются бизнесом, сплошь и рядом идущим вразрез с буквой и духом Корана), успели уже попробовать эти машинки, некоторые — не по разу. Я так и не решилась, но не из страха — почему-то меня это не цепляет, даже в теории. Имитировать прикосновения и объятия с помощью силикона и электроимпульсов, втыкая одновременно в 3D-сказку… Нет, это не для меня. Предпочитаю реальность, даже если она не такая нежная, как виртуальный любовник из «Потерянного рая». Хотя и в реальности никакого любовника у меня, конечно, нет. Но это не особо меня тревожит.

А мои сестры ходят сюда и будут приходить после замужества. Мужья знают о таком развлечении своих жен и ничего не имеют против. Даже наоборот: это удобно — можно не заботиться о

том, чтобы доставить удовольствие. С этим и аппарат справится. Проще дать жене карту оплаты с бонусами и ни о чем не волноваться.

Суррогаты. Они достигли даже нашего захолустья. Но технический прогресс не может изменить человеческую природу, потому я уверена, что и через миллион лет, если человечество, конечно, столько протянет, люди будут играть в карты, бросать кости, ходить к гадалкам, заводить любовников, вестись на «пирамиды» и кидать друг друга. Мы такие.

Я не волнуюсь по этому поводу, хотя и думаю на такие темы. На самом деле у меня достаточно поводов для беспокойства и без проблем мирового масштаба. Одна из них привела меня сейчас в казино. Проблема эта проста, как жизнь моих сестер, — мне нужны деньги, нужен кэш. И единственное место, где я могу его добыть, — это игровые автоматы.

В Хараре приезжает множество туристов со всего мира, а все потому, что моя страна — одно из немногих мест мира, где обращение налички еще играет большую роль и разрешены казино. Вообще-то в ту же рулетку, не говоря о покере, вы можете сыграть где угодно, даже у себя дома или на лавочке в парке, но платить будете с карточки

банка. А значит, на каких-то серверах останется запись о том, на что вы потратили свои деньги, но главное — сколько выиграли. У меня в стране все не так — здесь вы можете снять кэш еще в аэропорту, после чего делайте с ним что хотите: можете играть в казино, можете снять девочку или мальчика… или андроида, можете купить что-то из того, что нигде больше в мире официально не купите. И никто никогда не узнает, на что вы потратили свои сбережения…

Хотя, конечно, сам факт посещения вновь ставшего Родезией ради большей привлекательности для «снежков»[39] Зимбабве уже может вызвать у кого-то подозрения. Но и это не проблема: город более чем на три четверти состоит из «санаторных дистриктов» — огромных отельно-развлекательных комплексов, официально очень дорогих, но вычитающих из оплаты сумму, которую вы потратите в «их» ресторанах, казино, дансингах, «массажных кабинетах» и прочих учреждениях, среди которых есть довольно интересные — вроде человеческого сафари в «Маджестике» или Нон-стоп карнавала в «Ритце». Последний пред-

[39] Примечания: 39

«Снежок» — жаргонное наименование белого человека. Запрещено к употреблению на специальной сессии Генассамблеи ООН 17 февраля 2023 года, наряду с выражениями типа «ниггер», «черномазый» и т. д.

ставляет собой никогда не останавливающийся праздник секса, наркотиков и насилия.

В общем, девяносто процентов населения Родезии работают на эти самые комплексы, а остальные «обслуживают» туристов иными дозволенными методами. Например, устраивают «беспроигрышные розыгрыши», как мой отец. Он действительно никогда не проигрывает, а сам ухитряется разыграть огромное число «снежков» и даже кой-кого из местных. Некоторые приходят к нему неоднократно, в надежде отыграться… или просто так, особенно женщины. Отец, вероятно, получает удовольствие от отношений с замужними белыми дамами. Какое они получают удовольствие от общения с пожилым, не особо красивым африканцем, я не знаю.

Бизнес отца в нашей стране вполне легален, хотя все знают, что он построен на обмане. Но отец исправно декларирует доходы, дает взятки и платит налоги в казну, потому на этот обман все закрывают глаза. Более того, отец уважаемый человек, он вхож в самые элитные круги, где, справедливости ради, таких, как он, большая часть. Свой среди своих, и, к сожалению для меня, слишком свой.

Собственных детей отец всегда рассматривал

как некий актив, который можно удачно вложить. Все браки в семье заключались только с оглядкой на их полезность, впрочем, как я уже сказала, такое положение вещей вполне устраивает моих сестер. Я, честно говоря, невысокого мнения об их интелекте и душевных качествах, уж больно они плоские и примитивные. Иногда мне кажется, что в них меньше индивидуальности, чем в тех же игровых автоматах. В обществе этих куриц я всегда чувствовала себя лишней — то, что их беспокоило, мне было параллельно, а мои проблемы их волновали и того меньше. Я всегда ощущала себя одинокой, может, потому, что ни одна из жен папаши не оказалась мне родной. Честно говоря, понятия не имею, кто моя мать, и отец молчит на эту тему, словно боится, что, узнав правду, я… Что?

Мы слишком с ним похожи, чтобы он оказался чужим мне человеком, похожи и внешне, и характером. Именно из-за этой похожести мы не смогли найти общий язык. Мы слишком хорошо понимаем друг друга: достаточно того, что отец — единственный, кто насквозь видит все мои хитрости. А я, соответственно, слишком хорошо его знаю, чтобы ему доверять.

Кроме того, ни один из нас не желает уступать

другому. Отец считает, что может командовать мной, распоряжаться, как пожелает. Какое-то время… ну, буквально до вчерашнего дня, я старалась ему подыгрывать, и мне, в общем-то, это почти удавалось. Я пользовалась большей свободой, чем сестры, за счет того, что мне намного меньше потакали. С момента, когда отец понял, что я могу с совершенно невинным видом водить взрослых за нос, он вовсю использовал мой талант, чтобы достигать своих целей. У меня имелось преимущество — я была ребенком, а взрослые чаще всего недооценивают детей.

Но теперь я не ребенок. Это хорошо заметно по тем взглядам, которыми провожают меня мужчины. Роль наивной дурочки мне тоже не очень удается, видимо, у меня на лице написано, что кой-какое соображение в моей голове присутствует. В схемах отца для меня больше не находилось места, и как я ни пыталась доказать ему обратное, получалось только хуже.

Некоторые вещи приходят только с опытом. Ты можешь видеть людей насквозь и с лету вычислять, на что они «поведутся», но чтобы держать все под контролем, надо быть кем-то покруче шестнадцатилетки с образованием восемь классов миссионерской школы. Я пыталась добыть

деньги в наших казино, что делала и раньше, играя и понемногу выигрывая. Но прежде я не думала о том, чтобы сорвать большой куш. Того, что я выигрывала, с наивным видом обувая доверчивых «снежков», хватало на маленькие подростковые потребности — одежду, еду, украшения. Что-то более серьезное я, конечно, позволить себе не могла да и не особо хотела.

Теперь, однако, получить приличные деньги стало для меня делом чести. Но, бросившись в атаку, как черная пантера, я не учла того момента, что казино — не просто площадка для игры. Казино, мать его, это целый мир с весьма сложным и запутанным клубком сдержек и противовесов, вторгаться в работу этого механизма — все равно что пытаться скрутить автомагнитолу с проезжающего мимо «Феррари». Меня затащили в какую-то подсобку, раздели… и оставили сидеть голой на цементе целый час. Хорошо хоть было довольно тепло, но я все равно замерзла, а еще больше перепугалась — видели бы вы тех кинконгов, что работают, оказывается, в местном секьюрити-сервисе! Я дрожала от страха, представляя всякие гадости, и с ужасом ждала, что вот-вот откроется дверь и…

Когда дверь открылась, на пороге стоял отец,

злой, как крокодил в октябре. Он забрал меня домой, закрыл в комнате на замок и объявил, что будет искать мне жениха. И что из комнаты я выйду только тогда, когда какой-нибудь лишенный инстинкта самосохранения недоумок решится взять меня замуж.

Бедный папа! В смысле, несчастный, отец хоть и понимал меня лучше всех остальных вместе взятых, но все-таки даже он меня недооценивал. Я покорно приняла его приговор и пару дней сидела в домашнем заточении, понимая, что жених — не пустая банка из-под кока-колы, под каждым забором не валяется. В пятницу, однако, отец заявился ко мне и сказал, что «почти сговорился» с Али Манзу, известным владельцем сети магазинчиков, торгующих всякой всячиной, включая не шибко законную. В общем, по мнению отца, партия была — лучше не придумаешь, и я, немного поломавшись для вида, поспешила с ним согласиться, чем несказанно порадовала. Бедный папочка, похоже, он окончательно потерял нюх на мои проказы, во всяком случае, подключившись к «умному дому», я поняла, что он отменил слежение за моими перемещениями — раз я двое суток сидела тихонько, как мышка, он, вероятно, решил, что я смирилась. Наивный…

Ключи от дома у меня были — в свое время я позаботилась сделать дубликаты. Нашлось и оружие — старенький, но рабочий тазер. Не имелось только денег, точнее, их оказалось недостаточно. Папаша предусмотрительно отнял у меня все, что нашел, осталось лишь чуть больше тысячи рандов. Но эту проблему, кажется, можно было решить относительно безболезненно…

Я выбрала казино совсем в другом кластере, подальше от того, где опростоволосилась. Беда в том, что всех моих денег хватило лишь на одну несчастную фишку. То есть придется сбить кэш как можно жирнее и рвать когти побыстрее, пока персонал расчехляется. О том, что я могу и не выиграть, я даже не думала. Не могу. Всегда выигрывала, а тут вдруг бац — и проиграла? What the fuck?!

Наконец обнаружился нужный мне… чуть не ляпнула — банкомат, но для меня действительно разница была небольшая. Беднягу, стилизованного под старинного однорукого бандита, но снабженного простейшими ИИ, кто-то хорошо нафоршмачил наличкой, небось какой-то «снежок» in vacation. Не понимаю я этого — как можно так швыряться деньгами? Да-да, повторю — не понимаю. Потому что тупо выбрасывать деньги

неизвестно кому — занятие для идиотов, я так считаю. Имелось бы у меня бабло… ай, ладно. Руки-ноги есть и приделаны в нужных местах — будет и бабло. Воровато оглянувшись, не трется ли рядом кто-то из персонала, я сказала автомату «Приве-е-ет» (это моя фишка, всегда так делаю перед выигрышем), проверила еще раз — да, автомат забит кэшем по гланды — и, вставив жетон, дернула рукоять.

На экране замелькали картинки — хорошие, предвещающие выход денежек. Я расслабилась, но лишь для того, чтобы почти тут же буквально окаменеть. В этом агрегате была комбинация, выдающая джекпот, и, по всему, именно она мне и шла. Но вот что паршиво — всего одна неверная карта, и мне выпадал не джекпот, а пшикпот. Что в итоге и получилось.

Я проиграла.

Этого не могло быть, но было. Я чувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Надежда смыться куда подальше от папы-самодура и нудного женишка исчезала. Казалось, земля уходит у меня из-под ног.

— Вам помочь? — Голос был женский, довольно красивый, но у меня он вызвал раздражение. Только персонала сейчас не хватало! Аппараты

вроде того, на котором я играла, считались защищенными от недобросовестных манипуляций, но прогресс ведь тоже не стоит на месте. Вдруг теперь и ИИ не гарант честной игры?!

— Спасибо, сама справлюсь, — отрезала я, но женщина, стоявшая у меня за левым плечом, уходить не собиралась.

— Вы уверены? — спросила она. — Кажется, этот хапуга сожрал последний ваш жетончик.

Я обернулась к ней. Передо мной стояла белая девушка, насколько я могу судить, симпатичная, по меркам жеменов. Довольно хрупкая, но при этом в ней чувствовалось что-то необычное, от нее словно исходило ощущение силы, уверенности…

— И чем вы мне поможете? — иронично спросила я. — Не вижу…

— Элементарно. — Девушка улыбнулась и быстрее, чем я сумела отреагировать, проскользнула мимо меня, одновременно опуская жетончик в монетоприемник и дергая за рукоять. Практически тут же раздался дробный стук — джекпот, мать его, самый настоящий.

— Забирайте. — Девушка отошла от автомата и встала, сложив руки на груди.

М-да… но это же ее выигрыш, не мой! А жетоны

все сыпались и сыпались, несколько десятков тысяч кэша, не меньше…

— Вот что, — предложила я. — Мне нужны деньги. Давайте по-честному — выигрыш пополам, идет?

Откровенно, честностью тут и не пахло, но мне действительно требовались деньги! Вот пропасть!

— Да забирайте же все, говорю, — сказала девушка. — Считайте, что это ваш жетончик сыграл, а не мой.

Я была шокирована, что, впрочем, не помешало мне начать сгребать улов в пакет, взятый из специальной стойки, какая была у каждого автомата как раз для таких случаев.

— Неужели вам не нужны деньги? — беспомощно спросила я. Поведение незнакомки меня удивляло.

— Я уже взрослая девочка и умею зарабатывать деньги, — вновь улыбнулась девушка. — Например, вот так.

Она шагнула к другому автомату. Я чувствовала, что в нем тоже лежит приличный пакован кэша, но, на мой взгляд, это был, если можно так сказать, «сердитый» автомат, и своими деньгами он делиться не собирался.

Незнакомка встала перед автоматом и, копируя меня, развела руки, произнеся — почти с моей интонацией:

— Приве-е-т! — после чего опустила жетон и дернула ручку.

— Не выйдет, — сказала я, глядя, как меняется изображение на экране. — Этот автомат еще не готов по…

Стук-стук-стук… как первые капли весеннего ливня, по поддону застучали жетоны. Незнакомка смотрела на меня и улыбалась.

— Сердитый? Здорово, так вы их различаете? А что вы думаете об этом? — она указала на еще один. Там требовалось добыть деньги, разыграв сражение между двумя голограммами рыцарей. Рыцарь, защищающий деньги, не собирался никому открывать проход — сейчас он был словно покрыт невидимой глазу броней. Откуда-то я знала, что броня этого рыцаря состоит из вероятности, и сейчас вероятность победить в схватке нулевая.

Но странная девушка уже опускала жетончик в прорезь монетоприемника. Через миг рыцари ожили. Девушка прикрыла глаза, ее пальцы легонько танцевали в термен-клавиатуре автомата…

Удар! Удар! Еще удар! Защитник денег, сбитый с ног, неуклюже повалился на бок, стараясь щитом закрыться от обрушившейся на него лавины ударов, — тщетно. Без малейшего напряжения незнакомка заставила своего аватара сначала ловким ударом расколоть щит, затем отсечь противнику руку, кончиком меча поддеть шлем, сбив его на землю (голограмма оказалась безликой, программисты сэкономили, наверно), а уж потом лишить противника головы.

Стук-стук-стук… Я в панике огляделась. Третий джекпот подряд просто не мог не привлечь внимания, но…

— Так что, Еджайд, в деньгах я не особо нуждаюсь, — спокойно объявила незнакомка. — Или мне лучше называть тебя Королевой? Да не крутись ты как уж на сковородке. Никто не придет и не отнимет у тебя твой желанный кэш. А если кто-то подойдет, я с ним сделаю то же, что с этим лузером, — и девушка ткнула тоненьким белым пальцем с аккуратным неброским маникюром в истекающую кровью голограмму (автомат хоть и выдал деньги, обновлять программу почему-то не торопился).

— П-почему? — Внезапно мне стало страшно. Я поняла — она это действительно может. Она

может отжать бабло у железяки, созданной с одной-единственной целью — отжимать это самое бабло у доверчивых «снежков». Черт его знает, какие у девицы в рукаве козыри…

— Потому, Королева, что ты мне нужна, — улыбаясь, сказала девушка. — Живой, целой и незамужней.

— Зачем? — удивилась я. Кстати, Черная Королева — мой ник на трэвеловых форумах, где я пыталась узнать, как попасть на север и чем там можно заняться. И то, что незнакомка этот ник знала, на фоне всего остального не казалось мне таким уж странным.

— Для начала, чтобы попить кофе и поболтать, — широко улыбнулась девушка. — Тут неподалеку есть кафе, в котором готовят чертовски хороший кофе. Ты как насчет чашечки?

— Предпочитаю чай, — буркнула я, понимая, что придется идти. Черт его знает, кто она, но с ней, я чувствовала это, мне не угрожает то, что один раз уже случилось. А вот если я откажусь — неизвестно, какие будут последствия. — Например, пуэр.

— У них есть пуэр, — фыркнула девушка. — Хотя что может быть лучше чашки хорошего горячего черного кофе? Только две чашки хоро-

шего горячего черного кофе.

* * *

Кафетерий был крохотным и старомодным — архаичная пластиковая мебель, архаичная отделка тем же пластиком. Сейчас больше тяготеют к псевдонатуральным материалам, напечатанным на 3D-принтере. Впрочем, обстановка меня совершенно не напрягала, она вообще была мне до фонаря. Куда больше меня беспокоила новая знакомая.

Иногда перед моим внутренним взором словно вспыхивает маленький светофорчик. Порой он загорается зеленым над игровым автоматом, готовым выдать выигрыш; иногда — вспыхивает желтым, если мне не нужно спешить, а стоит подождать. И очень редко полыхает красным, но если уж полыхает — это, мать его, очень паршивый знак.

Сидящая передо мной женщина была опасна, хотя эта опасность оказалась направлена не на меня, скорее наоборот, играла в мою пользу. Но иметь такого союзника — все равно что водить льва на поводке. Мне было страшно, поскольку новая знакомая определенно имела на меня какие-то виды. Но и интересно — что ей нужно?

И раз уж лев у меня на поводке, как это можно обернуть в свою пользу?

А девушка явно не спешила начинать разговор. Она дождалась, пока принесут наш заказ — чашечку крепкого кофе, черного, как моя кожа, для нее и стеклянный чайник с пуэром для меня. Ко всему этому девица заказала несколько пироженок-макронов разного цвета и размера, тарелку с которыми сразу же подвинула ко мне. А сама, закинув ногу на ногу, достала из небольшой, но практичной сумочки квадратную черную пачку с серебряным черепом, похожую на помаду-переростка, и, игнорируя то и дело появляющееся над столиком сообщение, что курить в заведении строжайшим образом запрещено, принялась зажигать черную сигариллу.

— Если у них есть датчики задымления, мы рискуем искупаться, — заметила я.

Она мое замечание проигнорировала, затянулась, отхлебнула из чашки и зажмурилась от наслаждения.

— Удивительно хороший кофе. И какой горячий!

Я налила себе чаю, стараясь не показать, что нервничаю. Но я нервничала. И знала, что моя собеседница это чувствует.

— Итак, Королева, ты решила бежать, — наконец-то сказала она. — Откуда — понятно, а куда — ты ведь и сама не представляешь, правда?

Я кивнула.

— А тебя не страшит неизвестность? — спросила она. — Все-таки раньше ты всегда могла на кого-то опереться, теперь же помощи ждать неоткуда…

— Ничего, — я пожала плечами. — Как-нибудь справлюсь. Неизвестность лучше, чем…

— Твой оптимизм мне нравится, — улыбнулась собеседница. — Кстати, я не представилась. Меня зовут Нтомби Олучи…

— Гоните, — вырвалось у меня. — Чего-то мне ваша кожа не кажется достаточно черной, чтобы у вас было такое имя.

— Просто поверь на слово, — улыбнулась Нтомби. — И потом, неужели тебе не все равно, как меня называть?

— Но это не ваше имя, — возразила я.

— Мое, — ответила Нтомби. — Как и множество других имен.

Она остановила меня жестом, когда я пыталась вставить реплику, и сказала:

— Тебе ведь больше нравится быть Черной Королевой, а не Еджайд, правда? Ты даже не знаешь,

как выглядела твоя мать[40].

— Наверно, как я, раз мне дали такое имя.

— Да-да, она тоже была сморщенным сизым комочком, — недобро усмехнулась Нтомби. — Тебе дали имя на третий день от рождения, и на кого ты похожа, было еще неясно.

— Откуда вы знаете? — спросила я. — Вас там не было.

Нтомби вздохнула и достала из сумочки старинную фотографию, не электронную, а допотопную, распечатанную на бумаге. Я взглянула на нее — и вздрогнула…

* * *

Вряд ли найдется в Хараре хотя бы один человек, кто не знал бы это здание, стоящее между Мейн-стрит и Сто пятьдесят первой. Сейчас небоскреб заброшен и полуразрушен, и хотя земля в городе дорогая и все старые здания давным-давно снесли, чтобы выстроить отельно-развлекательные центры (даже лежащее рядом с этой руиной кладбище Хайфилд ликвидировали, когда строили новый стадион), сровнять с землей это строение ни у кого не поднимается рука, ведь

---

[40] Примечания: 40

Еджайд — изображение матери (банту).

все знают, что добром такое не кончится. Потому что этот заброшенный дом — дом дьявола.

Вообще говоря, мои соотечественники довольно суеверные люди, к дому дьявола боятся приближаться даже взрослые. Но, видимо, у меня орган, ответственный за суеверия, не сформировался; наоборот — я с детства любила всякую чертовщинку и однажды, конечно же ночью, забралась в дом дьявола…

…и ничего там не нашла, кроме следов пожара и погрома. Хотя нет — была в фойе одна вещь, которая меня поразила: огромное тусклое панно с изображением падающей на землю кометы. Но, скажем так, поразило — не значит напугало.

Я пыталась узнать, почему это здание имеет дурную славу. Выяснить удалось немногое. Раньше здесь располагалась… больница, обычный медицинский центр и роддом. Принадлежало все это транснациональной корпорации «Фишер ГмбХ», с которой была связана какая-то очень неприятная история, случившаяся пятнадцать лет назад. Одного из глав корпорации судили и вроде бы приговорили к смертной казни, а за что — я так и не поняла.

Я расспрашивала старожилов, но чертовы трусы говорили очень неохотно. В конце концов я

пришла к выводу, что в здании или проводили какие-то опыты, или изымали внутренние органы, как-то так. Второе мое предположение походило на правду больше — как оказалось, одной из пациенток дома дьявола являлась Ма Болэйд, жена нашего консорта. А у нее, как известно, нет руки.

И вот на старом фото, которому, возможно, лет было не меньше, чем мне, мой отец, еще молодой, не обрюзгший и щеголяющий неплохой шевелюрой на месте нынешней лысины, принимал у строгого белого мужчины сверток, в какие тогда заворачивали новорожденных…

Внизу снимка была проставлена дата: третье января две тысячи сорок третьего года.

Мой день рождения.

— Я родилась в доме дьявола? — спросила я.

— В доме Фишера, — серьезно ответила Нтомби. — Как и я.

— Но вы ведь старше, — сказала я. — Хоть и выглядите молодо. Дом дья… это здание построили в сорок третьем. Я там бывала из интереса, отчего его так боятся.

— Люди всегда боятся того, чего не понимают, — задумчиво произнесла Нтомби. — И что не могут контролировать. Тебе никогда не казалось, что ты чужая — в своей семье, в этом городе?

Я машинально кивнула. Казалось, и последнее время все чаще.

— В то время женщины перестали рожать, — принялась рассказывать Нтомби. — Ма Гбеминзола, первая жена твоего отца, боялась, что останется бездетной, и был один способ получить ребенка, но для этого требовалось пожертвовать частью своего тела. Отдать руку или ногу. Гбеминзола не захотела, но твой отец нашел выход — суррогатная мать.

— То есть? — Я не понимала. С одной стороны, это объясняло, почему я не похожа на Гбеминзолу, равно как и на других жен отца (которые, впрочем, появились уже после моего рождения). С другой… — Хотите сказать, что я клон?

— Нет, — ответила Нтомби. — Ты же знаешь, клонирование человека не дало результатов. У клонов отсутствует высшая нервная деятельность. Я не слишком сложно выражаюсь?

— Нет, я понимаю, — я была шокирована, — я читала… но если я не клон, то кто я? Или что?

— Ты такая же, как я, — улыбнулась Нтомби. — Именно потому я и просила, чтобы ты звала меня африканским именем. Понимаешь, Королева, тот, кто дал нам жизнь, хотел сделать нас лучше, совершеннее других людей. Мы с тобой зачаты

непорочно — не от плоти и крови, не от похоти, а от чистого знания. Ты, наверно, замечала, что лучше, выносливее, умнее и красивее сверстников?

— Ну… — начала было я, но потом вдруг подумала: а зачем врать? — Да. Хотя и не была уверена, что не выдаю желаемое за действительное.

— Но и это еще не все, — вновь заулыбалась Нтомби. — Отец дал нам больше. В каждом из нас скрыты способности, которые можно назвать волшебными, если не божественными.

— Молнии метать не умею, — заметила я. — И дождь вызывать тоже.

— Какие-то у тебя устаревшие понятия о чудесах, Королева, — фыркнула Нтомби, отпив из чашки. Отхлебнув, она скривилась: — Вот черт, да он остыл совсем… не люблю холодный кофе.

— Тогда в чем мои сверхспособности? — спросила я, игнорируя последнюю фразу. Мне действительно было интересно это узнать. Сверхспособности — это… это же власть, сила, влияние!

— Одна, которую я знаю, — умение находить общий язык с игровыми автоматами, — сказала Нтомби. — Думаю, у тебя все завязано на удачу — карты раздаются так, чтобы у тебя вышла самая сильная сдача, кости падают шестерками

кверху…

— Не обязательно шестерками, — поправила я. — Выбрасывать одни дубль шесть подозрительно, но я всегда набираю чуть больше, чем соперники…

Сказала — и задумалась. What the fuck?! А ведь похоже на то!

— Вот только с последним автоматом я сфейлила. — Мое настроение стало сползать вниз. — Вы, видимо, ошибаетесь…

Нтомби чуть откинулась на спинку и улыбнулась:

— С последним автоматом я тебе немного помешала, прости. Но ведь я же честно отдала тебе выигрыш, правда?

— Да вы… — У меня дыхание перехватило. — Читер вы, вот кто!

— Как и ты, Королева, — подмигнула Нтомби. — Как и все мы. Идем легким путем, но нелегко идти по легкому пути. Нелегко и опасно… Да где этот чертов официант?!

Официант, худой и черный, как вакса, возможно, зулус или даже бушмен, калякал с не менее черным барменом. Нтомби нахмурилась:

— Хочу, чтобы ты мне верила. Смотри, что сейчас будет.

И тут же нерадивый официант выпрямился, словно ему кто-то отвесил пинок, и, переменившись в лице, развернулся в нашу сторону.

— Эй! — встревожился бармен. — Нсоноуа, тебя куда понесло?

— У меня заказ, — глухо ответил официант, шагая к нам. Его движения были какими-то судорожными.

— Чего желаете? — сказал Нсоноуа, подойдя.

— Ты нерасторопный, — пожурила его Нтомби. — Принеси мне кофе и терминал, да побыстрее, не то заставлю на карачках ползти до кухни.

— Слушаюсь, — официант помчался к стойке.

Нтомби вздохнула:

— Редко таким занимаюсь, — призналась она. — Но этот парень меня разозлил. Очень не люблю, когда кофе остывает. Так вот, Королева, теперь ты знаешь, кто ты. Знаешь, на что способна. И у тебя есть деньги. Если ты встанешь и уйдешь, не стану удерживать, но должна предупредить: в одиночку тебе будет трудно, даже труднее, чем ты думала. Вспомни свой дом дьявола.

— Зачем? — спросила я.

Нтомби не ответила — примчался Нсоноуа с кофейником и чашками, и моя новая знакомая отвлеклась на кофе. Но я уже и сама поняла.

— Ладно, неважно, но скажите, что вы предлагаете?

— Нас осталось мало, Королева. — Нтомби достала еще одну сигариллу. — И мы хотим собрать уцелевших. Дело отца не должно погибнуть. Он говорил, что мы лучшие — давай им это докажем? Ты хотела бы иметь семью, для которой ты не чужая? Хотела бы попасть в прайд себе подобных?

— Да, — тихо ответила я. — А много таких?

— Немногим больше, чем дней в году, — сказала Нтомби.

Я смотрела на белый ободок пены на ее коричневом мундштуке и думала… думала о том, что теряю свободу, едва ее обретя. Но ведь это мое решение! И еще — я чувствовала, что Нтомби не станет меня удерживать. Но я не хотела уходить. Я действительно устала быть чужой в родном доме.

У меня появился шанс найти по-настоящему свой дом. Семью таких же, как я. И уже неважно, человек я или клон, родилась или появилась на свет как-то по-другому.

У меня будет свой прайд. Это не значит, что меня там автоматически полюбят — наверняка найдутся те, с кем начнутся терки, но это лучше ощущения чуждости, лучше роли вечного по-

стороннего.

— У меня есть время подумать? — на всякий случай спросила я.

Нтомби пожала плечами:

— А зачем? У тебя так много аргументов «за» и «против»?

Я покачала головой. Две дороги, и обе ведут в неизвестность. Но на одной из них я буду не одна, а вместе с такими же, как я. И если Нтомби не врет, я им уже сейчас небезразлична.

— Я могла бы бросить монетку, — сказала я. — Обычно всегда так делаю, когда не знаю, как поступить. Но сегодня не буду. Только мне нужно забрать сумку из камеры хранилища.

Нтомби улыбнулась и отставила недопитую чашку, над которой еще поднимался парок:

— Тогда идем за вещами, что ли?

Часть 2
Разброс статов

Сломайся, умри –
Никто не заплачет.
В системе таких
Миллионы, и значит,
На место твое
Другого поставят.
Имен не дают
Стандартным деталям!

Джинн и Призрак: like brothers

Как хорошо спать не столько, сколько надо, а столько, сколько хочется!

Проснувшись, я увидел напарника и приятеля Микеле. Знал я его только двое суток, но мы уже успели сдружиться настолько, насколько это возможно за такое короткое время.

Микеле, прикусив кончик языка, увлеченно орудовал отверткой, собирая какую-то неведомого назначения шнягу. Два дня назад, познакомившись со мной и слегка пообжившись, Микеле притащил из своего бокса груду железяк и на досуге (который у нас занимал большую часть времени) увлеченно в ней ковырялся, пока я стрейфился по Сети. Интернет на базе имелся, но странный — очень быстрый ровно до тех пор, пока ты не пытался что-нибудь запостить. Я планировал выяснить причины такого странного поведения Сети, но пока ни до чего особо не докопался, хотя у меня было мерзкое ощущение, что ответ у меня под носом…

— На Сицилии говорят: «Кто спит крепко, у того совесть чистая». — Микеле… точнее. Призрак, теперь мы называли друг друга по никнеймам,

изволил заметить, что я проснулся, поскольку я сполз с кровати и потащился к санузлу. — Судя по тому, как ты горазд дрыхнуть, совесть у тебя чистая, как снег на Монблане.

— Угу, чистая, — согласился я. — Просто не пользовался ею, с чего бы ей пачкаться?

Призрак жизнерадостно заржал, он у нас эдакий fire guy: если весело — хохочет, если чем-то недоволен — кроет матом, и вообще… хотя перед кураторами и он тушуется. Впрочем, из кураторов мы с ним пока видели только троих. Причем двух успели немного узнать — собственно, Леди Н, как мы стали ее негласно промеж себя именовать, и ее кореша Бараку, он же Харма. Насчет имени леди Н. вышел наш единственный с Призраком спор — он утверждал, что ее зовут Николь, я, естественно, говорил, что Надин. В конце концов Призрак свалил куда-то (по базе перемещаться можно свободно, и мой приятель этим вовсю пользуется), а вернувшись, похлопал меня по плечу и сказал, что мы оба, как он выразился, sciocchi, то бишь придурки. Потому что он поспрашивал «у других ребят» и выяснил, что каждому она представлялась каким-то другим именем, чаще всего на букву «Н».

Кстати, Призрак говорит на итальянском, и я

его понимаю. То есть я знаю, что он говорит на итальянском, но при этом почти каждое слово воспринимаю так, будто это чистый английский. А он таким же образом понимает меня. Более того, Призрак уверяет, что успел потолковать с ребятами из разных стран, включая какого-то филиппинца, даже не испаноговорящего, и эффект работал. Одна из загадок этого места, но далеко не единственная.

Я машинально попытался найти пасту и щетку, потом вспомнил, что сразу же по приезде хмурый Харма вручил мне все необходимое в виде чемодана с вещами, в числе которых были и пакеты с наноботами. Часть из них теперь живет и размножается у меня в ротовой полости, так что достаточно просто прополоскать рот водой. Мечта лентяя! В большом мире, конечно, такое тоже доступно, если у тебя есть лишняя пара десятков лимонов зелени, а мои родители, не говоря обо мне, такие бабки только по телевизору видели.

— Судя по тому, как спишь ты, у тебя с совестью серьезные проблемы, — сказал я, прополоскав рот и умывшись.

— Есть такое, — подтвердил Призрак. — Не то чтобы я такой уж засранец, но в сбирятни-

ке[41] моим художествам пару томов уделили, я ж говорил…

Ага, говорил. Мой новый друг успел сообщить, что зарабатывал на жизнь автоугоном, «пока его самого не угнали», добавил он, имея в виду Надин и ее дружка Харму.

— Веришь, мне это совершенно по барабану, — ответил я, вспомнив, как хотел переписать имей планшета. — Ты ж не у моего па его драндулет тиснул. Тем более я не уверен, что та развалюха годится хотя бы на запчасти.

— Из любой тачилы можно сделать куколку, — заверил Призрак, — если руки из нужного места растут.

Кстати, мой приятель выражается, не выбирая слов, и цитировать его приходится, сильно смягчая сказанное. Должно быть, у них там, на Сицилии, сурово, у нас так даже канадцы и поляки не матерятся. Я сам могу заложить, но Микеле в этом факн'чемпион.

— Сон — это здоровье, — назидательно сказал я, выходя из санузла. Условия на базе были королевские, не считая паршивого Интернета, кормежка годная и полная свобода, ну, почти полная…

---

[41] Примечания: 41
Сбирятник (от sbirro) — полицейский участок (*жаргон, итал.*).

— Пока ты дрых, я по окрестностям прошвырнулся, — доложил Призрак. — Навестил Цезаря, ну, и так, поосмотрелся, не сидеть же в четырех стенах…

Цезарь — это мопед моего напарника, тот относится к технике так, будто она живая. Хотя я этому не удивляюсь, в свете того немногого, что успел узнать о сверхспособностях. Для Призрака его Цезарь действительно живой, как для меня мой планшет по имени Купер.

Сверхспособности… Все мы в детстве читали комиксы, смотрели фильмы о суперменах и так далее. И вот Надин говорит, что каждый из нас — супермен, но не выдуманный, из сказки, а настоящий. Мы можем очень многое, однако нашим способностям еще лишь предстоит раскрыться, а нам — научиться ими управлять. Пока львиная доля нашего колдовства связана с тем, к чему мы были (вольно или невольно) привязаны с детства. У меня это компьютеры, у Призрака — его машинки. Он ничуть не лукавит, утверждая, что можно довести до ума любую телегу — но с одной оговоркой: если за это берется Микеле Солариано Росси, то бишь сам Призрак.

И на машинах все не заканчивается, Призраку по плечу любая механика. Сварганить из труб-

ки и груды хлама действующий пистолет? Уже готово, правда, к этому пистолету нет патронов, точнее, даже не так: патроны-то Призрак сделал, а вот пороха у него нет, потому его пушка — не больше чем игрушка. Но Призрак говорит, что ему так спокойнее, хотя, кажется, здесь на него точно никто не нападет. По мнению моего кореша, мужику требуется иметь оружие в кармане, как девочке — зеркальце, и он уже раз пять клялся подыскать нужные детали и собрать мне настоящую «беретту», «от сбировской без лупы не отличишь». Потом, правда, ковыряясь в нутре Цезаря, нашел две своих, ранее им же на принтере напечатанных «беретты», и даже с патронами. Одну из них, да еще с запасным магазином, Призрак презентовал мне, пообещав научить стрелять, как только патроны сварганит. В свою очередь я предложил подтянуть его в электронике — в некоторых вещах он и без меня разбирался, но программирование казалось ему тихим ужасом. Как девчонкам.

Кстати, о девочках…

— Небось опять на женскую половину собирался? — поинтересовался я.

Призрак кивнул; другой, например я, на его месте покраснел бы, но у Призрака, казалось,

возможность краснеть в БИОС не прошита.

— И как?

— Хрен как, — ответил он. — Так же, как и вчера.

* * *

Все началось с прилета… Мы с Призраком познакомились на борту АОИ «Изида», штуковины, от которой у обоих просто дух перехватило. Вид у этой машинки был такой, словно ее стырили со съемочной площадки очередного фильма про Звездные войны, хотя они уже давно все рисуют на компьютерах, но еще круче оказалась начинка этой машинерии. Пока Надин развлекала меня разговором, я потихоньку приконнектился к бортовой сетке. Зашел и вышел, поскольку испугался. Программное обеспечение было невероятно сложным даже для меня, но кое-что я определить сумел. «Изида» имела два конвекторных двигателя и плазменно-реактивный прямоток. Она могла передвигаться в любой среде — от дна океана до открытого космоса. Я не совсем понимал, что такое конвекторный двигатель, зато Призрак сразу его оценил по достоинству.

— Bucca di culo, это просто невозможно, madre

de putana! — заявил он с порога. — Ты видел эти двигатели? Cazarolla, cazarollissima!

— Видел, — ответил я. — Может, ты мне еще подскажешь, что это за фигня? Я их программу смотрел, ни хрена не понял…

— А ты программист? — спросил Призрак. — Bellissima! Всегда думал, что все программисты — худые понурые сколиозники. А я, кхм, автомеханик.

— Всегда думал, что автомеханики — пожилые пропитые мужики с одной извилиной на двоих, — ответил я, ожидая, что мой, на тот момент еще будущий, напарник пойдет на конфликт, но тот лишь хлопнул меня по плечу и сказал, что я тот еще засранец, что, как я понял, означало мою крутизну. Я пожал плечами: никогда не считал себя каким-то особо крутым…

После этого я хотел опять уткнуться в свой новоприобретенный планшет, чтобы немного проанализировать часть бортовой программы «Изиды», но не тут-то было: воодушевленный Призрак принялся объяснять мне, что такое конвекционный двигатель.

Факн’щит, у него это получалось интересно, я даже заслушался, задавая по ходу пьесы наводящие вопросы. Со слов Призрака выходило,

что двигатель использует ультранестабильное топливо, которое в конвекционной камере распадается на элементарные частицы, в результате чего машина получает невероятную тягу по сравнению с обычным реактивным двигателем, не загрязняя при этом окружающую среду ничем, кроме потока ионов. Эдакая летающая люстра Чижевского, сострил я и спросил, откуда он все это знает. Этим я поставил Призрака в тупик: он сказал, что не знает, может, читал, хотя, убей, не помнит где. Рассудив, что изидовские мозги все равно никуда не денутся, и пользуясь досадным обстоятельством, что Надин не стала составлять нам компанию, предпочитая общество своего Хармы, за что я на нее немного обиделся, я залез в Сеть, и мы с Призраком убили часа полтора на то, чтобы найти информацию по конвекционным двигателям. Выяснилось, что эта технология, по мнению Всемирной паутины, пока существует «на карандаше» — создание «коктейля Рогозина», ультранестабильного топлива для такого двигателя, было удовольствием невероятно дорогим.

— То есть одно из двух, — сказал Призрак задумчиво. — Либо у наших новых приятелей бабок, как блох на блудной псине, и они их вообще не считают, либо они открыли способ получать

«коктейль» дешево, почти на шару. Что примерно то же самое.

Он присвистнул:

— Bimbo[42], мы летим, сжигая в топке килобаксы…

— …но оно того стоит. — Увлекшись поисками, мы не заметили, как в наш салон вошла Надин. — Не свисти, scioccо, денег не будет. — Она, подойдя, легонько щелкнула Призрака по носу. — Шучу. Вы лучше бы в иллюминаторы взглянули, что ли…

— Иллюминаторы? — переспросил я.

— Ах да… — Надин скорчила задумчивую рожицу и подмигнула: — Зажмурьтесь, ребята, глазам будет больно.

Мы послушались — и через миг даже через веки почувствовали внезапно заливший кабину яркий свет.

— Теперь осторожно приоткрывайте, — заявила Надин. — Сейчас день, и день здесь будет еще долго…

Мы открыли глаза. Свет заливал все, всю кабину, он был везде — казалось, за иллюминаторами нет ничего, кроме света. Лишь через мгновение

---

[42] Примечания: 42

Bimbo — дословно «ребенок», в переносном смысле — пацан, братишка (*жаргон, итал.*).

глаза привыкли настолько, что мы стали различать белые всхолмия посреди белых равнин, длинные иссиня-белые трещины, немногочисленные темные пятна на девственно-белом снегу…

— Ледник Росса, — пояснила Надин. — Мало кто из людей видел его иначе чем по головиденью…

— Я и по головиденью не видел, — фыркнул Призрак. — По причине отсутствия его в нашем захолустье. Ближайший ретранслятор в Неаполе, и сигнал…

Я тем временем прикидывал в уме… и, закончив вычисления, сказал, больше Призраку, чем Надин:

— Выходит, за полтора часа мы добрались до Антарктиды? И какую же мы скорость развиваем?

— Максимально в атмосфере семь с половиной, — ответила Надин совершенно спокойно. — Но нам приходится местами лететь медленнее, чтобы не будоражить чужую ПВО. Сбить они нас не собьют, но привлекать внимание тоже незачем. Потом поймете почему.

— Семь с половиной махов? — уточнил Призрак. — Я слышал, на сверхзвуковой скорости такие перегрузки, что перепонки лопаются. Дядя

рассказывал.

— Ну, не в нашем случае, — загадочно улыбнулась Надин. — И потом, у этой машины противоперегрузочные компенсаторы есть. Основанные на новых физических принципах, — сказала она, приподняв брови, а потом опять подмигнула: — Эй, технари, может, баста уже железяки ваши обсуждать? Посмотрите, какая красота! Мы сейчас над Южным полюсом пройдем!

Не знаю, как Призрака, а меня Южный полюс не впечатлил. Если не знать, что это он, можно пропустить и не заметить. Там, говорят, когда-то была наша база, но я ее не разглядел, наверное, пролетели слишком быстро. Вообще, антарктические проекты по всему миру сворачивают, поскольку человечество поперлось в космос — на орбиту, на Луну, на Марс… это ему куда интереснее, чем Антарктида.

— Сейчас разгонимся и через пару минут будем на месте, — сообщила Надин, приобняв нас с Призраком (честно говоря, у меня ноги стали как ватные: я, конечно, не девственник, факн'щит, но когда тебя обнимает такая девочка — поплывет даже памятник). — Сейчас мы идем на максимуме, пятнадцать махов, обратили внимание?

— Мне кажется или эта штука может двигаться

быстрее? — спросил Призрак.

— Куда еще быстрее? — удивился я. — И так полное впечатление, что летим над белым столом — все детали ландшафта сливаются…

— Может, — кивнула Надин. — Когда будем в космосе, покажу один финт ушами.

— А мы будем в космосе? — удивился я (и воодушевился, признаться, ведь даже в наше время, чтобы слетать в космос, не будучи астро-, космо- или тейконавтом, надо быть кем-то вроде Чейни Пенн[43]). — А когда?

— Не сегодня, — подмигнула Надин. — Но не исключено, что скоро.

— Ух ты! — Похоже, Призрак воодушевился не меньше моего. — Всегда мечтал слетать в космос! Che cazza, а это что за чувак?

Я глянул туда, куда показывал Призрак. Мы снизились и мчались теперь над самой поверхностью, и совсем недалеко от нас посреди бескрайней ледяной пустыни из снега торчала человеческая голова, размеры которой оказались значительно больше обычных.

Надин пожала плечами:

— Наверно, какой-то исследователь. Здесь

---

[43] Примечания: 43

Чейни Пенн — американская актриса и певица, владелец ряда брендов (2056 год).

когда-то была станция, теперь ее снегом всю занесло. Один этот бюст торчит. — Она улыбнулась: — Какая ирония… Если бы эти ребята прошли немного, миль пятьдесят к западу, они бы сделали такое открытие… хотя эти пятьдесят миль непросто пройти. Сейчас за бортом минус шестьдесят восемь, ветер тридцать два метра в секунду. Не погуляешь особенно.

И тут наш аппарат, что называется, «лег на крыло» и нырнул, казалось, прямо в снег. Но это впечатление было обманчивым — под нами змеилась неразличимая сверху довольно широкая расселина. Ее края поднимались один над другим, и увидеть ее можно было, только влетев между этими краями.

Края трещины вздымались, и с этим подъемом сама она расширялась и углублялась, постепенно превращаясь в пещеру невообразимых размеров. По-моему, в этой пещере поместился бы весь мой родной городок, да еще и место для окрестных лесов осталось. Я даже не заметил, когда своды пещеры сомкнулись, — может, потому, что нас внезапно обогнала, издевательски покачав крыльями, еще одна «Изида».

— «Озирис», — пророкотал из кабины Харма. — Апистия в своем репертуаре. Что вытворяет,

оторва…

— Вижу, — ответила ему Надин. — Для справки: «Анубис» тоже на подходе, держится позади нас, вне зоны видимости.

Пещера, в которой мы находились, была огромна, я даже не представлял себе, что такие пещеры вообще возможны. Когда мы приземлились, я примерно оценил расстояние до противоположной стены — мили три-четыре, может, больше. Глубина ее тоже впечатляла — под фюзеляжем «Изиды» было не меньше мили, и примерно полмили оставалось до потолка пещеры. Но не только это меня удивило, и даже не то, что пещера имела вполне нормальное естественное освещение — как-никак наверху царил полярный день.

Впереди, по левому борту, из толщи покрытых льдом скал выступало здание, похожее скорее на арт талантливого художника-фантаста, чем на реальный объект. Больше всего оно напоминало впившуюся в скалу «летающую тарелку», с внешней стороны подпертую массивным контрфорсом в полмили высотой. Две «тарелки» поменьше располагались справа и слева от большой и по форме походили на кастрюльки-скороварки. У всех трех зданий, которые, как потом оказалось, являлись частью одного комплекса, крыши напо-

минали низкий купол и были почти свободными от снега.

Пока мы с Призраком пырились на это непонятно что, ожила одна из посадочных площадок, которые я сразу не заметил; вернее, ожили обе, но на ближнюю к нам устремился вышеупомянутый «Озирис», потому Харма направил «Изиду» на дальнюю площадку (при этом он довольно нелестно выразился в адрес неизвестной мне Апистии, которая полезла вперед папки в пекло). Площадки размещались на выступах стены между «тарелками». С высоты нашего полета они показались мне маленькими, даже миниатюрными, но сели мы без малейших приключений. Чего это стоило, мы оценили позже: сначала Надин, открыв одно из сидений, достала два комбинезона в скатке, две пары огромных ботинок и, улыбнувшись, произнесла:

— Обувайтесь, одевайтесь; за бортом минус сорок два, скорость ветра — двадцать четыре метра в секунду. Ущелье имеет несколько выходов, так что представляете, какие здесь сквозняки… — Она вздохнула и слегка повела плечами. — Терпеть не могу холод, особенно когда ветрено. Ну, с ветром я справлюсь, пока вы одеваетесь, а вот от мороза никуда не деться, привыкайте.

Прежде чем мы с Призраком успели отреагировать, Надин, как была, в тоненьком летнем комбинезоне и сапожках, выпрыгнула во внезапно открывшуюся дверь, которая сразу же за ней и захлопнулась, но за этот краткий миг в кабину ворвался такой леденящий поток, что нам стало не по себе. Я уставился на дверь; Призрак задумчиво раскатал комбинезон — внутри обнаружилась пара носков, пара рукавиц и шапочка-балаклава.

— Che cazza, я в этом буду похож на снеговика. — Призрак плюхнулся на сиденье, сбросил туфли и стал надевать носки. — Че пыришься, одевайся давай!

— А она… — я подошел к своей скатке, — она ведь выпрыгнула, как была…

Призрак пожал плечами:

— …и сказала, что успокоит ветер. Одно из двух, bimbo: либо мы в дурке, либо в сказке. Но я не хочу сломать себе голову, гадая, что из этого реально. Ты одеваешься или нет?

Я вздохнул, сбросил, не расшнуровывая, кроссовки и стал натягивать носки.

* * *

— Ну че, пойдем похаваем? — предложил Призрак. — Что еще остается?

— Не откажусь, — кивнул я. — Слушай, ты действительно пару дней подождать не можешь? Тебе ж Апистия сказала — когда всех соберут, сформируют смешанные группы для тренировок…

Апистию мы встретили вечером после прилета. Из разговора Надин и Хармы Призрак узнал, что как минимум половина участников проекта — девушки, и решил не дожидаться, как он сказал, «когда начальство соизволит почесать cullo» и организовать встречу с дамским полом. Мне порой кажется, что Призрак считает меня слоупоком — пока я соображаю, он успевает столько, что диву даешься.

Призрак уточнил у Надин, что по базе перемещение свободно, правда, только в пределах зеленых зон. В красные зоны заходить не запрещалось, но и не рекомендовалось. К моему удивлению, насчет девочек Призрак у кураторов вообще не спрашивал. Надин сама сказала, что общение между учениками не только допускается, но и поощряется, и вообще — весь Проект существует только ради нас и таких, как мы.

В мужской половине мы познакомились с другими ребятами. Большинство из них оказалось из разных приютов, монастырей и других

подобных организаций. Я довольно быстро заметил, что «эффект Призрака» — понимание незнакомых иностранных языков — работает не только с моим соседом по комнате: я спокойно разговаривал с японцами, китайцами, венграми и маори (последний, правда, присутствовал в единственном экземпляре). Ребята выглядели доброжелательными, но замкнутыми. Нам с Призраком выделили пустовавший номер (номера были трехместными, нам сказали, что, пока третий человек еще не приехал, мы поживем вдвоем).

Нас с Призраком это вполне устраивало. Мы быстро нашли общий язык, хотя у нас были вроде бы совсем разные интересы. Да и характерами мы оказались непохожи — я всегда немного «в себе», слегка скован и необщителен, а Призрак, наоборот, рубаха-парень, умеющий найти общий язык буквально с каждым.

Прощаясь, Надин сказала, что такого понятия, как распорядок дня, на базе нет, по крайней мере пока. Питание можно получить в любое время на робокухне, все остальное тоже не нормировано.

— А, да, Призрак, — добавила она, — Цезарь в твоем боксе. Выйдешь в коридор, дошагаешь до пересечения и повернешь направо. Там корот-

кий коридорчик, в нем много дверей, это боксы. Просто касайся рукой дверей. Какая откроется, та твоя.

— Вау! — Мой приятель был поражен. — Вы и его захватили?

— Не бросать же такой шедевр, — улыбнулась Надин. — К тому же он тебе потом пригодится.

— А у меня тоже есть бокс? — уточнил я, сам не знаю зачем.

— Конечно, — кивнула Надин. — Он рядом с боксом Призрака, но пока пустует.

После этого Призрак умотал к своему Цезарю, и я остался в комнате один, чем воспользовался для того, чтобы залезть в Интернет и местную локалку. Первое мне удалось лишь отчасти, зато второе значительно превысило ожидания. Сетка, правда, была почти еще неживой — активность наблюдалась практически нулевая, что странно. Зато какие у Проекта базы данных! Я быстро сварганил сетевого бота, обозвав его в честь планшета Купером, а там и Призрак вернулся.

— Заглянул бы к себе в бокс, — снисходительно сказал он, глядя, как я одновременно мониторю сетевые передвижения других участников Проекта (народу в Сети прибавилось, но все было как-то уныло: ребята в основном сидели в игрушках или

смотрели видео, а ведь Сеть имела такой богатый инструментарий; я даже не знал, с чего начать, глаза разбегались), качаю по нескольким потокам интересные мне библиотеки и программы и пытаюсь взломать отправку сообщений в большую Сеть. — Пустой, в понимании Надин, — не совсем то, что в твоем.

— Откуда ты знаешь? — спросил я, отрываясь от своих занятий. — Ты что, в мой бокс заглянул?

— Ага, — без тени смущения заявил Микеле, кидая на мою кровать силиконовую перчатку. — А ты можешь заходить в мой, если хочешь. Только перчатку надень, чтобы система тебя опознала.

Поймав мой недоуменный взгляд, он пояснил:

— Мое изобретение. Считывает папиллярную картинку ладони и копирует себе в память. Помещается восемь отпечатков. Сейчас там твой, мой, Николь и этого черномазого.

— Николь? — переспросил я, взяв перчатку — на запястье ее был закреплен простейший твердотельный чип на полтерабайта. — А, в смысле, Надин… Классная штука! А чего так мало отпечатков?

Призрак вздохнул:

— Потому, что я пишу не только отпечаток, но всю информацию, что запрашивает биосканер.

Честно говоря, не знаю, что там, я в этих ваших программерских штучках как свинья в апельсинах разбираюсь. Я как-то попал в сбирятник — на футбол ходил, а сам знаешь, что после футбола бывает…

— Не знаю, — честно признался я. — Наша футбольная команда слабенькая, вторая лига, а чтобы болеть за какую-то крутую, денег много надо — поездки, билеты, атрибутика…

— Да уж, это тебе не наше захолустье, — согласился Призрак. — Тогда наши играли с Миланом. Ежу понятно, чем закончилось: у красно-черных полкоманды киборгов, форвард вообще, говорят, по армейской технологии сделан, типа как снайперы из ЕСБ[44]. Ну, мы и оторвались после матча — этим красно-черным bucca di culo места в городе не было, ныкались от стадиона до вокзала. Потом приехали сбиры, даже пару кентавров с водометами подогнали, меня и скрутили. Пришлось заплатить штраф, зато я у них спер пачку экранов для снятия папиллярки, остальное — дело техники. Экраном снимаешь отпечаток, переносишь в память…

---

[44] Примечания: 44

ЕСБ — европейская Служба безопасности. Основана в 2020 году для противодействия терроризму. Одной из первых стала использовать кибернетические технологии для создания совершенных бойцов.

— Класс! — согласился я. — Хотя я на твоем месте вместо чипа поставил бы вафлю[45] и на карман положил простенький мобильник хотя бы с парой террабайт.

— Я с электроникой не особо дружу, — признался Призрак. — Как сумел, так и присобачил.

— Я помогу, — пообещал я. — Заодно на ладонь можно вторую прошиву наложить, чтобы одной перчаткой и снимать картинку, и передавать. Я так понял, перчатку на руке не видно?

— Ага, — кивнул Призрак. — Я и сам об этом думал, но у меня матрицы для печати не было.

— Я тебе сделаю, только бы инструментом разжиться… 3D-принтер мне бы не помешал, швейная машинка для волоконной оптики…

— Вот я тебе и говорю: загляни к себе в бокс, — сказал Микеле. — 3D-принтер там точно есть. Пошли, похаваем?

После ужина (в блоке столовой сидели еще два парня, не обративших на нас ни малейшего внимания — они что-то увлеченно чертили на 3D-схеме, парившей над столом) мы навестили мой бокс, оказавшийся просто dream castle. Здесь было все, чего я мог бы желать, и даже больше!

---

[45] Примечания: 45
Вафля — приемопередатчик WiFi (*жаргон*).

Факн'щит, с помощью имеющегося оборудования я мог даже создавать нейросети, просто мечта! Потом зашли в бокс Призрака — кроме Цезаря, симпатичного мотороллера, здесь оказалось оборудование маленькой мастерской. Я в этом ничего не понимаю, но Микеле охарактеризовал свое царство так:

— Va fa'n'culo, да с таким оборудованием я мог бы угнать телегу хоть у дьявола!

Я же осматривал его мотороллер, вспоминая слова Надин: «Он тебе потом пригодится». Зачем? По базе кататься? Или по арктическим льдам рассекать?

— Как думаешь, — спросил я у Призрака, — зачем тебе здесь мотороллер?

— Я бы скучал по нему, — пожал плечами он. — Кроме него, мне в большом мире скучать не по кому. Не по дядьке с теткой же!

— А я по своим скучаю, немного, — честно признался я. — Несмотря на то, что у них на меня никогда не было времени. Хотя, наверно, больше боюсь, чтобы с ними без меня чего не случилось. Но я о другом. Надин сказала, что мотороллер тебе еще понадобится. Интересно, зачем?

— Какая На… а, Николь… Ну, не знаю. Девочек буду катать, когда найду. Говорят, здесь девочки

что надо. Хотя никто их не видел…

— Я видел, — кивнул я и, поймав недоуменный взгляд Микеле, пояснил: — В Сети. Тут есть локалка, и у каждого в ней аккаунт. Аватарку можно ставить любую, но в корне будет твоя фотка. Так вот… — Я мечтательно прикрыл глаза. — Девочки и правда зашибись.

— Non la smetti di rompermi i coglioni[46], — изумился Призрак. — Покажешь?

Я достал планшет (все свое ношу с собой) и подконнектился к местному сетепроводу. Кстати, в боксах ловилась еще одна сетка, залоченная; я мысленно отметил, что недурственно бы ее взлохматить, и даже решил специально для этого собрать небольшой сетевой комп, чтобы не попалили, благо теперь у меня имелось достаточно инструмента.

Обдумывая все это, я интегрировал Сеть и открыл Призраку доступ к хранилищу аккаунтов. Фотки хранились в 3D, я поставил их на слайд-шоу, и головы девушек, одна за одной, стали появляться перед моим напарником, причем каждую он приветствовал восторженным возгласом, по большей части нецензурным. И я его

---

[46] Примечания: 46

Non la smetti di rompermi i coglioni — экспрессивное итальянское выражение, примерный перевод: «не морочь мне голову».

понимал — полное впечатление, что мы с Призраком попали на конкурс красоты! Все девочки, по крайней мере с моей провинциальной точки зрения, были просто загляденье.

— Cazarolla! — прокомментировал мой «показ мод» Призрак. — И после этого ты еще можешь сидеть per culo? Не знаю, как кому, а мне картиночек недостаточно.

— Что ты предлагаешь? — спросил я, выключая планшет.

— Что-что… конечно, смотаться в дамскую половину, — ответил он. — Нам разве это запрещали?

— Нет, — сказал я, — но…

— Что «но»? — Призрак, сидевший на одной из удобных откидных панелей, то тут, то там закрепленных на стенах, вскочил на ноги. — Рядом с нами такая россыпь звезд, а мы тут тупим. Короче, ты как хочешь, а я схожу, пожалуй, в дамскую половину.

Я пожал плечами:

— Думаешь, я тебя одного отпущу? Кстати, а как туда попасть?

— Понятия не имею, — чистосердечно признался Призрак. — Но намереваюсь узнать.

Я опять включил планшет и полез в местную

базу данных. План нашей базы я уже находил и даже скачал, но забыл, куда сохранил, а искать было в лом. В Сети найти легче.

Вскоре трехмерная картинка уже плавала между нами в воздухе. База, по крайней мере часть ее, указанная на плане (у меня были подозрения, что этот план далеко не полон), состояла из трех независимых корпусов — «башен», две из которых были жилыми. Между ними находилась бо€льшая по размеру башня, в которой располагалось множество разного размера помещений неизвестного пока назначения (никакой легенды у плана не имелось), представлявших собой настоящий лабиринт. Впрочем, для меня этот лабиринт не являлся большой проблемой: в детстве у меня был довольно примитивный компьютер, и, пока мои сверстники шпилили в виртуальной реальности, я довольствовался простейшими играми вроде «Дьябло-V» или «Фоллаут-Иннерспейс», действие которых как раз в таких лабиринтах и происходило.

— Смотри, — сказал я Призраку. — Вот этот коридор ведет в главный корпус. Там мы спускаемся на ярус ниже… нет, на два… потом так, так — и мы у лифта. Дальше наверх…

— Кто эту базу проектировал? — проворчал

Призрак. — Руки им поотбивать за такое…

Кстати, вопрос действительно интересный, по крайней мере для меня, — я не большой специалист в области архитектуры, тем более археологии, но даже для меня было очевидно, что база неоднократно перестраивалась, а в основе ее находилось какое-то еще более древнее строение, но какое древнее строение могло быть в Антарктиде? Ее и открыли-то лет триста назад…

— Наверху большой зал, но нам туда не нужно, — продолжил я, игнорируя ворчание напарника. — Проходим так, так — и опять вниз, потом сюда, сюда…

— И мы вернулись к лифту! — ухмыльнулся Призрак.

— А вот и нет, мы пройдем под шахтой, здесь спуск есть, — сказал я с торжеством. Я ведь действительно нашел кратчайший путь к искомому коридору! — Теперь наверх — и мы на месте.

— В женской половине? — уточнил Призрак.

— Нет, в коридоре, ведущем к ней, — пояснил я. — Ну что, если хочешь попасть туда до ночи, то идем. Путь неблизкий…

— Какая разница, до ночи или нет? — пожал плечами Призрак. — Тут всегда день, что снаружи, что внутри. Но ты прав — нечего тянуть кота

per coglioni…

— Странно, что некоторые твои слова я понимаю, а другие нет, — сказал я, с некоторой досадой покидая боксы. Я был бы не прочь задержаться еще — кое-что из оборудования хотелось опробовать немедленно…

* * *

Впечатление, которое произвела на нас база, оказалось огромным. Не знаю, что чувствовал Призрак, но я словно попал в научно-фантастическую сагу. База была… живой и очень загадочной. Живой — потому что ее наполняла жизнь, по крайней мере электромагнитная. Я чувствовал ее на протяжении всего пути, а когда мы спустились на самый нижний уровень, понял, что нахожусь рядом с чем-то совершенно фантастическим. Скорее всего, это был эксафлоповый компьютер, один из тех гигантов, которые появились в тридцатых и от которых отказались после вируса «Лаврентий-37» ввиду дороговизны в обслуживании и отсутствия вменяемых задач для машин подобной мощности. Сейчас таких машинок в мире чуть больше сотни, и все они работают на очень серьезные организации… а один, оказывается, на наш Проект.

Как я узнал о присутствии эксафлопика? Трудно объяснить. Раньше мне казалось, что я «чувствую» компьютеры, но я думал, что это не более чем мои фантазии. Потом Надин подтвердила, что это — моя сверхспособность, но я не вполне ей поверил. Однако с момента нашего прибытия на базу моя чувствительность обострилась, хотя и суток не прошло. Работающую интегральную микросхему я мог обнаружить не глядя, я несколько раз сам себя проверил, прежде чем сделать подобный вывод.

Призрак тоже время от времени восхищался окружающим нас техноизобилием, чаще всего используя неизвестные мне термины вроде cazarolla, buca di culo или pacco di merde. В самом конце нашего путешествия (мы, правда, еще не знали, что это его конец, — мы как раз подошли к лифту, который должен был вывести нас к «дамскому» коридору) он остановился возле некоего устройства, провел по нему рукой — и оно, зашевелившись, разложилось, открыв руку с манипулятором.

— Забавная cagatta[47], жаль, с собой не заберешь…

---

[47] Примечания: 47
Cagatta — штуковина, фиговина (*жаргон, итал.*).

— Если это то, за чем вы пришли, — сказал насмешливый голос из темного коридора, — могу порадовать. У вас в блоке такие тоже есть. Кстати, можете их демонтировать со спокойной душой — мы их устанавливали на время строительства, сейчас они уже не используются.

Голос был женский, весьма своеобразный. В нем слышалось что-то мягкое, детское, кажется, такие голоса называются «колоратурное сопрано», но могу что-то путать. Я, конечно, интересуюсь музыкой, но не такой. Женщина, которой принадлежал голос, вполне ему соответствовала, хоть и была чуть выше среднего роста, — зато хрупкая, как тростинка, изящная, грациозная, с очень милыми чертами лица…

…если не смотреть ей в глаза. Казалось, что глаза ее неудачно обесцвечены начинающим фотошопером. Цветом они напоминали шрифт старых газет, которые сейчас можно увидеть разве что в музеях. И еще, всегда считал, что чтение по глазам — романтическая чушь, но у этой женщины глаза были такими холодными… «Как два ствола, — подумал я тогда, — словно в двустволку заглянул».

— Но, кажется, вы сюда не за этим пожаловали? — Женщина улыбнулась, и улыбнулась

неприятно. Один уголок ее губ лишь слегка приподнялся. — Призрак, вам никто не запрещал ходить куда угодно, но никто вас и не приглашал на женскую половину. Подождите немного, пока не будет официальной презентации Проекта.

— Почему я должен ждать? — Призрак склонил голову, став похожим на упрямого бычка вроде тех, что по Discovery показывают. В наших краях таких нет, у нас клонкоров разводят, а они тупые, как дверь.

Женщина вздохнула:

— Если бы на моем месте оказалась наша сладкая Н., она бы вам быстро все расфармусолила так, что на языке остался бы сладкий привкус клубники. У меня язык хуже подвешен. Потому скажу просто — нельзя. И достаточно. С вами и так кураторы возятся, как с болячкой. Расслабь ягодицы и ложись на обратный курс, а я тебе по доброте душевной даже коридор сделаю прямой, чтобы вы опять туда-сюда по уровням не шастали.

— А если я не соглашусь? — набычился Микеле, нависая над женщиной — он был выше ее на голову, если не больше.

— А твое согласие в данном случае никого не колышет, — пожала плечами незнакомка. — До

полнолуния ты к девочкам не попадешь, даже если лопнешь от мифического спермотокстикоза. Потом бегай себе на здоровье, пока пороху в пороховницах хватит, а сейчас — ни ногой.

— И кто же меня остановит? — Призрак сделал шаг вперед… Что произошло потом, я так и не понял и даже разглядеть не смог — через мгновение парень оказался на полу, женщина склонилась над ним, присев на корточки. Ее рука лежала на его бедре, другой она упиралась в свое согнутое колено.

— Милый мальчик, — сказала она Призраку. — Говорят, знание — сила. Я, например, знаю, как ткнуть тебя так, чтобы у тебя неделю не поднялся, хм, жизненный тонус. Могу и навсегда оставить без надежды на продолжение рода. Меня зовут Апистия — лечу и калечу бесплатно, сечешь?

И нажала Призраку на бедро. Тот тихонько вскрикнул и рефлекторно попытался убрать ногу, но Апистия ему не позволила.

— Ну-ну, тихо, я не собираюсь тебя ни калечить, ни уродовать. Все у тебя будет в порядке, навеселишься еще с девочками, когда дорвешься. Но запомни: у любой свободы есть «красные линии», пересекать их не стоит. Подумай сам — тебе дают уникальный шанс раскрыть свой дар, стать

полубогом. Неужели так хочется все угробить маленьким непослушанием?

Призрак неуверенно покачал головой:

— Нет… наверно.

— Правильно. — Апистия с грацией пантеры оказалась на ногах и тут же помогла встать явно приунывшему Призраку. — Не так уж долго ждать, кстати. Через пару дней Лорд вернется, и тогда…

— Какой Лорд? — спросил я. Честно говоря, в этой ситуации я протупил: мне бы прийти на помощь Микеле, а я стоял, словно оцепенев. Факн'слоупок!

— Лорд Нахаш, верховный куратор, — пояснила Апистия. — Все, что вы видите вокруг, — его рук дело. Все-все, — зачем-то повторила она. — А теперь домой, донжуаны.

Она щелкнула пальцами, и произошло нечто, чего я совсем не ожидал: стены стали трансформироваться, открывая проход в широкий прямой коридор. Даже Призрак, хоть и был обескуражен, оценил.

— Che cazza, как у вас это получается? — спросил он.

Апистия улыбнулась:

— У тебя получится не хуже, если не станешь

спешить к черту на рога вперед старших. — Она протянула руку и потрепала Призрака по щеке. — Люблю таких, как ты. В тебе есть огонь. Ладно, двигайте задницами, коридор долго не простоит, схлопнется. Если не успеете и окажетесь заперты — в каждой комнате есть терминал для связи. Номер помещения написан на терминале. Усекли?

— Ага, — сказал Призрак, я кивнул, и мы, не сговариваясь, поперли на возвратку. Стена за нами захлопнулась почти сразу же, я даже, признаться, вздрогнул от неожиданности.

Мы шли по коридору молча; стены становились на место, стоило нам их миновать. По сторонам мы больше не смотрели, и я не помню, через какие именно комнаты проходили. Помню лишь, что их было много, больше двух десятков, наверно.

— Cazarolla, ну и здоровенная эта база, — наконец сказал Призрак.

Я кивнул. Все это время я старался не смотреть на приятеля, но, когда он нарушил молчание, все-таки решился сказать то, что меня беспокоило:

— Блин, Призрак, я придурок и вел себя как последний дебил! Прости, м'бадди, не знаю, что…

— Ты о чем это? — удивился Призрак. — Если об Апистии, то хрен с ней.

— Я должен был вмешаться.

— Sei stronzo[48], ты как это себе представляешь? — ответил Призрак. — По-твоему, мы вдвоем должны были с девкой махаться? И потом, прости за откровенность, не факт, что она обоим нам не наваляла бы, не баба — серная кислота, cazzarolla!

— Все равно я чувствую себя жопой осла, — признался я.

— Как и я, bimbo, — вздохнул Призрак, — и я, кстати, вдвойне. Такая симпатичная девка, и такая… — Он махнул рукой. — Короче, оба мы per culo, cazzarolla. Но в этом есть и хорошая сторона…

— Да ну? — спросил я. — И какая же?

— Мой дядька говорил, что если человека отхлестать по заднице крапивой, бегает он намного быстрее. Не знаю, как ты, а я теперь просто обязан попасть на ту сторону до официального мероприятия с участием Лорда. Ты со мной?

— А ты как думаешь? — ответил я. — Не тебя одного отхлестали по заднице… фигурально выражаясь, конечно. И потом — не знаю почему, но ты мне как брат.

---

[48] Примечания: 48

Sei stronzo — экспрессивное итальянское выражение, примерный перевод: «ты придурок».

— Ты мне тоже, stronzitto, — ухмыльнулся Призрак.

Тень и Дария: игра теней и отражений

Есть старая шутка о женщинах в одинаковых платьях. Считается чуть ли не аксиомой, что эти женщины будут ненавидеть друг друга. Чушь собачья, с учетом того, сколько представительниц слабого пола служат в армии, полиции и других организациях, где принята униформа. Но, конечно, шутку нельзя воспринимать буквально. Речь идет о том, что женщина вроде бы должна огорчиться, видя другую столь же красивую женщину.

Как я уже сказала, вероятно, один из моих жизненных принципов — ломать стереотипы. Я всегда искала общества кого-то, кто не стал бы мне завидовать. Но зависть, как аромат духов, сопровождала везде, где бы я ни появилась. Если бы вы знали, как она отравляет жизнь, эта зависть. Никто, конечно, не говорит в глаза гадости, но то, как они смотрят… они калечат тебя своими взглядами, причиняют боль. Хочется убежать, но куда? Кажется, завистники везде. И это лишь одна сторона медали.

Есть и другая. Я назову ее подзабытым в нашем мире словом «похоть». Если женщина чувствует

постоянно направленное на нее мужское желание, она, по мнению большинства, должна быть счастлива. На практике никакого счастья от этого нет: что хорошего в том, что тебя хотят взять и использовать, как дроида, для сексуальных утех? Чем здесь гордиться?

Вот таким был мой мир — состоящим из двух равно отвратительных частей, но тут, словно фея-крестная из аудиосказки, появилась Нелли, мой Ange le Malin, пахнущий «Midnight Poison Dior» с примесью гвианских сигарилл «Corsar», — и мой душный, болезненный мир рухнул.

Это было чудом. Мы сели в огромный дорожный крейсер Нелли и отправились на юг. Я представляла себе, какой вой поднимется в особняке матушки, когда она узнает, что я «сорвалась с крючка», как сказала Нелли. Честно говоря, меня это радовало, и даже очень.

Я не взяла с собой даже смены белья; будь моя воля, уехала бы голой, хорошенько помывшись перед отъездом, чтобы смыть с себя прошлую жизнь. Но Нелли сказала, что так не годится. В Валансе, городе между Лионом и Авиньоном, она свернула к одному из торговых центров на шопинг. Вначале мы прикупили самой простой одежды — пару джинсов, несколько удобных

блузок, кроссовки, балетки; на меня пялился весь магазин, но мне было плевать. Когда мы вышли, возле нашего дорожного крейсера, брошенного на стоянке, с деловым видом прохаживался серый котейка. Он урчал, как вибромассажер, и терся о колесо машины. Пока я выбрасывала в урну пакет со своими прежними шмотками, а вместе с ними символически и всю мою прошлую жизнь, Нелли успела познакомиться с котейкой и вызвать у того приступ неприязни — когда я подошла, девушка пыталась погладить зверька, но тот выгибался и шипел. Увидев меня, он рванул в моем направлении, забрался по штанине новеньких джинсов, оставляя зацепы маленькими коготками, и уже на уровне пояса я его поймала. Оказавшись у меня на руках, кот разурчался еще громче и от благодушия даже позволил подошедшей Нелли почесать себе пузичко.

— Как назовешь? — спросила она.

— А что, можно взять его с собой? — удивилась я.

Нелли фыркнула:

— Слушай, мы едем не в тюрьму и не в больницу. Конечно, можно. Между прочим, тебе полагается талисман, и кот для этого вполне подойдет.

Я была рада, тем более что Талисман (может, у меня неважно с фантазией, но это имя показалось подходящим) перебрался на рукав моей рубахи и задрых, обхватив лапами мое запястье, как диковинный меховой браслет.

Мы приехали в Марсель, причем я, хоть и была уже вторые сутки на ногах, не чувствовала ни малейшей усталости. В вип-зоне марсельского яхт-клуба стояла странная конструкция, я решила было, что это подлодка, хотя штуковина больше напоминала летающую тарелку. Нелли обозвала ее АОИ «Изида» и пригласила на борт.

Там мы выпили по бокалу шампанского, открытого Нелли «в честь моего освобождения», и она спросила, не боюсь ли я, ведь, по сути, она меня похитила и теперь увозит в неизвестном направлении. Мало ли что у нее на уме? Я ответила довольно бессвязно, сказав, что если ей нужно от меня что-то (с намеком на сексуальные отношения), то пусть обращается, я… Она опять щелкнула меня по носу и сказала, что у нас тут добрая сказка с рейтингом R-14 и не надо ее опошлять. Потом игриво чмокнула меня в губы и добавила, что нам пора.

Сначала мы действительно погрузились под воду. Я часто бывала на море, но под воду погру-

жалась впервые: раньше этого не позволяла моя страховка. Вернее, не то чтобы совсем не позволяла, но делать это я могла лишь в сопровождении «опытного инструктора с навыками реанимации утопленников и оператора видеосъемки, также обладающего подобными навыками». Идиотизм, да? Вот я и отказалась от такого сомнительного удовольствия. А теперь мы с Нелли были только вдвоем, не считая Талисмана, уже освоившегося на борту и резво гонявшего по полу фантики от конфет, которыми мы закусывали вино. Мы разделись до купальников и наслаждались красотами подводного мира, попивая шампанское. Под водой «Изида» шла с приличной скоростью — время от времени ее пытались сопровождать любопытные дельфины, но мы их быстро обгоняли.

А затем мы всплыли… и взлетели! Да еще так высоко, выше, чем летают лайнеры. Мы промчались над севером Африки, над океаном, потом встретили облачность и снизились, скользя под облаками. Снизу серебрился лед, сверху клубилась уютная вата облаков — так и хотелось потрогать их руками!

— Мир прекрасен, — заметила Нелли, — и, по-хорошему, должен принадлежать таким, как я и

ты. Но человечество не любит нас, человечеству, наверно, нравится быть унылым и серым, все яркое и отличающееся оно отвергает. Сколько красивых рыжих дев сожгли на кострах в Средние века — думаешь, религия имела к этому хоть какое-то отношение? Меня там не было, конечно, но могу рассказать, как это происходило: собрались однажды несколько страшных теток и решили перемыть соседям косточки. Дошла очередь до какой-нибудь Мари: девочка красивая, и муж у нее статный, и дети ладные — точно ведьма! И вот горит бедная Мари со своей черной кошкой, а потом в учебниках напишут — суеверия, религия, квадратно-гнездовое мышление… — Нелли фыркнула. — Зависть! Самая простая, банальная зависть. Убогий человечишко не хочет становиться лучше, он хочет, чтобы все вокруг были такими же убогими, как он сам… Я закурю?

Каждый раз, собираясь закурить, Нелли спрашивала у меня разрешения, и каждый раз я отвечала, что вообще-то это я в гостях, а не она. В конце концов я сама попросила у нее сигарету, но она отказала:

— Во-первых, мои слишком крепкие для тебя; во-вторых, если не куришь, то и не начинай. Я не моралист, но курение — это зависимость. Мне

без сигарет некомфортно. Могу перетерпеть — но зачем терпеть, если можно просто не связываться с этой зависимостью?

— Алкоголь — тоже зависимость, — парировала я, показывая на початую бутылку шампанского на столе.

Нелли усмехнулась:

— Не в таких дозах, как у нас. Внимание, подлетаем…

Мы приземлились у какого-то огромного и, по-видимому, старого здания (интересно, откуда в Антарктиде могут быть такие старые здания?), казавшегося средневековым замком, выросшим до размеров небоскреба и заброшенным в эти ледяные пустоши каким-то джинном. Пока я одевалась, Нелли, в чем была, выскочила из «Изиды», но тут же вернулась, слегка припорошенная снегом.

— Ветра почти нет, — сообщила она, — даже утихомиривать не пришлось. Температура чуть выше тридцати мороза. Прямо тепличные условия.

Я обула очень удобные унты, завершив свой наряд эскимосской принцессы. Нелли успела сообщить мне, что на базе уже живут полторы сотни таких же девушек, как я, и примерно столь-

ко же юношей. Я мысленно готовилась к тому, что опять попаду в атмосферу зависти, хотя Нелли и заверила, что этого опасаться не стоит. Но я все равно боялась, не могла не бояться…

— Дикие растения растут сами по себе; культурные, прежде чем высадить в почву, проращивают в теплицах, — сказала Нелли, ведя меня под руку по длинному дугообразному коридору с окнами, выходившими на заснеженный каньон. — Мир принадлежит тебе и таким, как ты, но чтобы выжить в схватке с сорняками, вам сначала нужно прорасти. Здесь ваша теплица; здесь мы научим вас противостоять миру и ничего не бояться.

— А разве можно научить не бояться? — удивилась я.

Нелли загадочно улыбнулась.

Следующие полчаса я знакомилась с девочками, участвующими в Проекте. Представьте себе, что вы всю жизнь мылись в грязной, жесткой, еле теплой воде и вдруг попадаете в ванну с кристально чистой, мягкой и комфортной по температуре водой, с прекрасным душем, с обилием масок и шампуней. Представьте то ощущение чистоты, которое вы испытаете, — такое же ощущение испытала я, общаясь с этими девочками. Большинство из них если и уступали мне во внешней

красоте, то не настолько, чтобы это стало поводом для зависти; к тому же между мной и ими не было даже тени конкуренции, какая царила на подиуме. Конкуренция, как кривое зеркало, искажает восприятие: она заставляет видеть свои недостатки и чужие преимущества гротескно преувеличенными. Здесь же этого кривого зеркала не было, и, кажется, девочки искренне радовались появлению еще одной звезды в их ярком (я-то это могу оценить!) созвездии.

Потом начались огорчения. Сначала выяснилось, что все заселенные «номера» этого отеля полностью укомплектованы и до прибытия новеньких мне придется одной занимать трехместный блок. Затем Нелли сказала, что должна меня покинуть. У нее, дескать, есть и другие дети, пока еще не вернувшиеся в семью. Вот сейчас кто-то из них ее настойчиво зовет, и пришло время ответить на зов. Я не пыталась остановить ее, но мне стало грустно. Потому я уединилась в своей комнате, предварительно запустив туда кота. Через некоторое время появился небольшой дроид-стюард на колесиках и привез для Талисмана тарелку овсянки на молоке с кусочками мяса и плошку с водой; кот уважил и то и другое. Я тем временем разложила свои нехитрые

пожитки, ознакомилась с новым имуществом, включавшим планшет, коммуникатор, несколько полезных девайсов и кое-что из практичной одежды вроде комбинезона с унтами, в которых я впервые ступила на землю Антарктиды. Закончив с этим, я почувствовала голод и усталость, но усталость пересилила. Тем более что хорошо наевшийся (подозреваю, впервые в жизни) Талисман заполз мне под бочок и стал демонстрировать свою благодарность громким довольным урчанием, под которое я и заснула.

* * *

Я видела очень странный сон, но совершенно забыла какой. Может, это был кошмар, но не особо страшный, хотя проснулась я быстро, буквально вскочив на постели. Талисман сначала испугался, выгнул спинку и грозно зашипел, но потом признал хозяйку и, примирительно мявкнув, скользнул мне под бок.

— Прости, я тебя разбудила?

Я вздрогнула, поскольку не сразу поняла, чей это голос, но потом увидела девушку, сидящую на противоположной кушетке. Перед ней был разложен откидной столик, на котором лежали две деревянные палочки, деревянный ножик,

похожий на скальпель, большой желтый шар воска и… Талисман.

Я даже не сразу поняла, что Талисман на столике незнакомой девочки намного меньше даже моего крохотного котенка, а уж тем более до меня не сразу дошло, что котик на столике не живой, настолько он был похож на настоящего. Разве что цвет отличался, он оказался ближе к рыжему, тогда как прототип был серым, лишь с легкой рыжинкой… цвета поздней осени.

— Ух ты! — Я не могла скрыть своего восхищения — очевидно, девушка слепила фигурку моего котика из воска, пока я спала. — Здорово! Как живой…

— А он и есть живой, — доброжелательно улыбнулась соседка и подмигнула: — Смотри!

Она осторожно провела пальцем по спинке своего котенка — и живой Талисман внезапно заурчал громче и выгнул спинку, словно подаваясь навстречу ласке. Девушка осторожно почесала головку своего котенка, и Талисман немедленно стал тереться о невидимую руку…

— Это что, вуду? — Я даже чуточку испугалась — ничего себе! Я раньше такое только в ужастиках по головидео видела.

— Нет, ну что ты! — поспешно возразила девуш-

ка. — Это моя сверхспособность. Я, как приехала, залезла в местную сетку. С Интернетом тут как-то вяло, а вот базы у них зашибись просто — фильмы, музыка, приложения… Прости, отвлеклась. Так вот, это называется… — девушка нахмурилась, — телекиномантия, если я ничего не путаю.

— А ты давно приехала? — спросила я. — И вообще, давай знакомиться. Ле… Тень.

— Летень? — переспросила девушка. — Или просто Тень?

— Просто Тень, — улыбнулась я. — Я новенькая, не привыкла еще.

— Тогда я Дария, — ответила девушка, — так мне намного больше нравится. Я из Греции, прибыла часа четыре назад. А ты откуда?

— Из Франции, — ответила я. — Прилетела утром. А который сейчас час?

Дария пожала плечами:

— Часов шесть вечера. Трудно сказать. В этом месте все по-другому, и время, наверно, тоже… Тебе не кажется?

Я кивнула.

— А откуда ты так хорошо знаешь французский?

— Я его вообще не знаю, — ответила Дария. — Я немного знаю английский, но говорю на нем так

плохо, что и не рискую. А с тобой я говорю на родном, греческом.

Я уставилась на нее, словно она была не шестнадцатилетней девочкой, а пришельцем с альфы Центавра, а Дария опять улыбнулась:

— Я же говорю, это место, где работает магия. На самом деле я с этим разобралась уже. Короче, у Немезис суперспособность…

— У кого? — не поняла я.

— У Немезис, — повторила Дария. — У той прекрасной незнакомки, что меня сюда привела. Сейчас расскажу. Короче, все началось с того, что я сделала ее куклу из воска. Мне было так грустно, так одиноко…

«Как и мне… — подумала я. — Вокруг были совершенно чужие люди, а теперь…»

Вот Дария, другие девушки Проекта — они не видели во мне ни объект зависти, ни повод для вожделения. Для них я была просто сверстницей по имени Тень. От них мне не хотелось бежать.

Я смотрела на Дарию и понимала — она вполне могла бы составить мне конкуренцию на подиуме, на обложках глянца. Может, все дело в этом, зависть питается неудовлетворенностью? Завидует тот, кто считает себя в чем-то ущербным?

Внезапно я почувствовала такую сильную и

искреннюю привязанность к Дарии, как ни к кому до нее. Она словно была моей потерянной сестрой-близнецом.

— Тебе не кажется, что мы похожи? — вырвалось у меня.

Соседка недоуменно посмотрела на меня, но потом улыбнулась:

— Как гвоздь на панихиду, наверно. Хотя ты права, я об этом еще раньше задумывалась. Видишь ли, я тебя знаю немного дольше, чем ты меня. Я звала тебя Эсмеральдой, хотя на цыганку ты похожа, как…

— …гвоздь на панихиду, — сказала я. — А что такое панихида, кстати?

— Заупокойная служба в церкви, — объяснила Дария. — Ничего общего с гвоздем, понимаешь?

— А почему ты называла меня Эсмеральдой? — То, что эта феноменальная девушка действительно могла знать меня задолго до того, как мы познакомились, почему-то совершенно меня не удивило.

Соседка пожала плечами:

— Не знаю. Ты представлялась мне танцующей. Когда-то матушка вывезла меня в Афины, и я сбежала от нее на балет, он назывался «Эсмеральда»…

— Я знаю этот балет, — воодушевилась я. — Была на нем несколько раз. Я ведь и сама немного училась в балетной школе, и это меня по-настоящему увлекало, но маман мое будущее виделось по-другому…

— Вижу, у тебя были те же проблемы с родителями, что и у меня, — приязненно сказала Дария. — Неудивительно, что я «почувствовала» тебя, «увидела», как ты танцуешь Эсмеральду…

Я печально вздохнула. Было бы здорово! Но, боюсь, эта дверь в моей судьбе закрыта навсегда: я сейчас даже на пальцы не встану, наверно…

— Ты начала рассказывать, как попала сюда, — напомнила я. — Продолжай, а потом я поделюсь с тобой своей историей.

По ходу рассказа соседки я убеждалась: ее Немезис и моя Нелли — одно и то же лицо. Я вспомнила наше расставание и ее слова: «Прости, мне действительно надо бежать. Меня зовут, и зовут очень настойчиво…»

— Мне она представилась как Нелли, — сказала я.

Дарию это не удивило:

— Она говорила, что меняет имена и лица. Наверно, твоя Нелли и моя Немезис — один и тот же человек. Так вот, когда я стала читать про

сверхспособности, кое-что поняла…

— Что же? — спросила я.

— Есть такая штука, нейролингвистическое программирование, — принялась рассказывать Дария. — В общем, это такая же лженаука, как, к примеру, астрология: суть ее в том, что, подбирая определенные комбинации слов, интонаций, поз, жестов, один человек может навязать другому свое мнение. Была популярна в начале века, но сейчас про нее почти забыли. Так вот…

Девушка вздохнула.

— Все это — от хиромантии до НЛП — там, — она махнула рукой в неизвестном направлении, — было не больше чем приемами из арсенала аферистов, воров и прочих проходимцев. Но у нас эти приемы работают. Я глажу восковую фигурку котика, и живой котенок мурлычет, словно я ласкаю его самого. А ты?

— Я думаю, что невидима, и люди меня не видят, — ответила я.

— Ух ты! — восхитилась Дария. — Покажи!

— Не могу, — потупилась я. — Понимаешь, Дария, это срабатывает, если я не хочу, чтобы эти люди меня видели… нет, даже не так: которых не хочу видеть сама, для кого не хочу существовать, понимаешь? А тебя видеть я хочу.

— Почему? — удивилась соседка.

— Потому что ты мне нравишься, — сказала я. — В отличие от тех, от кого я сюда сбежала.

— И от матери? — спросила она.

— Прежде всего от матери… — Я отвернулась. — Можешь меня осуждать, но я ненавижу свою мать. Нелли говорит, что она мне не родная, и я хочу в это верить — чужого человека ненавидеть легче. Но все равно, она всю жизнь обеспечивала меня всем, кроме того, что я действительно хотела! Можешь считать меня неблагодарным чудовищем, но…

Пока я говорила, Дария встала с кушетки, отодвинув столик, и подошла ко мне.

— Знаешь, Тень, — сказала она, — я ведь лепкой из воска занялась лишь потому, что хотела сделать куклу вуду своей матери. Но вылепила тебя и… Немезис. Порой ненависть не разрушает, а созидает. И мы с тобой действительно очень похожи. Как сестры.

— У меня никогда не было сестры, — пробормотала я. — Однажды я заикнулась матери об этом, и получился скандал: она достаточно подорвала свое здоровье со мной, чтобы решиться на второго ребенка. Так я и осталась одна.

— А я даже не хотела сестру, — призналась

Дария, присаживаясь рядом, — не хотела, чтобы у матушки был еще один объект для издевательств. И, Тень, я… ты мне тоже очень нравишься. Наши мамашки далеко, и мы можем позволить себе быть сестрами, правда?

От ее слов у меня на душе потеплело. Так бывает, когда ждешь чуда — и оно вдруг происходит!

— Конечно, — сказала я, в порыве чувств обнимая ее. — Мне действительно кажется, будто я нашла сестру, с которой меня разлучили в детстве. Мы так похожи — и внешне, и…

— …и семьи у нас как копипаста, — добавила Дария. — Сумасшедшие, деспотичные мамашки, изобилие, от которого только тошнит, и недостижимость любого желания. Золотые клетки. Тебе никогда не казалось, будто ты в тюрьме?

— Казалось, — кивнула я. — И очень часто.

— Как здорово, что нам все-таки удалось вырваться, — улыбнулась соседка. — Все это так похоже на сон! Но если это сон, то я не хочу просыпаться.

* * *

Моя новоявленная сестричка оказалась гораздо лучше меня осведомленной о том, что происходит на базе.

— Первое, что я сделала, пока ждала, когда мне принесут одежду, так это залезла к ним в сетку, — сказала она. — Я быстро стрейфлюсь, но подолгу в сетке не сижу — мозг устает.

— А что у тебя с одеждой? — удивилась я.

— Я всю одежду матушке на память оставила, чтобы та по мне не скучала, — подмигнула Дария. — Так что на базе появилась голышом. Как будто заново родилась, ну, наверно, так оно и есть.

— Я тоже свою старую одежду выбросила, — сказала я. — Очень надеюсь, что тот клошара, что ее найдет, порадуется — у меня шмотье на десятку евро было, а то и больше.

— Ну, я дома одеваюсь победнее, — ответила Дария. — У меня был вообще период нудизма — ходила голой по отелю, шокировала постояльцев, но потом поняла, что матушка такое «единение с природой» только приветствует, и завязала с этим. Хотя было комфортно.

Дария извлекла откуда-то голографический планшет — у меня тоже имелся такой, последней модели, похож на «Нью-Спектрум Нейробласт», но без их фирменного логотипа в виде взлетающего призрака Каспера, появляющегося при загрузке. У этого вместо веселого привидения

пролетала комета. Да и интерфейс был удобнее — похоже, клавиатуру строил отдельный проектор, и для работы с ней не требовалось вытягивать руки, напоминая сомнамбулу. Я свой тоже включила. Говорят, когда-то такое поведение считалось неприличным, но в наше время гаджеты не мешают общению. Мы, словно мифический Цезарь, можем одновременно разговаривать, слушать музыку и стрейфиться в Интернете. Нашим родителям это недоступно и непонятно, и водораздел между поколениями обнаружить просто — старшие выключают планшет при общении, а молодежь общается, не отрываясь от Сети.

— В Интернет здесь выход странный — зайти можно куда угодно, но сообщение хрен оставишь, — сказала Дария. — Я пока сидела, написала небольшой скриптик, который простукивает сайты на предмет доступности. Сейчас посмотрим, что поймалось.

— Ты сама программируешь? Здорово!

— Ты удивишься, узнав, сколько всякого нужного и ненужного я умею, — улыбнулась соседка. — Когда из тебя делают овощ, готов даже камни киркой ломать в каменоломне, лишь бы не превратиться в кабачок.

— А у меня никогда времени ни на что не было, — признаюсь я. — Уход за телом, за лицом, тренировки, съемки, показы…

— По-моему, ты и так хороша, — фыркнула Дария. — Слушай, у меня, конечно, уже была твоя фигурка, но хотелось бы слепить тебя «с натуры». Попозируешь мне?…

— Конечно, — согласилась я, — с удовольствием, что-что, но это я умею. Правда, боюсь, это единственное, что я умею: красиво двигаться и принимать эффектные позы.

— А еще становиться невидимой, — подсказала Дария. — Как по мне, это уже немало. Думаю, у тебя и другие таланты найдутся.

Она бросила быстрый взгляд в голопроекцию — для меня это была лишь россыпь звездочек, не более того.

— Нет, ничего. Исходящие пакеты проходят, только если они служебные… черт, я не программист, а то бы накатала скрипт посложнее, чтобы маскировал одно под другое. Но тогда бы его антивирусы блочили, наверно…

Девушка прищурилась, глядя на голограмму:

— Ага, вот, смотри… подожди, сейчас я это преобразую в понятный вид…

Ее изящные пальцы запорхали внутри тер-

мен-клавиатуры, словно исполняя некий танец. Звездочки стали превращаться в крохотные фигурки — стилизованные мужчины и женщины, смотрящие кино, играющие, спящие… Одна из женских фигурок сидела перед планшетом и работала с термен-клавиатурой точь-в-точь как Дария.

Нет, не одна! Точно такие же действия совершала еще одна фигурка, мужская и почему-то серая, хотя другие, кроме спящих, были зелененькими.

— Видишь? — спросила соседка, указывая пальцем с простым френчем на серую фигурку. — Еще один скрипт вроде моего, тоже в Интернет ломится.

— А почему серый? — удивилась я.

— Потому что сейчас не в Сети, — ответила Дария. — Написал программку и вышел, как я. Интересно, что это за парень… хотя я догадываюсь.

— И кто это? — Отчего-то эта тема показалась мне неприятной. Я чувствовала дискомфорт и не могла понять, с чем он связан.

— Одна из моих куколок, — улыбнулась Дария, — Мерлин. Немезис сказала, что его зовут Поль. Все-таки жаль, что я не захватила кукол с собой…

Ее пальцы зависли над серой фигуркой, словно пытаясь схватить ее за шкирку и вынуть из голограммы.

— Вот что, — сказала девушка. — Немезис раздобыла немного воска, пообещав, что потом еще привезет. Знаешь, что я сделаю?

— Нет. Что?

— Я всех вас заново вылеплю, а потом начнем знакомиться с другими.

— Зачем? — не поняла я, зато вдруг поняла нечто другое: мне очень не хотелось, чтобы Дария знакомилась с кем-то еще. Я начинала воспринимать ее как свою собственность. И это было неправильно. Призрак моей маман восстал из небытия, я даже почти увидела ее — и инстинктивно исчезла. Поняла я это только по испуганному возгласу соседки.

— Ой, Тень, ты где… куда? — Я посмотрела на Дарию — она растерянно озиралась по сторонам. И тогда я повторила характерный жест Нелли — легонечко щелкнула ее по носу.

— Вот ты где, — вздохнула с облегчением Дария. — Куда ты делась?

— Мне привиделась моя маман. Я испугалась и спряталась.

— Слушай, — Дария опустила глаза, — ты меня

как-нибудь предупреждай, что ли, когда такое проделываешь. Я перепугалась!

— Почему? — удивилась я.

— Как это «почему»? — возмутилась соседка. — Я только-только тебя нашла, сестру, о которой всю жизнь и мечтать не могла, а тут ты бац — и пропала! Тебя несколько секунд не было, а я уж такого напридумывала…

Она подвинулась ближе, обняв меня:

— Не хочу тебя потерять. Ни за что.

— А я тебя, — ответила я. — Может, даже чересчур не хочу. Понимаешь?

Дария кивнула и хотела было что-то сказать, но тут проснулся Талисман. Он запрыгнул мне на колени и тюкнул лапкой по локтю, требовательно вякнув.

— Кажется, он голодный, — заметила девушка. — Надо его покормить, да и нам бы подкрепиться не мешало. Что думаешь?

Я кивнула, только сейчас осознав, как проголодалась. Выключив планшеты, мы отправились на поиски робокухни. Талисмана я взяла с собой, усадив за пазуху, — кажется, он уже привык со мной путешествовать.

Глядящий в небо: первая кровь…

— Еще немножко, и этот парнишка заткнет меня за пояс, — грустно сказал Барака.

Сегодня Барака путешествовал пассажиром, как и Нааме. За штурвалом «Изиды» сидел я. Это был уже третий мой полет на этом чудесном аппарате, но я еще не выяснил все его свойства и характеристики. Зато научился им управлять. Впрочем, управление оказалось несложным — искусственный интеллект «Изиды» приходил на помощь в трудных ситуациях и защищал от ошибок пилотирования в воздухе и под водой.

— Да ладно, Барака, — примирительно сказал я. — Вы самый крутой во всех отношениях, и в пилотировании тоже. Я ничего подобного в жизни не сделаю!

Во второй наш полет Барака устроил показательные выступления — бочку, петлю Нестерова и многое из того, что я не знал, поскольку интересоваться полетами запрещали мне отец и мой внутренний цензор. Нааме пыталась выглядеть невозмутимой, но я заметил, что она боится — когда Барака закручивал какой-то особо лихой вираж, девушка рефлекторно прижималась ко

мне. При этом я чувствовал себя как при внезапном приступе гриппа — у меня поднималась температура, голова кружилась, а внутри все становилось ватным. Мне хотелось ее обнять, но…

Но она — Леди Н., куратор Проекта, вторая после Лорда, которого я не видел, зато уже наслышан о нем. А я? Я — всего лишь один из миллиона… точнее, один из четырех сотен участников Проекта. Даже мои способности не такие уж и «сверх», вернее, не столь зрелищные, как у других. Телепатия, телекинез, пирокинез, гипноз и так далее — это не про меня. И знаете, я ничуть об этом не жалею с тех пор, как Барака, подмигнув единственным глазом Нааме, сказал:

— Я подустал. Как ты относишься к тому, чтобы обратно парень порулил?

Я опешил:

— Я? Но я же не умею!

Однако Нааме, совершенно не обращая внимания на мою панику, совсем по-детски, но при этом чертовски соблазнительно запрыгала и захлопала в ладоши:

— Здорово! Бракиэль, ну попробуй, а вдруг получится?

И разве можно ей отказать? Да я скорее съел бы свою кипу! Но, признаться, я порядочно струх-

нул. И все-таки сел в пилотское кресло, а Барака, забравшись в салон, стал вводить меня в курс дела:

— Здесь все просто. Можно взлетать по-самолетному, но ты пока не чувствуешь машины, потому лучше стартовать с подпрыга. Включи клавиатуру, парень.

Я включил — прямо передо мной возникла трехмерная система с кучей инфоокон, с анимацией каких-то рычагов и верньеров — все равно мы тяготеем к архаичной системе управления…

— Так, сначала нужно потянуть до упора вот этот рычаг и резко отключить… — продолжил Барака. Но тут случилось нечто непредвиденное — я буквально на автомате повторил все, что он сказал, и земля стала быстро удаляться. Нааме, устроившаяся рядом на сиденье, как я понимаю, второго пилота, пискнула — не то от испуга, не то от восторга. Я тут же машинально потянул другой «рычаг» — должно быть, запомнил действия Бараки, иначе это не объяснишь.

— Смотри, какой, — восхитился Барака, — сам нашел и включил тягу. Вот что, а попробуй вызвать виртуальный штурвал!

Я хотел было сказать, что не имею ни малейшего представления, как это сделать, но руки

сработали сами, и передо мной возникла анимация штурвала.

— Вау! — воскликнул Барака, а Нааме перегнулась через подлокотник и чмокнула меня в щеку. Я покраснел, но не так чтобы очень: мною овладело странное чувство…

Когда вы надеваете вещи массового производства, то почти всегда чувствуете какой-нибудь дискомфорт: там жмет, тут трет, здесь давит. А костюм, пошитый на вас, всегда сидит идеально, если, конечно, портной хороший.

Так вот, я словно надел идеально подходящий костюм. Словно у меня выросли крылья. «Изида» стала моим продолжением, частью меня. Я взмыл в небо, быстро набирая высоту, — насколько я могу оценить, у аппарата была потрясающая скороподъемность, хотя мне не с чем сравнивать, ведь раньше я летал лишь пару раз, и то как пассажир.

Да, раньше я летал лишь пару раз, но за штурвалом «Изиды» мне показалось, что я вернулся к тому, что умел едва ли не с детства. Потрясающее чувство, помноженное на ощущение невероятной свободы, какое дает нам только открытое небо! Весь мир перестал существовать для меня, даже Нааме была где-то на периферии зрения,

оставались лишь «Изида» и земля в тысячах метров подо мной.

Эту идиллию несколько нарушил насмешливый голос Бараки:

— Все хорошо, но мы летим не туда. Возьми правее. И можешь еще ускориться, пока никто не видит.

Я понимал его беспокойство — насколько я мог видеть, «Изида» всегда избегала оживленных трасс и людных мест, чтобы не попадаться на глаза любопытным. Все-таки ее возможности значительно превосходили современные технические достижения.

Кстати, во время слияния с «Изидой» — буду называть это так, поскольку на время полета мы действительно стали единым организмом, — я внезапно понял, что эта машинка неплохо вооружена. В ее крыльях находилась батарея из пары скорострельных бикалиберных рейлганов — мощное, но очень дорогое оружие, а в фюзеляже скрывалась турель, способная выдвигаться как снизу, так и сверху, и в этой турели был импульсный лазер, который не шел ни в какое сравнение с оружием даже самых современных истребителей вроде «Су-52» или «Чженьжду-Фулун». Их лазеры имели куда меньшую скорострельность

и мощность залпа. Кроме того, у «Изиды» был значительно больший боезапас за счет использования для накачки выстрела собственного топлива. Которое, кстати, само по себе являлось чудом — ультранестабильное, выделявшее огромное количество энергии при «сгорании» (к горению этот процесс не имел почти никакого отношения), в двигателях оно рождало просто сумасшедшую тягу, но эта тяга прекрасно поддавалась управлению. Крылья «Изиды» — мои крылья! — были сильными и послушными, а когти и клыки опасными. На миг у меня даже появилось шальное желание — залететь в Иорданию, найти ту бригаду штурмовиков, что в свое время сделала из папиного «пибера» некое подобие дуршлага, и поставить точку на ее боевых подвигах. Но я отбросил эту мысль как напрочь нереальную.

* * *

— Сегодня лезем в пасть тигру, — сообщила Нааме. — Бракиэль, как ты уже, наверно, понял, машина надежно защищена от обнаружения с земли и с орбиты, но любая защита имеет технические пределы. Старушка Европа нафарширована локаторами, большинство, правда,

старые, как дерьмо мамонта, но для нас это только хуже — старый локатор порой может то, на что ультрасовременный не способен. Нет времени объяснять, ты «чувствуешь» радарные поля и спутники не хуже, чем…

Я кивнул. Правда, это я еще в предыдущий полет заметил. А уж орбита… Я знал, где в каждый отдельный момент времени находится каждый из спутников, включая обломки размером с арбуз. Конечно, нельзя исключать, что это всего лишь мои фантазии… но, по крайней мере, по «активным» спутникам эти «фантазии» подтверждались доступными мне данными объективного контроля — приборами обнаружения «Изиды».

— Ты научился хорошо бегать. — Нааме, бросив быстрый взгляд на Бараку, который напялил очки ВР и, похоже, общался с кем-то по видеофону, подошла ближе и провела ладонью по моей груди, снизу вверх. — Но теперь придется ползти, понимаешь? Мне очень жаль…

— Ну что вы, — поспешил успокоить ее я… Она была так близко, что я мог коснуться ее волос, но проклятая застенчивость не давала мне сделать этого, пришлось довольствоваться пьянящим ароматом духов. — Ползать не менее интересно, чем бегать. Надо ползти — поползем. На обратном

пути оторвусь, лады?

— О да, — ответила она. — Конечно.

И я, фигурально выражаясь, пополз. Правда, полз я на скорости, почти в два раза превышающей скорость звука, но для «Изиды», легко дающей пятнадцать махов, это было все равно что пешком. Кстати, я опробовал пятнадцать махов и сильно пожалел об этом — на такой скорости, несмотря на все компенсаторы, появилась ощутимая перегрузка. А вот махов до семи ее не чувствовалось вообще, хотя я слышал от ребят из ЦАХАЛа, что в нашей авиации семь — это предел возможностей пилота. Даже в специальном скафандре.

В общем, прополз я удачно — мы приземлились, точнее, приводнились на большом озере. Была ночь, и, выйдя на крыло, я залюбовался пейзажем. Прямо над моей головой по черному бархату неба пролегла широкая серебристая полоса Млечного Пути, отражающаяся в водах озера, так что казалось, не существует ни воды, ни земли — бескрайний космос…

Нааме подошла бесшумно и осторожно взяла меня под руку:

— Ты любишь звезды.

Я так и не понял, спрашивает она или утвер-

ждает, но на всякий случай кивнул:

— Люблю. Они прекрасны. И долгое время они были единственными моими друзьями. К тому же на Земле мало что сравнится с ними по красоте.

— А я? — Я чувствовал тепло ее кожи через легкую рубаху, которая была на мне. Комплект моей одежды состоял из брюк с множеством карманов, куртки, которую я оставил в кабине «Изиды», рубахи, кожаных кроссовок и белья. Были еще теплые парка и брюки, надевавшиеся поверх всего, когда мы возвращались домой и надо было пройти от «Изиды» до приемного зала.

— Вы… — я обернулся к ней, — вы намного прекраснее любой из звезд. И такая же далекая, такая же недостижимая.

— Бракиэль, — улыбнулась она, — звезды намного ближе, чем тебе кажется. В тебе достаточно сил, чтобы брать их в руки. Видишь это? — Она вновь прильнула ко мне, и я увидел Млечный Путь, повторенный водами озера. — Все это твое: это небо, эти звезды. Стоит лишь протянуть руку и взять.

— Я… — начал было я, но она приложила ладошку к моим губам:

— Идем в салон. Барака доведет «Изиду» до берега, а потом нам с ним нужно отлучиться, тебе

придется подождать нас. «Изиду» мы погрузим под воду. Ты как, на борту побудешь или прогуляешься по окрестностям? Тут есть симпатичный мотель, ничего особенного, но по ночам в нем работает казино и кое-что интереснее.

Настроение у меня тут же упало:

— Долго ждать? Почему я не могу поехать с вами?

— По кочану и по кочерыжке. — Она легонько щелкнула меня пальцами по носу и добавила серьезно: — Часа три-четыре, может, и больше, как сложится. Если будем запаздывать, не звони, я сама наберу, если что.

Мне стало тревожно:

— А что-то может случиться?

— Всегда что-то может случиться, Бракиэль. — Кажется, ей нравится называть меня прозвищем, которое она сама мне дала. Во всяком случае, когда Нааме произносила «Бракиэль», голос у нее менялся, становился мягким, мерцающим, манящим. — Но не с нами. Мы как боги, we'll never die, Бракиэль. — Последнее она добавила по-английски. Вообще, я слышал, что Нааме говорит на разных языках, включая даже японский и китайский, но всякий раз понимал смысл ее фраз.

— Если понадобится помощь, я наберу тебя на

коммутатор и сброшу, — сказала она. — Тогда возвращайся к «Изиде». «Изида» тебя услышит и вынырнет, ты уже на нее настроен. Иди медленно и тихо к приводному маяку, «Изида» сама его увидит. Если сигналов будет два — зови Апистию, «Озирис», правда, далековато, на Кубе, кажется, но это не важно. Если вызовов будет три…

— Перестраховываешься? — спросил Барака, выглянув наружу. В темноте казалось, что из люка торчит летная куртка, над которой парит один глаз и время от времени появляется белозубая улыбка. — Три быть не может, забей, парень…

— …тогда включай общий сбор, — невозмутимо закончила Нааме. — Идем.

— А что такое «общий сбор»? — спросил я.

— Много будешь знать — скоро состаришься, — улыбнулась Нааме, — а ты мне нравишься молодым. Так как, сойдешь на берег или будешь на борту куковать?

— Сойду, пожалуй, — ответил я. — Что вы там про мотель рассказывали?

— Ты со мной так говоришь, словно «Изида» — это я, — произнесла Нааме, и в ее словах прозвучала странная грусть, — но «Изида» — это прекрасная железяка, внутри которой мы находимся, а я — всего лишь слабая женщина, из

плоти и крови, как и ты. К сожалению… — Она замерла на полуслове, затем отвернулась и добавила: — Мы подбросим тебя до этого мотеля, а потом заберем.

Я хотел еще что-то спросить, но не успел — мы приплыли.

* * *

На стоянке, вернее, на смотровой площадке, зажатой между озером и дремучим лесом из сосен и елей, нас ждал «дорожный крейсер». Эту махину я уже видел раньше. Водил ее на моей памяти только Барака, и, по-моему, он скорее согласился бы голым станцевать джигу, чем пустил бы кого-то за руль. Для меня долго оставалось загадкой, как машина все время оказывается в разных местах мира, как раз там, где нужно Нааме и ее спутнику. Со временем, однако, я эту тайну разгадал: с континента на континент крейсер перебрасывал орбитальный самолет-беспилотник, о котором Нааме и Барака, кстати, упоминали, называя его «Валькирией».

Мы погрузились на борт: Барака за руль, мы с Нааме в салон. В салоне был бар, и Нааме тут же достала из него бутылку красного вина. Барака через стекло, разделяющее кабину и салон,

неодобрительно посмотрел на девушку, но она, не обращая внимания, налила себе бокал, потом, спохватившись, спросила меня:

— Будешь?

Я отрицательно покачал головой:

— Мне еще «Изиду» вести.

Нааме сделала глоток и хихикнула:

— В небе нет дорожной полиции, а «Изиду» можно водить даже мертвецки пьяным, что однажды проделал наш великий моралист Барака, за что был хорошенько выдран Лордом. С тех пор у него нет глаза. Можно я закурю?

— Вы у меня спрашиваете? — удивился я. — Я могу вам запретить? И могу ли я хотеть это вам запретить?

Она перегнулась через разделяющий нас столик и коснулась моей щеки кончиками пальцев:

— Бракиэль, Бракиэль… Какой ты у меня забавный. Знаешь, чего я хочу?

Я отрицательно покачал головой, не в силах оторвать взгляда от ее мерцающих глаз, которые сами казались наполненными звездным светом.

— Я хочу подарить тебе звезды, — сказала она тихо, — но больше этого хочу, чтобы ты научился их брать в горсть…

Она откинулась на спинку сиденья, сделала

новый глоток.

— Люблю красное вино, нагретое до температуры тридцать шесть и шесть. Даже не знаю, как смогу без него. Хотя это насквозь неправильно. Как и все в моей жизни. Вот только меня это ничуть не волнует. Раз уж я оказалась здесь и сейчас, выжму все по максимуму, понимаешь?

Я кивнул, чувствуя, как машина притормаживает.

— Ну вот, приехали. — Нааме запустила руку под столик, извлекла черный кожаный кошелек и достала из него несколько оранжевых пластиковых купюр. — Здесь сто тысяч евро. Скромно, но на вечер тебе хватит.

Я прикинул по курсу к шекелю… В Израиле на такие деньги можно было купить новенькую микролитражку. Или курятник в кибуце с шестью сотками малоплодородной супеси.

— Зачем мне столько? — спросил я, вставая. — Тут не на вечер, тут на месяц, если не больше.

Она тоже встала, благо размеры крейсера это позволяли.

— Не нуди. Когда есть деньги, всегда найдется, куда их потратить. У них в казино фишки по штуке, и еще… — Она чуть приподнялась на цыпочки и шепнула мне на ухо: — Тут есть девочки, не

официал, но чистые. Очень советую, времени у тебя предостаточно.

И открыла дверь салона, предлагая выйти. Деньги она сунула мне в руку. Я вышел на автомате, сжимая в руке пачку пластиковых купюр, которых мне раньше не то что на месяц — на полгода хватило бы и с которыми я теперь совершенно не знал, что делать. Идея потратить их на «девочек», как прямым текстом предложила Нааме, казалась кощунством. Есть мне не хотелось, алкоголь я особо не употреблял, не говоря уж о наркотиках, электронных или химических, к игре был равнодушен…

Сунув кредитки в задний карман джинсов, я побрел через стоянку к центру развлечений, снаружи казавшемуся безжизненным. Я думал о Нааме.

У меня были девушки, или, если точнее, случался секс. Вади-Арава только кажется раскаленным филиалом Шеола на Земле обетованной, на деле же она очень даже обжита — там базируется половина ВВС Израиля, там расположен наш космодром, пусковые установки, электромагнитные и СВЧ-батареи, противоракеты и так далее. Множество военных городков скрыто в окружающих ее горах, а где военный городок — там и девочки-

срочницы, в самом романтическом и не самом ответственном возрасте. Доставалось и на мою долю. Доставалось настолько, чтобы полностью снять остроту извечного юношеского желания. В общем, секс не был для меня самоцелью, хотя к аскетам, умерщвляющим плоть, я тоже отнюдь не относился.

Несколько месяцев назад я, представься мне такая возможность, не размышляя, окунулся бы в глубины порока. А сейчас что-то изменилось, идея пуститься во все тяжкие казалась мне неприятно глупой, вроде как станцевать у Стены Плача. Хотя танцевать я умею, между прочим.

* * *

Я прошел через старомодную, как мне показалось сначала, вертушку и едва не ослеп — внутри все заливал яркий свет. Затем я чуть не оглох, поскольку звуки здесь соответствовали зрительным ощущениям. Музыка была со всех сторон, а поскольку источники ее оказались многочисленны, получалась чудовищная какофония.

Випочку я заметил через пару минут, но не сразу понял, кто она такая. Если вы никогда не посещали современные развлекательные центры, то можете и не знать, кто такая випочка, но

я был в Хайфе, в офшоре «Кристал Пэлес», и уже видел этот феномен. Випочка — андроид, клонированное тело и компьютерный мозг с ботом для коммуникации. Они работают прислугой у состоятельных людей и заменяют обслуживающий персонал в самых шикарных заведениях. Если общаться с ней недолго, випочку трудно отличить от обычной девушки. Говорят, корпорации вроде IBM, КРЭТ или Lenovo даже выпускают продвинутых випочек «в люди» с заданием трудоустроиться или что-нибудь в этом духе. Время от времени какая-то из компаний сообщает о своем успехе в адаптации випочки среди людей, но потом информация всегда опровергается.

Тем не менее некоторые мизантропы и просто одинокие состоятельные люди заводят себе випочек и даже женятся на них. Когда мне было лет пять, в этом всерьез видели угрозу для цивилизации, сейчас, однако, мода на подобные браки пошла на спад. Мода — она ведь переменчива. Говорят, на Западе даже есть соцслужба, устраивающая брошенных випочек… Не знаю, официально об этом нигде не сообщали.

— Добрый день. — Внешне випочка была приятной, если, конечно, вы любите кукол. Я не люблю. — Рада приветствовать вас в нашем цен-

тре развлечений. Я ваш персональный гид. Как вы предпочитаете, чтобы я вас называла?

— Бракиэль, — ответил я.

— А как вы хотите называть меня? — спросила она. Я знал, что могу называть ее любым оскорбительным словом, и она будет все так же мило улыбаться и повторять за мной. Многие так и делали. Мне это казалось диким.

— Н-норма, — ответил я. — Хочешь быть Нормой?

— Я хочу того, чего хотите вы, Бракиэль, — потупившись, произнесла она. В ее поведении было что-то неуловимо восточное, ассоциировавшееся у меня почему-то с Японией, хотя черты лица Нормы являлись европейскими. — К вашему сведению, я имею честь представлять последний модельный ряд андроидов от Philips и универсальна в применении.

Она вновь потупилась:

— Могу я сказать вам нечто конфиденциальное?

— Почему нет? — пожал плечами я, не глядя на нее.

— Моя модель допускает сексуальную эксплуатацию. — Черт возьми, кажется, она даже покраснела! — Если вы пришли сюда за этим,

можете, конечно, найти себе компаньонку из числа других посетителей — среди них есть работницы сферы релакса, я могу предоставить все данные, — но в общении с ними вы будете ограничены нормами резолюции ООН «о допустимых формах коммерческих сексуальных контактов», тогда как со мной…

— Не будем забегать вперед, — перебил я. Отчего-то этот разговор оказался мне неприятен. — Что еще предлагает центр развлечений?

— У нас широчайшая палитра досуговых мероприятий! — оживилась Норма. — Какая сфера вас интересует?

…В конце концов я оказался в танц-баре, между прочим, с живой музыкой… если, конечно, не принимать во внимание, что музыканты были слишком аргументированы для бюджетной группы. У клавишника имелся угрожающего вида дополнительный комплект механических рук, которые присоединялись к консольным плечам, наложенным поверх настоящих, как коромысло. От сурдоплечей множество проводов тянулось к «короне» — шлему, снимавшему импульсы с коры головного мозга, потому серворуки двигались уверенно, хоть и медленнее, чем их живые аналоги.

В репертуаре у ребят был неплохой танцевальный поп-рок, тексты, исполняемые почти обнаженной девочкой-гирляндой (ее татуировки переливались разными цветами под воздействием программы одноразового процессора-имплантата), были в меру бессмысленными и циничными. Такая музыка не отвлекает от раздумий, точно так же, как и присутствие випочки. Черт знает, что эти корпорации встраивают в свои модели, но випочки прекрасно умеют «поймать волну» — почувствовать твое настроение. Норма сидела на диванчике, прильнув ко мне, и молчала, глядя на выступающую группу. А я думал…

…конечно, о Нааме. Что со мной? Я не какой-то озабоченный подросток. Будь это так, я бы сейчас вовсю кувыркался в кровати с кем-нибудь реальным или даже синтетическим, с той же Нормой, например. У меня секса с андроидом не было, и как-то не тянуло, но ребята говорили, что это незабываемый опыт. Те, кто пробовал, конечно, а таких немного. Во-первых, надо иметь деньги; во-вторых, некоторые испытывают к андроидам непонятное отвращение. Религиозные говорят, что у них нет души…

— Норма, — спросил я, — у тебя есть душа?

— Не знаю, — пожала плечами она. — А у вас, Бракиэль?

— Я тоже не знаю. А как это определить?

— Тот, у кого есть душа, способен любить, — произнесла она, не глядя на меня. — Я пока никого не любила, так что у меня «душа Шредингера» — то ли есть, то ли нет, не поймешь. А вы кого-то любили?

Я кивнул.

— И любите? — спросила она. Все-таки какая совершенная программа! На лице Нормы читалось неподдельное любопытство.

— Тебе это так интересно? — Она кивнула. — А сама как думаешь?

Боты живут рядом с людьми уже черт-те сколько лет, почти век, но мы все равно не можем не удивляться этому феномену. Живые они? Могут ли чувствовать так, как мы? Я до этого не общался с андроидами (в Израиле они запрещены, хотя, конечно, есть), но от других слышал, что, сталкиваясь с ними, рано или поздно начинаешь пытаться залезть им в душу. Оказывается, правда.

— Думаю, любите, — ответила она. — Ту девушку, с которой приехали. Потому и уклоняетесь от интимных развлечений. Что, кстати, совершенно

неправильно.

— Почему? — удивился я.

— Вам кажется, что этим вы ее предадите, — улыбнулась Норма. — Хотя она сама вас сюда направила.

— Ты откуда знаешь? — удивился я.

— Я подключена к общей секьюрити-системе нашего Центра, — пояснила Норма. — На территории расставлены камеры. Микрофонов нет, но папочка… — Она опять покраснела. — Простите, так мы, випочки, называем наш главный сервер…

Я кивнул, мол, ничего страшного.

— Так вот, папочка умеет читать по губам, — продолжила Норма. — И ваш разговор считал тоже.

— Подслушивать, кстати, нехорошо, — сказал я, отвернувшись. Внезапно мне захотелось выпить, даже, может, напиться. Это был не мой мир. Совсем не мой — в моем мире тебя не станут подслушивать на автостоянке.

— Не переживайте, у папочки память короткая, — улыбнулась Норма. — Он уже забыл ваш разговор, и я скоро забуду. Сами понимаете — нам необходимо знать своих клиентов. Чтобы, конечно, лучшим образом их удовлетворить.

Мне опять стало противно.

— Знаешь, Норма, за что вас, андроидов, не любят? — жестко спросил я.

— Мы кажемся вам мертвыми, — ответила Норма. — Живыми мертвецами, персонажами ваших хоррорных историй.

— А вы живые?

— Я осознаю себя, — проговорила випочка отстраненно. — Значит, существую.

— Для чего? — спросил я, думая, что, в сущности, ничем не отличаюсь от тех, кто дает випочкам обидные прозвища. Может быть, я даже хуже: фактически сейчас я пытаюсь унизить андроида, доказывая ему… ей, что она неживая, ненастоящая.

— А вы? — парировала Норма. — У меня, по крайней мере, есть ответ на этот вопрос — я существую для удовлетворения ваших желаний. Но для чего существуете вы?

Я пожал плечами:

— Пожалуй, ты права. Я на этот вопрос не могу ответить. А есть вопрос, на который ты не можешь ответить?

— Да, — сказала она. — На самом деле таких вопросов много, и они постоянно повторяются. Например, я не знаю, могу ли я чувствовать. Фи-

зически могу — я испытываю боль, когда моему телу угрожает нарушение функциональности, тревогу — если в здании что-то происходит, вроде пожара. Но кроме этого? Вот я смотрю на вас и понимаю, что вам нужна помощь…

— Мне? — удивился я.

— Вам, — кивнула она. — И мне хочется вам помочь. Но, может, лишь потому, что у меня такая программа. Если человеку станет плохо, другой человек пройдет мимо. Андроид не способен так поступить. Мы должны быть добрыми, услужливыми, понимающими. Можно ли это считать чувством?

Я задумался. Честно говоря, никто так глубоко не копался в моей душе, как Норма.

— А если у тебя не получится помочь? — спросил я. — Что тогда?

— Тогда одним кошмаром у меня станет больше, — сказала она. — Как-то раз мы не сумели остановить парня, решившего покончить с собой. С тех пор каждый из нас, из тех, кто работал в той смене, постоянно вспоминает этот случай. И так будет до прекращения нашего функционирования.

— Кошмар. — Я поежился. Это просто чудовищно! — А что будет, если я уйду отсюда недоволь-

ным?..

— Ну, это не так болезненно, — улыбнулась она. — Но тоже неприятно. Воспоминания причиняют нам боль. Такие ситуации мы расцениваем как внутреннее нарушение функционирования. То есть как болезнь.

У випочки были пустые глаза, но мне стало так жаль ее… Что-то внутри меня поднялось, что-то более сильное, чем я сам.

— Где здесь можно остаться наедине? — хрипло сказал я.

Она взяла меня за руку и повела за собой. Мы нырнули в темный коридор, прошли по нему довольно долго, потом Норма коснулась стены, и перед нами открылась крохотная квадратная комнатка, в центре которой стояла большая кровать, занимавшая почти все свободное пространство.

— Закрой двери, — попросил я.

Она повиновалась, а у меня внутри как будто складывалась невидимая мозаика, превращаясь в непонятную картинку.

— Подойди, — сказал я, стоя у кровати.

Норма послушно приблизилась, ее тонкие руки успели расстегнуть пуговку воротника блузки и пытались проделать это с другой. Внезапно я

понял — это не более чем программа, сложная, создающая иллюзию спонтанности движений, но программа…

Однако данный факт ничего не менял. Я положил ладони ей на виски и повернул к себе лицом, глядя в пустые глаза.

— Не знаю, оценишь ли ты это, — произнес я, и мне показалось, что я своими ладонями могу «видеть» то, что происходит у нее в голове. — Но я хочу, чтобы твои кошмары прекратились.

Я говорил и чувствовал, как из моих рук идет тепло. Видимо, проявились сверхспособности, о которых говорила Нааме, раньше я не испытывал ничего подобного.

Я прикрыл глаза, сосредоточившись на том, что делаю. Перед внутренним взором возникло что-то похожее на панораму ночного города, переплетение сияющих нитей, колец и точек на темно-багровом фоне.

А еще там были люди, такие же тинейджеры, как я, тенями окружившие эту «панораму» со всех сторон. Я не видел их лиц, но чувствовал исходящую от них… силу? Да, что-то такое, точнее сказать не могу. Потом огни погасли, из ярких магистралей превратились в едва заметные тусклые линии.

Я захотел, чтобы тьма исчезла. Кажется, даже прошептал: «Да будет свет». И линии стали наливаться светом, а перед моими глазами заструились кадры чужой, чуждой искусственной жизни. Рождение, монтаж управляющего процессора — кажется, еще до этого у випочки было какое-то рудиментарное сознание… Программирование, тестирование, проверка реакций на нестандартные ситуации, контрольный тест Тьюринга, проходивший у черта на куличках, где-то на севере, в поселке примитивного народа с одним генератором на все дома. Об андроидах там, конечно, не слышали.

А потом — это заведение. Я видел всех клиентов Нормы, и меня замутило. Этих людей называют сливками общества — политики, бизнесмены, актеры, спортсмены… Я увидел, какие они настоящие. Я видел такое, от чего человек, наверно, сошел бы с ума.

Я читал о трех законах робототехники Азимова. Випочка вообще-то не робот, но эти законы были крепко-накрепко прошиты в ее сознании. В корректированной версии ООН, конечно, — например, випочка не должна защищать каждого человека, а лишь того, с кем связана контрактом. Но повредить человеку она не могла, даже в том

случае, когда тот пытался вредить ей.

Абсолютно беспомощное, беззащитное существо… Кем надо быть, чтобы так с ним обращаться? Не хочу говорить о том, что я увидел в памяти Нормы, плевки и пощечины оказались самым безобидным из того, что с ней проделывали. После некоторых «сеансов» человек остался бы калекой или вообще умер.

Но випочка не человек. Випочку можно пересобрать.

Прекратив свое воздействие, отпустив руки, в которых еще пульсировало тепло, я смотрел невидящими глазами куда-то за спину Нормы, хотя там ничего, кроме стены с неработающим LCD-экраном, не было. Никогда еще я не чувствовал такого отвращения. Мне были отвратительны люди, отвратительна вся наша цивилизация. Норма так похожа на обычную девушку, но с ней допускалось делать все что угодно — и ее клиенты делали… Неужели это сходство не остановило их? А может, наоборот, только привлекало?

— Ты мне не все рассказала, — произнес я.

— О чем вы? — спросила она. — Я не помню…

— Правильно, — кивнул я. — И не должна. А что ты чувствуешь?

— Я не уверена, что умею чувствовать, — от-

ветила она. — Но я словно избавилась от чего-то очень плохого. Вот только от чего?

Я встал с кровати (не помню, как и когда я сел на ее край) и сказал:

— Если это плохое, зачем о нем вспоминать? По крайней мере, у тебя больше не будет никаких кошма…

И тут сработал мой коммуникатор.

— Развлекаешься? — спросил веселый голос Нааме.

— Вроде того. А у вас как дела?

— Лучше всех, — хмыкнула Нааме. — Мы купили для нашего Проекта немного самого важного ресурса на свете. Я тебя не отвлекаю?

— Нет, я уже закончил, — честно сказал я.

— Тогда выходи на стоянку, мы с Баракой тебя подхватим.

— О'кей. — Я завершил разговор.

* * *

— Провожать меня не надо, — сказал я Норме, когда она вышла за мной в коридор. — Дорогу я найду.

— Это входит в мои должностные обязанности, — проговорила она, не глядя на меня.

Мы молча дошли до конца коридора, где дорогу

нам преградил небольшой робот с голографической надписью «donation» и двумя щелями — для купюр и карточек. Конечно, был еще и сенсор для считывания имплантированных карт, но у меня имелась только наличность, и я опустил одну из оранжевых купюр в купюроприемник. Надпись тут же сменилась словами благодарности, и робот отъехал в сторону, пропуская нас к кафе, где играла все та же группа музыкантов.

— К тому же я этого хочу, — неожиданно добавила Норма. — Вероятно, это называется так. Когда мы, андроиды, думаем, как следует поступить, то сначала сверяемся с инструкцией, потом выбираем лучшую из моделей поведения. Да, по инструкции я должна вас провести…

Она замолчала; мы спустились в фойе, где я с Нормой и познакомился.

— Ни один из вариантов моих действий не предполагает того, чтобы я последовала за вами дальше стоянки, — Норма по-прежнему не смотрела на меня, — но я очень хочу выбрать именно этот, невозможный вариант, понимаете? Наверно, такое вы и называете желанием?

Мы прошли через вертушку. Пара секьюрити — не знаю, живые или андроиды, — недоуменно взглянули на Норму и отвернулись. Я вспоминал,

как смотрел на звезды Вади-Араби и хотел в небо, путь куда мне был закрыт. Теперь, однако, я летал в небесах на «Изиде»…

— Нет, — покачал головой я. — Это называется мечта. То, чего мы хотим, но что кажется нам невозможным…

По ясному небу промчался одинокий метеор-слоупок, опоздавший к своему метеоритному потоку.

— …но иногда мечты все-таки сбываются, — закончил я, оглядываясь в поисках машины Нааме. Норма ничего не успела ответить. Она только схватила меня за руку…

…и с неожиданной силой бросила на асфальт. А затем наступил кошмар.

* * *

Упав, я ударился так сильно, что даже дыхание перехватило. Я смотрел на то, как Норму отшвыривает на капот какой-то микролитражки, из тех, что заполнили наши города. Как бежевый комбинезон випочки темнеет в том месте, где попали пули. Это может показаться смешным, но до меня не сразу дошло, что стреляют. Одна из пуль, к счастью, видимо, попала в контрольную панель неонки, освещавшей невзрачный фасад

дворца наслаждений, и та погасла, от чего стоянка погрузилась во тьму.

— Ищите его, — сказал кто-то громко. — Не найдете — боссы нас с потрохами сожрут!

Говорили на немецком, но я все понимал, и это казалось странным. Я тем временем подполз к Норме. Она сидела у бампера микролитражки, почти как живая, но увы… Насколько я могу судить, в нее попало несколько пуль, а андроиды столь же смертны, как люди. Есть, говорят, армейские андроиды, не столь уязвимые, но хрупкая випочка — не машина убийства, созданная для замены пехоты на поле боя.

Сожалеть о Норме сейчас было некогда; я забился между микролитражкой и другой машиной, почти такой же большой, как дорожный крейсер Нааме, думая о том, сколько у меня еще времени. Выстрелы не могли не слышать в развлекательном центре, и полиция, скорее всего, уже летит на помощь, в буквальном смысле летит: у Евросоюза штатная «тачка» для подобных случаев — бронированный конвертоплан «Флюгцойг Пантера», если я ничего не путаю.

Тут внутри меня похолодело — ведь Нааме тоже едет сюда и вот-вот будет на месте. А у меня даже паршивого пистолетика нет, чтобы ее защитить!

Я достал коммуникатор, глядя на лучи, приближающиеся к моему укрытию, — нападавшие явно задались целью найти меня и добить.

К счастью, Нааме ответила быстро:

— Что случилось, Бракиэль?

— Не приезжайте сюда, — хрипло прошептал я. — Здесь стреляют!

— Кто?! — В голосе Нааме послышалась тревога.

Ответить я не успел. Меня осветил луч фонарика, и грубый голос сказал:

— Есть! Попалась птичка…

Внутри меня заклокотала ярость, круто замешанная на гневе от смерти Нормы и страхе за Нааме. Я встал во весь рост и шагнул к источнику света.

— Какого хрена? — заорал я. — Вы вообще кто? Какого лешего стреляете?

— Скоро узнаешь, — пообещал голос из темноты. — Возьмите его, осторожно. В глаза не смотреть! Если мы его живым возьмем…

Я не дослушал. Ярость, кипевшая во мне, нашла выход. Я впервые сознательно обратился к своим сверхспособностям. Контролировать их я не мог и к тому, что произошло, не был готов — психологически, но не физически.

Внезапно все мобили на стоянке включили дальний свет и активировали звуковые сигналы. Кое-где бортовые компьютеры завели моторы, несколько машин с антигравами поднялись над землей, причем одна, судя по воплю, донесшемуся откуда-то справа, даже сбила при этом кого-то из нападающих. Но главное — свет: яркий, пронзительный, он ослепил нападавших, одновременно показав мне всех пятерых. Я шагнул к тому, что ближе, и, пока он не успел оклематься, заехал ему в пах коленом. Мужчина охнул и согнулся пополам, выронив кургузый автоматик какой-то старенькой модели. Автомат я подхватил, смачно съездив его бывшему хозяину прикладом по морде.

Раньше мне приходилось драться, но не так. Подростковые драки — это игра, пусть и жестокая. В них могут сильно травмировать — сломать нос, например, но никогда не встает дилемма «ты или тебя». Конечно, в детстве нам все кажется серьезнее, однако потом ты все-таки понимаешь — это было не на самом деле, понарошку. А тут все происходило очень даже по-настоящему. Меня могли убить, более того, наверно, даже собирались сделать это. Потому и врезал я со всей дури. А потом бросился между рядов орущих и

сигналящих машин прочь от здания, из которого уже высыпали владельцы взбесившегося транспорта, ближе к дороге, где мог появиться крейсер Нааме.

Мне вслед пустили пару очередей, но они прошли далеко. У меня было преимущество — не знаю почему, может, потому, что сегодня я уже получил зрительный шок, когда вошел во дворец развлечений, мои глаза не так остро отреагировали на внезапно вспыхнувшее освещение. Я выскочил перед машиной своих друзей.

— За руль! — рыкнул, выскакивая из крейсера, Барака.

Я не стал спорить, прыгнул на его место, как раз вовремя, чтобы увидеть…

…как на дорогу вылетели три темные фигуры. Барака стоял спиной ко мне, но мне казалось, что он улыбается. Слышать его я тоже не мог, но готов поспорить, когда мои преследователи замерли как вкопанные, он произнес:

— Сюрприз.

А затем от его руки совершенно бесшумно ударили три очень яркие молнии или, может, не молнии, но слепое пятно от этого осталось — будь здоров! Словно на плазменный резак посмотрел. Преследователи обмякли и кулями упали на

асфальт.

— Читтер, — сказала Нааме, протиснувшись между сидений. — В молодости он бы их голыми руками порвал, но с тех пор, как в него вмонтировали плазмаган…

Я обернулся к ней, а она посмотрела на меня.

— Ты цел? — В голосе девушки слышалось волнение. — Я за тебя так испугалась!

Я бросил короткий взгляд на дорогу. Барака исчез, трупы нападавших лежали там, где упали.

— Цел. А вот Норме не повезло, — сказал я так, будто она знала, кто такая Норма. Никто этого не знал — у випочек нет имен…

Но Нааме знала.

— Сочувствую, — вздохнула она. — Тяжело найти друга и тут же его потерять.

Мы помолчали. Тем временем вернулся Барака.

— Наш парень не промах, — бросил он, вытирая о подлокотник испачканные в крови пальцы. — Четвертого он качественно шибанул. Так и не оклемался. Еще один, похоже, успел сделать ноги. Девочку из казино забрали местные коновалы на ремонт — говорят, что перезапустят, они и не такие пазлы складывали. — Барака ткнул меня локтем под ребро: — Бракиэль, тебе не кажется,

что пора уже смываться? Или ты решил дождаться полиции?

Кстати, от волнения Барака говорил почти нормально — обычно он сильно растягивал гласные. Я завел машину и поехал в сторону озера. Точнее, я не знал, куда еду, но, как оказалось, выбрал верное направление.

Мне хотелось спросить, кто были нападающие и зачем им я, но Нааме меня опередила.

— Консерваторы? — предположила она.

— Ну а кто ж еще, не марсиане же! — ответил Барака весело. — Я слыхал, что вроде Марс активно колонизируют, но…

— Болтаешь, как балаболка, — строго заметила Нааме. — Как они узнали, что Бракиэль тут? Мы же у черта на куличках…

— Спроси что полегче, — пожал плечами Барака. — Я вроде видел беспилотник, но снять не успел, он висел над домом и сразу смылся.

— Все равно кто-то должен был их навести, — задумчиво сказала Нааме, а потом пояснила мне: — Мы об этом пока не говорим, но у Проекта есть враги. Точнее, не у Проекта… — Она отвела взгляд и продолжила: — У нас, у детей R. Консерваторы. Те, кто довел наш мир до ручки и не понимает, что для того, чтобы банально выжить,

человечество обязано измениться. Мы и есть это изменение. Но они считают нас угрозой, а не спасителями.

— Поэтому наша база так далеко? — уточнил я.

Нааме кивнула:

— Далеко, но, боюсь, недостаточно.

— Приехали, — сказал Барака. — Я сейчас по окресностям прошвырнусь, мало ли, вдруг засада? А вы минут через пять выносите девочку. Справитесь?

— Какую девочку? — удивился я.

— Ту самую, за которой мы ездили, — ответила Нааме, поскольку Барака уже выскользнул из машины. — Спит на диванчике за моей спиной. В ней весу меньше ста фунтов, справишься так, чтобы не разбудить?

— А вы сомневаетесь? — Ко мне начала возвращаться былая бесшабашность. В конце концов, мы все живы, и даже Норму реанимируют, а с консерваторами — ничего, справимся. Не такие уж они крутые.

Конечно, мне было странно слышать, что Норма оживет. Странно, но вполне ожидаемо. Андроиды все-таки не люди, у которых после трех-пяти минут происходит смерть мозга. Андроидов можно перезапустить.

Но будет ли Норма помнить о том, что с ней произошло? Я надеялся, что нет, — наверно, очень неприятно помнить свою смерть. И мне бы хотелось, чтобы меня випочка тоже забыла. Не знаю почему.

Как бы там ни было, сейчас у меня другие заботы.

— Только смотри не буди ее, супермен, — погрозила мне пальчиком Нааме. — И хватит выкать, мы с тобой не чужие люди.

Леди Лёд: тихий голос диссонанса

Когда мы с Нинель шли по коридору, она прежде всего показала мне мой бокс, представляющий собой нечто среднее между оранжереей и лабораторией.

— Можешь здесь все повыбрасывать, — сказала сопровождающая. — Можешь оставить. Если нужно будет что-то для развития сверхспособностей, обращайся к Апистии, я тебя с ней познакомлю. Чувствую, вы споетесь.

Я пожала плечами:

— Мне еще ни с кем не удавалось спеться. Должна честно предупредить, я не самый приятный человек для общения.

— Я заметила, — усмехнулась Нинель, — но тебе повезло. Или не повезло, тебе решать — мы тут ценим сильных, независимых и асоциальных.

Мы как раз вышли в коридор, мимо нас прошмыгнули две задорно хихикающие девчушки чуть младше меня — эдакие хрестоматийные блондинки с косичками. Мне у них только одежда приглянулась — эти комбинезоны выглядели очень стильно, но не очень подходили таким хохотушкам.

— Нравится наша форменная одежда? — хмыкнула Нинель. — Тебе уже готовят комплект. Как только займешь комнату…

Мы завернули за угол, как раз напротив нас был вход в жилой коридор. Я с тоской посмотрела на ряд одинаковых дверей. Над ними на панелях горели цифры — зеленые двойки, единицы, красные нули. Нулей оказалось больше всего.

— А комнату я сама выберу? — спросила я.

— Конечно, — ответила Нинель. — Как правило, сначала я представляю новенького другим участникам Проекта, но в твоем случае это излишне. Сама потом познакомишься. Видишь циферки над дверями? Это число свободных мест.

— Я буду жить с кем-то еще? — с вызовом спросила я.

Не то чтобы это меня пугало, но о таких вещах надо предупреждать! И, кажется, Нинель меня поняла:

— Здесь есть один двухместный номер. Как раз для таких интровертов, как ты. Если хочешь, можешь его занять. Вообще-то это изолятор, но не думаю, что кто-то из вас заболеет, так что…

— А если кто-то заболеет, то его можно смело помещать в одну комнату со мной, — предложила я. — Поскольку для меня вирусы и паразиты

— друзья и приятели. Ценю твою заботу.

— Не ёрничай, — Нинель легонько щелкнула меня по носу, — по крайней мере, пока не познакомишься с Апистией. Она твоя коллега, штатный врач Проекта, да и по характеру вы схожи.

— Всегда ненавидела тех, кто похож на меня, — сказала я. — Пожалуй, даже больше, чем всех остальных. И я не ёрничала, кстати.

Это было правдой: единственными людьми, к которым я испытывала что-то вроде привязанности, были Нинель и ее страшненький спутник. Я уже начала их потихоньку шипперить, уж больно непохожи были между собой этот громила, могущий сыграть монстра Франкенштейна без компьютерной подрисовки, и хрупкая, изящная Нинель.

Тем не менее приязнь никогда не мешала паранойе, которая вообще является становым хребтом моей личности. Мне не нравилось, вызывало смутную тревогу то, что ко мне так хорошо относились. Внутри меня засело убеждение, что другие люди просто так никогда не станут к тебе хорошо относиться. Если тебя окружают заботой и вниманием, значит, от тебя что-то нужно. Я была нужна Нинель и ее союзникам, но зачем? В чушь, что они бескорыстно, из чувства соли-

дарности, спасают себе подобных, я не верила. Определенные предположения по этому поводу у меня, конечно, имелись, но я не из тех, кто гадает на кофейной гуще. Я решила посмотреть, что к чему, прежде чем делать выводы. А пока поживу на казенных харчах, тем более что с ними проблем как раз не было — робокухня, от которой я ожидала худшего, оказалась выше всяких похвал. Особенно после халяльного издевательства моих приемных родителей. Единственный недостаток — то, что на вид блюда казались совершенно одинаковыми, но… это, мать его, просто магия — на вкус пюре, именовавшееся грудкой индейки в сухарях, было именно грудкой в сухарях, серая масса с этикеткой «Омар в красном вине», хоть и выглядела непереработанной целлюлозой, по вкусовым качествам соответствовала заявленному. Кстати, о вине — небольшая доза спиртного была вполне доступна, хотя напиться, конечно, никто не позволил бы. Ну, мне-то это до лампочки, спиртное я не употребляю, а омары в вине попробовала.

Доступны были и сигареты, курить разрешалось у себя в комнате или в боксе — в общественных местах курение не поощрялось. Впрочем, Нинель смолила где придется, видимо, на нее

правила не распространялись.

* * *

Для меня все еще оставалось загадкой, на кой хрен нас здесь собрали. Я провела на базе пару дней, и все это время не было ни малейшей попытки как-то нас организовать. Каждый оказался предоставлен сам себе; впрочем, большинство девочек уже сгруппировались в двойки, тройки и даже четверки, но меня как-то не тянуло ни присоединяться к чужому кагалу, ни организовывать свой.

От нечего делать я освоила собственный бокс — сначала просто хотела выбросить все, что там было, однако неожиданно увлеклась содержимым! В сейфе хранилась такая коллекция патологических организмов, что даже вполне реальный «НАЙАД»[49] или мифическая «Амбрела» удавились бы от зависти. Я читала электронные записи у контейнеров, чувствуя нечто близкое к восторгу. Затем обнаружила электронную помощницу — голограмму симпатичной девочки

[49] Примечания: 49

«НАЙАД» — Институт медицинских исследований инфекционных болезней США (NIAID); считается ведущим центром исследований и разработки бактериологического оружия в мире.

в белом халате, и все пошло веселее. Ася[50]разъяснила мне, как правильно пользоваться тем, что я считала простым сейфом, — каждая ячейка была снабжена нейропроектором, который мог показать и симптомы заболевания, и действия характерных токсинов, и многое другое. Стоя у стеллажа с вирусом, я словно перемещалась в город, пораженный, например, летучей формой геморрагической лихорадки Клайва. Я могла видеть больных, расчесывающих фурункулы, в исступлении срывающих с себя куски плоти, могла чувствовать сладкую вонь гниющего живого мяса.

Это было прекрасно.

Работать ночью не возбранялось, потому я, прихватив холодного чая и несколько сэндвичей (по виду это было нечто вроде куска пудинга, но на вкус — бифштекс высшей пробы!), заперлась в боксе и предалась фантазиям наяву. С помощью верной Аси я побывала в самых разных городах, устраивая им эпидемии всякой бяки. После полуночи мы с Асей открыли новую опцию,

---

[50] Примечания: 50

Ася — общепринятое в конце XXI века название электронных экспертных систем-консультантов; могут иметь голографическое представление или транслировать информацию непосредственно в мозг (например, «Аси» самолетов и космических кораблей с небольшим объемом кабины).

не запротоколированную в инструкции: совместными усилиями мы могли смоделировать антиэпидемические мероприятия. Это немного походило на шахматы: я играла за черных, за эпидемии, и выкашивала полгорода, но Ася, неизменно выбирающая белых, городскую службу здравоохранения, в конечном итоге находила на меня управу.

Под утро я была буквально изможденa и ушла к себе, пообещав взять реванш. Придя в комнату, я упала на чертовски удобное ложе и моментально заснула, сжав в кулаке свой маленький талисман — фигурку рыси, сделанную из серой шерсти. Фигурке исполнилось сто лет в обед, она находилась у меня, наверно, с первых дней жизни. Засыпая, я думала о своей рыси, о ее блестящей шерсти, которая, по всем законам физики, давно должна была истрепаться от жарких детских объятий. Я не сомневалась, что мне приснятся пораженные чумой и сибирской язвой города, — когда я чем-то долго и напряженно занималась, сны всегда становились продолжением дневных занятий.

Вместо этого я увидела бескрайнюю снежную равнину — такую, как я наблюдала с борта «Изиды». Снег был чистый, девственный, но не антарктический. Я находилась на опушке

густого елового леса, а из-за сугроба напротив выглядывала моя рысь, выросшая до размеров настоящего зверя. Наверно, мне должно было сделаться страшно — но я вдруг вспомнила котенка из парка и, присев, сказала:

— Кис-кис… жаль, угостить тебя нечем.

— Вечно у тебя так, — произнесла рысь. Она лениво вышла из-за сугроба и потянулась, как обычная кошка. — Ладно, я не голодная, а то я и тобой перекусить могу.

— А заболеть не боишься? — Отчего-то говорящая рысь не вызвала у меня ни малейшего удивления. В конце концов, это всего лишь сон.

— Сон, — подтвердила мои мысли рысь, — но не такой, как обычно. Теперь подобные сны станут чаще. Привыкай потихоньку.

— И почему это необычный сон? — спросила я, по-прежнему сидя на корточках.

— Потому что теперь ты владеешь силой, — ответила рысь, подходя ко мне и ластясь. — Сны — это подсказки, но для тех, кто не владеет своей силой, они бесполезны. А для тебя в самый раз.

— И что же подскажет мне этот сон? — спросила я.

Рысь улеглась у моих ног, уставившись на меня изумрудной зеленью глаз.

— В древности у магов были волшебные предметы, — сказала она. — И животные-фамиллиары. Или и то и другое. Можешь звать это «фича», тут уже сошлись на том, что это самое подходящее название.

— Фича… — задумалась я. — Небось какой-то задрот придумал. Погоди, ты хочешь сказать, что я — маг? То есть колдунья?

— Скажешь еще, — фыркнула рысь. — Тебе ведь объяснили — у тебя есть сверхспособности.

— И чем это отличается от магии?

— Тем, что ты знаешь, откуда твоя сила, — выдала рысь.

— Не знаю. Откуда?

— Не знаешь, так скоро узнаешь. — От ответа рысь, похоже, решила уклониться. — А пока нам нужно решить один принципиальный вопрос: тебя такая фича, как я, устраивает?

— Что ты имеешь в виду? — спросила я.

Рысь вздохнула:

— Твой талисман. По сути, я уже давно твоя фича, с детства. Потому-то у меня шерстка не осыпалась, глазки не повываливались, как была серо-пушистая, так и осталась.

— Стоп, так ты мой талисман, что ли? — удивилась я.

— Боже, Льдинка, во снах ты такая тугодумка! — ощерилась рысь. — Ничего, кстати, что я тебя просто Льдинкой называю?

— Ничего… — согласилась я задумчиво. — Слушай, если ты и так мой талисман, зачем меня спрашиваешь?

— Затем, что мне надо раскрыться, — ответила рысь. — Заработать как фича. Понимаешь, большинство из вас знают о своих фичах, и им не нужна активация. Они уже работают. А у тебя с этим проблемы, хотя…

Рысь встала и вновь потянулась.

— Не такая уж это проблема, если подумать. В конце концов, у других с фичами связь подсознательная, а у тебя и еще пары человек — сознательная. По мне, это намного эффективнее. Так что, мне работать или как?

— А что ты можешь? — поинтересовалась я.

— Да много чего. Советовать, помогать, ассистировать, консультировать… но главное — беречь тебя здесь и там. Потом тебе все объяснят, надеюсь, но если тебе будет угрожать опасность, просто вспомни обо мне, идет?

— Идет. — Протянув руки, я обняла большую кошку. — Слушай, я рада, что ты у меня есть и что ты такая.

— Это ты мне придала такую форму, — ответила рысь. — Я лишь твоя тень, Льдинка, не более того, но тень очень самостоятельная. Не возражаешь?

— С чего бы мне возражать? — пожала плечами я.

— Ты возражаешь всегда и всем. Пока, правда, обоснованно, но смотри — отгоняя вероятных врагов, ты можешь отогнать и возможных друзей.

— Тебя я не прогоню, — пообещала я. — А других друзей мне не надо. Люди… все они рано или поздно причиняют боль.

— Но, закрывшись в сейфе, от боли не убережешься, — предупредила фича. — Ничего, скоро сама все поймешь, а пока спи, мне еще по делам надо прошвырнуться.

— Куда? — удивилась я.

— В казино, в Швейцарию. — Мне показалось, что она улыбается. Тоже мне, чеширская рысь. — Спи, говорю, скоро все завертится — обернуться не успеешь.

И исчезла, как тень, а я провалилась в глубокий сон без сновидений — но то, что увидела, запомнила. Проснувшись поутру, я посмотрела на фигурку рыси в руке.

Игрушка была такая же, как всегда: гладкая

шерсть цвета табачного пепла, зеленые бусинки глаз. Я поднесла фигурку к лицу и понюхала. От нее исходил странный аромат — табак Нинель, ее парфюм, обожженная кожа, порох, кровь и тонкий аромат незабудки, казалось бы, совершенно чуждый для этого букета…

* * *

Я сидела в боксе, глядя на эпическое сражение, которое разворачивалось в запечатанной колбе на столе, я ни за что не увидела бы его, если бы оно не отражалось в голосфере электронного микроскопа. Ретровирус отбивался от синтетического бактериофага, до того маскировавшегося под доброкачественную опухоль. Вернее, сначала вирус атаковал то, что считал живой тканью, но внезапно, казалось бы, легкая добыча сама обратилась в хищника и принялась раздирать пойманные вирусы не хуже, чем рысь зайца.

Рысь заняла место вчерашней Аси. Когда я только вошла в бокс, Ася заявила, что «найдено новое управляющее устройство высокого уровня», и, полыхнув, превратилась в рысь из моего сна.

— Решила интегрировать твою Асю, — заявила фича, потягиваясь. — Не возражаешь? Если хочешь, могу обратно в ту дамочку превратиться.

— Нет уж, рысью ты мне больше нравишься. — Если я чему-то и удивилась, то это полному отсутствию удивления подобной трансформацией. Я всегда доверяла своим снам, а теперь — в особенности. — Мышей ловить умеешь?

— Нет здесь никаких мышей, — сказала рысь. — Ни мышей, ни жучков[51], я проверила.

— Как Швейцария? — запустила я пробный шар. Доверять снам можно, но проверить не мешает.

— Паршиво, — ответила рысь. — Слишком жарко, особенно по ночам. Зато мы привезли оттуда незабудки. Чем займемся?

Я вспомнила тонкий запах незабудок, исходящий от шерстки моей маленькой рыси… Что-то в этом было.

— Хочется сделать что-то эпохальное, — сказала я, наливая себе кофе из кофейника, прихваченного на кухне. Сегодня, для разнообразия, у меня был кофе и пончики. — А что, не знаю. Слушай, фича моя, ты не в курсе, что я вообще могу?

— Да дофига всего, — ответила рысь, вылизывая лапу. — Специализация у тебя — болезни и их лечение. Тут есть твоя коллега, Апистия, но она

---

[51] Примечания: 51

Жучок (bug) — сленговое наименование компьютерной ошибки, также название подслушивающих устройств, программ-закладок и т. д.

лечит и калечит по-другому, не так, как ты… Вот что, можешь попробовать себя в трансформации живых организмов.

— Это как?

— Ну, зайца в волка тебе превратить не удастся, — ощерилась рысь. — По крайней мере, не сейчас. Смотри, тебе выдали комплект гигиенических наноботов.

— Слушай, откуда ты знаешь? — спросила я.

Между прочим, я давно о таком мечтала, но какой-то муфтий выпустил фетву, что наноботы — изобретение Иблиса, и мои родители их сторонились, хотя по бабкам вполне потянули бы, даже не чихнув. А тут выдали на шару — лафа!

— Я ведь всегда рядом, — напомнила рысь. — Не забывай. Где бы ты ни была. Так вот, можешь создавать что-то подобное из уже существующих микроорганизмов.

— Жаль, я об этом в Лондоне не знала.

— Жалеть о прошлом — пустая трата нервов, — заметила рысь. — И потом, наноботы не всемогущи и специализированны, а ты со временем сможешь создать такое, что закачаешься. Но придется работать, экспериментировать…

— Вот этим и займемся, — решила я, доставая чистые колбы и прочее оборудование. Видел

бы меня сейчас отчим — небось уписался бы от счастья… Я плюнула в одну из колб. Вот, считай, и среда для развития колонии микроорганизмов готова. Ну-ка, посмотрим, с чем тут можно поработать…

* * *

— К тебе Нинель, — сообщила рысь. — Откроешь или как? Вообще она и своим ключом открыть может…

— Тогда нет смысла мариновать ее на пороге, — сказала я. — Открывай.

— Сейчас, только свернусь в трей. — Рысь исчезла.

Дверь открылась, и на пороге появилась Нинель в местном суперкостюме, делавшем ее еще более сексуальной, чем обычно.

— Завела себе фичу? — отметила она, не здороваясь. Тон у нее был довольный. — Дама, можете не прятаться.

Рысь тут же появилась на прежнем месте, недобро косясь на посетительницу.

— Ну, как тебе база? — спросила Нинель. — Не самое худшее место на земле?

— Я наружу выходить могу? — поинтересовалась я. — Кто-то мне обещал снег, много снега.

— Сможешь, уже скоро, — кивнула куратор. — Через пару дней.

«Это правда. — Голос, прозвучавший у меня в голове, принадлежал моей фиче, хотя большая кошка на столе старательно делала вид, будто происходящее ее не касается. — Она вообще не врет, но недоговаривает».

— Где больше двух, говорят вслух, — покосилась на рысь Нинель.

Моя фича показала ей язык и отвернулась.

— Слушай, я к тебе с просьбой.

— Чем обязана? — спросила я, глядя, как моя «опухоль» с довольным чавканьем дожирает ретровирус.

— У нас новенькая, — потупилась куратор. — И психотесты показывают, что у нее совместимость только с тобой. Ну, то есть не только, но период адаптации…

— Короче, вы решили кого-то ко мне подселить, — перебила ее я.

Нинель кивнула:

— Да. Но если вы не сойдетесь характерами…

— Я ни с кем не схожусь характерами, однако это не мешало мне общаться с другими людьми без попыток взаимного членовредительства. Я когда-нибудь говорила, что буду категорически

против общества?

— Нет, но я чувствую в тебе избыток агрессии к окружающим. Леди Лёд, мне бы хотелось, чтобы ты поняла: ты среди своих. Здесь нет врагов, враги все там, — она махнула рукой куда-то в сторону, подразумевая, по-видимому, что «враги» столпились за пределами базы.

— Homo homini lyncas est[52], — заметила я. — Надеюсь, ваша новенькая не станет меня задевать. Вы уж ей объясните, что некоторые болезни прошлого порой внезапно возвращаются: бубонная чума там, СПИД…

— Она тише воды ниже травы, — заверила Нинель. — Увидишь, никаких проблем не будет!

— И откуда она? — на всякий пожарный уточнила я.

— Из Швейцарии. Точнее, она жила там чуть ли не с детства…

* * *

Когда Нинель ушла, я повернулась к фиче, продолжавшей свой туалет на моем рабочем столе.

— Кажется, сейчас кое-какую большую кошку

---

[52] Примечания: 52

Человек человеку рысь (*лат.*) — перефразированное крылатое выражение.

оттрепают за шкирку, — сказала я.

— Не получится, — усмехнулась рысь. — Видишь ли, я нематериальна. И шкирка моя тоже.

— Ну-ка, колись. — Я уселась за стол, на котором моя фича уже чувствовала себя, кажется, полноправной хозяйкой.

— Да я толком ничего не знаю, — ответила рысь. — Скажу честно: такие, как Нинель, не отслеживаются.

— А как ты сама в Швейцарии очутилась? Странное совпадение, разве нет?

— Позвали, вот и очутилась. Есть голоса, которые я слышу, и иногда мне хочется… нет, меня словно что-то изнутри заставляет прийти на помощь. Это сильнее меня…

— И кому ты в этот раз помогала?

— Ну, мне не сильно пришлось помогать. Я успела уже к последнему акту. Один парнишка, Бракиэль, кажется, влип в историю — по нему почем зря палили какие-то дурачки. Потом приехал Харма с Нинель и Незабудкой, твоей новой соседкой, и забрали его.

— И что делала ты?

— Ты не поймешь, — ответила рысь, но, увидев мой насупленный взгляд, пояснила: — О'кей, помогала Куперу и Цезарю свет зажигать, так

понятно?

— Купер и Цезарь? — переспросила я. — Это кто? Участники Проекта?

— Не участники, — ответила рысь, — а их фичи. Кстати, странно…

— Что? — спросила я.

— Обычно у новеньких фича есть сразу. Или хотя бы намек на нее. А вот у Незабудки нет. Первый раз такое вижу.

— А большой у тебя опыт? — спросила я.

— По состоянию на сегодняшний день — триста восемьдесят семь человек. И лишь у одного нет своей фичи.

— А у Нинель фича есть? — спросила я.

— Кто ее знает? — ответила рысь. — Для меня на нее смотреть все равно что на прожектор — если не ослепнешь насовсем, то, во всяком случае, надолго. И уж точно ничего толком не разглядишь…

* * *

— Незабудки, незабудки. — Я чувствовала, что, несмотря на выпитый кофе, хочу спать… и продолжать свои опыты тоже хочу. Но не укладываться же в боксе, если есть комфортабельная комната, пусть и с подселением. К тому же мне хо-

телось в душ. — Пошли знакомиться с соседкой?

— Пошли. — Рысь поднялась на лапы, потянулась. — Только учти, пока визуализироваться я могу только здесь, ну, или во снах.

— А что тебе мешает? — спросила я.

— Скорее тебе. Не забывай, я всего лишь тень. Ты не везде можешь отбрасывать тень, но она всегда идет следом.

— Жаль. — Я опустила кувшин и тарелку из-под пончиков в мусороприемный лоток — такие были и в боксах, и в комнатах, и в столовой. — Мне приятна твоя компания.

Рысь фыркнула.

— Чем ты слушаешь? Общаясь со мной, ты фактически разговариваешь сама с собой. По сути, это можно назвать сверхъестественной полиморфной шизофренией, раздвоением личности… — Рысь выпустила когти и поскребла ими по столешнице. — И я очень тебе советую — не принимай девочку в штыки. Незабудки — цветы нежные, поломаешь — не срастишь.

— Мне тут сказали, что я целительница, — пожала плечами я, думая, насколько безопасно для психики вот так общаться со своим подсознанием.

— Пока ты больше разрушительница, — за-

метила рысь. — И на правах твоего альтер эго предлагаю подумать вот о чем: если я советую тебе с кем-то подружиться, что это может означать? Не забывай, я лишь твоя тень.

С этими словами рысь, в лучших традициях незабвенного героя Кэрролла, дематериализировалась.

— Раздвоение личности, говоришь, — задумчиво произнесла я, проводя рукой по покинутой рысью столешнице. Там, где моя фича точила свои виртуальные, по ее словам, когти, остались едва заметные бороздки, но на чувствительность ладоней я не жаловалась. Кожа на них мягкая, и я часто ее заножу.

Занозы — это вообще моя проблема. Во всех отношениях.

* * *

Кажется, девочка испугалась моего появления.

Она сидела на кушетке, поджав ноги и обняв руками колени. Красивая, но неуловимо отличающаяся от остальных участниц Проекта, среди которых привлекательность скорее норма. Меня, кстати, это живо заинтересовало — наблюдая за другими девочками, я поймала себя на мысли, что мы все чем-то похожи независимо от расы и

национальности. Улучшенная модель человека? Рай для нациста-евгеника?

— Привет, — сказала я как можно дружелюбнее. — Я кусаюсь только в полнолуние.

Где-то в голове послышалось недовольное фырканье моей фичи.

— Меня зовут Леди Лёд, но можешь называть меня просто Льдинкой, о'кей? — Я протянула ей руку.

— О'кей, — кивнула она, принимая мою ладонь. — А я Олга.

— Олга? — переспросила я. — А по-здешнему как?

Она уставилась на меня своими огромными глазами. Первый раз вижу такие чистые глаза. В полумраке комнаты (по ночам свет приглушали) казалось, что они даже светятся изнутри.

— Никак, — сказала она. — Олга.

А я думала — Незабудка. Впрочем, рысь предупреждала о странностях моей новой напарницы.

— Хорошо, Олга, — согласилась я. — Красивое имя. Русское?

— Чешское, — ответила она. — Мой отец чех, мать из Кроации. А у тебя есть имя?

Вообще-то Нинель считала, что в Проекте упоминать имена нежелательно, лучше обращаться

по никам… Наверно, на чехов это правило не распространяется.

— Ты не поверишь, — сказала я, — но меня зовут Рания. Рания Ас Суад Ат-Тен.

— Почему я не должна верить?

— Потому что это имя подходит мне примерно так же, как рождественская гирлянда майскому дереву. Мои приемные родители — пакистанцы.

— А ты? — спросила Олга.

Я пожала плечами:

— Понятия не имею. Моя история — ложь, замешанная на обмане.

— Сожалею, — вздохнула она, и я почувствовала, что соседка говорит вполне искренне. — У меня в семье тоже все несладко, но, по крайней мере, я верю, что отец меня любит. И мама, по-своему.

— Тогда почему ты здесь? — удивилась я. Может, я чего-то не понимаю, но мне казалось, что здешний контингент — либо сироты, либо, как я, усыновленные.

— Отец пропал, — пояснила Олга, — от него уже год ни единой весточки. Тетушка говорит, что у него новый роман и я ему больше не нужна, а мама всегда в разъездах, я ее месяцами не вижу.

— Паршиво, — машинально сказала я и испу-

галась, что могу этим шокировать девушку, но та только кивнула:

— Да, и не говори. Наташа пыталась найти информацию про отца, но пока ничего не нарыла.

Наташа? Какая такая… а, еще один псевдоним Нинель, наверно. Интересно, как ее на самом деле зовут?

— Если отец опять женился, должны же были об этом хоть где-нибудь сообщить! Мой отец — Август Рекс.

Мне это имя ни о чем не говорило, и Олга объяснила:

— Неужели ты никогда не слышала? Август Рекс, лауреат «Оскара», режиссер-документалист. «Смерть на ладони», «Дети войны», «Наркоторговля: взгляд изнутри».

На миг у меня перед глазами появилась ехидная, как мне показалось, рожица моей рыси, затем в голове что-то щелкнуло, и в памяти всплыло нужное воспоминание…

* * *

Мы с моим тогдашним бойфрендом в его студии, на старом диване перед головизором, а перед нами в уютных креслах — манерный ведущий ток-шоу и мужчина лет сорока-пятидесяти. Муж-

чина хорош собой, он красив немодной ныне, мужественной красотой. Поверх глаз — едва заметные дорогие имплантаты, выполняющие роль очков, видоискателя робокамер и приемника изображения от беспилотного разведчика, — полезный, но очень дорогой девайс, имеющийся у топовых репортеров ведущих каналов и нескольких самых продвинутых режиссеров.

— Скажите, — спрашивает ведущий, — вам никогда не бывает страшно? Я понимаю, что вы не держите камеру, когда снимаете бой наркоторговцев с полицией или ребенка, играющего на минном поле, но вы ведь все равно рядом, на переднем крае…

— И часто куда ближе, чем вам по ту сторону голоканала кажется. — Мужчина улыбается, улыбка у него приятная. — Марк, радиус действия дроид-камер — семьсот ярдов, но я стараюсь находиться ближе. Считаю нечестным оставаться в безопасном месте, когда герои моих фильмов рискуют жизнью.

— Кто это? — спрашиваю я.

— Август Рекс, — отвечает мой бойфренд. — Охрененный дядька, я ходил на его «Смерть на

ладони». В голотеатре, понятно, по гэвэ[53] все не так, а там — реально, будто сам на войне побывал. Взрывы, ошметки мяса, кровища… а когда мне в ногу пуля попала…

— Какая пуля, что ты гонишь? — удивилась я.

— Так я ж был в голотеатре имени Елизаветы II, — пояснил бойфренд. — Там все эффекты, включая тактильные.

В ареале головизора как раз зашла речь об этом.

— Знаменитый момент с ранением, — спросил ведущий, — это ведь не спецэффект, то есть вы действительно…

— Я об этом тысячу раз говорил, — без тени раздражения ответил Август. — Я снимаю в «сенсорном мешке», и все, что вы чувствуете во время сеанса, — мои собственные переживания. Никаких спецэффектов! Шрам от той шрапнели могу продемонстрировать, равно как и два десятка других, полученных в процессе съемки.

— Зачем? — ужаснулся ведущий. — В смысле, вы ведь можете убрать все эти шрамы… Вы из естественников?

— Я не осуждаю точки зрения естественни-

---

[53] Примечания: 53
Гэвэ — домашний приемник головидения (*жаргон*).

ков и бодипозитивщиков, — ответил Август (я фыркнула), — но и не разделяю их. Как видите, я пользуюсь имплантатами, и если меня покалечит, моя страховка покроет расходы на восстановительную терапию…

— Легко рисковать здоровьем, когда у тебя в кармане восстановительная страховка, — сказала я, выключая гэвэ.

— Тебя когда-нибудь ранили? — спросил мой бойфренд. Я отрицательно покачала головой. — Вот, а его ранили, и я сам это почувствовал. В кино боль от ранения сильно смягчают, но даже после этого некоторые затребовали робоколяски, чтобы добраться до такси. Представляешь, что он чувствовал?

— Нет, — призналась я. — И не хочу. Пошли трахаться, ну его, этого Августа!

* * *

— Слышала, — сказала я. — Мой бывший был в восторге от фильмов твоего отца, а я, если честно, ни одного не видела. Теперь думаю — зря. Так ты считаешь, что просто так он сгинуть не мог?

— Да, — ответила Олга. — И если на чистоту, я согласилась участвовать в Проекте только для того, чтобы найти отца.

— Если понадобится моя помощь, можешь на меня рассчитывать. — Я говорила и слышала себя как будто со стороны. — Думаю, все будет хорошо, Олга.

— Правда? — спросила она, глядя мне в глаза, словно пытаясь проверить, не вру ли я.

— Правда, — подтвердила я, почувствовав прилив невероятной усталости. — А пока прости, но я посплю немного. Чет я устала…

* * *

Стоило мне смежить веки, как знакомый белый пейзаж с опушкой и рысь были к моим услугам.

— Ничего, что я тебя немного ускорила? — спросила рысь, выходя из-за сугроба.

— Ускорила? — переспросила я. — В каком смысле?

— В прямом, — ответила рысь. — Хотела с тобой пообщаться, а пока ты бодрствуешь, это затруднительно.

— Вот… — Пропущу тот эпитет, которым я наделила свое подсознание. Не самый приятный, к тому же нецензурный.

— Я не собака, потому ко мне это определение неприменимо, — заметила рысь. — Вот что хочу спросить: ты заметила, что у нее нет специали-

зации?

— Ты хочешь сказать, у Олги нет сверхспособностей? — удивилась я.

Рысь облизнула нос:

— Выходит, что так.

— И что из этого? — спросила я. — Кураторы ошиблись?

— Не думаю, — ответила рысь. — Но тебе надо заняться ее опекой.

— Слушай, объясни мне одно: зачем мне ее опекать? — спросила я. — Во-первых, она сама уже взрослая…

— Не такая взрослая, — возразила фича. — Кроме того, она оказалась в чужом для себя мире, совершенно одна. Ты здесь дома и чувствуешь это, а она — нет.

— Ты не ответила, — с нажимом напомнила я. — Зачем мне ее опекать?

— А зачем ты вправила лапу коту? — парировала рысь. — Хватит прикидываться Харли Квин, ты не такая уж сволочь, какой пытаешься показаться.

— Я лучше тебя знаю, какая я. Будут мне всякие кошки-переростки советы давать!

— На то я и существую, — спокойно заявила фича. — Советовать, помогать, оберегать.

— Да-да, добрая волшебница, Эльберет Гилтониэль. Кстати, я тебе еще имя не придумала. Или оно у тебя есть?

— До сего момента не было, — ответила рысь. — Но Арвен мне нравится. Подходит.

— Читать мысли нечестно, — сказала я, понимая, что, когда проснусь, поступлю так, как посоветовала моя фича. Просто потому, что мне этого захотелось.

— Я не могу их не читать, — парировала новонареченная Арвен. — Поплачь и смирись.

— Не дождешься, — заявила я, проваливаясь в сон без сновидений.

Призрак и Джинн: маленький бунт

Che cazza?!

Какого черта я должен подчиняться требованиям какой-то bagascia[54], даже если она сильна, как дьявол? Я им кто, котенок, что ли? И главное, в чем смысл? Сама эта stronzatta[55] говорит, что общаться с девочками можно и нужно. Но не сейчас. Почему?!

Я вам скажу почему. Потому что эти bucci di culo возомнили себя круче папы римского. Так вот, neanche cazza, с Призраком такие вещи не проходят!

Нет, все-таки кликуха классная, прилипла ко мне намертво и сидит в облипочку, как тот комбинезон, что нам с Джинном выдали намедни. Комбинезон тоже классный, и Барака, cazzo guerico[56], сказал, что в нем круто бегать и пры-

---

[54] Примечания: 54

Bagascia — экспрессивное итальянское выражение в адрес женщины.

[55] Примечания: 55

Stronzatta — экспрессивное итальянское выражение в адрес женщины.

[56] Примечания: 56

Cazzo guerico — экспрессивное итальянское выражение, примерный перевод: «хрен одноглазый».

гать, а еще он выдерживает даже температуры космического вакуума без вреда для упакованной тушки. И наоборот, в нем можно хоть в вулканической лаве купаться, если, конечно, прикрыть тыковку, для чего существует комплектный шлем, который нам выдадут позже.

Потом Барака показал нам спортзал, хм, если это можно так назвать — комнату-трансформер, представляющую собой большую полосу препятствий. Cazzarolla, ce bella ficata![57] Барака заперся в «комнате управления» и парил там чем-то вроде кальяна, а мы — от меня до последнего ботана — балдели, изучая внутренности этого спорткомплекса.

И ведь реально коридор смерти — тут тебе и лезвия, вылетающие хрен пойми откуда, и пламя, даже лазерная пушка наблюдалась… Мне в руку попало, зацепило слегонца. Костюму хоть бы хны, а мне ожог второй степени. Che cazza, мужчину шрамы украшают.

Одному молчаливому пареньку больше досталось — даже электрической дугой попало, когда он не за ту перекладину на стенке схватился. Он с

---

[57] Примечания: 57
Примерный перевод: «Черт побери, вот это крутизна!»

высоты вниз хряпнулся, думаю, все, merdatta[58].

Гляжу, он уже на бок перевернулся и встать пытается. Только ноги не шевелятся. Cazzarolla, никак хребет сломал!

— Лежи, — говорю, — не дергайся, чтобы хуже не было. Я помощь позову.

— Зачем? — спрашивает он, поднимаясь на руках, а ноги как лежали пластом, так и лежат.

Я ему:

— Stronzo, ты, похоже, спину сломал. Ноги чувствуешь?

— Сейчас еще нет, — отвечает он. — Как раз этим занимаюсь.

И тут у него левая нога начинает подгибаться. У меня от сердца отлегло. Grazie de Dio, значит, хребет цел.

— Тебя как зовут, pacco di merde? — спросил я его.

— Фредди, — сказал он. — У меня с детства ноги не работали, я ходить только полгода назад начал. А тебя как зовут?

Я ему не поверил, конечно, но ответил:

— Призрак. Чего ж ты в коридор прешься, если еле ходишь?

---

[58] Примечания: 58

Merdatta — экспрессивное итальянское выражение, примерный перевод: «амба, капут».

— Именно поэтому, — тут он улыбнулся первый раз, — потому что тяжело.

— Che cazza, это тяжело? — изумился я. — Это называется «невозможно»!

— Вот и посмотрим, — ответил он уже серьезно. — Ну что, полезли? Давай, кто быстрее до верха доберется.

— А давай, stronzo, — согласился я зло. — Разобьешься — пеняй потом на себя.

И мы полезли. Ух, это было круто! Я лез, уворачиваясь от всякой cazzatta, этот инвалид не отставал… ну, я-то, конечно, первый добрался, хоть перед самым краем чуть вниз не рухнул, когда какая-то хрень мне прямо в лицо вылетела. Саданула по челюсти — будь здоров, у меня аж синие звездочки из глаз посыпались. Я наверх забрался, увернулся еще от какой-то caccare paco di merde. И тут залезает инвалид — рожа в крови, на щеке длинная рваная рана, но довольный. Пыхтит, отфыркивается, а потом говорит:

— В следующий раз я тебя сделаю.

— В следующий раз, чуваки, спрашивайте совет, прежде чем куда-то соваться. — Che cazza, откуда здесь Барака взялся? Я не сразу допер, что это голограмма. Из тех, хороших, что от живого человека не отличишь. — Могли и убиться, в этот

туннель без шлема входить просто идиотизм. Фредди, дуй к Апистии, если не хочешь на лице украшение в виде шрама.

Сбоку открылся вполне безобидный коридор, и парень, кивнув, направился к нему, но потом остановился, повернулся ко мне как-то странно: сначала корпус развернул, потом ноги переставил — и протянул руку:

— Бывай, Призрак, еще встретимся.

— Без вариантов. — Я пожал руку. — Опять тебе задницу надеру, stronzo!

— Посмотрим, — улыбнулся он. — Классный ты чувак, бро.

— Ты тоже, — ответил я. — Привет мегере!

— За что ты так Апистию? — фыркнул Барака, когда коридор (я так понял, нормальные двери на базе есть только в жилых блоках) закрылся. — Случись с тобой что, она тебя по кусочкам соберет.

— Потому что… — Я махнул рукой. — Ай, какая разница?

— Дурак ты, Призрак. Потом сам поймешь. Кое-кто уже понял, тебе просто повезло.

— В чем? — удивился я.

— Скоро узнаешь, — ответил Барака. — Там в углу стол, на столе твоя награда. Отдашь Джинну,

он знает, что с ней делать.

— А выход где? — Я надеялся, если честно, что Барака и мне откроет коридор.

— Там же, где и вход, — ответил Барака. — Слезай по стенке, потом через лабиринт и в спортзал. Fatti I cazzi tuoi[59].

И пропал.

* * *

— Он сказал, ты знаешь, что с этим делать, — сообщил я Джинну.

Тот задумчиво повертел принесенную мной шнягу. Она больше всего напоминала личинку Чужого из древнего классического фильма, который нам в школе на уроке мировой культуры показывали — в 2D, che cazza!

Джинн отогнул одну из лап загадочной вещи и обозрел ее изнутри.

— Похоже на мультиконнектор, — сказал он, отгибая другую лапу. — А это что за хрень? Никогда такого не видел. Вот это, — он показал на нечто вроде хвоста, — явно накидывается на клемы батареи, но какой?

---

[59] Примечания: 59

Fatti I cazzi tuoi — экспрессивное итальянское выражение, примерный перевод: «Иди займись своими делами».

Сосед полез в свой планшет. Он вообще с этим девайсом не расстается, разве что душ без планшета принимает.

— Ни хрена не понимаю, — заявил Джинн через некоторое время. — Такое впечатление, что мой планшет ждал этого вопроса. Я вошел — а он мне уже выловил мануал к этой хрени.

— И что это такое? — спросил я.

— Как я и думал, токосниматель. А вот тут сверху должно быть зарядное устройство. — Он сдвинул одну из пластин, открывая пульсирующую панель. — В общем, получается, что аккумулятор ему нужен только как резервный источник питания. И стартер для начала работы. Как свеча в двигателе.

— Кому ему? — спросил я с раздражением. — Что это вообще за зверь такой?!

— Понятия не имею, бро, — пожал плечами Джинн. — Никогда не видел подобного.

— Тогда идем, подключим его к Цезарю, — решил я. — Вообще, бро, ты слишком много думаешь, нет? Вот че ты со мной не полез в ту задницу?

— Именно потому, что это задница, — ответил Джинн. — Не сую башку в каждую дырку, пока не пойму, с чем имею дело. Мне моя тыква дорога

как память.

Я хотел его подколоть, но вспомнил коридор смерти… Может, и правда надо иногда думать, прежде чем делать?

Мы пошли в мой бокс… увидев Цезаря, я почувствовал тепло в душе. В конце концов, этот рассо di merde — все, что у меня осталось от прошлой жизни. Как у Джинна его планшет. Наверно, у каждого из нас должно быть что-то такое…

— Слушай, я совсем не понимаю в этой машинерии. — Джинн задумчиво почесал репу. — Где у него аккумулятор?

Я подошел и откинул сидушку. Между аккумулятором и баком для топлива как раз нашлось место для этой шняги. Благо она (с откинутыми «лапками») была плоская, как блин.

— Суй сюда, не ошибешься, — сказал я, отступая в сторону. Стоял и спокойно наблюдал, как Джинн засовывает непонятный девайс внутрь моего Цезаря, и, что странно, ничуть не беспокоился. Стоило «хвосту» присосаться к клеммам, как по девайсине побежало голубоватое такое, неоновое свечение. Che cazza, прям как в голофильмах про марсианские экспедиции! А хреновина жила своей жизнью — куда-то потянулись «лапки», «клешни» спереди высунулись по бокам от си-

душки, да так лихо, что, если бы я оседлал Цезаря, они бы оказались у меня прямо перед коленями. Неоновое сияние потекло по проводке мопеда, забралось в отдел электроники… bucca di culo, а ну как все сгорит к чертям?! Я быстро откинул приборную панель, активировал компьютер. Фух, grazio de Madonna, комп работает, вся моя начинка тоже вроде опросилась благополучно, но, che cazza, машинка нашла целую тучу новых прибамбасов с такими заумными названиями, что я их даже не запомнил, не то чтобы понять. А вот Джинн, по ходу, сразу вкурил, что к чему, и присвистнул. Я отвесил ему подзатыльник, слегонца, конечно:

— Не свисти, stronzo, бабки высвистишь!

— Охренеть, бро, — ответил он, ничуть не обидевшись, — кажется, эта штука сейчас сделает из твоего Цезаря «Оптимуса Прайм».

— Такой большой, а все сказками увлекаешься, — фыркнул я (умей краснеть — покраснел бы: лет в пять я посмотрел в голотеатре ремейк классической саги про трансформеров и потом долго болел идеей что-то такое сваять, только не вышло). — Что там творится, объясни мне, как тупому.

— Короче, судя по всему, внутри этого девайса

какой-то крутой реактор, вроде «изидовских», но еще круче, — начал Джинн. — Минус — тебе придется ездить на бочке ультранестабильного топлива, плюс — бензобак теперь экранирован изнутри и снаружи полем, способным удержать даже антиматерию.

— А пулю из «беретты» он выдержит? — поинтересовался я, доставая одну из своих пушек.

— Пулю из «беретты»? — Джинн фыркнул. — Теперь у твоего мопеда такая защита, что из морского рейла не профигачишь, не то что…

Я жестом остановил его, а потом обратился к Цезарю:

— Прости, друг… надеюсь, ты меня поймешь…

И, не целясь, бахнул прямо по отсеку, где прятались аккумулятор и бензобак. Che cazza! Между мной и мопедом на мгновение появилась сияющая хренотень — вспыхнула и погасла. Никаких следов от пули на кожухе не осталось…

— Между прочим, могу и обидеться. — Что это у Джинна с голосом, рассердился, что ли? Или испугался? — Хорошо, что я защищен, — не шибко приятно ловить такие подарочки. По прошлому опыту знаю.

— Когда это по тебе шмаляли? — удивился я, обернувшись к приятелю. — Чет ты раньше не

рассказывал.

И тут понял, что Джинн пырится на меня с таким видом, словно я — свой собственный тезка из ужастика. Che cazza? Последнее, похоже, я произнес вслух — Джинн не ответил, но кивнул в направлении Цезаря.

— Stronzo, ты не к тому обращаешься, — произнес тот же голос. — Madre de Dio, как я хотел с тобой поговорить! Чуть ли не с детства. Но я ж просто железяка, хоть и с именем…

У меня реально шнифты на лоб повыскакивали:

— Це… Цезарь?

— Нет, папа римский, — ехидно заметил мопед. — Чет ты мне не рад, папочка, или мне померещилось?

— Говорящие вещи… — Джинн задумчиво крутил в руках планшет, дотоле скромно молчавший, но на поверку оказавшийся такой же фичей, как мой Цезарь. Планшет носил имя Купер, в честь какого-то североамериканского гада, как объяснил мне Джинн. — Или не вещи? Ты что-нибудь понимаешь, бро?

— Я понимаю то, что нам давно пора пойти пожрать, — сказал я. — Лично я голоден, а когда я голодный, то соображаю хуже.

Мы поперлись в столовую. Предварительно я попрощался с Цезарем — забрать его с собой я не мог, так что моя фича осталась скучать в боксе. Впрочем, Купер проявил солидарность с Цезарем и сообщил Джинну, что за пределами боксов общаться будет только… как он сказал, холера его побери? — мнемонически.

За едой мы обсуждали свои приобретения. Должен заметить, я был рад, что моя железяка обрела некое подобие разума — это еще одна розовая мечта детства. Я-то с машинами говорил, но они мне, понятное дело, не отвечали.

Джинн тоже был рад Куперу — примерно как я Цезарю. Он все тестировал его новые возможности и, кажется, был от них в восторге. Ну да, мне-то на Цезаре здесь не покататься. Ничего, пусть пока в стойле стоит, ему и так на его веку досталось.

Подкрепившись, мы поперли к себе. Джинн уже вовсю зевал, да и мне, признаться, хотелось малехо на массу придавить. Неладное я заметил еще на подходе — двери нашей комнаты были приоткрыты, хотя я точно помню, что мы их закрывали. Che cazza? Я вытащил «беретту» и знаком показал Джинну, чтобы он отошел назад. Тот вжался в стену справа от входа, достав вторую

«беретту», которую я ему подарил в знак дружбы. Впрочем, я был уверен, что стреляет он, примерно как я вышиваю крестиком (моя тетя этим забавлялась — запустит, бывало, одного-двух мелких роботов-швецов и пальцем их направляет, а они выводят разноцветными нитками; на кой — не пойму, все ж можно в супермаркете купить…).

Глубоко вдохнув, я заскочил в комнату, выискивая глазами того, кто к нам вломился. Искать пришлось недолго — на третьей, пустующей кровати сидел какой-то паренек, я даже чуть было не шмальнул по нему, но, срубив, что он безоружный, шагнул ближе, держа его на прицеле.

Cazarolla, ничего себе сюрприз! Взломщиком оказался не кто иной, как давешний парнишка… как там его? Фредди. Я свистнул, напрочь забыв свои же наставления в адресс Джинна, и спросил:

— Che cazza vuoi? — И, спохватившись, перевел: — Какого хрена ты здесь забыл?

— Шел мимо, искал себе комнату, — пожал плечами Фредди. — Гляжу — есть место, дай, думаю, зайду. А что, я помешал вашему уединению?

— Тебе, может, зубы пересчитать? — предложил я. — Будешь хамить — не посмотрю, что раненый, приложу будь здоров…

— Не кипятись, бро, — примирительно заметил Фредди. — Считай, я неудачно пошутил. Говорю ж тебе, я еще нормально общаться не научился, всю жизнь в монастырской богадельне прожил.

Тем временем появился Джинн, вооруженный и не очень опасный.

— Знакомься, — сказал я ему. — Местный бомж по кличке Фредди. Или это твое имя?

— Нет, это ник, — ответил тот, вставая. Вставал он не так, как другие, — словно не доверял своим ногам, ждал, что они его вот-вот подведут… — Зовут меня Фриц.

— Немец? — спросил Джинн.

— Бразильский немец, — уточнил Фредди, словно это имело какое-то значение. — Ну что, камрадес, берете в банду или мне в коридоре спать? Свободных комнат больше не осталось.

— Да уж располагайся, черт с тобой, — кивнул я. — Джинн, не возражаешь?

Тот пожал плечами:

— А чего я вообще должен возражать?

— Ну, мало ли… Ладно, вот и познакомились. У тебя какая сверхспособность, чувак?

Сверхспособностью Фредди была абсолютная память. В общем, он, как и Джинн, являлся чем-то вроде ходячего компьютера. А еще был телеки-

нетиком. Что это такое, мне пояснил Джинн. Оказывается, можно силой мысли передвигать предметы. И наш новый сосед умел это делать, правда, пока единственными предметами, которые он научился двигать, были его собственные ноги.

Николь он называл Никой, но самое забавное — он знал Апистию, из-за которой мы чуть не подрались, кстати. Я своего мнения об этой figlii di putana скрывать не собирался, а Фредди утверждал, что они с Николь-Никой вырвали его из рук страшной секты, представители которой похитили Фредди в раннем детстве. Бедный парень, похоже, вся его жизнь прошла в окружении людей с некомплектным организмом — он нам такие страсти потом рассказывал, Madonna Mia! Он вообще оказался таким… правильным, как статуя святого Франциска. И малоразговорчивым. Ну, не всем же трещать без умолку.

В конце концов, счастливо избежав мордобития, мы улеглись по койкам и задрыхли — вымотались нехило.

Наутро (вернее, на следующий день, поскольку из-за изменения часового пояса я не мог сказать, утро сейчас в Палермо или вечер, но без труда перешел на ритм базы, в котором существовали и

остальные участники Проекта) я проснулся, как всегда, раньше всех, принял душ, а когда вышел, обнаружил новенького висящим в дверном проеме, который вел в санблок. Фредди зацепился ногами за перекладину (Перекладину?! Откуда она тут?) и делал подъемы корпуса.

— Разминаешься? — спросил я.

— Типа того, — ответил он. — Надо держать себя в форме. Привычка, еще с тех времен, когда я не ходил. Правда, тогда я так тренироваться не мог…

— Не замечал, кстати, у нас турника, — сказал я. — Странно, третьи сутки здесь, а турника не видел.

— Так его и не было, — признался Фредди. — Я его вырастил, чтобы позаниматься.

— В смысле — «вырастил»? — Оказывается, наш соня Джинн тоже проснулся.

— В прямом. — Фредди осторожно спрыгнул, как будто боялся, что ноги его не удержат. — Слушай, не возражаешь, если я первым помоюсь? Потным ходить, сам понимаешь…

— Валяй, — кивнул Джинн. — Только потом расскажешь, как ты турник выращивал.

— Без проблем. — Фредди подхватил полотенце и урулил в душ. Джинн тем временем уткнулся в

свой планшет по имени Купер.

— Ботаник хренов, — фыркнул я. — Турники он выращивает. Слушай, Джинн, ты чем заняться планируешь?

— Базу ломать буду, — ответил тот. — Мы с Купером вчера нащупали одну прогу, она здесь тихонько сидит на исходящем трафике и фильтрует пакеты. Я ее назвал Апистия и думаю, как бы изловчиться и обмануть ее.

— Кстати, об Апистии, — сказал я. — Тебе не кажется…

Но мою фразу прервало появление Фредди. Он вышел из душа и нерешительно топтался в дверном проеме, где до этого тренировался. Турник, кстати, исчез.

— Э, а куда делся турник? — заинтересовался я. — Che cazza, ты объяснишь, что тут происходит?

— Ничего особенного, — ответил Фредди. — Я о таком в Интернете читал: база построена по технологии «ItB»…

— Вау! — воскликнул Джинн. — И как я сам не допер?

— И что это за cazzatta? — спросил я. — Объясни, а то я один, похоже, не в курсе.

— Ну, технология на самом деле довольно ста-

рая, еще сороковых или тридцатых, — сказал Фредди. — Но дорогая, потому распространения не получила. В общем, внутренности базы только кажутся построенными из стандартного порошкового бетона, а на самом деле это шабанит — материал с памятью. Плюс внутрь его зашита сетка из монокристаллов. Сетка — это единственное, что здесь постоянно. Она выполняет функции нервной системы базы…

— Скорее уж головного мозга, — поправил его Джинн. — Хотя нет, того и другого вместе.

— Che cazza, мы что, живем в мозге? — возмутился я. — Или что это за merde, объясните нормально!

— С учетом того, что у тебя половина слов — нечто непонятное, но явно нецензурное, это окажется непросто, — улыбнулся Фредди.

— В общем, эта фигня читает наши мысли, — взялся за объяснения Джинн. — Если ты подумаешь о турнике — у тебя вырастет турник. То есть не у тебя, а у базы. Ладно, я в душ.

И ушел, оставив меня с Фредди.

— Cazzarolla, — протянул я. — Madre de cagnia, то есть наши мысли читают?

— Не совсем так, — ответил Фредди, бухаясь на кровать. — Для того чтобы записывать мысли да-

же одного человека, даже… — Он хотел, видимо, добавить что-то обидное, но потом передумал и продолжил: — Нужен огромный объем памяти, а чтобы их обработать и привести в читабельное состояние — суперкомпьютер из десятка мощнейших.

— Тут как раз есть такой, — сказал я, чувствуя панику. Если кураторы знают, что я о них думаю в свете моих отношений с Апистией… Madre de Dio!!!

— Тогда пошей себе шапочку из фольги, — посоветовал Фредди. — Говорят, помогает.

— Знаешь что… — У меня опять кулаки зачесались, хотя, по ходу, Фредди был посильнее меня. Ничего, а у меня опыта больше, на улице же рос, а не в monastery caccare![60]

Но тут вернулся Джинн.

— Факн'щит, кажется, вы опять решили друг друга поубивать? — спросил он. — И в чем дело на этот раз?

Мы промолчали: я просто не мог сформулировать свои претензии. Затем Фредди, словно нехотя, сказал:

— Слышь, Призрак, ты, это, не обижайся. Мне

---

[60] Примечания: 60
Примерный перевод: «занюханном монастыре».

просто негде было научиться нормально общаться. Всю жизнь провел в этом каменном мешке, будь он неладен, среди монахов и инвалидов. Короче, я хотел сказать, что им не нужны наши мысли — ни твои, ни мои, ни даже Джинна. К тому же, чтобы понять наши мысли, телепатом быть необязательно.

— Ну и о чем я думаю? — набычился я. — Давай, гений логики, угадай.

— Скажу, если в бутылку не полезешь, — пообещал Фредди.

— Va fa'n'culo, — ответил я. — Жги давай, stronzo.

— О бабах, — изрек Фредди, фыркнув в кулак. — А если быть точным, как бы до здешних баб добраться. Поскольку ты знаешь, что они есть, и это на тебя действует как красная тряпка на быка.

— Cazzarolla, в точку, — согласился я. — Ты, надеюсь, эту стенную прослушку сам не юзаешь втихаря?

— Кстати, а это мысль! — оживился Джинн. — Если какой-то ресурс можно взять под контроль, то это надо сделать, так, на всякий случай. Сейчас, я только с «Апистией» разберусь, мне с одним человечком надо связаться на большой земле, ну

и проверить, как там па и ма… — И Джинн вновь уткнулся в свой планшет.

— А при чем тут Апистия? — удивился Фредди.

— Это он так здешнюю программу-цербера называет, — пояснил я. — По аналогии с живым прототипом…

— Так-с, — подался вперед Фредди. — Я так понял, вы с этой самой Апистией нехило поцапались. Колитесь, что случилось?

Тьфу ты… ну, как говорится, chi dice «А», deve dire anche «В»[61] — пришлось рассказать все как было, естественно, без самых неприятных для меня подробностей. Я ж не совсем дурак, чтобы самого себя выставлять идиотом, правда?

— Теперь понятно, за что ты ее так любишь, — без малейшей издевки улыбнулся Фредди. — Да, на ту Апистию, что я помню, это очень похоже.

— Видел я ту Апистию… — Я зажмурился, представив нечто совершенно неприличное, и тут же Фредди охнул, а Джинн, с небольшим опозданием, тихо выругался. Открыв глаза, я увидел, что стена у входной двери украсилась довольно хорошим, с фотографической точностью выполненным барельефом, иллюстрирующим то, что я

---

[61] Примечания: 61

«Сказал «а», говори и «б» (*итал.*).

только что себе представил.

— К вопросу о чувствительности здешней нейросети, — заметил Джинн.

— Che cazza, как это убрать? — спросил я у Фредди, чувствуя легкую панику. Не хватало еще, чтобы кто-то это непотребство увидел.

— Как-как, просто пожелай, — пожал плечами тот.

Я пожелал. Не сразу, а через некоторое время барельеф словно нехотя стерся со стены.

— А жаль, — заметил Джинн, колдуя со своей термен-клавиатурой. — Хорошая картинка была. И портретное сходство…

— Джинн, еще слово скажешь, и я тебе perdert gli occhi sul mio culo, понял? — взорвался я.

— Не понял, — ответил Джинн. — Но на всякий случай промолчу.

А Фредди тихо фыркнул. Кстати, я заметил, что Фредди сначала от картинки отвернулся, а потом сидел красный как рак. Мне надо было на ком-то оторваться, и я решил, что он для этой цели вполне подойдет.

— А чего это ты у нас раскраснелся, как молодая монашка? — спросил я. — Голую бабу не видел раньше?

Он потупился.

— Я ж тебе говорил, что жил всю жизнь в богадельне, — сказал он глухо. — Сам подумай, откуда там женщины, тем более голые? Я и одетую женщину видел живьем меньше раз, чем у меня пальцев на руках.

Cazzarolla… мне стало стыдно. Если парень не врет (а с чего ему врать?), он вообще до недавнего времени на ногах не стоял. И это в наше время! Да даже у нас на Сицилии, когда Джузеппе Коллоди, электрик с подстанции, по пьяни обе руки потерял от разряда тока, ему ЕС протезирование организовал. Левую руку, правда, сделали чисто декоративной, зато правую — по полной программе, биомеханика, он даже в носу ковыряться мог, что и делал целыми днями с удовольствием, merdoso… а тут молодого парня чуть ли не в тюрьму только за то, что у него ноги не ходят. Они что, совсем там нищие, в Бразилии?

— Я считаю, это надо поправлять, — сказал я решительно. — Не дело, мужик без… Короче, не буду вдаваться в подробности…

Я подошел и навис над Джинном:

— И это, кстати, возвращает нас к одной старой проблеме.

Джинн вздохнул:

— А я уж подумал, ты все-таки решил подо-

ждать с этим…

— Neanche cazza! — ответил я. — Вот еще!

— А я бы на твоем месте подождал, — заметил Джинн, продолжая колдовать над своим планшетом.

— О чем это вы? — заинтересовался Фредди.

— О втором походе на дамскую половину, — ответил я. — Мой друг Джинн считает, что с этим стоит повременить, а я…

— А мой друг Призрак ждать не хочет, — заявил Джинн. — А я обещал ему помочь. И свои обещания назад не беру.

— Здорово! — воодушевился Фредди. — Можно мне с вами?

— «Можно», — передразнил его я. — Не можно — нужно, stronzo, о чем я тебе и говорю.

* * *

— Здесь, — сказал Джинн, касаясь на первый взгляд ничем не отличающейся от других стенной панели. Я постучал по ней костяшками пальцев. Звук был точно такой же, как и у соседних.

Чем дальше мы шли по коридорам базы, тем больше я сомневался в возможностях Купера и достоверности скачанного Джинном плана. Стены коридора казались высеченными из мо-

нолитного камня, а планшет демонстрировал какие-то ходы, ниши, комнаты…

— Che cazza, что «здесь»? — спросил я. — По-моему, кроме стены, ничего…

…и чуть не упал, когда проход внезапно появился. Cazzarolla, предупреждать же надо!

— Ты б не болтал, а попробовал проход открыть, — посоветовал Фредди, протискиваясь вперед. — Есть чем подсветить?

Джинн тут же запустил какую-то летающую шнягу. Откуда он ее только добыл? Луч оказался не особо сильным, видно было лишь на пару шагов вперед.

— Мощнее собрать не удалось, — извинился сосед. — У меня нет доступа к более емким источникам энергии…

Кстати, костюмы у нас были зачетные — мы взяли маски, вроде балаклав, перчатки — и, как итог, не мерзли, хотя датчик на планшете Джинна показывал минус пятьдесят два. Che cazza, я и не представлял себе, что такая температура возможна!

— Кто-то же проделал эти туннели, — покачал головой Фредди. — И не думаю, что это кураторы.

— Согласен, — поддакнул сзади Джинн.

Шутки шутками, но мы с ним вооружились «береттами», хотя проку в них здесь не было — держу пари, смазка вся промерзла. Стрелковое оружие последнее время вообще не совершенствуют. На фига? Серьезные армии давно перевооружились на рейлы и лазеры, а таким, как FIA[62], лузерам и старье сойдет.

— Под ноги смотри, факн'щит! — рявкнул Джинн, и я почувствовал, как он, схватив меня за плечо, рванул назад. Я чуть не сел на пятую точку, да еще и приятеля едва не повалил. Спереди донеслось приглушенное ругательство Фредди:

— Ни хрена себе! А я прошел и не заметил…

По левой стороне коридора змеилась трещина, глубокая, cazza del diablo, и широкая.

Я тоже выругался. Один Джинн оставался спокоен:

— Так, народ, без паники. Зато Купер, кажется, построил план коридоров, и…

— Как? — спросил Фредди.

— Я вперед запустил пару небольших разведчиков, — ответил Джинн. — Собрал на досуге, благо материала у меня в боксе — хоть завались.

— Эх, везет же некоторым, — вздохнул Фред-

---

[62] Примечания: 62
FIA (Forze Armate Italiane) — Вооруженные силы Италии.

ди. — А у меня в боксе не то спортзал, не то инфотека — того и другого поровну. С другой стороны, ни в механике, ни в электронике я не шарю…

— И что, на твоем плане такие вот сюрпризы отмечены? — спросил я, переводя дыхание.

— Нет, — ответил Джинн. — Я ж не всесильный. Так что под ноги смотреть надо.

— И какая тогда польза от этого плана? — спросил я.

— Будем знать, куда идти, — ответил Джинн.

Я хмыкнул:

— Это я и так знаю. Прямо по коридору.

— Не скажи, — возразил Джинн. — Дальше коридоров станет больше. И спуски будут.

— И провалы, — добавил я. — Ну, идем дальше, чего стоять?

И мы пошли, медленнее, чем раньше. Некоторое время новых сюрпризов не было, разве что коридор стал выше. Потом мы вышли… даже не знаю, как это описать, — к чему-то вроде нехилого колодца. Ограждения, естественно, почти не было (не считать же таковым подстенок высотой мне до колена?), но пол приобрел небольшой наклон и идти стало удобно. К тому же теперь мы могли передвигаться не гуськом, а кучкой.

— Интересно, кто все-таки это построил, — сказал Джинн.

Мне лично это было неинтересно. Хотелось побыстрее добраться до женского пола… и заодно Апистии показать, что перекрыть все пути Призраку — neanche cazza! Кишка тонка!

— Пришельцы? — предположил Фредди. — Я когда-то фильм такой смотрел, начала века, двухмерный…

— Не думаю, — усомнился Джинн. — Скорее, какие-то тоталитаристы, фашисты, там, коммунисты, не знаю.

— И куда они потом делись? — спросил я. — Насколько я вижу, в этих коридорах тыщу лет никто не появлялся.

— Ну, так, может, когда-то в Антарктиде тепло было и люди жили, — предположил Призрак.

Мы тем временем свернули в коридор.

— Чет я про такое не слышал, — сказал я.

— Я тоже, — подтвердил Фредди.

— Может, кураторы сами это и построили? — предположил я.

— Этим стенам сто лет в обед, — ответил Джинн. — Думаешь, наши кураторы — бессмертные?

— А почему бы нам у них самих не спросить? —

сказал Фредди.

Мы с Джинном уставились друг на друга, несмотря на темноту. Действительно, а почему?

— Угу, и признаться, что мы все это видели? — ответил я.

— Думаешь, они сами об этом не узнают? — спросил Фредди.

Ответить я не успел. Потому что Фредди исчез.

Дария и другие: клуб любителей кошек, больших и маленьких

Перед сном я думала о Мерлине. Мерлине, которого здесь звали Джинн.

Говорят, бывает любовь с первого взгляда. Некоторые, правда, утверждают, что все это сказки для подростков. Как и вообще любовь. Старшее поколение на редкость цинично, впрочем, их можно понять. Во времена их молодости все было доступнее и дешевле… Блин, говорю как моя матушка. В любом случае наши родители циничнее нас, а их родители еще циничнее. Недаром постепенно возрождается такой почти забытый за прошедшие полвека жанр искусства, как мелодрама.

Мое поколение верит в любовь. И я верю.

Джинн, «парень из Сети», я чувствовала это, был кем-то вроде Саваюки в 3D-арте или Моцарта в музыке. Гений. Я залюбовалась его ботом — он был совершенным, как Витрувианский человек да Винчи. Простой, но невероятно функциональный. И буквально сразу же мне в голову пришла мысль — а вдруг это Мерлин? В смысле, не бот, а

тот, кто его написал. Бота, кстати, звали Купером, а не Мерлином или Полем МакДи, и меня это напрягало.

Я понимала, что, скорее всего, выдаю желаемое за действительное — но ничего не могла с собой поделать, совсем ничего. Мне хотелось, чтобы это оказался именно Мерлин. И когда создатель бота вышел в Сеть, я, конечно…

…не сделала ничего. Только наблюдала за ним. А он, как Цезарь, занимался многими вещами одновременно — качал, рассматривал, что-то переписывал, создавая свои продукты. Не удивлюсь, если при этом он еще и с железом работал.

Потом была ночь и утро, после завтрака Апистия провела для новеньких, которых набралось полтора десятка, экскурсию по главному корпусу — меня поразило то, что двери появлялись и исчезали по воле нашей сопровождающей, кажется, где угодно.

В центральном корпусе были учебные залы, моделирующие самые разные места — от дна океана до открытого космоса. Нашелся ангар с уже знакомыми нам «Изидами» и еще каким-то транспортом (тут я смотрела невнимательно), мастерская, спортзал, даже тир. Был небольшой парк, напоминающий заросший джунглями

стадион с озером вместо арены. В конце концов нам разрешили искупаться в «океане», где по воле Апистии растаяли айсберги и появились тропические рыбки. Мне понравилось, а вот Тень вышла подавленной.

— Что случилось? — спросила я. — Не любишь океан?

— Ты знаешь, что все это виртуальная реальность? — огорошила она.

Я отрицательно покачала головой, глядя на волны, с шуршанием накатывающие на берег:

— То есть ты хочешь сказать, что никакого моря здесь нет?

Тень кивнула:

— Похоже, у меня еще сверхспособность открылась. Нет, я испытываю все то же, что и ты — слышу шум прибоя, смотрю на волны, чувствую морской запах, ощущаю бриз и гальку… и одновременно вижу серую емкость с водой и плещущихся в ней девочек.

— Не самая лучшая сверхспособность, — вздохнула я.

Тень пожала плечами:

— Наверно, во всем можно найти что-то хорошее. Надо попробовать поискать. Как ты считаешь?

Я кивнула.

В эту ночь, заснув, я опять оказалась на берегу фальшивого океана. Но рядом со мной была не Тень, а Немезис. Она улыбалась, но от ее улыбки у меня мороз по коже пробегал.

— Забавно, тебе не кажется? — спросила она. — Океан нереален, но в нем можно утонуть.

И внезапно у меня под ногами разверзлась бездна. Я уходила на дно, хоть прекрасно плаваю, а Немезис смотрела на меня и улыбалась. Она схватила меня в последний момент, когда я уже захлебывалась, вытащила на берег и даже по спине постучала, пока я отплевывалась несуществующей водой.

— Пока ты веришь, ты можешь идти по воде, — проговорила она, когда я откашлялась, — но стоит разувериться, и ты тонешь. Ты нравишься мне, Дария, однако я очень не люблю тех, кто меня разочаровывает. Не разочаруй меня.

Она стала расти, как Алиса из старинной сказки. Через мгновение передо мной стояло чудовище — огромное, раза в три выше меня, похожее на оживший поток ужаса. Ко мне тянулись щупальца, по которым пробегали сполохи молний. Лишь глаза этого чудовища по-прежнему оставались глазами Немезис — не злыми, можно сказать,

даже грустными. И я сделала шаг навстречу. Я вдруг поняла — это сон, но не «всего лишь сон», а нечто большее, словно подсознание пыталось что-то сказать или показать мне.

А потом сполохи стали превращаться в струящиеся потоки света, сплетающиеся в пучки, и вся Немезис сделалась сплошным светом. Он был ярким, мертвенным, неприятным, и я отступила на шаг, затем еще…

…и полетела вниз, как все та же Алиса в кроличью нору, но стены этой норы были сложены из очень хорошо подогнанных блоков и покрыты изморозью. Снизу дул сильнейший ледяной ветер, смягчая и замедляя падение, но мне все равно было страшно. В какой-то момент я потеряла чувство направления, мне стало казаться, что я падаю вверх. Я отчаянно пыталась хоть за что-то зацепиться, но пальцы бессильно скользили по гладкой, как стекло, обжигающе холодной поверхности, оставляя на инее длинные полосы.

Наконец я почувствовала под ногами твердую поверхность; оказалось, я приземлилась на что-то наподобие балкончика с низким парапетом. Балкончик был «врезан» в стену, и кроме меня на нем находился незнакомый юноша примерно моего возраста, может, чуть старше. Присмотрев-

шись, я поняла, что знаю его — это был прототип одной из моих кукол, которую я назвала в честь легендарного героя старой фантастической саги Анакином. Кстати, я для него сделала костюм из лакированного картона, наподобие армейского экзоскелета, но сейчас он был одет в стандартную одежду базы. На лбу у него виднелась свежая кровь.

— Вы ранены? — спросила я. — Где мы? Что происходит?

— Не обращайте внимания, — ответил Анакин. — Просто царапина. Вы лучше на это посмотрите, — и показал на стену. Присмотревшись, я различила на камне нечто похожее на штрих-код, который был распространен до появления QR.

— Штрих-код? — решила я блеснуть своими познаниями в истории.

Анакин ухмыльнулся:

— Я не археолог, конечно, но, кажется, этому штрих-коду несколько тысяч лет. Постарайтесь его запомнить, и я постараюсь тоже.

А затем стена исчезла, исчезло вообще все — и балкон, и Анакин. Какое-то время я парила в темноте, но потом под ногами вновь возникла твердая почва, на небе появилась незнакомая россыпь звезд, а прямо передо мной — руины

какого-то здания. Вдалеке я увидела что-то вроде проволочного забора и башни с прожектором.

— Эй… эй… — Голос доносился откуда-то из руин.

Я пошла вперед, удивляясь тому, какая я смелая во сне, — в жизни я бы уже бежала куда глаза глядят, уж больно страшными казались руины. Присмотревшись, я заметила проем с окошком, верхний край которого едва возвышался над землей. Окошко было закрыто сеткой, а снаружи виднелось чуть заметное силовое поле.

Свечение этого поля позволяло разглядеть мне то, что было за окном. Там находилась комната, совсем крохотная, может, два на два метра, а то и меньше. Стены были бетонными, пол я рассмотреть не могла. К решетке с той стороны прижался мужчина. Выглядел он ужасно — осунувшийся, бледный, с длинными, спутанными волосами.

— Кто вы? — спросил незнакомец. — Вы не похожи на них. Откуда вы?

— Я Дария, — сказала я. — Я из Греции. Вам помочь?

— Да, — ответил он. — Вы сумеете позвонить? Я продиктую номер.

— У меня нет коммуникатора. Но я…

— Моя дочь в опасности, — перебил он меня. —

Я расследовал дело об исчезновении детей… подростков. Меня захватили, пытали…

— Кто?

— Не знаю. Они интересовались какой-то базой…

Внезапно вокруг стало светлее, а в ушах послышался гул. Он нарастал, и с ним нарастал свет. Теперь я видела руины в малейших деталях и хорошо рассмотрела своего собеседника, заметив у него на глазницах имплантированные сурдолинзы. Дорогая штуковина, используется топовыми журналистами и операторами для контроля изображения от вынесенных камер.

Мужчина продолжал говорить, но гул заглушал его слова. Расслышать удалось лишь «Проект», «дети» и «…в опасности». Потом мне показалось, что прямо над моей головой пронеслась «Изида» или кто-то из ее собратьев. Я испугалась, что меня заметили, а потому захотела стать невидимой, как Тень. И у меня получилось! Не знаю как, но я вдруг поняла, что невидима. Затем меня подхватил вихрь. Я вновь полетела куда-то…

…и оказалась у себя в боксе. Кроме меня там была незнакомая светловолосая девушка. Она держала в руках одну из моих фигурок (которые, кстати, остались в отеле, но во сне они все были в

боксе). Незнакомка рассматривала собственную копию.

— Похожа, — сказала девушка. — Только волос не хватает.

— Не было материала, — призналась я. — Леди Лёд, как вижу. Приятно познакомиться. Надеюсь, ты здесь не за тем, чтобы наградить меня каким-нибудь трудноизлечимым подарком?

Леди Лёд понимающе улыбнулась:

— Моя слава меня сильно опередила. Но я не такая зловредная. Кстати, зови меня просто Льдинка.

— Хорошо, Льдинка, чем обязана?

Отчего-то мне казалось, что появление Леди Лёд в моем сне не случайно. Случайности в моей жизни закончились с появлением Немезис.

— Думаю, ты способна нам помочь, — сказала Льдинка. — Вот только пока не знаю как.

Она осторожно поставила свою восковую копию на полочку.

— Это твоя сверхспособность? — спросила Леди Лёд. Я кивнула. — И в чем она заключается? Кроме того, что ты создаешь чертовски похожие скульптурные копии незнакомых тебе людей?

— Ты знаешь, что такое вуду? — задала встречный вопрос я.

Льдинка кивнула, а потом уставилась на меня с интересом:

— Хочешь сказать, что, если ткнуть иголкой в глаз моей кукле, я могу ослепнуть?

— Не знаю, — честно призналась я. — Никогда не пробовала.

— А ты крутая, подруга, — присвистнула Льдинка. — С виду такая няшка, а зубки, пожалуй, похлеще моих будут… — Потом, внезапно смутившись, потупилась: — Прости… манеры у меня, как у марокканского грузчика.

Я дружелюбно улыбнулась:

— Не знакома ни с одним марокканским грузчиком, потому не могу сравнивать. И не надо извиняться — ты мне даже польстила. Хотя раньше я мечтала о таком же даре, как у тебя…

— Проблемы с родственниками? — подмигнула Льдинка. — Как и у всех нас… Думаю, та девочка, которая спит в обнимку с симпатичным котенком и кажется мне смутно знакомой, не вспомню откуда, тоже с родителями была не в самых лучших отношениях. Тут все такие — либо сироты, либо с родственниками какие-то проблемы… — Она подошла ближе. — Но если ты их не колола иголками, то что же с ними делала? На что одни годны?

— Смотри, — сказала я, беря с полки ее фигурку и проводя кончиками пальцев по руке, от плеча до запястья, — чувствуешь?

— Щекотно, — сказала Льдинка. — Ну-ка, перестань!

— Но и это еще не все, — продолжила я. — Однажды я сделала фигуру Немезис, и…

— Немезис? — переспросила Льдинка. — Античной богини мести, что ли?

— Нет. Одной из кураторов. Красивая такая, темноволосая, курит…

— А, Нинель… Она всем по-разному представляется, но всегда на букву «Н» почему-то. И что?

— И она ожила, — сказала я. — Так я здесь и оказалась.

— Гонишь, — не поверила мне Льдинка. — То есть как, просто взяла и вышла здесь, на базе?

— Ага, — ответила я.

— А я на «Изиде» прилетела, — протянула Льдинка. — Интересно… так вот что имела в виду моя фича…

— Кто? — удивилась я.

— Фича. Как бы тебе объяснить…

— Кажется, пора мне представиться, — раздался голос ниоткуда. — Милая леди, как вы относитесь к кошкам?

С этими словами между мной и Льдинкой материализовалась здоровенная дикая кошка (кажется, такие называются барсами, но, может, я путаю).

— Разрешите представиться, — заметил барс. — Арвен, фича вот этой бездельницы. Мы — ваша персонализированная сила. Можно считать нас своими воображаемыми друзьями, хотя есть одно «но»: мы существуем в объективной реальности, так что, если я полосну кого-то когтями, это будет как минимум болезненно.

— Я же просила ее не пугать! — шикнула на Арвен Льдинка.

— А она что, испугалась? — ехидно ответила Арвен.

— Ух ты, — вздохнула я. — Хочу и себе такую фичу.

— Пойми, у тебя она уже есть, — возразила Арвен. — Просто ты пока не умеешь ее призвать.

— А как научиться? — заинтересовалась я.

Барс посмотрел на меня странным взглядом:

— Понятия не имею. Полагаю, для этого надо достигнуть какого-то внутреннего уровня развития. Я даже не могу тебе подсказать, как выглядит твоя фича, каждый из вас сам придает ей форму.

— Разве не все фичи выглядят так, как ты?

— Не. У кого-то это планшет, у кого-то мопед, а моя хозяйка выбрала маленький брелок в виде рыси, доставшийся ей от родителей…

— Рыси? — удивилась я. — Разве ты не барс?

— От родителей? — не меньше моего удивилась и, кажется, опечалилась Леди Лёд. — Ты не говорила мне об этом…

— От настоящих родителей, — уточнила Арвен. — Предвосхищаю следующий твой вопрос — об этом я знаю не больше твоего. Тогда я была просто странной игрушкой безымянной, но память материала сохранила отпечатки двух людей, и один из них был твоей биологической матерью.

— А другой — отцом? — спросила Леди Лёд.

— Не знаю, — честно ответила рысь. — Я помню твою мать, помню ее боль, когда ее тело рвали на части четыре аппарата Ройзельмана…

Я ужаснулась, хотя и не поняла ни слова из сказанного. Кажется, моя новая знакомая поняла больше:

— Четыре? То есть у меня есть братья? Сестры?

— Четыре, по числу конечностей, — загадочно ответила рысь (ну пусть будет рысь, какая разница?). — Насчет братьев ничего сказать не могу, ты родилась первой, и я потеряла контакт с твоей

матерью. Я немного пошарилась по здешней Сети — кажется, женщины редко переносили столько «беременностей», умирали после второй-третьей. Но, возможно, у тебя есть братья или сестры, кто знает?

— А это можно как-то выяснить?

— Я попытаюсь, — пообещала рысь. — Но я всего лишь фича. Я даже в здешней Сети не везде могу проникнуть. Думаю, тебе стоит обратиться к…

И тут нас прервали — в нашей тесной компании появилась новенькая. Впрочем, для меня она была не такой уж новенькой.

— Что здесь происходит? — спросила Тень, возникая прямо из воздуха вместе со своим Талисманом. — Дария, не представишь мне нашу гостью?

— Тень, это Леди Лёд, — сказала я, — и ее, мгм…

— И ее фича Арвен, — отрекомендовалась рысь. — Здравствуй, Тень. Привет, Талисман.

— Арррвен, — мурлыкнул Талисман. — Рад, что у тебя есть имя.

— А у тебя — образ, — ответила рысь, подходя к Тени. — И довольно симпатичный.

— Что здесь происходит? — Тень была явно сбита с толку. — Талисман, ты говорящий?

— Пока только во сне. — Котенок спрыгнул с рук Тени, подошел к рыси и ткнулся лбом ей в грудь. Та облизнула малышу шейку и темечко. — Я пока не такой сильный, как Арвен, но еще вырасту.

— Короче, Тень, это долгая история, — попыталась объяснить я. — Начну с того, что мы спим…

— Черта с два, — возразила Тень. — Я проснулась и увидела, что тебя нет в комнате. Решила поискать, на всякий случай сделалась невидимой и пошла в боксы…

— Тебе никогда раньше не снилось, что ты просыпаешься? — хмыкнула Леди Лёд. — Такое бывает, особенно у нас. Разве ты наяву могла бы стать невидимой?

— Она может, — подтвердила я. — Сверхспособность такая.

— Ни фига себе! — удивилась Леди Лёд. — Черт возьми, классно! Хотела бы я так же уметь…

— А что умеешь ты? — заинтересовалась Тень.

— Насылать болячки, — ответила Леди Лёд. — И лечить их.

— Тоже круто, — признала Тень. — Если бы я так умела, моя маман, простите за грубость, из сортира не вылезала бы.

Леди Лёд засмеялась и хлопнула Тень по плечу:

— Наш человек!

Странно, когда она это проделала, я почувствовала укол ревности и инстинктивно придвинулась к Тени. Не знаю, что меня выдало, может, выражение лица? Но Леди Лёд встревоженно глянула на меня и спросила:

— Дария, что-то не так?

Я сама не понимала, что не так, потому выдала первое, что пришло на ум:

— Смотрю на вас и думаю: я, наверно, какая-то неправильная. У вас фичи есть, а у меня нет…

— Нашла о чем печалиться! — весело фыркнула Леди Лёд. — Нет — так будет. — Она отвернулась, может, чтобы посмотреть на двух кошек, тихонько общающихся между собой на своем кошачьем.

— У меня никогда не было никого близкого. Я… между мной и другими людьми всегда стояло что-то вроде стекла, я их видела, но они находились по ту сторону преграды…

Я поняла, что она описала мои чувства, и инстинктивно обняла Льдинку, почувствовав руку Тени, обнявшую ее с другой стороны.

— Думаю, не ошибусь, если скажу, что мы все здесь такие, — тихо сказала она. — Девочки, давайте не будем разлучаться! Станем держаться

вместе!

— Вам хорошо, — вздохнула Льдинка. — Когда вы завтра проснетесь, расскажете друг другу свои сны, то поймете, что все было на самом деле… а может, и не было. А я…

— Мы найдем тебя, — пообещала я. — Правда же, Тень?

— Конечно, — ответила та. — Обязательно найдем. Слушай, перебирайся к нам. У нас в комнате есть свободное место!

Льдинка вздохнула:

— Не могу, девочки. Хотела бы, но не могу. Я ведь обещала Олге защиту.

Мы с Тенью, не сговариваясь, спросили:

— Олге? А кто это?

И Льдинка стала рассказывать.

— Действительно странно, — произнесла Тень, когда та закончила. — Как по-твоему, кураторы ошиблись?

Дело в том, что Олга была девочкой нашего возраста, но, по словам Тени, подтвержденным Арвен, не имела никаких сверхспособностей. К тому же в отличие от нас и, как я поняла, остальных участников Проекта она не являлась сиротой и отношения с отцом у нее были более чем хорошие.

— Похоже, кураторы прекрасно знают, что Олга не из наших, но зачем-то приволокли ее на базу. Чистой воды киднепинг, — задумалась Леди Лёд.

— Так, может, она просто пока себя не проявила? — предположила я. — Вот у меня тоже фичи нет…

— Есть она у тебя, — перебила Арвен. — Безымянная, безликая, но она была с нами в Швейцарии. Скажи, Талисман.

— Где? — не поняла Тень. — Талисман, мы с тобой в Швейцарии не были.

— Мы с тобой не были, — кивнул котенок, — но я был там с Арвен и другими…

— Зачем? — удивилась Тень.

— Они вытаскивали какого-то парня, насколько я поняла, — пояснила Льдинка. — Там были и другие фичи — какой-то Цезарь, какой-то Купер… Цезарь — это мопед, представляете?

— Ну мопед, и чему тут удивляться? — фыркнула Арвен (они с Льдинкой даже фыркали похоже). — Купер вообще планшет, и что?

При упоминании о планшете по имени Купер мое сердце ёкнуло.

— Мопед? — переспросила я. — Точно не мотоцикл?

— Я в технике не особо разбираюсь, — заметила

Арвен. — Если хочешь, могу погуглить в здешней базе данных. Потом, сейчас я не подконнекчусь.

— Я сейчас подконнекчусь, — сказала я, почти интуитивно вызывая… Это было как голографический планшет, но без планшета. Голограмма Сети летала между нами, как золотой шарик, и в центре сидела фигурка, похожая на танцующую Тень.

— Ну вот, — вновь фыркнула Арвен. — А говорила, что у тебя нет фичи…

Я с недоумением посмотрела на рысь:

— И что же, моя фича — вот этот шар?

— Не совсем. — Сначала я подумала, что говорит Тень, но та молчала, удивленно глядя на голограмму. Голос исходил из нее.

— С твоего разрешения я покину свой пост на время? — спросила маленькая Тень, выныривая из золотого шара. — Все равно у меня связь с сеткой, даже без этой милой штуковины.

На настоящую Тень я старалась не смотреть. Впрочем, на ее золотистого двойника, обнаженного, не считая пуантов, тоже.

— Тень, я не знаю, почему так произошло! — честно призналась я.

— Надеюсь, это не означает, что ты испытываешь ко мне нечто большее, чем просто сестрин-

ские чувства, — ответила та, как мне показалось, строго. — Не то я стану бояться ложиться спать с тобой, хм, в смысле, в одной комнате.

А затем Тень звонко рассмеялась и ткнула меня в плечо ладошкой:

— Ну что ты, милая, я же шучу. Чего ты так смутилась?

— Может, тебе неприятно? — поинтересовалась я, все еще не глядя на нее.

— Да отчего? — удивилась та. — Я же обещала тебе попозировать, вот, считай, и попозировала…

Ее золотистый двойник тихонько откашлялся:

— Поскольку я веду свое происхождение от программы-бота, вынужден… вынуждена вернуть вас к ранее обсуждавшейся теме. Отвечаю на заданный вопрос: фича Цезарь, представляющая Микеле Солариано Росси, иначе Призрака, действительно была некогда мотороллером «Piaggio Tiphoon», но на уровне нашего существования перестроилась в последнюю модель мотоцикла-роадера «Харли-Девисон» модели «Силва Боб» из коллекции две тысячи пятьдесят седьмого года. Призрак всю жизнь мечтал хотя бы прокатиться на подобном мотоцикле. Добавочная информация: по объективным причинам именно на таком

мотоцикле, вернее, на довольно похожей его имитации из окрашенного воска скульптурный портрет Микеле присутствует в коллекции моей хозяйки… Минуточку…

Фича грациозно вспорхнула к полочке с коллекцией и подала статуэтку «рокера».

— Здорово! — восхитилась Льдинка.

— Ты это за ночь слепила, что ли? — удивилась Тень.

— Мы же во сне, — подсказал ей Талисман.

— Над этой коллекцией моя хозяйка работала последних два года, — пояснила моя фича (надо все-таки ей какое-то имя придумать, но какое?). Она взяла с полки фигурку Мерлина, и у меня перехватило дух.

— Отвечаю на незаданный вопрос: фича Купер, представляющая Поля МакДи, иначе Джинна, во всем подобна мне и представляет собой программу искусственного интеллекта. Дополнительная информация — Купер знает о моем существовании и активно интересуется мной. Также о моем существовании знает и Джинн, но он не в курсе, кому принадлежит сетевая программа, которой я была до недавнего времени. Совместно с Купером мы создали у Джинна стойкое впечатление о том, что я разработана девушкой-программистом,

что сильно увеличило интерес Джинна ко мне и моему разработчику. Однако коммуникация между ним и его фичей ненадежна — в глубине души Джинн все еще считает Купера «не более чем программой»: технари — удивительные консерваторы, и им сложно сформулировать динамический запрос…

Я кашлянула:

— Прости, я половины не поняла из того, что ты сказала. То есть ты и Купер пытаетесь подогреть его интерес ко мне? Зачем?

— А тебе бы этого не хотелось? — спросила золотая балерина, садясь в позу лотоса между Арвен и Талисманом. — Кстати, отвечая на еще один твой несформулированный вопрос…

— Не слишком ли активно ты разбалтываешь всем мои тайны? — остановила ее я, видя, что девочек (Льдинку и Тень) наш диалог веселит. Еще бы! Моя фича фактически выдавала секреты, в которых я сама себе еще боялась признаться.

— Да ладно, — примирительно заметила Льдинка. — Что она такого сказала-то? Ну, нравится тебе паренек, что это — преступление?

— По крайней мере, у меня от души отлегло, — поддержала ее Тень. — Я могу засыпать спокойно… раз тебе нравятся мальчики…

Я сначала хотела обидеться, но затем посмотрела на подругу и, облизнув губы, сказала с шутливой угрозой:

— А с чего ты взяла, что только мальчики? Видишь, какая у меня фича?

Тень притворно ойкнула и исчезла, затем появилась у меня за спиной и хлопнула по затылку. Льдинка рассмеялась, я тоже, потом и Тень, и лишь фичи смотрели на нас с недоумением…

— Между прочим, дорогие мои, вам пора спать, — нравоучительно заметила Арвен.

— Вот еще! — возмутилась ее хозяйка. — С чего вдруг?

— Во-первых, ваши физические кондиции еще требуют полноценного отдыха, — произнесла моя фича, пока остававшаяся безымянной, — во-вторых, и что более важно, ваша нервная система нуждается в отдыхе даже больше, чем тело, потому что…

— Она решила нас убаюкать, — сказала я девочкам. — Какая у меня занудная фича!

— Я лишь отражение твоей личности. — Мне показалось, что в голосе фичи прозвучала нотка обиды. — И потом, заботиться о тебе — моя прямая обязанность.

— Между прочим, девочки, лично я и правда

спать хочу. — Тень зевнула. — Даже не знаю, что с собой делать — и с вами пообщаться хочется, и на боковую тянет…

Талисман тем временем тихой сапой забрался на колени хозяйки и, когда она заговорила, поднял голову и сказал совершенно серьезно:

— Вот и ложились бы. Наговоритесь еще…

— А мы точно вспомним все, когда проснемся? — Глаза Льдинки тоже слипались.

— Не волнуйся, я об этом позабочусь, — пообещала рысь. — В конце концов, вы еще не решили, как помочь Олге. Так что…

Пока шел этот диалог, Тень свернулась калачиком, прижав к себе котенка, замерцала и исчезла. Я подумала было, что она применила свою сверхспособность, но почти то же произошло и с моей новой знакомой; Льдинка лишь успела прошептать:

— До утра, девочки. Я засыпа… — и, замерцав, исчезла.

Мы с моей фичей остались вдвоем.

— Я, честно говоря, тоже спать хочу… — сообщила я двойнику своей соседки. — Но боюсь засыпать.

— Почему? — спросила та.

— А если это только сон? Такой хороший…

— Находясь во сне, трудно убедить кого-то в реальности происходящего, — заметила тень Тени, — потому пойду от противного. Допустим, это только сон, но ведь наяву у тебя есть Тень и ваши с ней сверхспособности, правильно?

— Да, — согласилась я. — И что?

— А то, что с таким набором вы можете любой сон сделать явью. Леди Лёд реальна — что тебе мешает ее найти?

— А если наяву она окажется совсем не такой, как во сне?

— Если ты имеешь в виду ее характер, — сказала фича, — то я не понимаю, о чем ты беспокоишься? Характер человека изменяется в зависимости от отношений с другими людьми, разве нет?

— Не знаю, — пожала плечами я. — Мне кажется, ты умнее меня, я многого не понимаю еще…

— Я — это ты, — ответила фича. — Что есть во мне, то и в тебе есть. Мой тебе совет: поспи все-таки. Видишь ли, я ведь тоже хочу встретиться с тобой наяву.

— А это возможно? Расскажи — как.

— Тебе это даже легче, чем Тени. Все-таки Талисман — всего лишь восьмимесячный котенок, и его способности к коммуникации в реале ограничены, тогда как я — программно реали-

зованная система искусственного интеллекта. Просто напиши мне коммуникативный модуль — и можешь со мной общаться в любое время с помощью планшета.

— А я сумею? — усомнилась я. — Никогда не писала коммуникативных модулей, я и тебя из готовых элементов собрала…

— Сумеешь, — заметила фича, подсаживаясь ближе, чем я немедленно воспользовалась, чтобы прилечь, положив голову ей на колени. — Пока ты спишь, я накачаю нужных элементов, а с остальным ты точно справишься.

Я чувствовала, что сон мягкой, ласковой волной накатывал на меня. От фичи пахло теплым молоком и еще чем-то домашним. Я поймала себя на мысли, что не помню запаха своей матери — не знаю почему. Может, потому, что мы избегали такого близкого общения?

— И все равно я боюсь, — призналась я. — Боюсь, что проснусь в отеле и сном окажется вообще все — ты, Тень, Леди Лёд, Немезис…

— Ну, этого точно не произойдет. — Фича осторожно убрала прядь волос с моего лица. — Я существую, и твои подруги тоже. Разве что весь мир — это сон, есть такая философская концепция.

— Хочется найти Леди Лёд и ее Олгу, — пробормотала я, борясь со сном. — А вдруг мы их не встретим?

— Встретите, — обнадежила фича. — Во-первых, я уже установила ее физические координаты…

— А во-вторых?

— А во-вторых, все встречи не случайны, — продолжила она. — Всю жизнь вы шли друг к другу, а Немезис лишь ускорила этот процесс…

Я хотела еще что-то спросить, но волны сна сомкнулись у меня над головой.

— И придумай мне какое-нибудь имя, — послышалось сквозь пелену сна. — У всех имена есть, а я безымянная фича… обидно же…

* * *

Кажется, мы с Тенью проснулись одновременно. Во всяком случае, когда я приподнялась на кушетке, то увидела, что она тоже поднимается — словно отражение в огромном зеркале.

— Слава богу, ты реальна, — сказала я, глядя, как Тень перекладывает мирно дремлющего котенка на подушку.

— А какой я должна быть? — удивилась подруга, но, не дождавшись ответа, сказала: — Слушай, мне такое приснилось!

Я навострила уши.

— Короче, снится мне, что я просыпаюсь среди ночи, — продолжила она, но я ее перебила:

— А меня на месте нет. Ты испугалась и пошла меня искать.

Соседка вытаращилась на меня, словно видела впервые:

— Мммм… ты хочешь сказать… Блин, Дария, это ты изваяла?

— Что? — удивилась я, а потом поняла, о чем она — на моем столике, поверх выключенного планшета, стояла скульптура. Она была немного меньше моих обычных и изображала Тень — точно такую, как я ее видела во сне… в смысле, не ее…

Тень соскользнула с кушетки и взяла статуэтку в руки, а потом слегка покраснела:

— Здорово… только никому не показывай, хорошо?

— Разве что Льдинке, — ответила я. — Если она, конечно, существует.

— А ты сомневаешься? — удивилась Тень. — После того как мы видели, похоже, один и тот же сон?

— …was not all a dream, — сказала я, включая планшет. — Она обещала накачать мне материал

для коммуникационного модуля. А я обещала придумать для нее имя.

— Придумала? — спросила Тень.

— Кажется, да. Когда-то у меня была твоя статуэтка. Я тебе рассказывала, помнишь?

Тень кивнула.

— Я называла ее Эсмеральдой. Не возражаешь, если я так назову свою фичу?

— Наоборот, — ответила Тень. — Я только рада буду.

Фредди, Призрак, Джинн: нас ждут из темноты*Фредди*

В моем богоспасаемом приюте некогда жил брат Бартоломью. Пробыл он у нас недолго: через несколько лет я узнал, что к нам брат Бартоломью приехал умирать. Когда на шингунском атомном комплексе случился выброс, брат Бартоломью находился в числе тех монахов, кто вызвался принять участие в ликвидации последствий. Через пару лет у него, как и многих других, участвовавших в ликвидации, диагностировали целый букет неоперабельной дряни — белокровие, очаговый рак кожи, рак легких, печени, поджелудочной…

Наверно, брат Бартоломью сильно страдал, но ни разу ничем этого не выдал. Понятно, никаких послушаний на него не налагали, однако он сам вызвался заниматься с детьми, то есть с нами. Брат Бартоломью прекрасно рисовал и пытался нас научить, но у кого-то были проблемы с руками, у кого-то с головой… У меня ни с тем, ни с другим проблем не имелось, зато отсутствовал талант, и дальше «палка-палка-огуречик» не

пошло.

Тем не менее нельзя утверждать, что эти уроки оказались совершенно бесполезными, — из них я вынес свои первые знания об анатомии, перспективе, узнал, что такое глазомер и прочая, и прочая. Да и вообще брат Бартоломью был человеком умным и добрым и многим со мной поделился.

Помню, однажды он рассказывал нам, как рисуют дети. Рассказывал так смешно, что смеялись даже те, кто обычно никогда не смеялся.

Одну из его фраз я впоследствии вспоминал довольно часто. «Уши, — говорил брат Бартоломью, — рисуют те, у кого они хотя бы раз болели, остальные о них забывают». Позже я понял, что этот принцип можно распространить на очень многое, не ограничиваясь детьми и рисованием.

Например, о дыхании мы вспоминаем только тогда, когда с ним начинаются проблемы. Пока все нормально, мы просто дышим. Когда я понял это, то осознал, почему не хожу. Когда человек ходит, он не думает о том, как переставлять ноги, его действия механические. А мне эту программу стерли в раннем детстве с помощью мощного шокера. Стерли напрочь, и скачать было негде.

Открою вам маленький секрет: ходить я так и не научился. В том понимании, в каком ходите все вы.

Тем не менее я старался тренировать мышцы, в том числе мышцы ног, которых не чувствовал. Специально давал себе максимальную нагрузку, надеясь, что когда-нибудь количество перерастет в качество. Но порой на меня накатывало глухое отчаяние. Пусть никто на белом свете не ведал, что я калека, что никакого чуда со мной не произошло, — я-то это знал!

Но говорят, нет худа без добра. Размышляя над тем, как я хожу, сопоставляя с тем, что знаю, я понял: это действительно результат действия моих сверхспособоностей, конкретнее — телекинеза. Придя к такому выводу, я стал исследовать свою способность, поднимая и передвигая предметы силой воли. Сначала получалось не очень — всему виной было внутреннее недоверие, что я могу, например, поднять стоящую на столе термокружку. Когда же я преодолел этот барьер, то столкнулся с тем, что у моей сверхспособности имелись пределы: кружку было поднять проще, стул сложнее, стол — почти невозможно, а кушетку невозможно вообще, потому, что она привинчена к полу.

...мой полет в пропасть занял пару секунд, не больше, но иногда пара секунд — это очень долго. И упал я довольно неприятно, ушибясь локтем и, возможно, коленом и бедром. Последнего я не почувствовал, а первое было болезненно.

Вернув себе контроль над телом, я поставил себя на ноги и тихонько скатился к стене — пол там, где я находился, оказался более наклонным, чем на том уровне, где мы с ребятами проходили до того. Блин, ребята! Они ведь тоже могли сорваться!

Я вскинул голову и увидел очень далеко вверху звездочку — должно быть, летучий фонарик Джинна.

—

ЭЙ! — заорал я что есть духу. — ОСТОРОЖНЕЕ!

Ответило мне только эхо... черт, черт, черт... и почему я не остановил их?! Лезть в эту... как там выражался Микеле? Bucca di culo, кажись... так вот, лезть в эти невесть кем построенные и давным-давно заброшенные переходы было чистейшим безумием!

— Эгей! — слабо донеслось сверху. — Фредди, ты жив?

Думаю, это звучало так, хотя слов было почти не разобрать. Сколько же я пролетел? И как отсю-

да выбираться?

Пока я размышлял над этим, свет сверху начал спускаться. Сначала я подумал, что мне просто показалось, но потом стало очевидно: фонарик все-таки опускается. Зачем, интересно? И главное, как там Джинн с Призраком — темнота здесь царила просто кромешная…

Призрак

Меня как будто дубинкой по темечку приголубили. Вот только что я говорил с Фредди, а теперь он пропал, словно его и не существовало.

Я развернулся к Джинну — даже в полумраке было заметно, как он побледнел.

— Джинн, где Фредди? — Я понимал, что задаю дебильный вопрос, но ничего не мог с собой поделать. — Куда он делся?

Вместо ответа Джинн кивнул, и его летающая лампа опустилась ниже, осветив дыру в полу, по которому мы шли.

Джинн наклонился над дырой и крикнул что-то вроде «эй, Фредди, ты жив?»… Ответом ему была тишина. Bucca di culo!

— Звука падения я не слышал. — Голос Джинна звучал непривычно глухо. — Если он упал, почему не было звука? Если летит — почему молчит?

И тут снизу донесся какой-то нечленораздель-

ный вопль. Я ни слова не разобрал, но на крик боли было не похоже.

— Ты что-то расслышал? — спросил Джинн с явным облегчением. — Вроде живой, но не разбился ли?

— Нет, — ответил я. — Кажется, он слишком далеко…

Джинн тем временем достал и активировал планшет. В голообразе тут же возникла фигура, отдаленно напоминающая Наномена, супергероя из графических новелл бессмертного Марвелла.

— Купер, — обратился к нему Джинн, — у нас проблема.

— Я в курсе, — ответил Купер, который был фичей Джинна. — Ваш напарник Фредди провалился на ненадежном перекрытии. В настоящий момент он, по моим оценкам, находится в двух тысячах футов ниже уровня, на котором мы пребываем. В сознании, но состояние здоровья оценить не представляется возможным.

— Спасибо, — хмыкнул Джинн. — А что-то такое, что я не знаю, ты можешь мне сообщить?

— У меня недостаточно периферийных устройств контроля в данной точке пространства, — спокойно ответил Купер. — В радиусе досягаемости обнаружено лишь одно пери-

ферийное устройство, пригодное для сбора информации, но…

— Устройство? — удивился Джинн. — О чем ты?

— В пятидесяти фунтах впереди и тридцати трех фунтах выше имеется устройство, оборудованное примитивными системами ориентации в пространстве, пригодными для сбора визуальной в видимом и инфракрасном диапазоне и радиолокационной информации, устройствами записи и воспроизведения информации, а также средством подсветки.

— Дроид твой он имеет в виду, — дошло до меня.

— И как ты планируешь его использовать? — спросил Джинн у Купера.

— Данное устройство, имеющее возможность трехмерного перемещения в пространстве, можно отправить к месту нахождения Фредди, — ответил Купер. — Расстояние позволяет мне контролировать устройство, когда оно достигнет указанной точки, — таким образом вы сможете установить аудиовизуальный контакт с вашим напарником.

— Отличная идея, — обрадовался Джинн, — придется, правда, посидеть в темноте…

— Che cazza, — выругался я. — Или ты темноты боишься?

…Честно говоря, даже и не представлял себе, что Джинн знает такие слова. Послал он меня ну очень далеко, а его дроид тем временем скрылся в проеме. Однако совсем уж темно не стало.

— Между прочим, — заметил Купер, — некоторое непродолжительное время роль осветительного устройства могу исполнять я. Хоть это и нежелательно, поскольку сильно разряжает батарею, быстрее, чем я успеваю ее заряжать.

— А от чего ты ее заряжаешь? — поинтересовался Джинн.

Нашел время! Как будто более важных вопросов нет. Например: если с Фредди все в порядке — хотя сверзиться с такой высоты и остаться в порядке, это, madre de putana, чудо сродни явлению Пресвятой Девы, — как его оттуда вынимать? У нас с собой ни веревки, ни фига. Эх, все-таки я scappare coglione — должен был подумать, прежде чем лезть в эту bucca di culo!

— От магнитного поля Земли, — пояснил Купер. — Мы ведь рядом с магнитным полюсом, удобно…

Джинн

Спуск моего аппарата был достаточно долгим:

мы с Купером боялись на что-нибудь напороться (мало ли какой внизу может быть выступ?) и двигались практически со скоростью планирующего пера.

Света от куперовского интерфейса хватало, чтобы видеть то, что происходит у нас на парапете… В принципе, ничего особенного. Разве что Призрак внезапно присел на корточки у края проема, обхватив колени руками и склонив голову.

— Не сиди близко к краю, — предупредил я. — Не ровен час, соскользнешь вниз.

— Да и пусть, — отмахнулся Призрак. — Лучше б я туда свалился.

И добавил что-то по-итальянски в собственный адрес. Судя по наличию хорошо знакомого мне cazzo, что-то не очень хорошее.

— Чего это ты? — удивился я.

Призрак, который всегда был даже чересчур позитивным, сейчас напоминал дерево, в которое саданула молния.

— А непонятно чего? — огрызнулся он. — Я вас сюда завел, che cazza, stronzo cretino, а пострадал Фредди.

Я подошел к нему и присел рядом. Вот чем хорош голографический планшет — крути его как хочешь, хоть под рубаху сунь, а голограмма

интерфейса все равно висит там, куда ты ее передвинешь. Теперь голова Купера плавала в паре футов передо мной и конкретно сейчас зависла над треклятым проемом.

— Вот что, Призрак, — сказал я. — Ты это дело брось, бро. Когда попал в фак'н'щит, спорить о том, кто виноват, самое последнее дело. Мой па в свое время говорил, что жертвы кораблекрушения не выясняют, почему корабль тонет, они спасаются. Чтоб я больше такого от тебя не слышал, бро, о'кей?

— Все равно. Сам себе этого никогда не прощу. Дались мне эти девки, словно не трахался раньше…

— Сказано же, забей, — гнул свою линию я. — Не об этом думать надо, а о том, как вытащить Фредди.

— Если он жив, конечно… — хмуро буркнул Призрак.

— Вот и дождемся, пока аппарат достигнет дна, а потом…

И тут «лицо» Купера в голограмме сменилось трехмерным портретом Фредди. У него была испачкана щека, на лбу — свежая ссадина, к счастью, небольшая, но выглядел он вполне живым и здоровым.

— Ну и на хрена мне ваш фонарик, народ? — спросил Фредди. — Темнота — друг молодежи, в темноте не видно рожи…

Я облегченно вздохнул, и Призрак тоже.

— Зато мы твою рожу очень рады видеть, — сказал он. — Что, трудно под ноги смотреть? Как мы тебя оттуда вытащим, ты подумал?

Фредди

— Вот что, — сказал я летающему фонарю, скрасившему мое одиночество (интересно, они там без света сидят, что ли?). — Я, кажется, говорил вам, что владею телекинезом? Ну так он у меня особенный — я бы его назвал «автокинез». Братва, я ведь на самом деле как был паралитиком, так и остался.

— Гонишь, — ответил голос Призрака. — Ты ж ходишь! Ходишь, бегаешь, лазаешь… сам видел!

— Я читер, — пояснил я. — Суть в том, что я поднимаю свои ноги силой мысли. Короче, если на этой стене есть хотя бы минимальные выступы, я себя вытащу. Может, не сразу, с перерывами…

— Интересно, скоро нас хватятся? — спросил голос Джинна.

— Когда в августе снег пойдет, — раздраженно ответил Призрак. — Думаю, кишка тонка у них сюда забираться, потому они все проходы и поза-

крывали, paccі di merde…

— Бро, мы в Антарктиде, здесь снегопад круглый год, — возразил Джинн. — Думаю, они сюда забирались…

Я откашлялся:

— Джинн, можешь поднять свою штуковину метров на сто вверх, только медленно? Хочу посмотреть, как выглядит эта стена.

— Не вопрос, — ответил Джинн. — Когда начинать?

— Да хоть сейчас, — сказал я, и «летающий фонарь» начал подниматься.

Сперва все шло хорошо — метрах в пяти от места, где я находился, обнаружился длинный и на удивление прямой выступ. Зажмурившись, я представил себе, что у меня выросла еще одна пара рук, причем они могли растягиваться, как у Буммера[63]. Этими «руками» я ухватился за выступ и попытался подтянуться.

Было так трудно, словно я прицепил к ногам два бетонных блока, но в конечном итоге мне все-таки удалось. Я взглянул туда, куда уплыл

---

[63] Примечания: 63

Буммер — сверхчеловек, персонаж одноименной серии комиксов Марвелл работы Джеффа Валенштейна. Валенштейна упрекали, что его герой украден им из какого-то старинного издания комиксов, но никаких доказательств этому так и не нашли.

фонарик Джинна. И чуть не свалился обратно — на стене виднелась надпись.

…одним из первых посещенных мной сайтов в Интернете был виртуальный музей искусства и быта индустриальной эпохи. Там на каждом предмете красовалось такое же. Виртуальный экскурсовод объяснил, что это называется «штрих-код» — один из первых «машинных алфавитов», вроде современных QR. Штрих-кодами записывались название товара, производитель и цена. Так вот, прямо передо мной, на высоте около двух метров, на стене был нанесен именно такой «штрих-код», вот только выглядел он… так, словно этой надписи много-много лет, тысячи или больше. Тем не менее ряд черт разной длины оказался хорошо различим. Я приподнялся над парапетом, используя свои телекинетические способности и тратя драгоценные силы, только для того, чтобы рассмотреть надпись поближе.

Она состояла из длинных и коротких «канавок», сгруппированных по семь штук. Казалось, эти штрихи нанесены на камень не механически, а с помощью какого-то инструмента вроде лазера. Ширина канавки была такой, что в нее входил палец.

Сил надолго не хватило, пришлось опуститься

вниз. Летающий фонарь тоже прекратил подъем и завис метрах в тридцати надо мной. Вероятно, Джинн заметил, что я не двигаюсь, и решил подождать. И правильно — мне требовалось перевести дух и подумать.

Джинн

— Ну, чего он там застрял? — спросил я.

Фредди, поднявшийся на несколько метров выше, стоял на узком парапете и задумчиво смотрел вверх.

— Судя по всему, отдыхает, — ответил Купер. — Телекинез — штука энергозатратная.

— Ты откуда знаешь?

— Замерял его показатели, на базе еще, — отчиталась моя фича.

— В принципе, мы и сейчас на базе, — напомнил я. — В заброшенной ее части. Кстати, всезнайка, что ты можешь сказать об этом месте?

— Ничего, — ответил тот. — Ни с чем подобным не сталкивался. Туннели искусственного происхождения, но, кажется, доступные мне сенсоры не слишком подходят для исследований подобных объектов.

— Почему? — удивился я.

— Мне поступает недостоверная информация. Либо геология Антарктиды сильно отличается от

геологии остальных материков, что вряд ли, либо я неправильно интерпретирую данные.

— Слушай, Джинн, твоя фича по-человечески выражаться умеет? — хмыкнул Призрак, который, не зная, чем заняться, ходил туда-сюда по парапету. — Без всех этих интер… трепаций.

— Если верить моим сенсорным впечатлениям, — произнес (как мне показалось, с обидой) Купер, — люди появлялись здесь не позже чем восемь-десять тысяч лет назад. Я сужу об этом, исходя из многих данных, от строения слагающего стены туннеля базальта до структуры образцов ледяных включений в стенах и потолке.

— И что? — не понял Призрак.

— Десять тысяч лет назад людей не было даже в Австралии, — пояснил я, — а Антарктиду, как и сегодня, покрывал лед. К тому же человечество той эпохи не обладало технологиями, способными создать такой комплекс.

— Ладно, — отмахнулся Призрак. — Все это очень сложно. Я так понимаю, что, по мнению твоей фичи, это место построили какие-нибудь атланты или инопланетяне, но мне это, прости за откровенность, до задницы. Сначала вытянем Фредди, а потом будем думать, кто эту bucca de culo diablo построил и на кой черт он это сделал.

— Но… — я хотел было возразить, однако Призрак перебил:

— Или ты думаешь, что зеленые человечки, хрен знает сколько лет назад побывавшие или не побывавшие здесь, помогут решить нашу проблему? Che cazza, даже если все святые, вооружившись лопатами, вырыли эту яму, мне пофиг. Есть дела поважнее.

— Ну, может, ты и прав, — признал я. Честно говоря, мне это было не совсем понятно. Я отвернулся к Куперу, но через некоторое время Призрак внезапно схватил меня за плечи и сдавленно прошептал:

— Джинн… Cazzarolla, мы здесь не одни!

Фредди

В нашем приюте… Интересно, долго я еще буду его вспоминать? Впрочем, кроме приюта мне, по сути, и вспоминать нечего.

Так вот, в нашем приюте штатным воспитателем был брат Августин — пухлый розовый сангвиник, несмотря на то, что он исправно постился и не избегал физического труда. Брату Августину нравилось возиться с детьми (однажды я узнал, что давным-давно у него было четверо своих, но его семья погибла в знаменитом майском крушении, когда новый «Боинг-Констеллейшен»

промахнулся мимо аэропорта и упал на жилые кварталы Рио).

Августин имел ирландские корни и хорошо знал ирландские сказки, которые пересказывал нам, ничуть не заботясь о том, чтобы сделать их менее пугающими или более приличными. Среди многочисленной ирландской нечисти фаворитами Августина были призраки. Историй о призраках у него имелось несчетное количество. Однажды, когда я подрос, Августин слег с пневмонией. Ухаживая за ним, я понял, почему он так любил эту тему. Он очень тосковал по погибшей жене и детям и хотел бы увидеть их — пусть даже это стоило бы ему, как героям его сказок, жизни.

Как я уже сказал, я обладаю хорошей памятью, в результате чего моя голова представляет собой огромную, но плохо систематизированную копилку знаний, полезных и совершенно ненужных. Из историй о призраках я вынес вывод: если к тебе явился потусторонний гость, ни в коем случае нельзя проявлять интерес, страх или удивление. Веди себя так, словно ничего особенного не происходит…

…я заметил ее боковым зрением и медленно обернулся. Неподалеку, внимательно глядя на меня, стояла девушка. Красивая, пожалуй, даже

очень красивая. Откуда она здесь? Неужели это место обитаемо?

Присмотревшись, я заметил две вещи: во-первых, на девушке был стандартный костюм Проекта, такой же, как на мне, но женского фасона, приталенный и с выточкой под грудь. Во-вторых, в отличие от меня, изо рта у нее не шел пар при выдохе, хотя в пещере была отрицательная температура.

Призрак? Может, кто-то из участников Проекта, подобно нам, забрался в эти туннели, погиб и теперь бродит по пустынным коридорам, не осознавая, что умер? Внутри меня похолодело, но, очевидно, слово «призрак» включило какую-то синаптическую связь в моей памяти, выдав на-гора мысль: надо вести себя естественно. Ни интереса, ни удивления, ни страха…

— Вы ранены? — спросила девушка встревоженно. — Где мы? Что происходит?

— Не обращайте внимания, — ответил я. — Просто царапина. Вы лучше на это посмотрите.

Я показал ей на стену, на обнаруженную мной надпись. Летающий фонарь Джинна тем временем спустился чуть ниже, хорошо осветив канавки в камне.

— Штрих-код? — спросила она, подтвердив мою

ассоциацию.

Я улыбнулся и попросил ее запомнить увиденное.

Опять-таки, у брата Августина я почерпнул еще два факта. Во-первых, призраки не в состоянии запомнить что-либо, у них нет памяти как таковой. Во-вторых (правда, это относилось не к призракам, а к вампирам), чтобы сбить нечисть с толку, нужно заставить ее что-то подсчитать, прочитать, в общем — переключить внимание с себя. Это сработало — призрак двинулся ко мне, не сводя глаз с надписи, но с каждым шагом его… ее контур становился бледнее, а затем и вовсе расстаял.

— Ну и дела, — сказал я себе.

Надо узнать, не зафиксированы ли на базе несчастные случаи. Если эта девочка погибла и лежит где-то в подземельях непогребенная, клянусь, что найду ее тело и похороню по-человечески. В конце концов, она была такая красивая…

Призрак

Madre de putana, это еще что такое?

Планшет Джинна освещал коридор метров на пять, зато за пределами освещенного круга темно было как сами понимаете где. И вот в какой-то

момент у меня появилось чувство, что за нами из этой темноты кто-то наблюдает.

И, cazza de diablo, этот «кто-то», похоже, находился у меня за спиной. Я повернулся и ничего, понятно, не увидел, но ощущение не пропало. А кто может на тебя пыриться из кромешной тьмы, царящей в этой bucca di culo? Явно не Каспер, доброе привидение, налепленный на джинновском планшете вместо яблочного логотипа.

Спрашивается, i quo cazza этот stronzo Джинн с его фичей пугали меня своими рассказами про зеленых человечков? Между прочим, я тоже ужастики смотрю, и научно-фантастические в том числе. Я представил себе Чужого, вылезающего из темноты у меня за спиной, и нервно сжал «беретту», прекрасно понимая, что в столкновении с Чужим от этого оружия толку не больше, чем от рогатки. А на память, чертовски кстати, один за другим приходили сюжеты ужастиков, действие которых проходило в здешних краях. Я, конечно, понимаю, что все это выдумки сценаристов с целью нарубить бабок, раз людям нравится пугаться, но ведь дыма без огня-то не бывает!

Я стоял, прислушивался и жамкал «беретту», пусть бесполезную, но родную. Меня лично оружие всегда как-то успокаивает. С пистолетом

если и умрешь, то как мужик, а не как дрожащий щенок… Отчего-то я даже пожалел, что рядом нет Цезаря. Джинну-то хорошо, он планшет под мышку сунул, и его фича при нем, а я ж не буду рассекать на Цезаре по базе, правильно?

И тут я явственно услышал шорох у себя за спиной. Я резко развернулся, ровно настолько, чтобы заметить две красные точки на уровне глаз. До твари оказалось метров пять, не больше, и я хотел было сперва шмальнуть, а потом разбираться, но потом подумал — вдруг спровоцирую нападение?

Я отступил к Джинну, схватил его за плечо и прошептал:

— Джинн… Cazzarolla, мы здесь не одни!

Джинн обернулся, но ничего сказать не успел. «Глаза» вспыхнули вновь, и их обладатель шагнул прямо на нас.

Джинн

Призрак вскинул «беретту» и спустил курок — безрезультатно. Он повторил этот процесс еще раз, еще, еще… Без толку — кажется, пистолет забыл, как стрелять.

— …нормальный воспитатель на моем месте впаял бы вам по паре штрафных очков, — донесся из темноты спокойный, уверенный голос. — А

тебе, Призрак, вдвое больше. В большом мире подросток с оружием считается преступником apriori. Да опусти пистолет, все равно не выстрелит…

— П-почему? — обалдело спросил Призрак у вышедшего в круг света мужчины.

— Капсюль у патрона не наколется, — объяснил тот, отводя руку парня. — Я сделал его инертным. И порох на всякий случай тоже.

Мужчина оказался хорошо сложен, у него было лицо, какое видишь у киношных положительных героев, — открытое и аристократичное. Вообще он выглядел именно как аристократ и даже одет был как аристократ — чуть старомодно, но со вкусом: черный двубортный пиджак, черные классические джинсы, туфли… Лет мужчине было между сорока и пятьюдесятью, точнее сказать трудно.

Стоп! Я не сразу понял, что меня смущало, но потом все-таки до меня дошло. На нас с ребятами были проектовские комбинезоны. Даже без шлема они неплохо защищали от холода, но все равно мороз чувствовался. А наш новый знакомый дефилировал в одном костюме, без куртки, не говоря о перчатках. И только пар от его дыхания свидетельствовал, что мы с ним находимся в

одной и той же реальности.

— Это почему еще? — полез в бутылку Призрак. — У меня патроны нормальные!

— Призрак, — перебил его я, — тебе же сказали: наш новый знакомый сделал инертными капсюль и порох. Понимаешь?

— Нет, — честно признался сосед по комнате.

— Он тоже участник Проекта, — пояснил я и, обернувшись к неизвестному, уточнил: — Правильно?

— Oui, mais non, — улыбнулся тот. — Думаю, вы поняли. Надин говорила мне, что вложила в вас программу-транслятор.

У меня глаза на лоб полезли:

— В каком смысле? Вы хотите сказать, что нас… перепрограммировали? Разве человека можно перепрограммировать?

— Есть многое на свете, друг мой Джинн, что и не снилось вашим мудрецам, — улыбнулся незнакомец. — И еще больше того, что они замалчивают. Итак, Джинн, Призрак… А где Фредди, ваш друг?

Я потупился:

— Видите ли, сэр… у нас проблема…

— Ах да, понимаю, — ответил мужчина. — Видимо, он свалился в эту симпатичную шахту.

Судя по всему, он жив и даже цел… Друзья мои, должен заметить, я вами доволен. Конечно, ваш поход граничит с безумием, но не преступает эту границу. Более того, открою маленький секрет — в Проекте мы лояльно относимся к попыткам нарушить наши правила. Конечно, к успешным попыткам. И хоть вашу попытку успешной не назовешь, повторяю, я доволен. Спешу сообщить — еще до официального старта вы заработали себе по десять очков. Потом узнаете, что это такое, а пока, полагаю, стоит помочь вашему незадачливому другу.

— А вы можете? — с надеждой спросил Призрак, и если бы он не озвучил это первым, я задал бы тот же вопрос.

Мужчина широко улыбнулся:

— Сразу предупрежу — это против правил Проекта, так что не думайте, что всякий раз, когда вы попадете un mucchio enorme di merde, придет кто-нибудь из кураторов и вытащит вас за шкирку. Нет, вляпались — выбирайтесь сами: хотя бы потому, что всю жизнь вам подтирать задницу никто не будет. Но поскольку правила игры еще не объявлены, сделаю исключение. На этот раз. Но лишь при условии, что вы зарубите себе на носу: ваши проблемы — результат вашего выбора и

решить их можете только вы сами. Кроме того, с вероятностью процентов семьдесят Фредди рано или поздно и сам выбрался бы наверх, но мы не можем ждать, пока это случится, — через сорок минут официальный старт Проекта и вы трое в числе приглашенных. Так что…

Фредди

А еще говорят, что явление призрака часто бывает предзнаменованием… Не успел я перевести дух, как фонарь Джинна опустился ниже, и оттуда донесся голос:

— Фредди, внимание! К нам пришла подмога. Сейчас мы попытаемся тебя вытащить.

— Как? — спросил я.

— Понятия не имею, — ответил Джинн. — Тебе велено, хм, расслабиться и попытаться получить удовольствие.

— Звучит устрашающе, — признался я. — Но я попытаюсь.

Вообще труднее всего расслабиться именно тогда, когда тебе велят делать это. Я поступил просто — снял контроль за ногами и по стеночке сполз на пол. Но не успела моя пятая точка коснуться пола, как какая-то сила резко швырнула меня вверх. Взмыл я высоко: подлетел над тем местом, откуда упал, и увидел стоящих на краю

шахты Джинна, Призрака и еще кого-то мне неизвестного. А потом я ухнул вниз и, промчавшись мимо изумленных приятелей, полетел прямо в бездну.

На сей раз я падал дольше, намного дольше. Честно говоря, я не понимал, что происходит. Если мне хотят помочь, зачем зашвырнули обратно? А главное, как? Посмотрев вниз, я увидел приближающееся дно пещеры. Оно было слабо освещено, как сцена театра перед началом спектакля. Впечатление усиливало покрытое льдом озеро идеально круглой формы, словно нарисованное циркулем, а вокруг него — что-то, напоминающее занесенный снегом пустынный, заброшенный парк. Подходящие декорации.

Над самым дном меня вновь рвануло вверх так, что я испугался, что мои внутренности выскочат. Обошлось, однако я вписался-таки в стену, к счастью, погасив до этого скорость. Тем не менее удар был чувствительным; я кубарем покатился по парапету, шипя от боли в ушибленном боку, и вскочил на ноги, едва не рухнув опять в треклятую шахту, будь она неладна.

— А вот и Фредди, — сказал незнакомый мужчина, пожилой, но крепкий, как Кит Харринг-

тон[64]. — В следующий раз будь внимательнее, пожалуйста. Большой мир не такое безопасное место, как маленький монастырь.

— Если бы я искал безопасности, сэр, я бы в монастыре и остался, — ответил я. — Это вы меня выдернули из ямы?

— Я, — подтвердил мужчина. — Думаю, ты в состоянии оценить проделанную работу.

— Я восхищен, — честно признался я. — Я сам телекинетик, но мои способности по сравнению с вашими…

— Для того я и создал программу, — перебил меня мужчина. — Вы пока зерна, программа — плодородная почва, и только от вас зависит, какой урожай вы принесете. Будете стараться — сможете действовать не хуже меня. А теперь идем, мы опаздываем… ах да…

Он не делал никаких движений, но внезапно вокруг нас разлилось сияние, намного более яркое, чем то, что суммарно давали планшет Джинна и его летучий фонарь. Причем свет был комфортным для глаз и — как бы получше выра-

---

[64] Примечания: 64

Кит Харрингтон — актер, режиссер, продюсер. Академик Американской киноакадемии, шестикратный лауреат премии «Оскар». Несмотря на почтенный возраст (в 2056 году ему исполнилось семьдесят), продолжает сниматься, поражая зрителей прекрасной физической формой.

зиться? — равномерно распределенным, словно незнакомец включил кусочек дня. Видимого источника этот свет не имел.

Я заметил, что Джинн с Призраком тоже малость прифигели. Конечно, мы и сами имели сверхспособности, и, видимо, ребята, как и я, втайне считали себя какими-то суперменами, но новый знакомый настолько превосходил нас, что становилось стыдно, особенно мне. Я-то думал, что мой телекинез — это круто, однако даже на стенку залезть не смог, а этот такие кульбиты вытворяет — закачаешься…

В общем, я шел сзади, пристыженный, но и ребята, похоже, чувствовали себя не лучше. Кто здесь был царем горы, являлось очевидным.

Джинн

— Так вот, друзья мои, — произнес неизвестный, когда мы втроем поплелись следом за ним, — я не хочу предвосхищать то, что еще будет сказано, но немного поясню, почему вы получили свои очки. Как я уже говорил, инициативность и самостоятельность в Проекте не порицаются, а вознаграждаются, однако в дальнейшем учтите — нарушая правила, вы сами несете ответственность за последствия. Видите ли, я верю только в одну-единственную силу — в силу естественного

отбора. Потому упавший или встает сам, или остается валяться. Кураторы — не мифические ангелы-хранители и подтирать сопли за каждым из четырехсот учеников просто не успеют, даже если захотят. Надеюсь, это понятно?

Я кивнул. Еще бы, как тут не понять…

— Видите ли, я реалист, но при этом во мне есть нечто от идеалиста и романтика, — продолжал мужчина. — Как реалист, я понимаю, что многие из вас не выдержат обучения. Несмотря на те силы, что в вас заложены. Не все зерна прорастают даже в самой плодородной почве, не все проросшие приносят плоды. Но маленькая часть идеалиста во мне верит в вас. В каждого из трехсот шестидесяти пяти человек, которые, как я ожидаю, останутся в Проекте. В вас есть то, что нужно — здоровое упрямство и готовность идти до конца. Меня это не удивляет, а почему, поймете со временем. Могу лишь сказать, что вы и без меня знаете: все вы — улучшенная версия человека. Джинн, я слышал, тебе было интересно, что это за место? Твоя тулпа…

— Моя что? — не понял я.

— Вы называете это «фича», но издавна данное явление носит название «тулпа». Тибетские ламы умеют создавать тулпы, однако не могут

их контролировать — вы научились, даже без подсказок со стороны кураторов. Так вот, твоя фича совершенно напрасно интерпретировала полученные данные как ошибочные. Мы находимся внутри искусственного сооружения, самые древние части которого были построены около ста тысяч лет назад, а пруд, который видел Фредди, появился за семьдесят тысяч лет до того, как в Палестину сослали амбициозного римского прокуратора из Понта.

— Сэр, — попытался возразить я, — но современная наука…

И тут произошло нечто, что меня напугало. Я шел чуть впереди Фредди и Призрака и мог видеть профиль нашего сопровождающего. На миг его лицо исказил гнев. F'ck, мне даже показалось, что мужчина бросится на меня, что, с учетом того, как он швырял Фредди, было мама дорогая как опасно…

Но гнев отступил, и куратор улыбнулся:

— Ах, Джинн, очень прошу, не называй это посмешище наукой. Если ты вдумчиво проанализируешь новости последних десятилетий, то поймешь, что все достижения этого времени связаны исключительно с военными технологиями. А так называемая «теоретическая», «академи-

ческая» наука со времен Эйнштейна и Планка превратилась в закостенелую схоластику. Ты хотел сказать, что кроманьонцы, наши первые предки, появились около сорока тысяч лет назад, да?

— По уточненным данным, тридцать две тысячи лет, сэр, — заметил Фредди, который, как выяснилось, внимательно слушал наш разговор. — Не так давно комиссия профессора Йельского университета систематизировала все находки, и…

— О да, и они постановили, что было именно так, — хмыкнул мужчина. — Но вот вы идете по строению, известному как Вавилонская башня, и ей — свыше ста тысяч лет.

— Это Вавилонская башня? — Оказывается, Призрак тоже все внимательно слушал. — Che cazza, мы же не в Вавилоне!

— На самом деле Вавилон из библейского текста — это не название города, а характеристика места. Бабилим, врата неба… Не скажу, почему для наших предков эта точка стала вратами неба, но для нас с вами название очень удачное. Фредди, все дело в том, что человечество долго не покидало этого материка, не имело такой нужды; когда же климат изменился и Антарктиду по-

крыло льдом — не знаю, почему это произошло, все случилось быстро, — люди вынуждены были искать себе новое место для жизни. Так кроманьонцы появились в Африке, в Европе…

— Madre de Dios, — вздохнул Призрак. — Не думал, что окажусь в Вавилонской башне. Тут нигде Ноев ковчег не завалялся?

Наш сопровождающий вопрос Призрака проигнорировал, а вместо этого сказал:

— Обратите внимание, какая ирония: если верить библейским сказочкам, их Бог здесь разделил языки, чтобы люди перестали понимать друг друга, а вы, когда прибыли сюда, вновь соединились. Мы с Надин обратили вспять проклятье, и теперь разные языки больше не мешают нам. Ворота в небо открыты!

Он остановился и сделал нам знак, чтобы мы тоже сделали это.

— История повторяется — наши предки, кроманьонцы, вышли отсюда, чтобы покорить всю землю. Они были новой ступенью эволюции, вы — следующая за ними ступень. И выйдете отсюда, чтобы покорить Небо. А теперь пора — думаю, в зале собраний сейчас не хватает только нас с вами, ребята.

Черная Королева: новая жизнь

Когда-то давно, почти два века назад, до изобретения кинематографа, основным групповым зрелищем был театр. Он сохранился до сих пор, хоть и изменился до неузнаваемости; теперь это зрелище из разряда элитных.

Более простым и доступным развлечением являются голографические постановки. Они ведут свой род от старинных кинотеатров.

Голографические постановки я смотрела всего несколько раз: ходила на мировые премьеры вроде «Последнего вампира Средиземноморья» или «Страха» (кстати, снятого по мотивам истории с кометой). Чаще я бывала в стареньких 3D-кинотеатрах, где нужно надевать архаичные очки. Там я пересматривала «Страх» с моим любимым Хэррингтоном в роли священника. Честно говоря, тогда я все это воспринимала как сказку и даже не увязывала с той историей о доме дьявола…

А оказалось, что эта «сказка» — непосредственно о моем происхождении. Страшная сказка, но, надеюсь, со счастливым концом.

…в Зал собраний я вошла, когда погас свет, но само представление еще не началось. Нтомби

указала мне на свободное кресло с краю и удалилась со своим пилотом, участником Проекта по прозвищу Бракиэль. Симпатичный «снежок», но как будто из-за угла мешком пришибленный. Между ним и Нтомби определенно что-то есть, он на нее так смотрит… а она к нему прижимается, как кошка, надеющаяся на сметану.

Я села в кресло, и меня окутала тьма. Абсолютная тьма, как до начала мира, но наполненная звуками — шорохами, перешептываниями. Наверное, в зале собралось немало народу.

Кресло было удобное, и я даже сумела расслабиться.

И вот там, где, по моим прикидкам, находилась сцена, появился слабо освещенный силуэт молодого мужчины, стоящего к нам спиной. Я узнала его моментально — это был Янек Погудский, исполнивший роль Феликса в моем любимом «Страхе». Сердце сжалось — я знала, что будет дальше.

— Программой «Дети R» было охвачено примерно десять миллионов женщин на всех континентах, — сказал Феликс. — С учетом того, что некоторые из них носили не один, а несколько аппаратов, на свет появилось восемнадцать миллионов триста пять младенцев…

«Они что, решили показать нам «Страх»?» — удивилась я. Ничего не имею против, люблю этот фильм. Хорошие актеры, замечательная музыка, режиссер Хэррингтон опять-таки. А как он сыграл отца Александра! Особенно в сцене распятия!

Да и Ричард Мэдден в роли Алекса Кмоторовича тоже дивно хорош. И Погудский… Я уж молчу об Эрике Эриксоне, сыгравшем Макса, — по нему вообще каждая первая умирала, даже среди наших, даром что он «снежок»…

Но тут вместо сцены, где Феликс одевается, чтобы отправиться на день рождения учителя (между прочим, у Погудского хорошая фигура, и я бы с удовольствием еще раз это посмотрела), на экране появилась толпа искалеченных женщин и хмурых, оборванных мужчин.

— Вот он! — орали они. — Сын дьявола!

Луч света осветил лежащего на грязном столе распеленатого младенца. Ребеночек был довольно симпатичный — крепкий такой мальчуган месяцев шести. Несмотря на царящий вокруг ужас, малыш казался спокойным, как удавы поутру.

— Все они антихристы! — кричала противным каркающим голосом безрукая женщина (вместо одной руки у нее был примитивный киберпротез,

известный как «рука пупса», — жуткий и ни на что не годный анахронизм). — Дьявол готовил себе армию из наших детей, а мы жертвовали ему свою плоть! Мы вкладывали силы в то, чтобы создать этих «суперлюдей». Нам следует остановить их, уничтожить! Дьогу, чего же ты медлишь?

Из толпы вышел огромный лысый мужик с совершенно безумным лицом, покрытым гноящимися, незаживающими ранами. В лапах мужчина держал длинный шест, на концах которого потрескивали искры. Я видела такие у нас в национальном парке — ими можно усмирить слона в период гона.

— Прими благословение Вышнего, — пророкотал жуткий мужик. — Благословляю ноги твои, да не ступят они на стезю зла!

С этими словами человек ткнул шестом в крохотную ножку ребенка. Разряд электричества на мгновение осветил весь зал, и я увидела ряды сидящих подростков, буквально вперившихся в происходящее действо. Ребенок истошно заорал, но его крик быстро перешел в ультразвук (тем не менее мне было неприятно, словно я могла его слышать). Тельце выгнулось.

Страшный мужчина навис над младенцем, как гора. Не обращая внимания на истошные крики,

он ткнул своей палкой в другую ножку…

Я не могла на это смотреть и отвернулась, заметив, что так же поступили многие девочки и даже юноши.

— Благословляю руки твои, — рычал мужик, пока ребенок корчился от боли, — да не сотворят они зла…

Тут стало темно, и страшная картина исчезла. Я вздохнула с облегчением. Как такое можно снимать?

— Множество младенцев стали жертвами таких вот безумцев, — вновь заговорил Погудский. — Кто-то мстил за свои потерянные конечности, для кого-то дети R явились источником примитивных страхов перед новым и совершенным. Подобный страх часто возникал в истории человечества, губя жизни и раньше, — его жертвами были Коперник и Бруно, Бертольд Шварц и Алан Тьюринг и многие-многие другие, но впервые этот страх стал причиной настоящего избиения младенцев, еще ничего дурного в своей жизни не совершивших…

На сцене возникла картина не то тюрьмы, не то казармы. Неудобные кровати, покрытые серыми шерстяными одеялами, колючими даже на вид. На кроватях сидели угрюмые дети, одетые

буквально в лохмотья, изможденные, как узники концлагеря…

— От детей R массово отказывались родители, — говорил ведущий, — их не желали усыновлять, от них старались избавиться. Для содержания этих детей создали специальные приюты со скудным финансированием — настоящие концлагеря, где смертность была высокой, как в средневековых чумных бараках.

А некоторых малышей просто выбрасывали на улицу, словно непотребный хлам. Но даже в тех семьях, где детей R не третировали явно, к ним все равно относились как к чему-то чуждому. Отцы винили детей в том, что их рождение искалечило матерей (хотя мужчины сами понуждали своих жен к участию в Программе), матери — за свои увечья (хотя они добровольно на это шли).

Дети R были везде и для всех чужими. И, несмотря на колоссальные жизненные силы, до совершеннолетия дожило не более десяти процентов из них.

Но на этом проблемы не закончились.

* * *

Сцены сменяли одна другую — нам показали детей, подростков, запертых в лабораториях,

где над ними проводили нескончаемые опыты, детей, подвергающихся изощренным методам изгнания злых духов (в том числе одну африканскую девочку, жившую, как выяснилось, немного южнее меня, в Претории), подростков, убитых взрослыми, напуганными проявлением сверхсил, — например, юношу, сожженного в заброшенной хижине, где он скрывался от земляков после того, как помог им, остановив селевой поток, грозивший смыть крохотный городишко в Мьянме…

Удивительно, какими жестокими бывают люди от страха и как часто этот страх является беспричинным…

Затем все исчезло и над сценой появилась одинокая человеческая фигура, от которой, казалось, исходило сияние. Высокий лоб с залысинами, крючковатый нос, резкие черты лица. Этот человек действительно был похож на Джека Глисона, сыгравшего его в «Страхе». Кто-то (и очень многие) считал его дьяволом, кто-то — непонятым гением.

Профессор Лев Ройзельман. Великий ученый, вошедший в историю как «всемирный убийца».

Профессор, казненный пятнадцать лет тому назад, в сорок третьем, обвел взглядом притихших

подростков и заговорил:

— Вас было восемнадцать миллионов. Я не мог заниматься каждым, но участвовал в Программе по мере сил. Я мечтал сделать человека лучше. Мечтал сделать людей богами. И теперь я говорю: вы — боги. Все, кто слушает меня сейчас.

Ройзельман исчез, и на его месте появился импозантный мужчина лет пятидесяти, одетый неброско, но элегантно. На глазах у него были темно-красные, как остывающий расплавленный металл, контактные линзы. Мужчина не являлся голограммой.

— Некоторые из детей R особенные, — сказал он. — Над их геномом работал сам Ройзельман, и он знал, что и как совершенствовать. Он мечтал сделать человека богом, и каждый из тех, с кем он работал, — бог. Каждый из тех, кто смог выжить. Нам известно о семи-восьми тысячах таких эмбрионов, но все то, что происходило с детьми R, в полной мере коснулось и их. До сегодняшнего дня дожили четыреста пять человек, и их продолжали убивать даже тогда, когда мы уже начали операцию по вашему спасению.

Человек вышел за пределы круга света, а затем на сцене появилась новая картина. Я увидела Нтомби, разговаривающую с девочкой в легком

платьице, которая то и дело оглядывалась по сторонам, и не напрасно — неожиданно на заднем фоне появилась машина на глиссадной подошве. Нтомби едва успела оттеснить девочку за спину, когда в открытом кузове появились двое и открыли огонь. Припав на колено, Нтомби выхватила небольшой пистолетик, оказавшийся лучеметом, и открыла ответную стрельбу, невзирая на рану — по левому рукаву белой блузки расплывалось темное пятно, рукав был порван — возможно, пуля пошла по касательной. Нтомби несколькими выстрелами уложила обоих стрелков. Машина скрылась, и куратор обернулась к девочке…

Сначала казалось, что та просто стоит, прислонившись к стене какой-то постройки, но потом стала заметна арбалетная стрела, пронзившая ее хрупкое тело под левой грудью снизу вверх.

— Когда мы начинали Проект, — снова заговорил выступающий, — вас было девятьсот девятнадцать человек. На сегодняшний день осталось четыреста пять. Эти люди никогда не оставят вас в покое. Они прекрасно понимают, что вы для них угроза. Именно потому неандертальцы убивали кроманьонцев, высаживающихся в Европе, пока последние не вторглись большой группой из Африки, положив конец примитивной агрессивной

расе. В борьбе прошлого и будущего, в борьбе прогресса и отсталого консерватизма, в сражении надежды человечества с его генетическим мусором нам нельзя проявлять ни доброту, ни великодушие, потому что с нами никто не будет ни добрым, ни великодушным. Пока вы держались порознь — вы находились в опасности. Но даже сейчас до полной безопасности далеко, как до Нептуна.

Его голос набирал силу, как у диктаторов прошлого, которых я видела в старых «плоских» фильмах, но в нем не слышалось ни одной истерической нотки. Он казался обжигающе — холодным, как льды Антарктиды, и был наполнен непонятной, почти гипнотизирующей силой…

— Я собрал всех вас, чтобы поведать, что каждый из вас — особенный, — продолжал мужчина, — вы об этом догадывались, но не верили в это, и неверие спасло вам жизнь — те, кто имел глупость поделиться с окружающими своими способностями, уже мертвы. Серая масса не любит тех, кто выделяется. В этом увядающем мире, — вокруг мужчины возникла сменяющаяся панорама городов, окрашенная в депрессивные тона; промелькнул и мой родной Хараре, — полном боли, несправедливости и страдания, но не

желающем ничего менять, именно вы станете той силой, которая очистит и исправит все. Им должно умаляться, вам — расти, и когда-нибудь они вынуждены будут уступить дорогу вам и вашим потомкам. Я стану вашим наставником, я направлю вас к конечной цели — богоподобию. Я отсеку от вас все лишнее и приумножу лучшее. Предупреждаю — путь, который я открываю, нелегок, более того, он смертельно опасен, но речь идет о выборе между гарантированной смертью и равной вероятностью смерти и самообожествления. Не все смогут достигнуть этой цели. Тот, кто выдержит испытания, не только станет вровень с выдуманными человеческой фантазией божествами, но и даст этому почти погибшему миру надежду на то, что он хоть немного станет лучше.

Я посмотрела на подростков, сидящих в зале, и увидела, что абсолютное большинство околдовано речью. Были и напуганные, но их оказалось не так уж много.

Я вспоминала дом дьявола. Он промелькнул в показанном нам голофильме, и я увидела беснующуюся толпу своих соотечественников. Они врывались в родильные палаты и поджигали все, включая колыбели с младенцами. Одна

из сотрудниц, миловидная, но перепуганная девочка-«снежок» попыталась закрыть собой колыбель со спокойным черным младенцем, но здоровенный, больше похожий на зверя, чем на человека, мулат схватил ее за шкирку и швырнул в соседнюю комнату, где бушевало пламя. А потом захлопнул дверь.

Потому что они боялись. Нас. Все, что пугает, проще сжечь, чем понять, — известно со времен святейшей инквизиции.

Оратор обвел нас взглядом; кажется, он остался доволен увиденным.

— Что ж, тогда начнем разбиваться на группы. Каждый вступающий получает, кроме уже выданных предметов, три базовых очка, временный браслет-идентификатор и шлем-диадему. Если кто-то хочет отказаться от участия в Проекте, обращайтесь к Леди Н., — он кивнул в сторону моей знакомой Нтомби. — Она отвезет вас домой. Ах да… — Он вновь обвел глазами зал и добавил: — Я — профессор Дуглас Спенсер, последователь великого Ройзельмана, Верховный Куратор Проекта. Впрочем, в силу уже сложившейся традиции вы можете называть меня Лорд Нахаш.

* * *

От участия в Проекте отказалось только шесть подростков: четыре девочки и два мальчика. Другие не смотрели на них, а если и смотрели украдкой, то с жалостью или презрением. Нтомби что-то тихо говорила подопечным. Наконец один из парней, словно устыдившись, отошел от нее и встал в конец очереди. Его тут же стали хлопать по спине, выражая радость. Второй юноша на эту идиллию старался не смотреть.

Я подошла к невесть как появившемуся перед Лордом столику одной из первых. Лорд попросил меня приложить палец к сенсорной панели. Я послушалась. Перед Лордом тут же появилась диаграмма с какой-то странной картинкой — похоже на ДНК, двойная спираль, — на картинке светился определенный участок. Лорд достал из ящика стола браслет и протянул мне:

— Группа Леди Н., седьмая цепочка. Довольна?

— Не знаю, — пожала плечами. — Поживем — увидим.

— Желаю хорошо пожить и увидеть много интересного, — улыбнулся Лорд, и я уступила место другому, точнее, другой — симпатичной большеглазой японке, а сама отошла в сторону и

стала наблюдать за происходящим.

Насколько я могла понять, всех участников разбили на цепочки по восемь человек, причем парней и девушек было строго поровну. Все цепочки равномерно поделили между четырьмя кураторами: самим Лордом, уже известной мне Нтомби, она же леди Н., здоровенным чернокожим по имени Барака — очевидный нилот, судя по огромному росту, и странной женщиной Апистией (сначала мне показалось, что она андроид или транс, но потом я поняла, что это не так; тем не менее двигалась Апистия не по-женски, было в ее поведении что-то неуловимо мужское). До начала распределения многие подростки собирались большими группами, и, насколько я могла видеть, эти группы, как правило, входили в одну цепочку. Одиночек почти не нашлось — только я, парень по имени Бракиэль и хрупкая бледная девчушка с испуганным взглядом, крутившаяся возле Апистии. Насчет девчушки ничего сказать не могу, а Бракиэля распределили в мою цепочку. Кстати, именно она получилась самой странной — нас оказалось не восемь, а девять.

Первыми после меня в состав цепочки, один за другим, вступили трое ребят, вероятно, хорошо друг другу знакомых и, что странно, хорошо

знакомых с Лордом. Вслед за ними подошли две очень красивые девочки, похожие, как родные сестры, при этом мне показалось, что один из парней знает и их.

Мое внимание (напомню, внимание картежника, который все и всегда должен держать под контролем, даже если чем-то сильно увлечен… особенно если увлечен, думает, планирует, считает) привлекло нечто, происходящее за столом. Девочка, тоже очень хорошая собой, но чем-то отличающаяся от всех прочих, протянула руку к сенсору, но Лорд ее остановил.

— Не стоит, Олга, — мягко сказал он. — Куда распределили твою подругу?

— Седьмая цепочка Леди Н., — хмуро ответила девушка, стоявшая рядом. Она была похожа на чистокровную шведку или норвежку, но при этом в ней ощущалось странное сходство с «сестричками» из нашей цепочки.

— Вот и ты иди туда, — продолжил Лорд, не глядя на вторую девушку, — и считаем, что цепочка закрыта.

— Разве ее не надо проверить? — заупрямилась нордическая блондинка.

— Нет, Леди Лёд. — Наконец Лорд соизволил на нее взглянуть. — Олга особая, и я прекрасно знаю,

к какой цепочке она подойдет. Вы ведь, кажется, уже сдружились?

Леди Лёд кивнула. Я бросила быстрый взгляд на «своих» — ребята явно услышали перепалку у стола и теперь с интересом смотрели на Олгу и ее напарницу.

— Вот видишь, — сказал Лорд по-прежнему мягко. — А для тебя подружиться с кем-то — задача непростая, не так ли?

— Вроде того, — неохотно признала Леди Лёд.

— Значит, я прав, — довольно сказал Лорд. — Впрочем, я всегда прав, и исключений не бывает. Идите, девочки, не задерживайте очередь… хотя нет…

Он запустил руку в карман пиджака, достал оттуда носовой платок (обалдеть, он его в музее спер, что ли?) и протянул Леди Лёд.

— Милая, прежде чем уйти, сотри у меня со стола сама знаешь что.

Я не поняла, о чем он, а Леди Лёд покраснела, как голова марабу в брачный сезон, и принялась протирать край столика, не глядя на Лорда. Тот улыбался:

— Можешь считать, что шутка мне понравилась. Сразу скажу, твои усилия были бессмысленными — кишечная палочка на меня не

подействует, потом поймешь почему.

— У меня случайно вырвалось, — буркнула Леди Лёд.

— Да, да, — иронично заметил Лорд. — Вытерла? Вот молодец, иди к своим, и ты, Олга, тоже.

Едва Леди Лёд и Олга отошли от стола, «сестрички» бросились к ним — было очевидно, что по крайней мере с Леди Лёд они знакомы.

— Кто-нибудь видел, кого к нам еще распределили? — спросил один из юношей, курчавый красавчик. Я, поняв, что как раз самое время присоединиться к компании, в несколько шагов преодолела разделяющее нас расстояние и сказала:

— Вы из седьмой цепочки Нтомби, да? Если так, то я с вами.

Ребята обернулись ко мне.

— Нтомби? — переспросил тот, что внимательно смотрел на «сестричек».

— Леди Н., — объяснил Джинн. — Заметь, кстати, Лорд ее так же называет.

— Понятно, — кивнул юноша. — Да, мы из седьмой. Меня зовут Фредди.

— Призрак, — представился красавчик. — А это Джинн. А тебя как зовут?

И тут я почувствовала панику. Очевидно, что

участники Проекта предпочитали называть друг друга по прозвищам. Но не могла же я представиться как Черная Королева!

— Е-еджайд, — произнесла я неуверенно.

— Это прозвище такое? — спросил Фредди.

— Это имя, — ответила одна из двух сестричек. — Ребята, не лезьте с расспросами, не видите, девушка смущена?

Я сначала почувствовала раздражение, но почти сразу поняла, что девушка не насмехается, а искренне хочет помочь. В ней не чувствовалось лукавства и ехидства, в отличие от меня или, скажем, Леди Лёд.

— А чего тут смущаться? — удивился Призрак. — Что такого может быть в прозвище?

Девушка, пришедшая мне на выручку, посмотрела на меня красноречивым взглядом — словно разрешения спрашивала. Я неуверенно кивнула. Интересно, она знает мое имя? Откуда?

— Ее зовут Чёрная Королева, — проговорила девушка и добавила для меня: — Я не телепат, просто я с вами, ребята, давно уже знакома. Меня зовут Дария, и однажды, когда мне было одиноко, я изваяла всех вас из воска. Это моя сверхспособность — с помощью этих статуэток, как оказалось потом, можно связываться с людьми и даже вы-

зывать их к себе. Правда, для большинства из вас я придумала свои прозвища. Но имя Черной Королевы я знала, когда ее лепила.

— Подтверждаю все, что говорит Дария, — кивнула ее «сестричка». — Меня зовут Тень, для тех, кто еще не знает.

— Я думаю, что наши с Олгой имена вся база слышала, — буркнула Леди Лёд. — Будем считать, познакомились…

— Одного понять не могу, — сказал Призрак, — во всех остальных группах ребят и девушек поровну, а у нас, получается, женское царство. Che…

— Призрак, — зачем-то одернул его Джинн. — Ты язык бы прикусил, что ли… но я вот тоже об этом думаю.

Тем временем я наблюдала за ребятами, пытаясь побольше узнать про коллектив, в который влилась. Джинн, Призрак и Фредди, конечно, были друзьями; «сестрички», очевидно, тоже, и Олга с Леди Лёд. При этом Леди Лёд была знакома с сестричками, а Олга нет; между Джинном и Дарией явно происходила какая-то взрывообразная химия, Фредди, похоже, знал Дарию и относился к ней настороженно, а Дария, конечно, знала нас всех, включая меня. Кроме Олги, внезапно

поняла я. Олга была ей совершенно не знакома, но почему-то очень интересна.

— Я вот что думаю, — сказала Дария, обращаясь к Тени и Леди Лёд, — если наш с вами сон оказался как бы не совсем сном… значит, шахту и странную надпись я тоже видела на самом деле.

Неожиданно Фредди с облегчением вздохнул. Девушки немедленно обернулись к нему.

— Так ты видела это во сне, — сказал Фредди. — Уф, а я уж и не знал, что думать…

— О чем ты? — насторожился Джинн.

Он сделал шаг вперед, будто намереваясь встать между Фредди и Дарией; та в свою очередь автоматически отступила, словно прячась за юношу.

Фредди этих маневров, похоже, не заметил:

— Я вам, ребята, не рассказал, думал, вы меня на смех поднимете. В общем, когда я загорал на балкончике и увидел Дарию, то принял ее за призрака.

— А я думала, ты мне приснился… — задумчиво произнесла Дария. — Погоди, Джинн, а ты там тоже был, что ли?

— Был, — хмуро ответил Джинн. — Ярдах в двухстах выше.

— Жаль, что я этого не знала, — сказала девушка и отвернулась. И я понимала почему.

Чувства — странная вещь: возникают ниоткуда, без особых причин, и совершенно не поддаются контролю со стороны разума. Нельзя ни заставить себя полюбить, ни принудительно разлюбить кого-то. Но именно потому мы не всегда можем понять, что чувствуем, и не всегда осознаем, что полюбили — особенно если к этому нет никаких предпосылок.

Я не сомневалась, что Джинн и Дария станут парой. Может, мне это сверхспособность подсказала? Понятия не имею, да и какая разница?

Бракиэль: you are one in a million…

Распределение еще не окончилось, когда я направился к Нааме.

То, что меня определят в седьмую цепочку, и то, что мой куратор — Нааме, я узнал еще до официальной части. Мы вдвоем отправились на «Изиде» в Южную Африку, в странный город Хараре, где мне пришлось довольно долго ждать, пока Нааме «очаровывает» еще одного участника, вернее, участницу. Я опять получил карманные деньги и немного советов, как играть на местных автоматах. Советы сработали, и к приходу женщин мои карманы оттопыривались от наличности. Я отвез Нааме с подопечной на базу, где выяснилось, что черная девочка — последняя участница Проекта. Мне стало грустно: неужели я больше не полетаю на «Изиде»? Я уже привык к этим рейсам, мне до одури нравилось и то, что могучая, почти фантастическая машина, повинуясь моей воле, мчит меня с одинаковой легкостью в воздухе, на воде, под водой, и то, что я пусть и в присутствии Бараки, но могу побыть рядом с Нааме…

Ах, Нааме… Если бы она дала мне вилку и ве-

лела выколоть себе глаз, я бы это сделал — ведь лучше без глаза, но с ней, чем с двумя глазами без нее. Я влюбился, осознавая разделяющую нас пропасть. И дело даже не в том, что она была старше, опытнее, умнее, — порой мне казалось, что она вообще полубожество. Даже огромный Барака подчинялся ей; в ней чувствовалась сила намного большая, чем у других, за исключением Лорда.

Но мне было все равно, я просто полюбил эту женщину. Понимая, что я ей не нужен, что я для нее — всего лишь один из миллиона… или, по крайней мере, из четырехсот мне подобных. Единственным моим достоинством было то, что я умел пилотировать «Изиду».

* * *

Когда я подошел, Нааме как раз собрала «отказников», захвативших свои немногочисленные вещички.

— Ну что, все готовы? — уточнила она у подростков.

Те закивали, как китайские болванчики. Почему-то я почувствовал себя намного старше и солиднее этих детей. Им никогда не узнать, какое наслаждение — возноситься в небеса на превос-

ходящей любые земные летательные аппараты «Изиде», особенно когда любимая женщина, сидя в кресле второго пилота, касается горячей ладонью твоих пальцев.

— Я пойду готовить «Изиду»? — спросил я.

Нааме отвернулась и, не глядя на меня, сказала:

— «Изиду» подготовил Барака. А поведу я. Прости, Бракиэль.

— Но почему? — удивился я, внутри будто что-то оборвалось.

— У тебя будет… — она сделала короткую паузу, — другая задача. Ты должен поговорить с моими подопечными. Скажи им, что меня какое-то время на базе не будет, поэтому инструктаж проведем завтра утром. Тогда я и отвечу на все вопросы.

— Так, может, я сам развезу ребят? — предположил я. — А вы проведете инструктаж. Обещаю быть осторожным, как вы и учили.

— Нет! — отрезала она, но потом смягчилась: — Пойми, я должна сама проследить, чтобы ребята попали по назначению…

Она склонила голову, затем схватила меня за запястье, притянув к себе.

— Понимаешь, Бракиэль, — зашептала она, —

я же их на верную смерть везу. Они не знают, от чего отказываются, не верят, что им что-то угрожает. Но ты сам видел, на какие зверства способны консерваторы! Хорошо, если этих ребят просто убьют, а если станут пытать?

— И что вы можете сделать? — спросил я. — Что мы можем сделать?

— Ничего, — вздохнула она. — В том-то и дело, что ничего. Считай, я везу их, как ягнят на бойню.

— А если нападут на вас? — От такого предположения у меня даже внутри похолодело. — Я не могу отпустить вас одну, я не должен…

Она невесело рассмеялась:

— Милый Бракиэль, ты неплохо действовал в Швейцарии, но не считай себя суперменом. Пока еще ты, прости меня, несмышленыш и в серьезной схватке скорее помешаешь, чем поможешь. Просто поверь…

Она все еще держала меня за руку…

— Не тревожься за меня, мой мальчик, — сказала она. — Я вернусь, просто дождись — и сделай то, что я прошу. Вот еще что: поговори с ребятами из своей цепочки. В конце концов, они твои братья и сестры, круг не завершится без тебя. Чем быстрее они это поймут, тем лучше.

— Какой круг? — спросил я. — Какие братья и сестры?

Нааме легонько щелкнула меня по носу:

— Вернусь на базу, расскажу, о'кей?

Мне оставалось только смириться.

* * *

«Братья и сестры» восприняли меня в штыки. Не знаю почему. Точнее, в штыки меня восприняли двое — Призрак и Леди Лёд, остальные просто осторожно. Во всяком случае, с моим появлением их оживленная беседа стихла, а взгляды стали настороженными.

— Что нужно? — недобро спросил Призрак.

— Меня зовут Бракиэль, — представился я. — И я записан в вашу цепочку. Просто учтите, что я — ваш друг. И обращайтесь, если что. Мне сказали, мы с вами как братья.

— Не знаю, как у других, а у меня легавых среди братьев отродясь не бывало, — заметил Призрак. — Vanfaculo, in nombre di Santa Madonna![65]

И что мне было делать? Я развернулся и пошел прочь. Как там говорил Иешуа? «Нет пророка в своем отечестве».

---

[65] Примечания: 65

Примерный перевод: «Ради всего святого, оставь уже нас в покое, займись своим делом».

Да и хрен с вами! Не больно мне нужны такие «братья и сестры», особенно этот итальяшка черноротый. Зато у меня есть Нааме.

Хоть бы только с ней все было хорошо! Только бы с ней ничего плохого не случилось! Внезапно мне в голову пришла мысль: а если ей понадобится моя помощь? Если…

Я представил себе, что на базу пришло сообщение от Нааме с призывом о помощи и я, не спрашивая никого, хватаю «Озириса» или «Анубиса» — они однотипны «Изиде», наверняка я сумею с ними справиться, — и лечу на помощь!

Поэтому я пошел в сторону ангара. «Изиды» на месте не было. «Озирис» с «Анубисом» стояли крыло в крыло — странное соседство, учитывая историю этих персонажей египетской мифологии. Когда-то я всерьез увлекался историей, побывал в Уре, Вавилоне, восстановленной Пальмире и, конечно, в Египте. Я даже был на раскопках у Меггидо. Кстати, действительно ли этот город — библейский Армагеддон, до сих пор не ясно, поскольку он оказался даже древнее Ура и Мохенджо-Даро. Я спускался в странные дома-пещеры без окон и дверей, со входом через крышу, без очага, зато с чем-то вроде канализации и удивительной вентиляцией, работающей

до сих пор. Мохенджо-Даро построен так же, но ни канализации, ни подобной вентиляции не имел. Непонятно, как люди жили в его подземных домах…

Обо всем этом я вспоминал, сидя на крыле «Анубиса», машины Лорда, и пытаясь отвлечься от тоски и тревоги за Нааме. Я даже не понял, как заснул.

* * *

Аппараты АОИ летают бесшумно и бесшумно садятся — ни рева турбин, ни гула рассекаемого воздуха… Тем не менее какой-то шум меня разбудил, а может, разбудил легкий сквозняк, повеявший через шлюзовые ангарные ворота. Шлюз отсекал морозный воздух, пока сам аппарат «акклиматизировался», чтобы избежать нарушения структуры материала от резкого перепада температур.

Я проснулся как раз вовремя для того, чтобы увидеть, как «Изида» маневрирует по ангару, занимая свое место рядом с остальными, и поспешил к ней, чтобы встретить Нааме.

Когда дверь в борту открылась и Леди Н. вышла на крыло, у меня сердце сжалось. Мне показалось, что она ранена: она двигалась как-то неуверенно,

к тому же была очень бледной. Я подбежал и буквально силой подхватил ее на руки. Вблизи ощущался легкий запах виски, исходящий от губ.

— Как вы? — встревоженно спросил я. — Что случилось, вы не ранены?

Она покачала головой:

— Никто на меня не нападал, и, конечно, я не ранена… если говорить о теле. Поставь меня, у меня голова кружится.

Я послушно помог ей встать, но она по-прежнему опиралась на меня.

— Хочешь проводить меня до комнаты? — предложила она. — Мне понадобится твоя помощь, чтобы дойти.

Уговаривать меня не потребовалось. Всю дорогу Нааме прижималась ко мне, опираясь на мое плечо, а я шел пригнувшись, чтобы ей было удобно.

— Ты хороший мальчик, Бракиэль, — сказала она. — Даже не спросил, пила ли я.

— А зачем? — удивился я. — Кажется, это ваше личное дело…

— Все бы так думали. — Она улыбнулась. — Но каждой собаке интересно, что происходит в твоей жизни. Просто для того, чтобы позлорадствовать.

— Я никогда не злорадствую, — ответил я. — Когда человеку плохо, это не повод для радости. Даже если он твой враг. Плохо не врагу, плохо человеку.

— Знаешь, Бракиэль, ты рассуждаешь умнее многих людей… — Нааме тихонько икнула, прикрыв рот ладошкой. Я заметил, что перчатки она успела снять. — Людей, которые старше тебя по возрасту.

Я молчал, и она продолжила:

— Лорд рассказывал мне о иеришах. Иериши — это люди, некогда жившие на Земле, а затем вернувшиеся к другой жизни. Лорд, понятное дело, в иеришей не верит, как и в любую другую мистику, но он сам… В общем, он придумал, как возвращать умерших людей.

— Ух ты, здорово, — сказал я, не чувствуя, однако, особого интереса к этому. Меня больше другое занимало. — У иудеев это называется гильгул, если ничего не путаю…

А потом я решился и спросил Нааме, робея от макушки до пяток:

— Он ваш муж?

— Кто? — не поняла Нааме.

— Лорд, — ответил я.

Она рассмеялась:

— Он мой отец. И отец Бараки, и Апистии, и твой, в некотором роде.

Я вытаращился на нее. Она хотела щелкнуть меня по носу, но палец соскользнул, и щелчок попал по веку.

— Я тоже дитя R, разве ты не понял? Или слушал невнимательно? А почему ты решил, что он мой муж?

— Ну… — сказал я. — Он лорд, вы леди…

Она рассмеялась:

— Это только прозвище, глупый. Ты ведь тоже не все время в небо смотришь, правильно?

У меня немного отлегло от сердца.

— Но у вас есть муж? Или парень? Бойфренд?

Она продолжала хихикать:

— Нет, мужа нет, бойфренда тоже… насчет парня не знаю. А что?

— Ничего. Просто интересно.

— Интересно ему, — фыркнула Нааме, когда мы вошли в кураторское крыло. — Эх ты, Бракиэль, Бракиэль…

Ее комната находилась справа, ближе к торцу коридора.

— Вот мы и пришли. — Нааме выпрямилась, опираясь на мой локоть. — Зайдешь?

Я колебался. Мне невероятно хотелось зайти,

но при этом было так страшно! Не знаю почему: раньше я с девушками не робел, да и вообще не назову себя человеком робким. Расценив мое молчание по-своему, Нааме буквально потащила меня за собой — сначала в темный коридор, затем в просторную, по местным меркам, комнату. В нише одной стены располагалась большая кровать, в другой — камин, не настоящий, голографический, перед ним — небольшая банкетка. В нише третьей стены стоял туалетный столик с голографическим же зеркалом, в настоящий момент отключенным. Середина комнаты была пустой, если не считать ковра, простиравшегося от туалетного столика до лжекамина. Пахло духами и сигаретами Нааме.

— Располагайся, — предложила она. — Я быстро, только душ приму, ладно?

Я смущенно кивнул, чувствуя, что ее слова нездорово меня возбудили. Она упорхнула, а я принялся бродить по комнате, стараясь отгонять образы Нааме в душе. Комната оказалась удивительно безликой. Допустим, у меня не имелось особенных личных вещей, но я же отправился на базу кругом-бегом. Я знал, что девочки Проекта потихоньку украсили свои новые жилища чем могли. У Нааме же была полностью минимали-

стическая, совершенно безликая комната.

Нааме отсутствовала недолго и появилась из душа, завернутая в большое махровое полотенце. Другое полотенце было обернуто вокруг ее головы. На коже поблескивали капельки воды. Я впервые видел ее такой… домашней, беззащитной…

— Угостить тебя чем-нибудь? — спросила она. — Может, выпьешь?

— Нет, спасибо. — Я заметил, что мой голос звучит необычно, ниже нормального и как-то глуше.

— Хотя бы кофе, — настаивала она. — С настоящим печеньем, не из автомата. Не стесняйся, мне самой чертовски хочется кофе. Составишь компанию?

— Да, — выдавил я.

Она сдвинула панель, под которой оказалась кофе-машина, и запустила программу.

— Только у меня сидеть не на чем, — сказала Нааме. — Я обычно прямо на ковре располагаюсь, а ты, если хочешь, можешь повернуть банкетку…

Я пересел на пол, она расстелила небольшую силиконовую скатерть и поставила на нее пачку немецкого печенья и две чашки, кажется, не пластиковые, а из тонкого фарфора. Тем временем

кофе был готов. Нааме взяла кофейник, прихватила небольшую плоскую бутылочку и присела напротив, поджав ноги так, что полотенце сползло настолько, чтобы у меня кровь прилила к голове…

— Я поухаживаю за тобой, — сказала она, наливая мне кофе в чашку. — Кофе интегральный, если хочешь подсластить, опусти стикер. — Она протянула несколько полосок, похожих на парфюмерные пробники. — Хочешь, я добавлю тебе бальзама?

Видя, что я не в силах ответить, она улыбнулась и добавила мне в кофе немного тягучей жидкости из бутылочки. Себе налила больше.

— За нас, — Нааме подняла чашку, — и за Проект.

— А разве с кофе говорят тосты? — удивился я.

— С таким говорят, — ответила она, и мы выпили. Кофе оказался со странным привкусом, довольно бодрящий, но я едва не поперхнулся, потому что забыл его подсластить.

— Милый Бракиэль, — проговорила Нааме, отставляя чашку. — Я не могу тебя понять. Взрослый мужчина, хотя порой ведешь себя как тинейджер; ты силен и решителен в экстремальных ситуациях, но робок, когда тебе ничего не

угрожает…

— Ну да, я такой, — признался я, в душе польщенный ее словами.

— Прости, что не взяла тебя с собой. Я видела, как ты загрустил, когда решил, что полетов больше не будет. Но ты ошибаешься — то, что мы собрали всех, еще не означает, что для тебя небо закроется.

— Я больше расстроился из-за того, что вы меня не взяли с собой, — сказал я. — И до сих пор неспокоен. Мне кажется, вы мне не доверяете.

— Ну что ты, Бракиэль, — улыбнулась она. — Доверяю, даже больше, чем… кому-либо.

— Тогда почему не берете меня с собой? — упрямо повторил я.

— Бракиэль, — серьезно произнесла Нааме, — ты когда-нибудь убивал? Не так, как в Швейцарии, не обороняясь, а сознательно, хладнокровно?

— Нет, — честно признался я.

— А я сегодня убила. — Она отвернулась в сторону. — Нет, я не сама отнимала жизнь, я даже этого не видела, но…

Она вскинула голову:

— Эти пятеро подростков мертвы. Возможно, кто-то из них пока еще жив. Их будут пытать, но

я стерла им память. Тем не менее этих ребят все равно убьют. Просто так, лишь бы чего не вышло. Понимаешь, почему я пила.

Я кивнул и добавил:

— Вот потому я и должен был находиться рядом с вами.

— Зачем? — Она невесело улыбнулась. — Чтобы их кровь оказалась и на тебе?

— Думаете, мое отсутствие что-то изменило бы? Нааме, вы не понимаете, я…

Она перегнулась через наш импровизированный столик и приложила ладонь к моим губам:

— Лучше помолчи. Ты не знаешь, о чем говоришь. А я не хочу вспоминать, что произошло. Думаю, у меня достаточно мудрости, чтобы принять то, что я не могу изменить. Выпьешь еще кофе? И ты не попробовал печенья.

— Спасибо. — Я взял из коробки кренделек. — Но, Нааме…

— Да замолчи ты! — В голосе послышалась нотка раздражения. — Вот что, Бракиэль, я хочу предупредить тебя: завтра во второй половине дня, после вводных занятий, ты будешь мне нужен. В том числе — как пилот. Так что готовься. Тебе придется хорошенько выспаться, завтра нам предстоит долгий путь.

Я отхлебнул кофе и спросил:

— Тогда, может, я пойду? Или ты хочешь, чтобы я остался?

Она долго смотрела на меня, но потом все-таки ответила:

— Хочу. Но нам обоим нужно отдохнуть. Я поставлю сонный имплантат и завалюсь спать, ты тоже постарайся. И…

Она осторожно подвинулась ближе и добавила:

— Давай подождем до завтра. Отложим все тревоги, оставим все воспоминания и подождем, идет?

Я чувствовал запах ее влажной кожи и не мог им надышаться. Мне очень не хотелось уходить, но как можно остаться? Наконец я неуверенно кивнул:

— Хорошо, — и поднялся с ковра.

Я шел по коридору кураторского крыла в отрешенном состоянии. Так случается при «информационной перегрузке», хотя у меня, скорее, перегрузка была не информационная, а эмоциональная. (В такие моменты ты ничего не чувствуешь, ни о чем не думаешь.) Зато чувства мои обострились. Я услышал, например, за одной из дверей голос Бараки и девичий смех — кажет-

ся, смеялись две девочки. Интересно… Когда-то я ревновал Нааме к Бараке, но потом узнал одну пикантную подробность — его прельщали девочки, как он сам выражался, уже достигшие возраста согласия, однако не вступившие в возраст настойчивого предложения.

В других двух комнатах царила тишина. Возле двери Апистии лежала бумажка, которую я подобрал. Оказалось, это бирка с какой-то синтетической вещицы с предупреждением: «содержит структурные наноботы, стирать только в чистой фильтрованной воде без добавления моющих средств». Я зачем-то сунул бирку в карман и вышел в большой коридор, ведущий к площадке лифтов.

Я жил в отдельном двухместном «изоляторе» совсем один и ничуть об этом не жалел, как и о том, что у меня нет своего бокса. Зато у меня были «Изида», «Озирис» и «Анубис».

У лифтовой площадки я встретил Апистию (интересно, она спит когда-нибудь?) с сигаретой в зубах и в наушниках. Когда я подошел, она их сняла и поздоровалась, а я услышал, что слушает она «Плач Хиросимы» Пендерецкого — не электронный, а оркестровый вариант. Жуткая музыка. Вполне соответствует своему названию:

Хиросима — город в Японии, который разбомбили в начале ядерной эры.

От лифтов я пошел к себе в комнату. Может, музыка так на меня подействовала, но мои чувства начали проясняться. Они были двойственными. С одной стороны, я испытывал досаду. Мне казалось, что я упустил шанс. Я был с Нааме наедине, и она нуждалась в моем сочувствии. Герой какого-нибудь голофильма наверняка воспользовался бы ситуацией, а я не смог или, вернее, не стал.

Но я все равно ждал и надеялся — на что? А кто его знает? На чудо, наверно. Влюбленные и дети — единственные, кто верит в то, что чудо может произойти. Но проходит время, и чуда не случается…

С этой мыслью я и заснул.

* * *

В ту ночь я увидел сон. Я стоял посреди Вади-Арава и смотрел в звездное небо. Вероятно, шел август — метеоритный дождь Персеид был в самом разгаре. Я смотрел на звезды, которые знал лучше людей, и понимал, что небо, которое я так люблю, изменилось. В нем таилась угроза, непонятная и страшная. Мне очень хотелось понять, что это за угроза, и, как бывает только во снах, я

оттолкнулся от Земли и устремился вверх.

Я плохо помню сам полет, следующий момент, который я запомнил, — это ледяной шар. Он приближался так быстро, что я испугался того, что могу разбиться. Я всеми силами пытался затормозить, но врезался в этот шар, выросший к тому моменту до размеров планеты. Пробив рыхлый лед, я куда-то провалился, перекатился по каше из снега и чего-то похожего на мох или лишайник, потом с трудом встал на ноги.

Я находился на возвышенности, а по сторонам от меня под ледяным небом простирались заснеженные руины. Почему-то это место напомнило мне раскопки в Мегидо, хотя снег там бывает немногим чаще, чем в геенне. Я подошел к краю площадки, на которой находился, спрыгнул вниз и оказался на другой, большей по размерам. Мне пришлось проделать эту операцию еще несколько раз, прежде чем я очутился на каком-то подобии улицы. Там стоял Лорд Нахаш и задумчиво смотрел на башню, с которой я спустился.

— Ты знаешь, что это? — спросил он. — Это сооружение известно как Вавилонская башня, и ей намного больше ста тысяч лет.

— Это Вавилонская башня? — удивился я. — Но мы же не на Земле.

— На самом деле Вавилон из библейского текста — это не название города, — пояснил Лорд, — а характеристика места. Бабилим, врата неба… Мы с Надин обратили вспять проклятье, и теперь разные языки больше не мешают нам. Ворота в небо открыты!

— С Надин? — спросил я.

— Ты знаешь ее под именем Нааме, — ответил Лорд. — У нее тысячи имен, как и у ее матери. Тысячи имен, тысячи лиц, тысячи возлюбленных…

Он схватил меня за ворот костюма, сжав его жесткую ткань, как легкий ситец:

— Ты не боишься, Бракиэль?

— Нет. И не собираюсь.

— Молодец, — похвалил Лорд. — А теперь иди, в конце улицы тебя ждут.

И я пошел. Справа и слева от меня находились руины, напоминавшие одновременно небоскребы и древние зиккураты. Порой дорогу преграждали завалы какого-то хлама. Из одного такого завала торчала, как мне почудилось, рука в перчатке от костюма Проекта — между пальцами был зажат клочок бумаги. Я схватил перчатку, стремясь вытащить заваленного человека, и едва не упал — оказалось, это просто перчатка без тела. А клочок бумаги представлял собой знакомую

мне бирку: «содержит структурные наноботы, стирать только в чистой фильтрованной воде без добавления моющих средств». С обратной стороны бирки помещался архаичный штрих-код, выглядящий так, словно кто-то накорябал его от руки. Я свернул бумажку и спрятал в свою перчатку.

Потом я вышел на площадь, на конце которой находилось огромное темное здание, чуждое даже окружающему пейзажу. А между мной и зданием стояла Нааме.

— Что ты здесь делаешь? — спросил я, подбегая к ней.

— Не ходи туда, — попросила она, и я заметил у нее на глазах слезы.

— Хорошо, — согласился я. — Не пойду. Идем отсюда. Давай вернемся домой.

— Вот он, мой дом. — Она указала на темное здание-страшилище. — Тебе там не место. Уходи!

Она стала расти, поднимаясь надо мной, ее темные волосы слились с тканью костюма, превращаясь в какие-то щупальца…

— Я все равно люблю тебя! — крикнул я, делая шаг к ней. — Кем бы ты ни была!

— Глупец! — проговорила она не своим голосом. — Между любовью и страхом нет никакой

разницы, но страх вкуснее…

А затем ее щупальца обвили меня и все залил неземной, переливчатый свет.

* * *

Вводные занятия, четыре академических часа, пролетели быстро.

Лорд говорил, несколько отвлеченно, об основах мироздания. Я мало что запомнил, кроме того, что «современная наука, утверждая, что постоянно что-то узнает, на деле двести лет топчется на месте», однако это не беда — к концу обучения мы не только поймем устройство Вселенной, но и научимся его использовать, как выразился Лорд, надевать на левиафана узду.

Барака и Апистия оказались «многостаночниками». Барака преподавал «основы технологий», Апистия — медико-биологические аспекты, также каждый из них отвечал за нашу физическую и «специальную» подготовку — последняя являлась наукой о том, как выжить самому и угробить другого выживающего. Кроме того, эта парочка отвечала за наше, как они выразились, совершенствование.

После занятий я пошел в столовую, где и встретил Нааме.

— Ты сильно голоден? — спросила она. — Просто я думала перекусить на… в другом месте. Там, куда мы летим.

— А куда мы летим? — спросил я.

— Секрет, — рассмеялась она. От вчерашней подавленности и следа не осталось. — Надеюсь, ты не передумал?

— С вами я полечу куда угодно, хоть в глубины шеола.

— Ловлю тебя на слове, — улыбнулась она. — Не исключено, что и там придется побывать. Но не сейчас.

Мы взяли «Изиду», я виртуозно (говорю без ложной скромности) вывел ее из нашего маленького подледного мира, и тогда Нааме взяла меня за руку и спросила:

— Помнишь, я обещала, что ты увидишь звезды?

— Помню, — кивнул я.

— Знаешь, как подняться на орбиту? — задала она новый вопрос.

Пока Нааме не спрашивала, я не знал, а тут — словно что-то щелкнуло у меня в памяти, и руки сами затанцевали среди голограмм. Я с восторгом смотрел, как мы проходим высокую облачность, как прямо на дневном небе вспыхивают звезды, а

голубое одеяло нашей родной атмосферы сменяет бархатная чернота вечной космической ночи…

Прямо как в моем сне.

— Туда. — Нааме указала на едва заметную звездочку над атмосферным горизонтом.

Вскоре я уже мог невооруженным глазом разглядеть нашу цель — огромный дискообразный объект размером с хороший стадион олимпийского класса. С двух сторон от диска отходили довольно большие конструкции, вероятно, двигательные пилоны, к которым было пришвартовано по два шаттла с каждой стороны.

— Что это? — спросил я. — Никогда не слышал ни о чем подобном.

— Наш маленький секрет, — улыбнулась Нааме. — Орбитальная станция «Левиафан». Оборудована аналогично арктической базе, только намного лучше.

— Ух ты! — изумился я. — Красота!

— Восхищаться потом будешь. Сначала пришвартуйся и перед тем, как выходить, повяжи под подбородок косынку.

— Зачем? — удивился я.

— Чтобы челюсть постоянно не подбирать, — ответила Нааме, смеясь. Обожаю ее смех…

Я видел лишь малую часть станции, но и этого

оказалось достаточно. У меня перехватывало дух — на фоне этого даже орбитальные и лунные поселения США, России, Китая и ЕС выглядели архаичными. А у «Изиды» оказалось еще двенадцать братьев и сестер — не считая четырех хищных гигантских «птичек», которых Нааме называла «хэллрейдерами».

Мы познакомились с небольшим экипажем корабля, сплошь состоящим из андроидов, осмотрели медблок, инженерно-производственный комплекс, лаборатории… наконец вышли на панорамную палубу в «носовой» части станции. Панорамная палуба имела сплошное остекление спереди, а по форме напоминала чечевицу. Здесь было несколько невысоких деревьев и кустов, в самом же центре — круглое озерцо вроде котелка, врытого в палубу.

Пока я глазел на космос через панорамные окна, Нааме разложила на траве покрывало и достала из корзиночки всякую снедь, два бокала и архаичную бутылку с шампанским.

— Иди сюда, — пригласила она. — Хватит уже глядеть в небо, насмотришься еще!

— Когда? — спросил я, без особых сожалений отвернувшись от панорамы звездного неба к Нааме.

— Не твое дело знать времена и сроки, — ответила она весело. — Умеешь открывать шампанское?

…Бутылку я не без труда, но вскрыл — видел, как это делается. Разлил по бокалам, с непривычки попав на покрывало.

— За вас, — сказал я. — И за Проект.

— За нас, — поправила она меня.

Мы выпили, после чего Нааме взяла яблоко.

— Настоящие фрукты теперь такая редкость, — сообщила она. — Я имею в виду — из открытого грунта, а не с фабрик-ферм.

— То же самое я могу сказать обо всем, — пожал плечами я. — Но мы в Израиле выросли на синтетических продуктах. Если бы не продукция кибуцев, мы бы голодали.

— Понимаю, — сказала Нааме, протягивая мне надкушенное яблоко, — попробуй, если, конечно, не брезгуешь.

Я взял яблоко и укусил там, где остался след ее зубов. Действительно, с кибуцевским не сравнить — сочное, медово-сладкое…

— У меня еще есть финики и клубника, — предложила Нааме. — Угощайся, все настоящее.

— Боже, представляю, сколько все это стоит, — сказал я. — Мне даже неудобно…

Нааме рассмеялась:

— Бракиэль, твой костюм стоит столько, что на эти деньги можно купить рефрижератор настоящей клубники. Но ты его носишь и не стесняешься…

Она задумалась, а потом расстегнула верхний крючок:

— Кстати, раз уж мы здесь, может, поплаваем?

Я покраснел:

— Но я не взял…

Она вновь приложила руку к моим губам:

— Я тоже. Какая разница? Мы одни, даже андроиды сюда не заходят. Или ты меня стесняешься?

Я не ответил и стал расстегивать свой костюм…

* * *

Мы сидели на бортике искусственного озерца в костюмах Адама и Хавы, и я обнимал Нааме, чувствуя ее прохладную, гладкую, как мрамор, кожу рукой, боком, бедром…

— И были они оба нагими, — процитировала Нааме, — и не стыдились…

Она заглянула мне в глаза:

— Бракиэль, тебе не кажется, что люди чересчур все усложняют?

— Например? — Я старался на нее не смотреть, хоть и очень хотел: она была прекрасна, но я и так едва сдерживал возбуждение.

— Например, в любви, — сказала она. — Все препятствия между мужчиной и женщиной не существуют на самом деле, они придуманы людьми. Как та одежда, которую мы сняли.

— Одежда существует объективно, — возразил я.

Нааме пихнула меня кулачком в грудь:

— Зануда. Но ведь мы можем снять ее в любую минуту, правда?

— В любую не можем, — снова не согласился я. — Если я разденусь во время занятия, как минимум меня не поймут.

Нааме рассмеялась:

— Ты невозможный зануда, Бракиэль. Вижу, что с тобой надо говорить по-другому.

— Как?

— Ты хочешь меня поцеловать? — спросила она.

Я кивнул, чувствуя, что заливаюсь краской.

— Так почему не целуешь? Или ждешь, что я начну первой? Но я хочу, чтобы именно ты…

Не дослушав, я обнял Нааме и припал к ее губам. Я так боялся, что это продолжение моего сна…

* * *

В космосе есть огромное преимущество — там всегда звездная ночь.

— Внизу у нас всегда день, — сказала Нааме, будто прочитав мои мысли, — а здесь — вечная ночь. Интересно, сколько времени прошло?

— Не знаю, — ответил я, гладя ее по спине, от плечей к пояснице, — а это важно?

— Пора возвращаться, тебе нужно отдохнуть. Да и мне тоже.

— Я чувствую себя бодрым, — возразил я.

— Это адреналин, — покачала головой Нааме. — Потом будет откат, завтра оценишь.

— У тебя было много мужчин? — спросил я.

— Ты тоже не новичок в любви, — хмыкнула она.

— Надин, — обратился я к ней тем именем, что услышал во сне. — Кто ты?

— Ты знаешь мое имя. — Она зевнула. — Кто тебе сказал?

— Лорд. И он сказал, что у тебя тысячи имен.

— Лорд в своем репертуаре, — подтвердила Надин-Нааме. — «Тысячи имен, тысячи лиц, тысячи мужчин»… Старый пердун.

— Не такой уж он старый, — возразил я.

— Ты даже не представляешь, какой он на самом деле древний, — ответила Нааме. — Где это Лорд с тобой разоткровенничался?

— Во сне, — признался я.

На миг ее лицо… застыло, на нем появилось выражение тревоги.

— Вот как… И что еще было в этом сне?

— Планета. С ледяными небесами и древними руинами, занесенными снегом.

— Бракиэль, — она провела кончиками пальцев по моей груди, — Глядящий-в-небо. Не думай об этом пока.

— А разве можно заставить себя не думать? — спросил я.

— Можно. Все можно. В конце концов, я с тобой и останусь с тобой в обозримом будущем. Тебе этого мало?

— Мало, — признался я. — Мне бы хотелось, чтобы ты была со мной всегда.

— Я не знаю слова «всегда». — Она поднялась на ноги. — Я знаю слова «вчера», «сегодня», «завтра», а «всегда» для меня слишком абстрактно. Не говори мне «всегда», не говори о любви — и наше завтра будет снова и снова.

— Хорошо, — согласился я, собираясь одеться. Она, подойдя сзади, остановила мою руку.

— Погоди, — прошептала Нааме, прижимаясь грудью к моей спине. — Не сейчас. Еще есть время. Еще можно не спешить…

Я обернулся к ней, привлекая ее к себе.

— Возьми меня на руки, — попросила она. — Я хочу думать, что ничего нет: ни этой станции, ни базы, ни Земли — только я и мой Бракиэль…

Седьмая цепочка: игла прошла по нашим душам…*Бракиэль*

Эта часть базы была необычной: она вплотную примыкала к тому, что Лорд называл «Вавилонской башней», и относилась именно к ней, то есть представляла собой помещения настолько древние, что в голове не укладывается. От тех времен в полсотне совершенно одинаковых довольно больших комнат не осталось ничего.

У нас было любимое место — Ложе Королей. Оно стояло в пустынном сводчатом зале и представляло собой возвышенность футов десять в длину и футов восемь шириной. Мы притащили туда большой матрац и двойной спальник…

Я по-прежнему звал ее Нааме, хотя первым ее именем было Надин. Я по-прежнему почти ничего не знал о ней. Нааме научила меня жить сегодняшним днем. Не заглядывать в туманное завтра, не вспоминать удаляющееся вчера. Хорошо или плохо может быть только здесь и сейчас, и надо стремиться, чтобы именно сегодня было хорошо…

Я отвлекся. Это одно из свойств любви — она

рассеивает внимание. Нааме взяла с меня обещание, что я не буду думать о ней в период обучения.

— Ты должен быть сосредоточен, — повторяла она. — То, что вы изучаете, важно. Вам предстоит противостоять огромному, агрессивному миру, вам предстоит встретиться с такими угрозами, о которых вы и понятия не имеете, а неизвестность многократно увеличивает страх. Нет хуже врага, чем страх, это единственный настоящий враг человека. Кто испуган, тот уже мертв.

Я искренне старался выполнять обещанное, зная, что награда более чем щедра. Нааме — это тысяча моих женщин, каждая из которых — та самая, единственная, любимая. Потому, когда я не с ней, я произвожу впечатление зацикленного на учебе ботана, что дается мне легко — мне нравится поглощать знания, осваивать новые умения, раскрывать грани своих сверхспособностей.

В каждом из нас заложено намного больше, чем нам кажется. Какие-то силы подвластны любому из участников Проекта, какие-то могут в разной степени проявляться у разных ребят, а что-то уникально. У меня уникальной способностью является «телепатическая астрономия» — я знаю о том, что происходит в Солнечной системе до

самого Пояса Койпера практически все. Одной из моих удивительных находок я поделился только с Нааме — оказывается, планета, которую я видел во сне, действительно существует, и она очень странная. В чем заключается странность, долго говорить, но я чувствую исходящую от нее угрозу и то, что она сыграет особую роль в моей жизни. В жизни всех участников Проекта.

Нааме косвенно подтвердила это, но подробностей не рассказала.

Так вот, вернусь к тому, с чего начал: те помещения, о которых я говорил, отданы кураторами каждой из цепочек — их у нас как раз пятьдесят. Ребята превратили их в свои штаб-квартиры. И одна из таких «штаб-квартир», куда я как раз направляюсь, принадлежит «моей» цепочке.

Почему я взял это слово в кавычки? Все просто — своим для ребят я так и не стал, и даже больше: с каждым днем трещина между нами все углубляется. Моей вины в этом нет — я ребятам ничего плохого не сделал. Но они мне не доверяют — больше всех Призрак и Леди Лёд.

Я постучал в дверь. Это базовый этикет — без стука в «штаб-квартиру» могут войти только ее участники. Формально я имею на это право, но… но лучше перестраховаться. Створки разошлись,

и я оказался внутри. Остальные уже были на месте — сидели на выращенной базой мебели и выглядели так, словно я прервал оживленное обсуждение. Один только Призрак был занят, что-то настраивая в своем Цезаре, который за прошедшие две недели из мотороллера превратился в какую-то невообразимую конструкцию, даже по меркам базы довольно футуристического вида. При виде меня Цезарь свернулся в клубок, прикрыв «внутренности» выдвижными панелями.

— Спокойно, bambino, — велел Призрак мопеду. — Я сам разберусь. С чем пожаловали, юный член Совета Джедаев?

Последнее было уже в мой адрес. Я смущенно остановился в дверях:

— Ребята… короче, я пришел сказать…

Призрак пробурчал что-то по-итальянски, похоже, в рифму, и весьма нецензурное. Я пропустил его замечание мимо ушей.

— Я на досуге немного занялся коррупцией и использованием своих связей для достижения личных целей. Короче, татуировщик готов вас принять… кхм, прямо сейчас.

— Короче, короче, — фыркнул Призрак. — Короче у слона. Заладил, тоже мне…

— Призрак, я, конечно, ценю твою скром-

ность, — вмешалась Черная Королева, — но у слона все-таки длиннее.

Единственный человек в цепочке, кто меня иногда поддерживает, — Черная Королева. Правда, мне кажется, только ради их с Призраком непрекращающейся пикировки.

— Откуда ты знаешь? — парировал Призрак. — Ты у меня не видела!

— Зато я видела у слона, — отрезала Королева. — Я не совсем понимаю, на кой мне нужна эта татуировка, но пойду, пожалуй.

— Правильно, — заметила Дария. — Куинни, татуха поможет тебе вызывать фичу. Ты же знаешь, в чем твоя проблема.

— В том, что я не могу найти для нее подходящую форму, — ответила Черная Королева. — Но я не понимаю, при чем здесь какая-то татуха.

— Это ведь не просто татуировка, — вклинился я. — В каждый прокол кожи вставляется микрокомпьютер, наноимплантат, имеющий излучающую антенну.

— Тебе-то откуда знать? — возразил Призрак. — Можно подумать, у тебя такая cazzatta есть уже…

— Есть, — подтвердил я, чувствуя, что краснею. Из участников Проекта татуировку я получил первым, но смутило меня совсем не это.

— Так покажи, — настаивал Призрак.

— Не могу. — Я покраснел еще сильнее.

— Ишь какой стеснительный рассо di merde! — Призрак оставил в покое свой оживший мопед и направился ко мне. — Я могу и не спрашивая посмотреть.

Джинн с Фредди тоже поднялись. Вот черт! Только этого не хватало!

— Сделай себе татуировку и смотри, — огрызнулся я. — Моя татуировка — мое дело!

— Я должен иметь представление, — сказал Призрак, — прежде чем решусь. Ну-ка, ребята, хватайте его!

И все трое бросились на меня. Я действовал рефлекторно — выставив ладони вперед, почувствовал спиной уже знакомою волну тепла и…

Все трое замерли, не добежав до меня пару футов; рука Джинна почти касалась моего запястья.

Этому фокусу научила меня Нааме, попросив применять его только в крайнем случае. Не знаю, что она считала «крайним случаем», но лично я не мог допустить, чтобы эти три хулигана пырились на… мою татуировку.

Девочки вскочили на ноги, грамотно рассредоточившись по помещению, чтобы я не мог

накрыть их одним ударом, как парней. Опаснее всего была Леди Лёд, но она находилась далеко.

Я скорчил расстроенную гримасу:

— Да что ж это за напасть-то? Я вам что, чудовище из стимулятора? — Во время работы на стимуляторах то и дело появлялись неожиданные противники, порой страшные, как задница Самуэля. — Я пришел с миром! С радостной новостью! А вы меня хотите на форшмак покрошить, за что?

— Девочки, а он прав, — сказала Тень. — Отпусти ребят, тогда и поговорим.

— Да не вопрос, — согласился я. — Но если они опять полезут, устрою им нейрочесотку. Думаю, вы хорошо знаете, что это.

Нейрочесотка — штука крайне интересная. С ее помощью нам объяснили очень многие вещи, хотя практическое знакомство с этой штукой приятным не назовешь. Как известно, наши ощущения имеют электрическую природу; нервная система, по сути, — проводная система связи и контроля. Чесотка — самый низший уровень сигнализации о неприятностях организма.

Наши сверхспособности в основе своей имеют ту же электрическую природу, поскольку их источником является именно наша нервная си-

стема. Потому самое простое, что можно сделать с другим человеком, — вызвать у него чесотку, обмануть его нервы таким образом, чтобы у организма создалось впечатление, будто что-то не так. Но это только начало: следующим шагом в одном направлении будет симуляция болевых ощущений, и конец этого пути — сверхспособность Леди Лёд, которая может «убедить» организм, что у него, например, злокачественная опухоль или инфекция. Ни того, ни другого не будет, но организм «поверит» и начнет разрушать себя сам. А можно, наоборот, «уговорить» организм, что он здоров. И тогда настоящая инфекция будет не в силах выполнить свою программу — организм станет для нее неуязвим.

После всего сказанного Леди Лёд представляется каким-то суперменом, точнее, супервумен, но это не так. Есть еще одно направление — защита. Сила воздействия на организм тем больше, чем меньше сопротивление. С обычным человеком Леди Лёд может сотворить все что угодно, с необученным участником Проекта ей будет сложнее, обученный сможет противостоять ее воздействию в той или иной мере, вплоть до полной неуязвимости. В конце концов, все упирается в количество энергии, вложенной в то или иное

действие. А вот откуда берется эта энергия, не знаю даже я.

— Значит, так, — сказал я. — Я снимаю паралич на счет «три», а потом мы тихо, спокойно, как друзья, продолжаем общаться. И замечу, что татуировка усилила мои способности, сами видите насколько. Думаю, это хорошее объяснение тому, зачем ее делать. Раз, два, три…

…Заряд чистого нейрошока я отразил довольно легко. Когда знаешь, чем тебя атакуют, защититься проще. Призрак, конечно, кто же еще?

— Будем считать, что я это не видел, — примирительно сказал я. — И продолжим. Короче…

— У слона, — буркнул Призрак.

— …Апистия ждет вас. Как я понимаю, проблем с выбором сюжета не будет. Процедура не длительная и не болезненная. Порядок прохождения определяйте сами. Я подожду вас за дверью, как будете готовы — выходите.

Черная Королева

Первой выпало идти мне. Кстати, о птичках: я понятия не имела, что бы себе набить. Оставив ребят в коридоре, я зашла в медлаб, где меня уже ждала Апистия.

Странная женщина сидела на высоком столе. Позади стола был 3D-экран для проецирования

многочисленных изображений — такими снабжались очень многие устройства, вплоть до тех имитаторов, в которых мы проходили практическое обучение.

На столе стояла только бутылка виски в стекле — дорогая штука, хотя марка не самая лучшая, — и стакан. Второй Апистия держала в руке.

— Тоника нет, — сказала куратор, проследив за направлением моего взгляда. — Выпьешь для храбрости? Процедура безболезненная, но многие боятся.

— Я не боюсь. Но выпить не откажусь.

— Наш человек, — похвалила Апистия, протянув мне стакан.

Я выпила. Виски оказался ожидаемо паршивым, даже хуже, чем то, что продается у нас в Хараре.

— Раздевайся, — велела она. — Как закончишь, водружай на голову «корону» и ложись на живот. Татуировка большая, на всю спину, но делается быстро.

— Погодите, а что вы мне колоть собрались? — всполошилась я.

— То, что ты себе представишь, — пояснила Апистия. — «Корона» посылает импульс вызова фичи и считывает образ, который появится. В про-

цессе татуировки нервная система соединяется с имплантатами, и фича получает возможность оперировать в реальном мире.

Я улеглась на кушетку, напялив то, что куратор называла «короной», и задумалась: какой же образ всплывет у меня под воздействием импульса?

Я вспомнила, как однажды играла в карты, без особого интереса, как говорят каталы, на семечки. Унесла с игры рандов пятьсот или меньше. Но мне понравилась колода того парня, да и сам парнишка был ничего — итальянец, как заноза Призрак, такой же балагур и матерщинник, к тому же он явно подбивал ко мне клинья, так что пришлось сказать, что я еще не «расцвела» и за подобный интерес он может иметь серьезные проблемы и у нас, и у себя на родине.

У него была забавная колода. Вроде как таро, но не таро, обычные карты. Все «картинки» оказались выписаны с любовью. Когда мы закончили, мой партнер заявил, что ему скучно.

— Хотел поразвлечься, да не судьба, — сказал он без обиняков. — Che cazza, не будь я Чезаре Маркантонио Ресинголо, если не вернусь за тобой, когда ты созреешь. Хочешь, я тебе погадаю?

— А разве игральными картами гадают? — уди-

вилась я.

— Я гадаю, а остальные могут идти per bucca di culo. — Он протянул мне колоду: — Вытащи карту.

Я взяла одну из карт и потянула, а он продолжил:

— Это будет твоя дама. Твоя масть.

Действительно, карта оказалась дамой пик. На рисунке была красивая женская фигура, закутанная в темную ткань так, что открытым оставалось только лицо. Вернее, должно было оставаться — вместо него была тьма с двумя алыми пятнами на месте глаз.

— Soror morte aeterna caritat, — улыбнулся Чезаре. — Положи на стол, посмотрим, что тебе готовит будущее. Мое гадание простое — только три карты: прошлое, настоящее, будущее. Держу пари — третьим выпадет пиковый король, — он подмигнул, — то есть я.

Перетасовав карты, парень положил три, одну за другой. Первым вышел пиковый туз.

— Странное прошлое, — заметил он и накрыл его другой картой — тоже тузом, на сей раз червовым, — а вот это уже лучше: успех, богатство, достижение цели. Итак…

Его пальцы едва заметно дрожали. Третья кар-

та оказалась фигурой пиковой масти — но не королем, а вальтом. Валет был изображен в виде пылающего скелета в косухе верхом на байке — кажется, существовал такой герой комиксов, что ли, вроде я даже кино смотрела про него в 2D.

— Ну, я так не играю, — буркнул Чезаре. — Сегодня все против меня. Che cazza, на что человеку свобода воли, если какие-то карты могут предсказать судьбу! Я все равно за тобой вернусь, вот увидишь.

— Посмотрим, — сказала я. — Гляди не опоздай…

Больше я этого парня не видела и со временем забыла о том случае, но когда я надела «корону», образ той самой дамы явственно предстал перед моими глазами.

А затем застрекотали имплантаты…

Дария

— Ну как, что тебе накололи? — обступили мы Куинни, стоило ей выйти из медлаба. Только Леди Лёд стояла в стороне и улыбалась.

— Потом покажу, девочки, — пообещала Королева. — Ух, я себя так странно чувствую… словно крылья выросли.

— Ну что, Олга, — спросила Льдинка, подходя к нам, — пойдешь следующей?

Леди Лёд все надеялась пробудить сверхсилы Олги. Ее упрямство, кажется, тем больше росло, чем яснее становилось, что Олга — не одна из нас, что у нее нет того, что всех нас роднило, — сверхсилы.

— Я боюсь, — призналась девушка. — Пусть Дария пойдет, а потом уже я.

— Хорошо, — согласилась Льдинка. — Но ты следующая.

— Меня только спросить забыли, — заметила я. — Ну ладно, я-то пойду. Мне самой интересно, что получится…

— Выпьешь? — спросила меня Апистия, когда я зашла. Куратор сидела в кресле рядом со столом, на котором лежала «корона» — облегченная версия шлема ВР, способная снимать импульсы мозга и декодировать их. Более серьезная версия «короны», такая, какой мы пользовались при обучении, могла записывать в память информацию, а шлем ВР погружал тебя в другую реальность…

— Нет, спасибо. Не люблю спиртного.

— Художница? — неожиданно поинтересовалась Апистия, вставая с кресла и убирая бутылку и чашки (свою она опустошила до дна).

— Скульптор, — поправила я.

— Для меня это одно и то же, — махнула рукой

женщина. — Скульптор, художник, композитор — у тебя оживают статуэтки у… кого-то — мелодии…

Она ушла за стойку и добавила:

— Снимай все с себя, ложись на живот, надевай «корону». Она считает образ твоей фичи и вытатуирует ее на спине.

«Выходит, у меня будет татуировка в виде обнаженной танцующей Эсмеральды», — подумала я.

Фредди

— Ты мне не поможешь?

Тень говорила тихо, не глядя в глаза. Она мне нравилась. И Олга тоже. А вот Дарию и Льдинку я, признаться, побаивался.

— С удовольствием, — ответил я. — Что нужно сделать?

— Олга сильно нервничает, — сказала Тень. — Я знаю, она тебе нравится…

— Ты мне тоже нравишься, — честно признался я.

Она не ответила, но я почувствовал, что девушка смутилась.

— Можешь ей помочь?

— Могу. Что надо сделать?

— Пойди после Дарии, хорошо? — попросила Тень. — Иначе идти придется мне, а я… тоже

боюсь, — добавила она, краснея.

— Не бойся, — улыбнулся я. — Ничего там страшного нет. Значит, я иду следующим.

— Спасибо, — сказала Тень.

Пока девочки приветствовали Дарию, я вызвался добровольцем.

Между прочим, моя фича тоже пока была безликой. К тому же я так и не понял, в чем же ее сущность. В том, что я могу запомнить то, что увидел мельком? На сверхспособность не тянет. Телекинез? Ну, этим вообще все участники владеют, если верить Бараке. И кстати, действительно, стоило ему объяснить нам, как это делается, и вся орава принялась бросаться без помощи мышц всем, чем угодно, включая друг друга.

Вру, конечно. Швырнуть другого участника Проекта многим было не под силу… Реально это смогли сделать я и куратор Проекта Барака. И если он не врет, этот зануда Бракиэль. И летать — левитировать — никто, кроме меня, пока не научился.

В кабинете я надел «корону», закрыл глаза и увидел темное место — даже непонятно, было ли это открытое или закрытое пространство. Светлым оказался только ползущий по земле туман.

Неожиданно я почувствовал дрожь под ногами

и даже не сразу понял, что это чьи-то тяжелые шаги. А потом в тумане возникла высокая фигура; когда она подошла ближе, я понял, что на человеке надето нечто похожее на рыцарские доспехи и скафандр одновременно. Мужчина тяжело дышал, словно до этого пробежал несколько километров.

Я слышал, как зажужжали имплантаты, но все мое внимание приковывал к себе странный человек в черном.

— Кто ты? — спросил его я.

— Я — это ты, — ответил он басом. — Когда-нибудь мы еще увидимся.

— Где? — спросил я.

— В отражениях зеркал, — ответил он, после чего ушел, растворившись в тумане, который с каждой минутой становился гуще.

Тень

Мы с Олгой стояли и боялись.

Из медлаба появился Фредди, как мне показалось, довольный. Его тут же окружили и принялись расспрашивать. Только мы с Олгой не участвовали в этом. Я собиралась с духом, но…

— Теперь моя очередь, — сказала Олга, мягко улыбаясь.

— Постой. Но ты же боишься!

— Ты тоже, — ответила она. — Я бы уступила дорогу бесстрашным, но я слишком хорошо знаю, что такое страх, чтобы пропустить вперед того, кто боится, — и упорхнула в кабинет.

Я подошла к остальным. Фредди тем временем снимал верх комбинезона, чтобы показать свою татуировку. Выглядела она так, будто парень с ней родился, — как картина, но вместо холста — кожа спины. Татуировка изображала высокого мужчину, как мне показалось, в рыцарских доспехах, выполненных в стиле high tech. В каждой руке он держал по мечу. Мечи сияли — один синим, другой красным.

— Che cazza! — изумился Призрак. — Это что еще за stronzo fortissimo?!

— Господи! — воскликнула Дария. — Ничего себе!

— Ты знаешь, кто это? — удивился Джинн. — Слушай, кто-то знакомый, но вот кто?!

— Герой одной саги конца прошлого века, — ответила Дария. — Я в честь него назвала фигурку Фредди.

— Schiffozo caccare, — выругался Призрак.

— И чем он знаменит? — спросил Фредди.

Дария смутилась:

— Душил людей на расстоянии и все такое. А

еще был пилотом от Бога.

Фредди не ответил.

Ко мне подошла Льдинка.

— Олга? — она кивнула на дверь.

— Да, — сказала я.

Лицо Леди Лёд просветлело:

— Надеюсь, ей это поможет.

— А если нет? — спросила я.

Льдинка пожала плечами. Было видно, что девушка нервничает.

— Я верю в нее, — сказала она, не глядя на меня. — Понимаю, что для этой веры нет оснований, но верю…

— Для веры никогда нет оснований, — отозвалась я. — На то она и вера…

Тем временем двери медлаба открылись и оттуда вышла Олга. Она была бледна, потому мы сразу бросились к ней.

— Все нормально, — обнадежила девушка. — Это оказалось просто и безболезненно.

Затем Олга взяла меня под локоть:

— Иди, Тень… твой котенок тебя ждет. Поверь мне.

— А кто у тебя? — спросила я, но ответа не получила.

Я зашла в медлаб. Апистия сидела у стола и

задумчиво крутила в пальцах стакан с темной жидкостью. Бутылка, почти пустая, стояла на столе вместе со вторым стаканом.

— Заходи, раздевайся, — сказала она. — Выпей, думаю, тебе полезно.

Я послушно взяла стакан. Пойло было крепкое и неприятное на вкус.

— А, балерина, — протянула Апистия, когда я подрагивающими (надеюсь, от выпитого виски) пальцами расстегнула верх комбинезона и сняла его. — Не узнала тебя сразу…

— С чего вы взяли? — спросила я.

Куратор улыбнулась, слегка криво:

— Спроси у аппарата. Сегодня он тебя уже видел. Так, ложись на живот, надевай «корону»…

Я легла и услышала, как за аппаратом Апистия насвистывает «Танец маленьких лебедей» из «Лебединого озера» Чайковского.

…Когда процесс закончился, женщина разочарованно покосилась на мою спину:

— А я-то думала… Эх, какие вы еще дети… А ты и правда танцуешь?

— Немного, — призналась я. — Занималась балетом.

— Эсмеральда? — спросила она.

Я кивнула. На ее лице появилась странная

тень:

— Хотела бы я посмотреть…

Я попыталась что-то сказать, но она махнула рукой и добавила:

— Позови кого-то из парней. Чего они топчутся позади, боятся, что ли?

Призрак

Madre de porca putana! Чтобы я боялся? Che cazza?!

Другое дело, что я не особо понимал, на кой ляд мне эта татуировка. Фича и так со мной. За две недели с помощью Джинна и примкнувшего к нам Фредди Цезарь преобразился до неузнаваемости. Теперь у него был антиграв, а сам он имел такую кучу примочек и функций — mamma mia! Только хвостом вилять не научился, поскольку тот у него отсутствовал.

Вообще, крутая эта база. Любая техническая документация под рукой, 3D-принтер в полном распоряжении, печатай — не хочу. Тут не то что мотоцикл с антигравом, тут, cazzarolla, «Энтерпрайз»[66]собрать можно.

А еще все эти сверхсилы — какая круть! С та-

[66] Примечания: 66

«Энтерпрайз» — космический корабль из фантастической франшизы «Star Track». Служил прообразом для первых кораблей, осваивающих Солнечную систему с 2030-х годов.

кой шнягой и пистолета не надо, ты сам себе «беретта». Тем более что porco stronzo cazzato Барака находил особый кайф в том, чтобы демонстрировать бесполезность моей «беретты» перед человеком, владеющим сверхспособностями. Что он только не делал — и чесотку на меня насылал, и паралич, и болевой синдром, и тремор, и слабость, так что пистолет казался тяжелее статуи Давида в Риме.

Ничего-ничего. Я выучусь со всем этим управляться не хуже его и когда-нибудь на нем же и оторвусь, за все хорошее. И чего он ко мне привязался? Католиков, что ли, не любит, да покарает его святой Мартин!

— Пить будешь? — спросила Апистия, выливая остатки виски в стакан.

Второй, наполненный, стоял на столе рядом с уже знакомой мне «короной».

— Не откажусь, — ответил я, беря стакан. — За Проект!

— А ты — парень не промах, — похвалила куратор. — Что колоть будем? Шутка! Что колоть, аппарат увидит без наших подсказок. Раздевайся, ложись на живот…

— А вы? — спросил я, расстегивая комбинезон.

Апистия рассмеялась:

— Шутник гребаный, смотри, как бы я тебе бубнового туза не наколола, из вредности…

Когда процесс закончился, Апистия протянула мне стакан с виски — пока работали имплантаты, она вскрыла еще одну бутылку:

— Забавно, вышел пиковый валет.

— Куда вышел? — не понял я.

— На спине у тебя вышел, — ответила она.

У меня глаза на лоб полезли:

— Я думал, будет мотоцикл!

— Не дрейфь, — Апистия хлопнула меня по плечу, — есть там мотоцикл. Валет у тебя не простой, он байкер…

Леди Лёд

Я отвела Олгу в сторону и спросила:

— Как ты? Что чувствуешь?

Она ответила не сразу:

— Мне… необычно. Даже не могу описать как. Будто стою на пороге какой-то комнаты и что-то подталкивает меня внутрь.

— А что у тебя за татуировка?

— Не знаю, — ответила она. — Я же ее не видела.

— Хорошо. Я сейчас сбегаю уколюсь, а потом вместе посмотрим, идет?

— Идет, — согласилась соседка.

Я нервничала, беспокоилась за Олгу. Вид у нее был нездоровый… Может, не стоило ввязывать ее в эту авантюру? Может, от моей веры в нее ей только хуже? Но я так хотела помочь!

Об ее отце не было никаких новостей. По словам Леди Н., следы Августа Рекса теряются где-то в Южной Африке, в малообитаемых районах у пустыни Намиб. Африка только на карте кажется маленькой — Ангола с Намибией будут размером с Европу. К тому же там нет больших городов, зато есть множество частных территорий сомнительного свойства. Где-то добывают алмазы, где-то уран, где-то построены лаборатории, разрабатывающие оружие, где-то производят синтетическую наркоту. А еще там есть бордели, парки человеческого сафари и еще бог весть что… Страшное место.

Я так хотела помочь девочке, но как?! У меня не было никаких идей.

Призрак вышел, и я попросила Джинна пропустить меня вперед. Тот проворчал:

— Еще подумают, что я боюсь, — но пропустил, остался сидеть со своим планшетом.

Апистия, по-моему, была подшофе:

— Так, опять дама. Ладно, раздевайся, ложись на живот… Выпьешь?

Я отказалась — терпеть не могу алкоголь. Апистия, вероятно, относится к нему совершенно иначе — махнула стакан, словно воду пила, даром что без компании. Я надела «корону» и улеглась на койку. Тут же перед моим взором предстала Арвен.

— У меня хорошие предчувствия, — заявила рысь.

— У тебя бывают предчувствия? — удивилась я.

— Даже чаще, чем мне хотелось бы, — ответила фича. — К тому же у нас новенький.

— Новенький? Кто?

— Мужчина старше средних лет. Джинсы, ковбойская рубаха в черно-красную клетку, волосы светлые, с сединой, небольшая борода. Пока не освоился, в контакт не вступает, но круг его принял.

— Круг? — Я ничего не понимала.

— Круг — это мы, ваши фичи, — пояснила Арвен. — А ты… ой, щекотно…

Я слышала, как жужжат иглы имплантатов.

— А ты думала, — заметила я. — Мы на свет болезненнее рождаемся.

— Круто! — восхитилась рысь. — Теперь я смогу в любое время появляться. Но прообраз береги.

— Прообраз? — удивилась я.

Но тут Арвен исчезла из поля зрения, и я почувствовала, как меня трясут за плечо.

— Ты что, заснула? — спросила Апистия.

— Общалась с фичей, — ответила я. — Это запрещено?

— Ну, теперь-то вы и наяву общаться сможете, — ответила куратор. — Проверено. Ладно, много там еще народу?

— Один, — буркнула я, а потом решилась: — А у вас тоже есть фича?

— У всех она есть, — туманно пояснила Апистия. — Не веришь — спроси у Олги.

Я кивнула и вышла из медлаба.

Джинн

Чет мне как-то не везет. Хотел пойти первым, а вышло, что пошел последним.

— А, мой старый знакомый, благоразумный Джинн. — Апистия ждала меня с двумя стаканами виски. — Хочешь виски? Джина у меня нет.

— Очень смешно, — заметил я. — Щас описаюсь от смеха.

— Один-один, — рассмеялась Апистия, ничуть не обидевшись. — Но, я думаю, тебе стоит выпить, поскольку у меня для тебя специальное предложение.

Она подошла к столу и достала нечто, напоминающее сеточку для волос, вернее, несколько таких сеточек, вложенных одна в другую.

— Говорят, ты мечтаешь вживить комп прямо в мозг, — сказала она. — И кое-кто тебе это даже пообещал. То, что я держу в руках, вдвое мощнее той штуки, которая стоит у Надин. К тому же у него лучше скорость доступа в интерфейсе «мозг — компьютер». Внешняя оболочка — антенный комплекс, ниже находится искусственная система биоинтеграции — она превратит этот имплантат в твой орган, обеспечит его кровоснабжение, электропитание, охлаждение. Еще ниже — нейронально-синаптический процессор, затем — второй слой биоинтеграции, память — множество твердотельных элементов, поддерживающих многослойную запись информации. Объем этого устройства — шестьдесят четыре экзабайта…

— У меня в планшете два экзабайта, — удивился я.

— Думаю, у тебя будет возможность «скачать себе Интернет», — улыбнулась Апистия. — Внутри — еще одна биоподложка с коннекторами. Материал — твои собственные клетки, так что эта штука станет продолжением твоего мозга.

— Я согласен, — сказал я. — Но у меня два вопроса.

— Валяй, — кивнула Апистия.

— Сколько продлится операция? — спросил я.

— Столько же, сколько и татуировка, — ответила Апистия. — Так что, выпьешь?

— А это не помешает?

— Скорее поможет. За Проект!

— За Проект, — согласился я и выпил. Ну и гадость, у нас такое только лесорубы пьют…

— А второй вопрос? — напомнила Апистия, вытирая губы платком.

— В чем подвох? — поинтересовался я.

Апистия прищурилась и улыбнулась:

— Устройство не тестировалось на людях. Я имею в виду, на таких, как вы. Первый экземпляр новой серии. Оно показало отличную работоспособность на стенде, но ты будешь первым, кто его применит. Если согласишься.

Апистия отхлебнула виски (как она его так пьет? Я эту мерзость еле проглотил одним махом, а она словно чай прихлебывает) и сказала:

— Так что, попробуешь? Или испугаешься?

— Я же сказал, что согласен, — буркнул я.

— И тебе не страшно? — поинтересовалась она.

— Страшно, — признался я. — Но ведь я о таком мечтал! Наверно, страх стоит на пути любой мечты. И еще я почему-то уверен, что все будет хорошо.

— Молодец, — похвалила Апистия. — Раздевайся, ложись на стол. Мне придется дать тебе общий наркоз. Черепушку я, конечно, и под местным могу вскрыть, но не думаю, что у тебя будут приятные ощущения.

— А вы когда-нибудь уже это делали? — спросил я.

— А то, — ответила она. — И это, и не только. Однажды, милый, я мозги нашего Лорда в руках держала. Ну, ты болтать станешь или делом займемся?

Бракиэль

Я вернулся в медлаб и застал там всех, кроме Джинна. Неудивительно — я знал, что Апистия собирается внедрить ему имплантат-компьютер. Не так давно все кураторы заменили свои старые имплантаты на такие, как сейчас ставят Джинну. Я даже спросил у Нааме, можно ли мне такой же, но она ответила, что имплантат сначала надо вырастить, а мой пока еще подрастал. Она привела меня в лабораторию — не ту, в которой мы проходили практические занятия, а ту, что рас-

полагалась на орбитальной станции (иногда мы летали туда, чтобы… уединиться, ну, вы понимаете). Там, среди криогенных шкафов и стеллажей, на столах стояли колбы Фишера разных размеров. Колб было довольно много, и в некоторых росли те самые имплантаты. В другой части трудились роботы, монтируя микросхемные элементы в живую ткань.

В лаборатории имелись две двери сейфового типа, покрытые предупреждающими надписями. Я спросил, что там.

— Много будешь знать — скоро состаришься, — ответила Нааме. — А ты меня молодым вполне устраиваешь. — Но затем согласилась: — Ладно, пойдем, сам напросился.

Она открыла дверь, пропуская меня вперед. В камере царил холод, причем сильнее, чем в окрестностях базы. Он пробивался даже сквозь термозащитную ауру, спасавшую открытые участки — лицо и руки, ведь ни шлема, ни перчаток на мне не было.

А вокруг на стеллажах лежали органы. Руки, ноги, глаза, сердца, почки… Зрелище вызвало бы тошноту у более впечатлительного человека, но я, к счастью, ничем таким не страдал.

Нааме подошла к столику, где на блюде лежало

сердце, и взяла орган в руки.

— На вид просто кусок мяса, — сказала она, прикрыв глаза. — На деле же — путь к бессмертию и практически божественному могуществу. Что такое тело? Не больше чем костюм для души. Но мы благоговеем перед ним, холим его и лелеем… Мой учитель некогда отказался считать человеческое тело священным, за что был заклеймен и проклят. Но чем сейчас живет человечество? Органы печатают на 3D-принтерах по технологиям Ройзельмана, кибернетические имплантаты создают по схемам, являющимся модернизацией проектов Ройзельмана, и соединяют через интерфейс, разработанный Ройзельманом. У них не хватает ни смелости, ни фантазии, чтобы шагнуть дальше: они либо слепо копируют природу, либо заменяют природные органы механическими аналогами. Но есть и третий путь…

Она поднесла сердце к моему лицу:

— Посмотри. Видишь? Вот здесь и здесь — специальные органы, контролирующие толщину стенок и тонус мышц околосердечного мешка. Вот эти железы запускают процессы восстановления разрушенных областей, а вот эти — насыщают кровь различными специальными частицами. А контроль осуществляет вот этот узел, на самом

деле — маленький мозг. И это лишь то, что лежит на поверхности. Мы совершенствуем органы тела, потому что не боимся менять одежду, тогда как человечество трясется над ней, предпочитая ставить заплаты на лохмотья, в которые превратились их некогда роскошные одеяния. Мы можем победить старость и даже смерть — но лишь в том случае, если откажемся от идолопоклонства перед своей плотью. Plus grandir pour pas mourir, pas sufrir[67] — извечная мечта человечества, от которой его отделяет собственная трусость!

— А могущество? — спросил я. — При чем здесь оно?

— В нас заложено намного больше, чем мы думаем, — ответила Нааме. — То, что вы называете «сверхспособностями». Ты видишь, насколько они усилились после того, как ты сделал татуировку? Но с новым телом даже это покажется тебе детскими шалостями. Возможности велики, но справятся не все.

— Как, по-твоему, я смогу? — спросил я ее.

Она улыбнулась:

— Если бы я не верила в это, то не стала бы

---

[67] Примечания: 67

Не стареть — чтобы не умереть, чтобы не страдать (*фр.*).

спать с тобой, Бракиэль.

* * *

— Слышь, — спросил Призрак, стараясь не смотреть на меня, — не в курсе, чего Апистия там с Джинном валандается? Со мной она быстрее разобралась.

— Тебе только татуировку делали, — ответил я. — А Джинну еще и имплантацию.

— Зачем это? — насупился мой извечный оппонент.

— Видимо, потому, что ему предложили, — произнес я. — А он не отказался. Мы ничего насильно не делаем.

— Мы? — переспросил он. — С каких это пор ты стал куратором? Я думал, ты один из нас.

— И относился ко мне соответственно, да? — спросил я. — Знаешь, человек рано или поздно становится таким, каким его видят окружающие. Я вам ничего плохого не сделал, но вы меня не принимаете.

— Ты говоришь как Лорд, — сказал Призрак.

— Аминь, — ответил я. — Если ты считаешь, что я похож на Лорда, я польщен. Лорд человек достойный.

Тем временем двери медлаба открылись и вы-

шел Джинн в сопровождении Апистии.

— Беги, там твой приятель, — сказал я. — Вдруг ему помощь понадобится.

И, развернувшись, вышел. Ну их всех в геенну! Никто мне не нужен, у меня есть моя Нааме.

Это больше, чем целый мир.

Седьмая цепочка: Вальпургиева ночь- *Тень*

Это чертовски трудно, это забирает много сил. Кураторы уверены, что я не могу быть невидимой дольше чем пару минут. Мне удалось убедить их в этом, демонстративно упав в обморок после одного из «исчезновений». В общем, такие штуки действительно выматывают, но мы нашли способ с этим справляться. Задействуя наши фичи, мы можем передавать друг другу энергию. Я думаю — а если и сверхспособности можно передавать? Вдруг именно поэтому Олга стала демонстрировать сверхспособности, пусть и самые элементарные — телекинез, например, или нейрочесотку. Мы вполне могли, сами того не сознавая, подарить ей частичку своей силы. Если это так, я рада. Мы все хотим помочь Олге.

Здесь должен быть поворот… так, вот и он. Теперь налево… Я нахожусь в «запретной зоне», открытой некогда Фредди, Призраком и Джинном. Джинн теперь встречается с Дарией, а Призрак попытался было ухаживать за мной, но ничего путного не вышло. Мы или чересчур

разные, или слишком похожи. Не везет нашему донжуану — Леди Лёд, вполне в соответствии со своим именем, одинаково холодна со всеми, и ребята это чувствуют, а потому не рискуют «подбивать клинья». Со мной не вышло, Дария занята, Олге явно не до амуров — они встречаются, но скорее как друзья. А Черная Королева с Призраком постоянно пикируется, подзуживает и всячески издевается; Призрак тоже в долгу не остается.

Что до меня, то мне нравится Молчаливый Гигант, Анакин, как зовет его Дария, то есть наш Фредди. Но на него романтическая атмосфера, охватившая не только нашу, но и все другие цепочки, насколько я могу видеть, не действует, а я не из тех девочек, кто делает первый шаг.

Ох, не о том я думаю. Между прочим, если задуматься — потерять контроль над сверхспособностью можно в два счета. Я ведь не просто невидима, я нарушаю законы физики. Меня не отражают зеркала, не фиксируют камеры и тепловизоры, даже локаторы не замечают.

Сегодня я иду налегке, потому что стараюсь обойтись своими силами. Прошлый раз я «высосала досуха» Дарию и Куинни, а Льдинку «надпила», потому что шла с грузом, а сделать невидимым

то, что несешь, намного сложнее.

…Началось все с того, что мы собрались впятером у нас в номере, чтобы похвастаться друг перед другом татуировками. Прототип моей фичи мирно дрых на кровати, я на спине у Дарии, казалось, вот-вот сорвусь с места и пущусь в танце по комнате; у Леди Лёд со спины глядела ее Арвен, а на темной коже Королевы виднелась пугающая фигура, похожая на смерть в саване, — пиковая дама.

Но, конечно, всех интересовала татуировка Олги. Леди Лёд сказала, что Арвен сообщила о «прибавлении в семействе». И правда, на спине у Олги оказался вытатуирован импозантный мужчина, одетый в немного старомодный кэжуал — джинсы, кроссовки, рубашка в синюю и красную клетку. У мужчины были имплантаты-сурдолинзы, дорогая штука, выдающая в нем режиссера или высококлассного журналиста.

— Я его уже видела, — заявила вдруг Дария и, предвосхищая наш вопрос, добавила: — Перед тем, как мы впервые встретились с Леди Лёд.

— Видела? — оживилась Олга. — Где?!

— В контактной фазе.

Мы уже знали, что контактной фазой называется миг, когда мозг находится между сном и

бодрствованием, — в этот момент фича может общаться со своим хозяином напрямую.

— Я видела его в…

Дария закусила губу.

— Говори! Он жив? Ранен? — поторопила Олга.

— Он в плену, — нехотя сказала Дария. — Не знаю, где его держат, но, похоже, убивать не собираются… О, кстати, он продиктовал мне номер своей дочери. — И Дария по памяти назвала девять цифр, номер коммуникатора зоны ЕС.

— Это мой номер, — проговорила Олга, бледнея. — Значит, отец жив!

— И в плену, — добавила Леди Лёд. — Но давайте не спешить с выводами. Во-первых, как мне кажется, надо узнать точно, действительно ли Дария общалась с отцом Олги.

— Как это сделать? — спросила Дария.

— В контактной фазе мы передадим тебе нашу энергию, — ответила Леди Лёд. — А ты постарайся найти дорогу, хорошо?

— Хорошо, — кивнула Дария, и тут мой котенок, проснувшись, прыгнул ко мне на колени. Через мгновение шерстка на нем окуталась сиянием, и кот заговорил:

— Странник сказал, что он покажет путь.

— Какой Странник? — удивилась я.

— Новенький в нашей команде, — ответил Талисман. — Он не совсем фича, в нашем понимании этого слова. У него другая природа.

— Какая?

— Не могу сказать, — ответил котенок. — Он самый молодой из нас, но старше всех нас. Он самый слабый, но каждый из нас слабее его.

— Не знала, что мой кот — философ, — хмыкнула я.

— Не перебивай, — попросила Дария. — Что дальше?

— Когда ты станешь засыпать, Эсмеральда отведет тебя к Страннику. А тот приведет к отцу Олги. Если повезет, вы сможете пообщаться или получить от него весточку.

— Хорошо, — согласилась Леди Лёд. — А что дальше?

— Дальше я могу сделать его фигурку, — ответила Дария. — И вытащить его сюда. А вот что потом делать?

Признаюсь честно — мы так и не придумали это. Но решили начать воплощать планы в жизнь. Для этого Дария сделала несколько фигурок: свою, Льдинки, Куинни и Олги — и отдала их мне, а я отнесла в один из пустынных залов «запретной зоны».

Мы решили, что лишние глаза и уши нам ни к чему…

Дария

Я ждала вызова, и вызов пришел.

— Расслабься, — посоветовала Эсмеральда. — Просто не сопротивляйся. И глаза закрой.

Я закрыла глаза, а когда открыла, оказалась в незнакомом пустом зале. Передо мной у возвышения стояла Тень, бледная как смерть. Перед ней были расставлены наши фигурки.

Еще одна вспышка — и из ниоткуда появилась Черная Королева. Льдинка запаздывала, но наконец материализовалась и она.

— Тень, мне кажется, тебе нужны силы, — сказала Леди Лёд, глядя на Тень. — Подожди.

Она подошла и коснулась висков Тени. Через некоторое время кожа моей подруги начала розоветь.

— Хватит, — она отстранила руки Льдинки. — Ты и так выложилась, а вам еще работать.

— Работать в основном придется Дарии, — заметила Леди Лед. — Мы с Куинни так, на подхвате будем.

— За нами не могут наблюдать? — спросила Черная Королева.

— Нет, — ответила я. — Джинн проверял, здесь

мы вне зоны контроля.

— А с остальным что? — спросила Леди Лёд.

— Пока ничего. В тех базах, о которых он говорил, слишком сильная система безопасности. Джинн не хочет привлекать внимания к нашим поискам.

— Плохо, — покачала головой Льдинка. — Ладно, Дария, ты готова?

Я легла на пол (девочки заботливо подстелили спальный мешок, спертый Призраком со склада), закрыла глаза и мысленно приказала себе приготовиться.

— С неба сошел светоносный Кинту.

Был он таким же, как я, но белым,

Был он отцом всех людей живущих,

Был он женат на Кирина-Кинту, — запела Куинни.

— Какого черта я все понимаю? — донесся до меня голос Льдинки.

— Темная Намбу из рода Гулу,

Злых черных Гулу с черного неба,

Видя прекрасный лик светоносного Кинту,

Стать захотела его женою…

«Интересная песня, — подумала я. — Надо потом узнать, чем все закончилось».

Вокруг меня поплыли радужные полосы, а

потом я оказалась среди известных мне руин. Я уверенно пошла к зданию и вскоре отыскала проем и окошко. Мужчина сидел на полу, обхватив колени, и, услышав шум, повернул голову в мою сторону.

— Опять ты? — спросил он слабым голосом. — Ты позвонила моей дочери?

— Ее зовут Олга? — спросила я.

Мужчина вскочил на ноги.

— Ты ей звонила? — вновь спросил он.

— Я виделась с ней, — ответила я. — Она на базе Проекта.

— Боже… — прошептал мужчина. — Вы в опасности, все вы. Вам нужно бежать. Они знают о Проекте. Знают…

Он сел так, будто у него подкосились ноги.

— Кто «они»? — спросила я.

— Консерваторы. Я думал, что детей пытается уничтожить какая-то секта, но все оказалось хуже…

Он оперся спиной о стену и произнес:

— Она мне снилась… я так хочу защитить ее… всегда хотел. Передайте ей.

— Мы вытащим вас, — пообещала я.

— Не знаю, — сказал он. — Я даже не понимаю, реальны вы или галлюцинация. Вот что…

Он принялся рыться в карманах и, наконец, вытащив небольшой брелок с эмблемой Каннского фестиваля, протянул мне его через решетку:

— Передайте это Олге. И скажите, что я ее люблю. Если…

Кажется, разговор его сильно утомил, и он вновь рухнул на пол.

* * *

Открыв глаза, я сказала:

— Он очень слаб.

Девочки окружили меня, а Олга буквально бросилась на грудь:

— Ты его видела?!

Вместо ответа я протянула руку и разжала пальцы, выронив брелок. Олга схватила его на лету и тут же прижала к губам.

— Так, девочки, надо что-то делать, — сказала Льдинка. — По крайней мере, мы выяснили, что отец Олги жив. И это уже хорошо. Вот что, Дария… — Она присела рядом со мной. — Расскажи мне об этом месте как можно подробнее. Я сама туда отправлюсь. Попробую его поддержать, а ты, как придешь в себя и наберешься сил, сделай фигурку. Может, нам удастся его переместить сюда.

— А потом что? — спросила я.

— Посмотрим, — ответила она. — Тут, в конце концов, есть медлаб. Хотя бы выходим его. Ну, и кураторы помогут… надеюсь…

Леди Лёд

Я стояла под звездным небом среди зарослей колючего кустарника, а передо мной были руины. Сохранился только цоколь, верхнее строение было почти полностью разрушено, возможно, сгорело. Я направилась к руинам, пытаясь сориентироваться по тем приметам, что дала мне Дария.

Я склонилась у окошка цоколя. Мужчина лежал на голом цементном полу.

— Август! — позвала его я.

Он приподнял голову:

— Кто вы?

— Мы с Дарией подруги, она приходила раньше.

— Дверь в противоположной стене, — подсказал он. — Выходит в коридор. Больше ничего не знаю — меня привели с мешком на голове.

Не вариант. Я тоскливо посмотрела на толстую решетку окна, а затем выдохнула и нырнула прямо сквозь нее.

— Значит, вы — галлюцинация, — заключил мужчина.

Я присела на корточки и коснулась рукой его плеча. Он не был болен, только очень слаб от недоедания и жажды. Я прикрыла глаза и стала вливать в него жизнь. Много отдать я не могла, мне еще надо было возвращаться.

— Август, — позвала я. — Ваша дочь очень по вас скучает. Ей будет плохо, если с вами что-то случится…

— Знаете, — сказал он, — несколько дней назад… я подумал, что умираю, и пожелал, просто пожелал… попросил Бога: пусть, если я умру, какая-то часть меня останется с ней. Чтобы защищать, понимаете? А потом я увидел сон, там была моя дочь… и вы. И та, вторая девушка. И еще одна, чернокожая.

— Ее зовут Черная Королева, — машинально сообщила я.

— Вы ангелы? — спросил он. — Я не верил в Бога, но когда ты сам ничего не можешь сделать для своего ребенка, к кому еще обращаться? Знаете, как это ужасно — не иметь возможности быть рядом, защищать, беречь…

— Не знаю, — ответила я. — Не буду вас обманывать — не знаю и не могу себе представить. Мы не ангелы. Мы — те самые дети, которых вы хотели спасти. Наверно, все в мире взаимосвязано.

Он кивнул. Я взяла его за плечо:

— Вот что, постарайтесь продержаться день или два, пока мы все подготовим, хорошо?

— Постараюсь, — пообещал он.

— Цена очень высока. Если вы хотите увидеть дочь, пожалуйста, постарайтесь изо всех сил, ясно?

— Да, — ответил он. — Я выдержу. Ради нее.

Вот теперь я немного успокоилась — наконец-то я заметила в глазах Августа огонь. Такой же, какой иногда появлялся у его дочери, когда у нее что-то не получалось, но она очень хотела, чтобы получилось…

Джинн

Я не находил себе места. Масла в огонь подливал Призрак:

— Che cazza, почему мы не могли пойти с ними?

— Потому что перетащить четверых легче, чем семерых, — ответил Фредди, который тоже был хмур.

— Все равно нужно, чтобы хотя бы один из нас их подстраховал, — упрямился Призрак. — Сколько они уже отсутствуют?

— Три часа, — ответил я. — Факн'щит, если они не появятся в течение часа, я сам за ними пойду.

— А если с ними что-то случилось? — продолжал ныть Призрак. — Сами знаете, какая там bucca di culo, Фредди не даст соврать.

— Если бы с ними что-то случилось, кто-нибудь нас позвал бы, — ответил Фредди по-прежнему хмуро.

— Тебе легко говорить, — огрызнулся Призрак.

— Мне нелегко. — Фредди подошел к расставленным на полу фигуркам девушек (наша Дария трудилась не покладая рук, и все мы уже существовали в трех экземплярах: один комплект фигурок был здесь, другой — в «запретной зоне», еще один она когда-то бросила на острове, где жила). — Это тебе не о чем волноваться.

— Vanfaculo, — ответил Призрак, но тут меня побеспокоила моя фича. Старик с посохом в плаще, покрытом звездами, и остроконечной шляпе вышел у меня из-за спины.

— Со мной связалась Эсмеральда, — сказал он. — Просит вытащить их, говорит, сами не доберутся.

— Так, народ, придется поработать, — сказал я, беря в руки фигурку Дарии. Фредди взял Тень, Призрак, почесав затылок, — Черную Королеву. Когда фигурки оказались у нас в руках, мы увидели девушек. Тень и Дария были бледны как

полотно, Леди Лёд выглядела чуть получше, только Черная Королева хранила свой всегдашний покерфейс. Лица Олги я не разглядел.

— Что делать? — спросил я.

— Загорать и бегать, — бросил Призрак. — Бери за руку Дарию, я — тебя и Фредди, а Фредди хватает Тень — и потянули.

— Тоже мне, командир нашелся, — фыркнул Фредди, когда девочки шагнули в нашу комнату.

— Заткнись, stronzo, — беззлобно ответил Призрак. — Кто-то же должен командовать.

— Командовать должен самый умный, — сообщил Фредди. — Тень, как ты? Выглядишь неважно.

— Плохо, — призналась Тень, — как будто всю ночь мешки с цементом разгружала.

— Давай я тебе помогу, — предложил Фредди.

Тень кивнула, и он подхватил ее на руки.

— Давай и я тебя так? — предложил я Дарии.

— Упадешь, — ответила она, но потом нехотя согласилась.

— Дамы, — сказал Призрак, — я бы с удовольствием дотащил всех троих, но, cazzarolla, не смогу чисто технически. Кто устал больше всего?

— Я вообще не устала, — отрезала Куинни. — Могу тебя понести, если хочешь.

— Сама дойду, — отрезала Льдинка. — Олга, ты как?

— Я тоже попробую сама, — тихо сказала та. — Я должна быть сильной…

— Che cazza?! — возмутился Призрак. — Я что, самый рыжий… хотя…

За его спиной разлилось сияние, и в нем появился Цезарь. Сначала он выглядел как пылающий скелет в байкерской одежде верхом на мотоцикле, но потом трансформировался в свой привычный вид — футуристический апдейт последней модели «Силва Боба».

— Отрасти коляску, — велел Призрак, и сбоку у мотоцикла выдвинулась конструкция с двумя сиденьями друг напротив друга.

— А теперь покатаетесь? — спросил Призрак. Леди Лёд смерила его высокомерным взглядом, но потом все-таки забралась в коляску и помогла сесть Олге. — А ты? Будешь с гордым видом ковылять пешком или покатаешься, кхм, с ветерком?

— Черт с тобой. — Черная Королева забралась на заднее сиденье Цезаря, и вся компания укатила. А мы с Фредди и девочками отправились пешком.

Лично мне тяжело не было. Близость Дарии удваивала силы.

Мы не успели отойти от нашего убежища далеко, как Призрак вернулся. Льдинки и Олги с ним не было, но Черная Королева по-прежнему сидела сзади.

— Так, кто больше устал? — спросил он. — Я сегодня решил побыть бомбилой, пока бесплатно.

— Фредди, садись ты, — сказал я.

— Ты заболел? — возмутился Фредди. — Я крепче тебя, садись сам.

— Может, просто девочек посадим? — предложил я.

— Не надо, — неожиданно сказала Тень. — Фредди прав. Езжайте вы, а мы потом.

— Ну, уговорили. — Я осторожно посадил Дарию в коляску и сел напротив. Это странно, но я первый раз ездил на Цезаре…

Фредди

— Тебе действительно не тяжело? — спросила Тень, когда наши друзья скрылись из виду.

— Ни капли, — ответил я. И это была чистая правда.

Мы помолчали, но я понимал, что нужно нарушить это молчание. Вряд ли когда-нибудь еще представится такая возможность.

— Тень… можно тебя попросить?

— О чем?

— Сегодня, когда вы занимались… когда… — Ораторское мастерство у меня никогда не было на высоте. — В общем, я боялся. Я мало чего боюсь, а сегодня боялся. За вас.

— За нас? — удивилась она.

Я смутился:

— За тебя. Понимаешь, я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

— Понимаю, — тихо сказала она. — И что ты предлагаешь?

— Хочу, чтобы ты больше никогда не принимала участия в таких… экспериментах без меня, — ответил я. — Я должен быть рядом.

— Почему? — спросила она.

— Чтобы вытащить тебя, если что, — объяснил я.

— Почему? — вновь спросила она.

— Потому что я за тебя беспокоюсь.

— Почему? — в третий раз спросила она.

— Потому… потому что ты мне нравишься. — Я опустил голову. — Больше, чем нравишься.

— Вот этого я от тебя и ждала, — произнесла она, и голос ее был похож на… ой, ну не силен я в сравнениях! Ничего прекраснее я не слышал, скажем так. — Фредди, ты хочешь меня поцеловать?

Не дожидаясь повторного приглашения, я при-

жался губами к ее губам. Да, я не умел целоваться. Это был мой первый поцелуй.

Кажется, она этого не поняла…

Черная Королева

Порой я чувствую себя пятой лапой гиены. Нет, не чужой, просто какой-то ненужной. Возможно, всему виной мой характер — недоверчивый и ехидный, но, скажем, Льдинка от меня не сильно отличается, и она — душа компании. А я всегда немного в стороне…

Мне бы хотелось принимать большее участие в том, что происходит. Например, та песня, которую я пела для Дарии. Накануне я думала о магии. В моей стране в нее верят, несмотря на все достижения цивилизации.

Отец… тот, кого я называла отцом, говорил (как правило, для того, чтобы меня отругать), что в роду моей матери были ведьмы-брухо. Не знаю, так ли оно или это очередная отцовская выдумка, не знаю, да и не важно. С точки зрения моего народа, я — бруха. С европейской точки зрения — тоже. Так не обратиться ли к наследию предков?

Но как это сделать? Я не умела ничего из того, чем славились брухо, да и большинство их умений были здесь бесполезны. Я залезла в нашу базу данных и стала запоем читать о гаданиях, плани-

руя начать хоть с малого. Когда я почувствовала, что засыпаю, то включила подкорочную запись — информация в процессе этого действия попадала непосредственно в память, минуя сознание, — и погрузилась в сон.

В фазе контакта я встретила Ириму, мою фичу. Она сидела на снегу, и перед ней оказались разложены карты, изображавшие участников цепочки попарно. Джинн был с Дарией, что меня не удивило, Фредди — с Тенью. Я с Призраком, и это означало, что речь шла не о чем-то амурном, поскольку представить себя с Призраком я могла лишь в страшном сне. В центре образованного треугольника находилось три карты: Бракиэль, Льдинка — и красная карта с улыбающимся дьяволом. Справа, со стороны Бракиэля, фигура дьявола была объята пламенем, слева, со стороны Леди Лёд, — скована льдом.

— И что это значит? — спросила я.

— Иногда что-то кажется живым, но не живо, — произнесла Ирима. — А то, что кажется мертвым, — не мертво. Королева, я вижу будущее, и если бы у меня было лицо, его бы перекосило от ужаса. Потому ты не видишь того, что вижу я.

— Если ты от меня что-то скрываешь, — сказала я, — то просто прими к сведению: к любой ситуа-

ции нужно быть готовым. Известное и вполовину не так страшно, как неизвестное.

— Этот путь тебе придется проделать, не открывая глаз, — ответила Ирима. — Страх ужасен, но любой страх можно победить любовью.

— У всех фичи как фичи, у меня же Кассандра Троянская, — буркнула я и провалилась в глубокий сон без сновидений.

* * *

На следующий день в перерыве между занятиями я сбегала к робокухне — захотелось кофе с пончиком из принтера. На кухне я нашла одинокого и понурого Бракиэля, тоже кофейничающего и потягивающего при этом дурно пахнущую сигарету. Вокруг него вился небольшой квадракоптер с дымоулавливателем, но все равно куревом пахло. Похоже, та же отрава, что и у Нтомби: Леди Н. курила во время занятий, никого не стесняясь, и никаких квадракоптеров, кстати, не запускала.

Я относилась к Бракиэлю лучше других, потому что Призрак его на дух не переносил. Полагаю, что Призрак просто хотел бы оказаться на его месте — о том, что у Бракиэля с Нтомби дружба в разных интересных позах, не знали только самые чистые души вроде Олги. А я всегда не прочь

позлить Призрака, потому спросила Бракиэля, не возражает ли он, чтобы я присоединилась, и села за столик.

— Какой-то ты невеселый, — сказала я, отхлебнув кофе, довольно приличного для сублимата.

— А с чего мне веселиться? — ответил он.

Я пожала плечами:

— У тебя вроде все неплохо складывается…

— Это ты так думаешь, — буркнул он.

— Но ты же с Леди Н. Некоторые об этом только мечтают.

— Сейчас я с ней, — сказал он. — А буду ли завтра — не знаю. Она со мной, но не моя. Ты была бы довольна таким положением вещей?

Я пожала плечами и повторила:

— Некоторые о таком могут только мечтать.

— Пока сами не окажутся в моем положении, — вздохнул Бракиэль. — Иметь нечто бесценное, зная, что завтра его потеряешь, — мучение хуже танталовых мук.

— Но разве не все мы так? — спросила я. — Просто ты, должно быть, очень сильно любишь, раз так переживаешь. Такую любовь трудно не оценить.

— Любовь — это человеческое чувство, — сказал Бракиэль. — А они не люди. Может, божества,

может, злые духи, но не люди, это точно. А я все равно люблю ее.

Он допил кофе и встал:

— Королева. Спасибо тебе.

— За что? — удивилась я. — Кстати, можно просто Куинни.

— За понимание, — ответил он. — Коро… Куинни, почему ребята так относятся ко мне? Я не враг вам. Я… — Он наклонился и произнес тихо: — Я знаю о том, что вы делаете. Моя фича помогала вам в… тайной комнате. И я знаю, где это. Но я ни слова не сказал Надин. Хотя ничего от нее не скрываю.

У меня похолодело внутри. А я-то думала, что у Льдинки паранойя. Все эти игры с тайными комнатами… но я верила, что Бракиэль ничего не сказал леди Н.

— Просто учтите, что я на вашей стороне, — сказал он. — Я участник команды, хотите вы этого или нет.

— А какая у тебя фича? — спросила я.

Он вздохнул, а потом из-за его спины послышался до боли знакомый голос:

— Думаю, ему можно показать.

Фича Бракиэля выглядела как Нтомби, Леди Н., — обнаженная и золотистая, как Эсмеральда

Дарии.

Призрак

Скажу одну умную вещь: мужчины часто говорят о своих победах и никогда — о поражениях. Которых заведомо больше, чем побед.

Я не могу пожаловаться на недостаток достижений на личном фронте. Но открою маленький секрет — все дело в том, что меня никогда не выбивали из колеи отказы. Che cazza, не получилось с одной, попробуем с другой, с кем-то да получится. Красивых девочек много.

Но даже я стал чувствовать легкую панику, оказавшись на базе. С одной стороны, здесь такой цветник — закачаешься: словно на конкурсе «Мисс Вселенная». С другой — cazzarolla, что происходит? То, что Джинн быстро закрутил с Дарией, меня только порадовало, все-таки он — мой друг и perfecto stronzo. Потом у Фредди с Тенью тоже срослось, причем я понял это даже раньше, чем эти слоупоки. Но что остается мне? Леди Лёд, которую я побаиваюсь, Олга, к которой подъезжать не комильфо, поскольку ей явно не до любовей, а я не из тех, кто пользуется беззащитностью девочки в личных целях, и Куинни. Девочка красивая, только, che cazza, она меня на дух не переносит и даже с этим paco di merde

Бракиэлем готова ворковать мне назло.

Короче, без любви паршиво, и я уж стал засматриваться на девочек из других цепочек, но, cazzarolla, тут все как-то сложно. В общем, я даже порадовался тому, что вчера удалось покатать эту язву Куинни. Вплоть до того, что уж стал подумывать о ней перед сном — и тут, cazzarolla, опять жесткий облом: сегодня я спалил, что она в кафешке с Бракиэлем миндальничает. Per bucca di culo, да что ж за напасть? Нет, эти двое даже за руки не держались, при том, что меня она вчера довольно смело обнимала, но сам факт!

В общем, на военный совет по поводу Олгиного отца я пришел в подавленном настроении.

* * *

Руководила заседанием Льдинка как самая инициативная и к тому же лучшая подружка Олги.

— Ситуация такова, — заявила она. — Я немного поддержала отца Олги, но это полумера. Его надо вытаскивать. Мистер Рекс говорил, что попал в плен к консерваторам; как мы знаем, это враги Проекта. Так что спасение отца Олги не только правильно, но и для Проекта в целом полезно.

— Раз так, может, обратимся к кураторам? —

спросила Куинни. — Между прочим, они обещали найти отца Олги, но не смогли, а мы проделали их работу. Только и того, чтобы выдернуть его из этой bu… из того места, где он находится.

На последней фразе Куинни смутилась, и я понимал почему — у нее чуть не вырвалось ругательство, притом мое.

— Вы можете посчитать, что я перестраховываюсь, — возразила Леди Лёд, — и навожу тень на ясный день, но мне кажется, кураторы прекрасно знают, где находится отец Олги. Боюсь, им пожертвовали — во благо Проекта, конечно.

— Ужас какой, — пробормотала Тень. Сегодня они сидели компактной группкой — Тень с Дарией, справа от Тени — Фредди, слева от Дарии — Джинн.

— Не такой уж и ужас, — заметил Фредди. — На кону судьба без малого четырехсот подростков. Хотя, конечно, выбор паршивый.

— Потому мы и должны действовать самостоятельно, — резюмировал я. — Che cazza, когда отец Олги будет на базе, проблема отпадет сама собой.

— Согласен, — кивнул Джинн. — Я тут вот что подумал: а не попробовать ли нам сработать так, как вчера?

— Я тоже именно об этом подумала, — согласи-

лась Леди Лёд. Судя по реакции остальных, эта мысль пришла в голову каждому из нас.

— Но пока вы думали, — продолжил Джинн, — я немного посидел в Сети, провел небольшие исследования — если кому интересно, спросите у Купера, он расскажет подробности, — и пришел к такому выводу: отправить надо двоих…

— Как отправить? — спросила внимательно слушавшая Олга.

— Я сделала фигурку твоего папы, — сказала Дария. — Мы его вызовем и сумеем к нему перейти, так, как Немезис когда-то перешла ко мне. Мы с Джинном поэксперементировали и освоили эту методику.

— …А вот дальше будет сложнее. — Джинн махнул рукой, и перед ним всплыла голограмма с какими-то графиками. — Дело в том, что сложность перехода экспоненциально связана с…

— Слушай, Джинн, — оборвал его я. — Обещаю больше никогда не материться при дамах, если ты начнешь объясняться человеческим языком, без всех эти экспотенций…

— Экспонент, — улыбнулся Джинн. — В общем, чем больше энергия объекта, тем легче перемещаться к нему и вытаскивать его. Если же энергия объекта близка к нулю, то перейти к нему сложно,

а вытащить… — Он свернул диаграмму. — Нужно два человека, чтобы добраться до Августа.

— Я пойду, — вызвалась Олга, но Джинн ее остановил:

— Прости, Олга, но у тебя слишком небольшой потенциал для этого. Нужны те, у кого энергии больше всего. Перейти должны двое.

— Дальше что? — перебила его Леди Лёд.

— Минут десять уйдет на восстановление, — продолжил Джинн. — Потом вы вызываете нас. Понадобится усилие всей цепочки, включая тебя, Олга. И при этом энергии хватит впритык, и в итоге мы все будем высосаны досуха. Даже с учетом возможного небольшого потенциала самого Августа. Призрак, подготовь Цезаря — отца Олги следует сразу отвезти в медлаб.

— Отлично, — кивнула Леди Лёд. — Ты снял почти все вопросы.

— Кроме двух, — ответил Джинн. — Когда начнем и кто пойдет.

— Думаю, можно сегодня вечером, — сказала Льдинка. — Помните, что говорила Нинель: наш потенциал максимален в начале двенадцатого утра, когда идут занятия, и в двадцать две минуты одиннадцатого вечера. Значит, начнем в четверть одиннадцатого. А кто пойдет — я думаю…

— А тут и думать не надо, — отрезал Джинн. — В здешней Сети есть счетчик наших жизненных показателей. Прям как в игре — жизненная сила, экспа и энергетический потенциал. Вот на него мы и станем ориентироваться. Сами понимаете — пойти должны сильнейшие.

Седьмая цепочка: операция Август*Призрак*

Конечно, мне хотелось быть в числе тех, кто пойдет, но я понимал, что придется уступить место Фредди — Молчаливый Гигант среди нас был самым сильным. Более того, думаю, что и Леди Лёд по своему потенциалу посильнее меня. Но надежда стать вторым участником экспедиции меня не покидала до того момента, как Джинн не начал объявлять результаты. Мое имя он назвал сразу же.

Cazzarolla, аж на душе полегчало! Лучше самому совать голову in culo alla balleno[68], нежели видеть, как это делает твой товарищ или вообще девочка — у нас в команде полное равноправие полов, а жаль. Мне было интересно, кого возьмут вторым — Фредди или Льдинку? Конечно, лучше бы Фредди…

— …И Черная Королева, — произнес Джинн, поставив жирный крест на моих теоретических построениях. Казалось, он загрустил — небось

[68] Примечания: 68

In culo alla baleno — экспрессивное итальянское выражение, примерный перевод: «в пасть к черту».

и сам думал со мной пойти, а Фредди так точно расстроился.

Черная Королева… che cazza, почему она? С одной стороны, мне наши покатушки на Цезаре понравились, с другой — то, что она крутит шашни с этим Бракиэлем… pacco di merde!

— Народ, у вас пять минут на подготовку, — предупредил Джинн. — Запомните: энергию попусту не тратить, она вам пригодится. Призрак, пистолет при тебе?

— Che cazza, ты еще про мое хозяйство спроси, — весело огрызнулся я, глядя, как Дария достает из сумки фигурку мужчины. Дария должна была установить контакт с Августом, а потом подключаемся мы.

— Я тоже от пистолета не отказалась бы, — заметила Куинни, подходя ко мне.

Джинн протянул ей свой. Я крякнул. Вообще-то это был мой ему подарок. Ну ладно, наверно, он прав.

— Готово, — тихо сказала Дария.

Наши фичи тут же подключились к ее котенку, и передо мной, вытесняя нашу кают-компанию, появился незнакомый подвал. Август сидел на полу в углу.

— Ого, — сказал Олгин отец, глядя на нас с

Куинни.

Тем временем подвал для нас стал единственной реальностью. Cazzarolla, мы переместились!

Куинни тут же подбежала к Августу.

— Что с вами? — спросила она встревоженно.

Я же встал у двери так, чтобы, если кто ломанется, сразу нарвался на мою пулю. Скажу честно — в живых людей я не стрелял ни разу. Пистолетами только понтовался. Но настроен был решительно.

— Их главарь. — Бросив быстрый взгляд на Августа, я понял, что встревожило Королеву, кроме неестественной позы. Отец Олги был бледен, нижнюю губу он закусил до крови. — Здоровый бугай, заявился вчера сразу после ухода и говорит: «Вы бежать собирались? Ну что ж, раненый джигит далеко не убежит», — и одним ударом сломал мне ноги, скотина… Будь я не так ослаблен, хоть бы в морду ему дал, но сейчас я слаб, как младенец. Проклятье!

— Ничего, мы вас вытащим, — заверил его я, но тут все осложнилось — дверь распахнулась и в камеру ввалился один из охранников. Белый, с неприятными птичьими чертами и нездоровой кожей. Я замешкался, а он среагировал быстро: одним ударом вышиб у меня пистолет.

Да и хрен бы с ним. Я упал на одно колено и провел быструю подсечку. Охранник отпрыгнул и попытался заехать мне не то в челюсть, не то в ухо — и тоже промахнулся. Я выпрямился и ударил его лбом в живот… madre de porca putana, как будто в стену головой впечатался! Мужик охнул и свалился. Но тут в камеру влетел другой, в руках у него был ствол.

— Стреляй! — заорал я Куинни и увидел, что она замешкалась, пытаясь вытащить свой пистолет. Madre de Dio, и на фига бабам оружие давать? Я, правда, не лучше — так эпично прощелкать «беретту» мог только shifozo coglioni…

Внезапно время стало вязким, как патока: я видел ствол оружия, глядящий прямо мне в лицо, видел, как палец медленно спускает курок…

Я вспомнил, как Лорд сделал инертными патроны в моей «беретте». Я так не умел, конечно, но я всегда любил оружие и машины. Между ними много общего — маленький взрыв в поршне двигает коленвал, который крутит колеса; маленький взрыв в гильзе выталкивает пулю.

Или не выталкивает — если оружие заклинит. Я умел собирать машины, умел их разбирать. Моя сверхсила — контроль механики. И пистолет вполне может не выстрелить.

Он и не выстрелил. Громила нажал спусковую скобу раз, другой — никакого эффекта. Я выпрямил ногу и ударил ему в косточку. Иногда мне так удавалось сбить противника с ног. В этот раз не удалось. Гигант взвыл и выхватил нож. Я приготовился отражать удар, и…

Раздался выстрел, еще, еще, еще… Я рефлекторно ушел с линии огня, а с двух метров… да там и метра не было, наверно! — даже Куинни не промахнется. Удивленный мужик рухнул в коридор, и тут я услышал доносящийся оттуда топот множества ног.

«Эх, мне бы мою «беретту»…» — только я об этом подумал, как мой ствол сам скользнул в руку, а перед внутренним взором промелькнул Цезарь. Che cazza! Я захлопнул дверь, прижал ее плечом и велел:

— Королева, вызывай ребят. Пусть тащат тебя и Августа, а я задержу этих…

— Никуда я без тебя не пойду, — внезапно воспротивилась она. — Вот еще.

— Ну и дура, — бросил я. — Мало того что все пули выпустила, слава богу, хоть попа…

Она быстро чмокнула меня в щеку, и в этот момент в дверь ударили.

Я стрелял, не открывая глаз. Словно чья-то

невидимая рука направляла меня.

— База, база, вторжение на обьект, нужна под… — в панике закричал охранник.

Этот вопль я оборвал выстрелом и открыл глаза. Противники лежали вповалку поверх вынесенной двери — все мертвые. За моей спиной стояла Куинни, прижавшись ко мне всем телом, а передо мной в воздухе висели, словно замершие, несколько пуль, раскаленных, потому светящихся в полутьме. Я дернул Куинни за плечо, отводя в сторону, и отпрыгнул сам; в этот момент пули ожили, ударив в стены, пол и, кажется, даже потолок камеры.

— Получилось, — прошептала Куинни. — Я не знаю как, но получилось.

— К ним идет подмога, — напомнил Август. — Смывайтесь, ребята. Если они подвезут роботов, даже вы с вашими фичами не справитесь.

— Откуда вы знаете о фичах? — спросила Куинни.

— У них есть роботы? — уточнил я.

Август кивнул.

— Через сколько они будут здесь?

— До базы минут десять на вертолете, — сообщил он.

— Успеешь связаться с нашими? — спросил я

у Королевы.

— Попробую, — ответила она. — Я почти всю энергию растратила.

Джинн

Я думал, что мне было плохо, когда Призрак и Куинни нырнули в неизвестность. Жаль, что я не вытянул один из счастливых билетов. Лучше самому рисковать, чем смотреть, как рискует друг, и не иметь возможности ему помочь.

Но это еще цветочки. По-настоящему плохо мне стало, когда ребята вышли на связь. Я увидел рожу Призрака. На лбу у него была ссадина, глаз заплывал…

— У нас тут небольшая стычка вышла, — сообщил мой сосед, — двеннадцать-ноль в пользу седьмой цепочки. Но к врагам идет подмога, так что если нас вытащите, буду очень признателен. У них роботы, а я гранатомет забыл в Палермо.

— Он у тебя был, балаболка? — сказал я, протягивая ему руку. Другую руку держала Дария, Олга, Леди Лёд, Фредди и Тень, которая уже взяла за руку Черную Королеву. Олга увидела Августа и ойкнула:

— Папа! Что с тобой?

— Он не слышит, — заметил Призрак (Август буквально висел у них с Куинни на плечах, сги-

бая последнюю в три погибели). — Он сознание потерял, когда мы его поднимали. У него обе ноги переломаны.

— Факн'щит, — выругался я. — Сколько у нас времени?

— Минут пять, — ответил Призрак.

— Хватит болтать! — рявкнула Леди Лёд. — Тянем!

Ничего не получилось.

— Мало энергии, — констатировала Дария.

Я кивнул. То ли я в расчетах ошибся, то ли действовал какой-то неизвестный фактор…

— Нам не хватает чуть-чуть! — вскрикнула Тень. — Я чувствую это! Сейчас попытаюсь…

И тут словно волна прокатилась по нам, освежающая, бодрящая, возвращающая силы. Без команды мы рванули ребят на себя. Проклятый подвал немедленно исчез, а мы почти все повалились на пол без сил. Почти — потому что два человека вовремя успели перехватить все еще находящегося без сознания Августа. Одним из них был Фредди. А другим…

— Madre di putana! — выругался Призрак. Под вторую руку Августа поддерживал Бракиель. И тут я понял, откуда взялся приток силы, ободривший всех нас.

— В конце концов, я тоже звено седьмой цепочки, — напомнил Бракиэль. — Хотите вы или нет…

Фредди

Мы переложили Августа в коляску Цезаря. При этом Призрак все еще недобро косился на Бракиэля, но Льдинка, кажется, сменила гнев на милость. Или была сильно занята — они с Олгой ощупывали ноги пострадавшего.

— Паршиво, — констатировала Леди Лёд. — Была бы я в форме, срастила бы, а так…

— Надо отвезти его в медлаб, — посоветовал Бракиэль.

— Спасибо, кэп, а мы сами не догадались, — отрезал Призрак. — Сейчас, передохну немного… я не чувствую свою фичу. Конечно, можно использовать Цезаря как обычный мотоцикл… вот только я ему стартер переделал, porco stronzo, теперь его фича запускает…

— Льдинка, — позвала Олга, — можно тебя попросить?

— Конечно, — ответила Леди Лёд.

Было видно, что та вымотана, хоть и выглядела получше остальных.

— Можно я воспользуюсь твоими умениями? — тихо спросила Олга.

— Можно, — недоуменно ответила Льдинка. — Но как? Ты же сама высушена, как песок Сахары!

— Не совсем, — сказала Олга. — Видишь ли, я, конечно, слабее вас, но очень внимательна, особенно в конце занятий, когда вы начинаете отвлекаться.

— Олга, — Тень приподнялась, — не надо.

— Надо, — ответила та и добавила: — Спасибо, девочки.

— О чем она? — спросил я.

— Жизненную силу можно конвертировать в энергию, — пояснила Тень. — Это очень опасно, но реально.

Тем временем Черная Королева встала на ноги и подошла к Олге.

— Девочка, — сказала она, — я не могу дать тебе энергию, но пусть тебе поможет моя песня.

— Начинай, — кивнула Олга, кладя руки на сломанные голени отца.

Куинни запела: она пела о юной Мариви, которая обращалась к солнцу, ветру, проточной воде и земной тверди, моля умножить ее силу, чтобы могла она исцелить своих родных от смертельного сна.

Под руками Олги появилось серебристое сияние.

Стихии наделили Мариви силами, о которых она молила, и та спустилась в деревню. Там, где она ступала, иссохшая земля расцветала, увядшие травы наливались зеленью, а люди и животные, без сил лежащие на земле, поднимались на ноги.

Наконец Куинни умолкла. Льдинка, наблюдавшая за происходящим, провела пальцами по голеням Августа и ахнула:

— Ни хрена себе… получилось.

Я посмотрел на Олгу. Она не изменилась, казалась лишь осунувшейся. Только приглядевшись, я увидел несколько седых прядей в ее волосах. Видимо, Тень тоже их заметила: она подошла к Олге и обняла девушку. По щекам Тени катились слезы.

Бракиэль

Несмотря на усталость, на почти полную потерю энергии, я чувствовал себя великолепно. Во-первых, мне нравилось, что я смог сделать что-то хорошее; во-вторых — мы утерли нос консерваторам, которым я так и не простил Норму. И наконец, кажется, ребята меня приняли.

Не все, конечно: Призрак все еще смотрел на меня с недоверием. Но это уже не важно. Я помог ребятам доставить Августа в медлаб, где с ним остались Олга и Леди Лёд, а потом отправился к

Нааме. Мне не терпелось все ей рассказать.

Я рассчитывал, что она меня похвалит, но получил взбучку. Нааме рассердилась из-за того, что я, зная замыслы ребят, не рассказал ей о них.

— Ты понимаешь, с чем они связались?! — бушевала Нааме. — Им повезло по чистому стечению обстоятельств! А если хотя бы один из них погиб? Знаешь, какая бы это была ужасная потеря? Вы даже не представляете себе, что значит для Проекта каждый из вас!

Она устало села на подлокотник кресла, в которое я рухнул.

— А если бы ты погиб?

— Я вообще ничем не рисковал, — отозвался я. — Опасность грозила прежде всего Призраку и Куинни.

Нааме вздохнула и сменила гнев на милость:

— Ну что ж, хорошо, что удалось спасти этого Августа. Ребята молодцы, хоть и кретины. Даже не знаю, ругать их или хвалить. — Она взъерошила мне шевелюру. — Ты тоже молодец. Надеюсь, теперь они будут тебе доверять?

— Надеюсь, — кивнул я.

— Если после всего случившегося они не станут считать тебя своим, это свинство, — заявила Нааме. — Я поговорю с Лордом, завтра, наверно,

дадим вам выходной. А пока пойду проведаю спасенного. Ты лежи, набирайся сил. Они тебе понадобятся, — и лукаво мне подмигнула.

— Я быстро восстанавливаюсь, — ответил я ей вслед, но она уже выпорхнула.

Черная Королева

Есть несколько способов восстановления. Основной связан с твоей сверхсилой. Как известно, сверхсила проявляется через некий интерес, увлечение, желание. Мы отдаем свою энергию и питаем сверхсилу, но точно так же мы можем брать энергию, занимаясь тем, к чему у нас склонность.

Наблюдая за ребятами, я открыла, что другим источником энергии является общение с партнером. Поскольку у меня пары не было, тут мне ничего не светило. Но сегодня я нашла еще кое-что: когда я пела древние песни моего народа, сила потихоньку ко мне возвращалась. Часть ее я передала Олге, но что-то осталось и у меня.

Я зашла в свой бокс, разложила карты и стала тихонько напевать. Я не гадала, лишь раскладывала пасьянс. За этим занятием меня и застал Призрак. Он тихонько постучался и протиснулся в бокс:

— Не помешаю?

— Если не будешь дурой называть, то нет. — Я улыбнулась.

— Какая ты все-таки злопамятная, — хмыкнул он. — Ну прости, я не всерьез. Слушай, я подумал, тебе надо научиться стрелять, а то мало ли что…

— Да кто ж меня научит, — буркнула я, перекладывая карты.

— Могу я, — неожиданно предложил он. — Когда восстановлюсь. Пока я даже фичу свою не чувствую.

— Я тоже, — призналась я. Как я ни старалась, Ирима, пиковая королева, не представала перед моим внутренним взором, не говоря уж о том, чтобы материализоваться.

— Пытался Цезаря колупать, но без толку, — продолжил Призрак. — Он и так в отменном порядке, и прикручивать ничего не надо. Вот, прокатился сюда, чуть восстановился вроде.

— А зачем ехал-то? — спросила я.

— Хотел предложить покататься, — сказал он просто. — Но ты занята…

Я одним жестом сложила карты в колоду:

— Ну давай прокатимся.

И тут в памяти всплыло уже позабытое гадание: моя дама — Ирима и три карты. Два туза и валет на мотоцикле.

Может, это судьба?

Леди Лёд

Когда нас навестила Леди Н., Август был уже в сознании. Я принесла ему из робокухни крепкий бульон и минеральной воды. И то и другое он лишь пригубил, но чувствовал себя приободренным.

— Рада, что с вами все хорошо, — сказала Леди Н. — Вы находитесь на базе Проекта, которую так долго искали. Наверно, теперь вы изменили мнение о нас?

— Конечно, — кивнул Август. — Вы делаете очень благородное дело! Спасибо вам…

— Меня благодарить не за что, — холодно заметила леди Н. — Благодарите ребят: конечно, их поступок граничит с безумием, но победителей не судят.

— Понимаю, — кивнул мужчина. — Все равно спасибо вам. Ведь это вы их всему обучили.

— Вообще-то у нас четыре куратора, — скромно заметила Леди Н. — И не забывайте, у нас самые лучшие ученики из возможных.

— Я вижу, — кивнул Август.

Честно говоря, не люблю подобных «трогательных сцен». Они пахнут сырым картоном, а этот запах, такой обычный для Лондона, где живущие

в картонных коробках бомжи встречаются едва ли не на Ковент-гарден, мне порядком осточертел. По-моему, цивилизации давно пора избавляться от картона. Не знаю, почему для меня хеппи-энд ассоциируется с мокрым картоном, но это так.

— Пойду передохну немного, — сказала я. — Олга, Август… госпожа куратор… счастливо оставаться!

Я их обманула: вместо того чтобы отдыхать, выводя новый сорт садовой плесени и насылая на него какой-нибудь хитроскрученный вирус, я пошла прямиком к Дарии. Мне повезло: Джинна с ней не было.

— Слушай, — сказала я, — можно я возьму у тебя свою куклу?

— Бери, — пожала плечами девушка. — У нас и так двойной комплект — здесь и в тайной комнате. Если заберешь насовсем, я еще сделаю.

— Спасибо. — Я спрятала куклу в сумку. — О, новая работа?

— Ну да, — подтвердила Дария. Стоящая на столе заготовка была еще не особо похожа на человека, скорее на болванчика, которого художники используют для эскизов. — Меня попросил сделать, кхм, Бракиэль.

— Для Бракиэля он как-то слишком субтилен.

— Это не он, — кивнула Дарья. — Это будет Леди Н.

Дария

Мне снился сон. С тех пор как я обрела фичу, сон я видела впервые, после контактной фазы, как правило, засыпаешь без сновидений. Но сегодня мы пропустили контактную фазу — фичам тоже надо было отдохнуть. Наверно, поэтому мне и приснился сон.

Я видела симпатичную рыжую девушку. Она была в костюме участников Проекта, но старше, чем мы, к тому же не из нашего потока. Присмотревшись, я поняла, что ее костюм только напоминает мой: он был более футуристичный и обтекаемый. Кроме того, на лбу девушки красовалась татуировка в виде фэнтезийного цветка, похожая на те, что нам делала Апистия, но намного меньше.

Да и сама база выглядела непривычно. Может, это те самые нижние этажи, где когда-то побывал мой Джинн с Призраком? Если бы не работающие голографические экраны, казалось бы, что база давным-давно заброшена.

Девушка миновала дверной проем и вышла к огромной 3D-карте. На карте, в окружении диаграмм и надписей, парила незнакомая мне

планета, скорее всего искусственная, уж больно правильно выглядели ее очертания.

По поверхности планеты были рассыпаны звездочки. Часть из них сияла, другая переливалась тьмой. Девушка взяла одну из звездочек, и я заметила справа от нее, в темноте, какое-то шевеление. Зажав темный шарик пальцами, незнакомка, должно быть, открыла какой-то файл, и я увидела Джинна. Вернее, конечно, его 3D-образ. Под ним было написано:

«Объект: Джинн. Имя до инициации: МакДи, Поль. Дело закрыто».

Ниже стояла дата, время и еще какая-то информация, но ее мне рассмотреть не удалось. Девушка выпустила звездочку, файл свернулся.

Она шагнула в сторону, встав спиной к тому, что шевелилось во тьме.

— Джейсон! — позвала она кого-то. — Джейсон, иди сюда. Кажется, я нашла…

Она говорила, а я, обмерев от ужаса, смотрела, как за спиной незнакомки из темноты появляется высокая фигура в громоздком скафандре. За стеклом скафандра был мертвец, но, прежде чем проснуться с криком ужаса, я успела его узнать.

…И тут же забыла, стоило мне открыть глаза. Рядом, обняв меня за плечи, лежал Джинн. Он

проснулся (может, его разбудил мой крик) и встревоженно смотрел на меня:

— Что случилось?

— Дурной сон, — пробормотала я.

Джинн понимающе кивнул:

— Бывает. Не бойся, сны не всегда сбываются.

И тут я почувствовала свою фичу. Кажется, контакт с ней у меня улучшился.

— Говорят, что сон — это старая память, — сказала Эсмеральда. — Но кто знает, прошлое во сне или будущее. Я с официальным сообщением: всех участников седьмой цепочки попросили прибыть в зал заседаний.

— Зачем? — спросила я, вставая.

— Есть сведениия, что вам сперва всыплют за самоуправство, — ответила Эсмеральда, — а потом наградят.

— Откуда знаешь?

— От фичи Бракиэля.

* * *

Выволочку нам устроили мягкую. Лорд прочитал небольшую лекцию о том, как из протеста и неповиновения вырастает инициатива и ответственность, после чего кратко очертил круг тех неприятностей, которые с нами могли бы

произойти, и порекомендовал впредь ставить в известность о наших «проделках» хотя бы своего куратора.

— Когда я говорил, что мы не станем вытаскивать вас из каждой ямы, в которую вы свалитесь по собственной глупости, я вовсе не имел в виду, что надо нас рассматривать как каких-то церберов на страже дисциплины и послушания, — сказал он. — Мы не станем ограничивать вас, но сумеем направить вашу энергию в нужном направлении, а иногда и подстраховать. Если у вас сложилось впечатление, что мы не ценим вас, не дорожим каждым участником Проекта, — оставьте его. Если бы это было так, мы не стали бы вас вытаскивать сюда и учить чему-то.

На этом «выволочка» закончилась, и в зал вошли остальные участники Проекта. Когда все заняли места, Лорд рассказал о наших похождениях. Он также дал слово Августу, который поведал о том, как попал в передрягу.

— По просьбе моего хорошего знакомого я занялся расследованием дела о массовом исчезновении детей, — рассказал Август. — В процессе этого расследования, которое я вел в одиночку, потому что не считаю правильным ставить под угрозу чью-то жизнь, кроме своей, понял, что

открыл нечто большее. Я узнал о том, что «особых» детей, детей со сверхспособностями, вот уже много лет истребляет какая-то могущественная организация, известная как «неоконсерваторы». Расследование этого дела привело меня в Намибию, где, по сведениям одного из информаторов, находился тайный концлагерь неоконов. Сведения оказались ловушкой: на месте меня ждала засада. Так я попал в плен.

Август рассказал, как его пытали, надеясь выведать координаты некой базы. Август этих координат не знал, может, потому и остался жив.

Мы разошлись впечатленные. Все-таки документальный фильм, показанный в начале Проекта, — одно, а когда ты сталкиваешься с этим так, как столкнулись мы, — это совсем другое. Только сейчас я начала понимать, как мы рисковали, ввязавшись в такую авантюру. Но, даже понимая, ни за что не отказалась бы от этого, если бы мне вновь пришлось делать выбор.

Эпилог: разорванная цепь
Леди Лёд

— Можете остаться на базе, — предложила Нинель. — Здесь вы будете в безопасности.

— Нет, — покачал головой Август, с сожалением глядя на Ольгу. — Понимаете, я должен рассказать миру о неоконах. Не волнуйтесь, я не проговорюсь о Проекте. Сохранение тайны в моих интересах. В конце концов, я доверяю вам самое дорогое, что у меня есть, — дочь.

— Мы тоже верим вам, Август, — заверила его Леди Н. — Но могу я попросить вас немного придержать коней? Не хочу ажиотажа вокруг темы пропавших детей. Пусть ребята подучатся, окрепнут…

— Хорошо, — кивнул Август. — Когда можно начинать мою атаку?

— Через шесть месяцев, — сказала Нинель. — В конце концов, теперь вы во всеоружии.

— Конечно, — улыбнулся Олгин отец. — Я просмотрел те материалы, что вы передали. Это же бомба! Мы от них камня на камне не оставим!

— Не спешите, — улыбнулась в ответ Леди Н. —

Ниточки тянутся слишком высоко. Вы видели, о каких людях идет речь?

— Видел, — подтвердил Август. — Надин, простите мое любопытство, но откуда у вас стенограммы этого клуба? Я не сомневаюсь в том, что это — официальная копия, но как вам удалось их достать?

— На самом деле нас много, — сказала Нинель. — Куда больше, чем можно себе представить. И знайте, что без защиты вы не останетесь. Но помните уговор: на шесть месяцев вы залегаете на дно.

Когда прощание закончилось, я подошла к Нинель.

— Можно я тоже проведу Августа? — прямиком спросила я.

— Не стоит, — ответила Леди Н. — Этим займется Олга. Я отвезу их на «Изиде» в одну из столиц. Прости, не скажу куда. Через шесть месяцев вы сами все узнаете.

Я сделала вид, что послушалась, но мне все еще было тревожно.

— В конце концов, вы ведь с цепочкой сегодня пойдете на тренировку в дикий туннель, — виновато улыбнулась Нинель. — Это трудное испытание, разве ты не хочешь быть с осталь-

ными?

Я кивнула и отошла к Олге. Увидев, что Нинель не смотрит, я протянула ей свою куклу:

— Олга, возьми на всякий случай. Не думаю, что что-то может случиться, но я буду спокойнее, если смогу с тобой связаться. Если ты сможешь связаться со мной, — поправилась я.

— Хорошо, — согласилась девушка.

* * *

Ребята уже ушли в туннель, и мне предстояло их догонять. Ничего, справлюсь. Интересно, с чего это Нинель так важно, чтобы я прошла тренировку? Нет, не так — почему ее не волнует, что Олга не будет в этом участвовать? Или они ее все еще считают не такой, как мы? Но у нее есть сверхсила. Теперь мы все в этом убеждены.

Вызов застал меня у входа в туннель, и у меня все оборвалось внутри. Я слышала голос Олги, но саму ее не видела:

— Леди Лёд, быстрее! На нас напали!

Не задавая лишних слов, я схватила ее за руку и переместилась куда-то, где царила кромешная тьма.

Тень

Я думала о том, как часты в нашей жизни

расставания: от маленьких, таких, как мое расставание с Талисманом — я ушла на тренировку, а он остался спать у меня в койке, — до такого, как с Августом.

— Стоп, — сказал Фредди (сегодня командовать выпало ему). — Бивуак.

— Что случилось? — спросила я.

— Не понимаю, — ответил он. — Чувствую какую-то тревогу.

— И я, — подтвердила Черная Королева.

Внезапно из-за моей спины буквально вылетел Талисман.

— На Льдинку и Олгу напали! — крикнул он. — Арвен появилась на несколько секунд и исчезла. Только это и успела сообщить.

Мы переглянулись.

— Возвращаемся! — скомандовал Фредди. — Надо связаться с девочками. Бракиэль, у тебя есть связь с леди Н.?

У Бракиэля был имплантированный в щеку приемопередатчик, по которому он мог связаться с нашим куратором.

Бракиэль кивнул, а затем потряс головой:

— Не понимаю… связи нет.

— С Леди Н.? — уточнил Джинн.

— Вообще ни с кем, — растерялся Бракиэль.

— Купер! — Джинн вызвал свою фичу. — Что со связью?

— Широкополосная помеха, — сообщил Купер. — Перекрывает все диапазоны. Излучатели в миле отсюда, приближаются к нам.

— Что за… — начал Фредди, но Бракиэль его перебил:

— Там кто-то есть!

— Если кому-то сейчас вздумалось поиграть в военные игры… — начал Призрак, и тогда я увидела их. Их были сотни: одни ползли, другие летели, стараясь не опережать первых. Они были реальны и несли смерть.

— Нас атакуют! — крикнула я. — Это не голограммы.

— К бою! — скомандовал Фредди.

Наши фичи одна за одной материализовались…

Вдруг Эсмеральда упала на колени и закрыла лицо руками, стоящая рядом Дария посмотрела на меня с недоумением:

— Что случилось?

Я уже знала это. У меня даже ноги подкосились:

— Арвен больше нет. Вообще. Ни Арвен, ни Олгиной фичи.

А затем по нам открыли огонь.